U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class PGR 2565
Book .V4

YUDIN COLLECTION

26 ст. 1 п.
15336
1

БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ.

РАЗСКАЗЪ ВЪ ДВУХЪ ГЛАВАХЪ.

А. К. Владиміровой.

ПЕТЕРБУРГЪ.
1869.

БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ.

Evropeus, Aleksandra Konstantinovna

БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ.

РАЗСКАЗЪ ВЪ ДВУХЪ ГЛАВАХЪ.

[Evropeus, Aleksandra Konstantinovna]
А. К. Владиміровой. pseal.

ПЕТЕРБУРГЪ.
1869.

PG.

PG 3460
.E86R4
1869

283668*

Типографія **А. М. Котомина**, Вознесенскій просп., д. № 23/81.
Содержатель Типографіи жит. имѣетъ Коломен. части, 1 уч. по Фонтанкѣ, д. № 131, кв. № 2.

ZL 10 Aug 73

БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ.

I.

Въ одно жаркое утро, въ іюлѣ 184*** года, дѣвочка лѣтъ пяти играла въ пескѣ, подъ горою, у Клязьмы. Подъ палаткою, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, кормилица, дворовая женщина, которую она звала Милкою, вязала чулокъ, и изрѣдка покрикивала на „барышню", болѣе для того, чтобы не задремать; бѣлая борзая собака дремала тутъ же, выставивъ длинную морду изъ подъ скамьи палатки. Полуденное солнце такъ и пекло. Тишина кругомъ нарушалась лишь плескомъ воды о бока лодки, качавшейся у берега; даже птицы притихли, и попрятались отъ жара въ кустахъ и деревьяхъ, которыми былъ обсаженъ отлогій спускъ къ Клязьмѣ.

Вдругъ, съ горы послышались голоса, торопливые шаги, стукъ экипажа; борзая собака, первая, насторожила уши; дѣвочка пріостановилась съ лопаткою, на которой несла песокъ. Милка вышла изъ подъ навѣса и стала всматриваться, заслонясь рукою отъ солнца, на террасу, вверху горы. Прошло минутъ пять: на террасѣ показался лакей,

19 Aug 73

и побѣжалъ внизъ по ступенямъ, крича еще издали кормилицѣ:

— Мавра Ивановна! пожалуйте скорѣе: звать приказали съ барышнею; баринъ пріѣхалъ!

— Кто, Милка? спросила дѣвочка.

— Папаша пріѣхалъ, голубчикъ! отвѣчала Милка, живо послюнивъ кончикъ своего передника и размазывая имъ грязь и потъ на лицѣ дѣвочки; потомъ она поправила на ней соломенную шляпу съ большими полями, обдернула бѣлую блузочку изъ подъ кушака; лакей подхватилъ „барышню“ на руки и побѣжалъ съ нею въ гору. Взбѣжалъ онъ на террасу, потомъ на балконъ, и здѣсь поставилъ ребенка на ноги. Милка очутилась уже съ нимъ рядомъ; борзая собака, съ радостнымъ визгомъ, кинулась впередъ, въ комнаты, гдѣ ея появленіе привѣтствовалъ ласково звучный мужской голосъ. Милка, взявши дѣвочку за руку, повела ее съ балкона въ гостиную; она шла неохотно, дичась и почти упираясь; у порога Милка низко поклонилась „барину“, сидѣвшему на диванѣ, и, желая подвести къ нему дѣвочку, наклонясь, шепнула ей:

— Подойди, голубчикъ, къ папашѣ: поздоровайся, ручку поцѣлуй...

— Оставьте ее, крикнулъ онъ.

И Милка вышла въ боковую дверь, а дѣвочка, еще болѣе умѣривъ шагъ, подошла къ матери, глядя съ боку, изъ подъ нависшихъ полей шляпы, на загорѣлаго мужчину, въ очкахъ, съ окладистою черною бородою и въ легкомъ дорожномъ платьѣ. И мать ея, и мужчина, котораго Милка называла папашею, сидѣли рядомъ за круглымъ столомъ: онъ пилъ чай и разсказывалъ ей

что-то; у ней — глаза еще не обсохли, щеки горѣли и рука, лежавшая на столѣ, видимо дрожала. Когда облокотилась на ея колѣна маленькая дѣвочка, принесенная изъ подъ горы, она какъ будто только что вспомнила о ней, и сказала, живо подвигая ее къ отцу:

— А вотъ и Вѣра...

Онъ пристально смотрѣлъ на дѣвочку съ тѣхъ поръ, какъ завидѣлъ ее еще на балконѣ. Когда мать придвинула ее, онъ, нагнувшись, протянулъ къ ней привѣтливо обѣ руки, и улыбка мелькнула на его суровомъ лицѣ.

Онъ еще ни разу не видалъ дѣвочки: она родилась въ его отсутствіе.

— Милая... сказалъ онъ тихо, и посадилъ ребенка къ себѣ на колѣна; снялъ шляпу; сталъ приглаживать ея спутавшіеся волоса, лежавшіе длинными кудрями на ея голой шеѣ.

— Неужели ее завиваютъ? спросилъ онъ,

— Да, теперь: длинны стали, а когда покороче, они у нея сами вьются, какъ у тебя. Она, вообще, вся въ тебя, — вылитый Павелъ Ѳедоровичъ! улыбаясь и какъ то застѣнчиво говорила мать: и лицомъ похожа, и иногда задумчивая такая же... и вспылитъ такъ же... и, когда разсердится, простить не умѣетъ...

Павелъ Ѳедоровичъ, усмѣхаясь, взглянулъ на нее. Слезы у нея опять слегка набѣжали.

— Ну, миръ вѣдь теперь заключенъ, кажется, Елена? спросилъ онъ ласково.

— Миръ, перемиріе до первой твоей вспышки, отвѣтила Елена. И что тебя отсюда гонитъ, желала бы я знать?..

— А! ты еще не знаешь? спросилъ Павелъ Ѳедоро-

вичъ, и замолчалъ, машинально продолжая гладить дочь свою по волосамъ.

— Угодно вамъ поцѣловать меня? сказалъ онъ шутливо дѣвочкѣ, смотрѣвшей на него очень внимательно.

Она немного улыбнулась и потупилась. Онъ пригнулъ свою голову, и ему удалось заглянуть прямо въ ея опущенные глазки. Она засмѣялась, и еще ниже опустила ихъ. Онъ еще заглянулъ. Она засмѣялась уже звонко: спрятаться было больше некуда, какъ только къ нему на грудь,—она такъ и сдѣлала, и онъ поцѣловалъ ее въ пухленькую щечку. Тутъ уже она осмѣлилась дотронуться до его очковъ, поднесла пальчикъ къ бородѣ его: онъ сталъ ловить этотъ пальчикъ, она отнимала.

Первое знакомство между отцомъ и дочерью было такимъ образомъ сдѣлано.

Гостиная, въ которой это знакомство происходило, просторная, прохладная, ароматная—отъ множества цвѣтовъ, стоявшихъ въ большихъ вазахъ — была убрана чрезвычайно роскошно, въ особенности для гостиной села Гороховки. Въ дверь балкона и въ длинныя узкія окна, завѣшанныя маркизами снаружи, убранныя изнутри затѣйливыми фестонами и кистями, вѣтеръ вносилъ запахъ каприфолія, душистой павилики и другихъ ползучихъ растеній, обвивавшихъ колонны и весь наружный фасъ со стороны сада; вносилъ ароматъ жасминовъ, розъ и душистаго горошка, наставленныхъ живописными купами въ тѣни огражденнаго со всѣхъ сторонъ балкона, на который двери изъ гостиной были отворены. Мебель, картины, рояль — все въ этой гостиной было дорогое, выписное, великолѣпное.

Мать Вѣры была богата. Шесть лѣтъ тому назадъ,

жила она въ другой губерніи, съ мужемъ и двумя маленькими сыновьями. Выдали ее очень молоденькую, тотчасъ по выходѣ ея изъ института, за человѣка уже пожилаго, но богатаго; онъ институткѣ показался и скучнымъ, и глупымъ: она начала скучать, добилась, чтобы онъ ее повезъ въ Петербургъ, гдѣ провела зиму и накупила множество нарядовъ, большею же частію лечила себя отъ тоски чтеніемъ французскихъ романовъ, которые полюбила еще въ институтѣ. Тоска отъ нихъ не проходила, а тутъ случай свелъ ее съ Павломъ Ѳедоровичемъ: она его полюбила такъ же безсознательно, какъ безсознательно и тосковала съ мужемъ и дѣтьми; полюбила мгновенно, при первой встрѣчѣ съ нимъ, вообразила его себѣ, тутъ же отдалась ему мысленно... Онъ тогда только что кончилъ университетскій курсъ и пріѣхалъ повидаться съ отцомъ своимъ и матерью. Тутъ по сосѣдству, онъ и свидѣлся съ Еленою. Скоро сошлись они, и условились, что Елена поѣдетъ по дѣламъ въ свое владимірское имѣніе, а онъ нечаянно встрѣтится съ нею на дорогѣ, на четвертой или на пятой станціи.

Случай огласилъ ихъ тайну: Павелъ Ѳедоровичъ прилегъ на этой четвертой станціи и проснулся съ бредомъ; шесть недѣль вылежалъ онъ въ горячкѣ, между жизнью и смертью, въ уѣздномъ городишкѣ, почти безъ всякихъ медицинскихъ пособій. Сидя у его изголовья, ухаживая за нимъ и горячо молясь, Елена соображала, что шагъ этотъ, уже сдѣланный и получившій гласность, открываетъ передъ нею совсѣмъ новую жизнь, и, чувствуя энергію, развивавшуюся съ обстоятельствами, повезла Павла Ѳедоровича выздоравливать и поправляться прямо въ свое владимірское имѣніе.

По привычкѣ ли ходить за нимъ, какъ за ребенкомъ во время болѣзни, по исключительной ли особенности, свойственной женщинѣ доброй и страстно влюбленной, чувство ея къ Павлу Ѳедоровичу стало высказываться въ удовлетворяющей себя потребности угождать во всемъ Павлу Ѳедоровичу, баловать его: доставлять все, чего бы онъ могъ только пожелать; изобрѣтать, чѣмъ бы его порадовать, придумывать—и не знаю что! лишь бы вызвать на лицѣ его улыбку, при которой такъ хорошо улыбались даже глаза Павла Ѳедоровича! Но улыбка эта начала появляться все рѣже и рѣже. Елена была далеко не такъ развита, какъ онъ. Прекрасная собою и искренно любящая, она шагнула смѣло въ жизнь, ей новую, но дать ей содержаніе, въ уединеніи, на которое новая эта жизнь ее обрекла, она была не въ состояніи. Потѣшать Павла Ѳедоровича, она могла съ своей только точки зрѣнія; если это его стѣсняло, стало, наконецъ, вызывать нетерпѣливыя возраженія — она не понимала почему. Она его, однимъ словомъ, далеко не понимала. И Павелъ Ѳедоровичъ, проживши у нея нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ, уѣхалъ за границу. Учился онъ въ разныхъ университетахъ, работалъ, писалъ, трудился, учительствовалъ, бѣдствовалъ, но такъ прожилъ болѣе пяти лѣтъ.

Оставшись одна, Елена затворилась безвыѣздно въ Гороховкѣ. Къ прежней жизни ей возврата не было, да она и не хотѣла его. Два-три сосѣда, изъ знавшихъ ее еще ребенкомъ, навѣстили ее, но женъ и дочерей не привезли. Она почувствовала это живо, но еще живѣе было въ ней ея внутреннее горе, ея сознаніе, что на двадцатомъ году жизни, съ ея красотою, любящимъ серд-

цемъ и значительнымъ богатствомъ, жизнь эта надломлена, принесена жертва ему ненужная, и все въ ней противъ этого возмущалось! Горькія слезы протестовали противъ его „несправедливости“, но тѣмъ еще болѣе укрѣплялась любовь ея къ отсутствующему; любовь эта какъ бы услаждалась мыслью, что никого кромѣ его не нужно ея сердцу, что она всю жизнь приноситъ ему въ жертву! Никто не слыхалъ отъ Елены жалобы; но ходила она часто по цѣлымъ часамъ одна, не замѣчая времени, по запустѣлому саду, по старинному дому, въ которомъ родилась и выросла... Долгіе часы этихъ прогулокъ, вѣроятно, были не легкіе: по возвращеніи, Елена принималась нервно кашлять, судорожно вздрагивала.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Павла Ѳедоровича, родилась его дочь, Вѣра. Мать и ей весьма умѣренно обрадовалась. Чтобы чѣмъ нибудь наполнить время, она принялась строиться: пристроила къ дому цѣлую половину и отдѣлала по петербургски нѣсколько наиболѣе видныхъ комнатъ. Какъ вездѣ въ богатыхъ имѣніяхъ, были и въ Гороховкѣ флигеля съ ткацкими станками, флигеля, гдѣ пряли, вышивали, плели кружева и проч.; были флигеля для доѣзжачихъ и псарня; цѣлый рядъ конюшенъ; скотный дворъ, гдѣ красивый, породистый, бѣлый съ темно-красными пятнами, скотъ гулялъ у рѣки по огороженной левадѣ; за отсутствіемъ „господъ“, все это было запущено, всѣ затѣи полузаброшены. Елена начала хозяйничать: дворни развела человѣкъ семьдесятъ, но сама ѣздила осматривать поля, принимала отъ старосты счеты, подсаживала въ саду деревья, выписывала сѣмена и растенія, занимала работою кружевницъ и портнихъ. Ее вообще всѣ любили и считали „доброю барыней.“

Такова была обстановка Вѣры съ самаго дня ея рожденія; прежде чѣмъ она сознала, что около нея настоящее царство, съ произволомъ и подобострастіемъ, ему свойственными, и гдѣ воля ея имѣла почти полное значеніе, воля эта была уже развита въ сильной степени; дѣвочка ни въ чемъ не могла представить себѣ отказа; баловство и изнѣженность, избытокъ во всемъ, совершенный комфортъ барства, со всею добродушною готовностью дать осѣдлать себя со стороны подчиненныхъ, встрѣтили ребенка въ жизни. Но не рѣзвый, не веселый ребенокъ была Вѣра: можетъ быть ее слишкомъ набаловали угодливостью, можетъ быть и потому, что она росла одна,—ее ничто не тѣшило; равнодушно смотрѣла она на хороводы, составлявшіеся для нея, на всѣ затѣи и потѣхи, какія собственно ради ея придумывались, и ничего особенно не любила. Слушала она иногда подъ кленомъ иволгу, играла у Клязьмы въ пескѣ, но играла не весело, какъ ни старались веселить ее. Занимать барышню было исключительно предоставлено дворнѣ; и Милка ея и эта дворня только, казалось, и жили для нея: ухаживали, наряжали, берегли, приносили птичекъ, ягодъ, плели вѣнки, строили домики — и уже только какъ не величали: чуть-ли не царицею! И ея маленькая особа привыкла принимать всѣ эти угожденія и лесть, какъ должную ей дань.

Шагахъ въ двадцати отъ балкона, съ террасы, начинался спускъ къ Клязьмѣ, густо поросшій орѣшникомъ, кленами, березами; между ними вились дорожки вплоть до прибрежняго луга, заливаемаго весною. Отлогій берегъ, покрытый бѣлымъ пескомъ, плотикъ для перевоза на островъ, изрытый грядами, нѣсколько другихъ остров-

ковъ, усѣянныхъ кустарникомъ и наконецъ противоположный берегъ съ густыми тѣнями лѣса, въ которыя пряталась красная крыша бесѣдки съ разноцвѣтнымъ флагомъ, гдѣ горѣлъ на солнцѣ куполъ церкви—все это составляло великолѣпный ландшафтъ, который Елена любила еще съ дѣтства, и нерѣдко приходила она сюда, на берегъ, гдѣ играла дѣвочка; дѣвочку эту она по цѣлымъ днямъ въ глаза не видала. На этомъ берегу, садовники, чтобы потѣшить „барышню", устроили городъ, т. е. наставили палатокъ, скамеекъ, горшковъ зелени; и дѣвочка, капризничая и прогоняя всѣхъ, почти жила здѣсь лѣтомъ, съ Милкою и борзою Свѣтланою. Разговоровъ между ними было мало: Милка умѣла разсказывать одну только сказку — объ „Иванушкѣ дурачкѣ", которую Вѣра знала наизусть и предпочитала играть молча, разсаживая куколъ по палаткамъ своего города. Въ ненастье, или къ обѣду, она съ большимъ неудовольствіемъ возвращалась въ домъ.

Подъ вечеръ, къ ней въ городъ приходила мать: сходила она съ горы; на фонѣ зеленой рощи отдѣлялась ея высокая фигура, худенькій станъ; шла она медленно, закутавшись въ дорогую шаль, съ французскимъ томикомъ въ рукахъ; шла кашляя, смотрѣла, какъ бы не замѣчая никого и ничего около себя; садилась молча, такая грустная; иногда, задумавшись, улыбалась она про себя, и тогда лицо ея оживлялось какимъ то юнымъ, теплымъ чувствомъ; но мало по малу измѣнялся смыслъ этой улыбки, и отъ нея становилось тогда жутко: столько она выражала горечи и столько отжитаго, что легче было бы видѣть слезы на этомъ молодомъ лицѣ.

Дѣвочкѣ и въ обществѣ матери, какъ видимъ, развлеченія было немного.

Елена никогда не бранила ее, ничего не запрещала,— напротивъ; но она ее не замѣчала. Дѣвочка ощущала нѣкоторое любопытство при видѣ ея: она переставала играть, садилась у ея ногъ, и принималась смотрѣть на нее большими глазами; или окутывала ей ноги, какъ больной, подставляла скамеечку, бѣжала опрометью принести платокъ ея или стаканъ воды; молча льнула она къ ней, но въ жизни матери она была ничѣмъ: Елена не то чтобы не любила дѣвочку, но не умѣла, не хотѣла, и тяжело ей было ею заниматься,—гораздо легче предоставить это другимъ, и она все собиралась выписать ей француженку; но еще время терпитъ, она такъ мала; а пока—занимались съ нею дворовыя „дѣвчонки", обшивали ее портнихи и мастерицы, завивала Милка; здорова она, слава Богу, полненькая такая! Ну, чего же еще могло для нея требоваться?..

Дѣвочка же, вслушиваясь въ разговоръ Милки съ Марьею, женою старшаго садовника, вставляла иногда и свое замѣчаніе:

— Милка! а мама такая бѣлая, ручки у нея тоненькія... и все то она читаетъ!

— Блѣдная она, худая у насъ, голубчикъ! Нездорова она, наша матушка, скучаетъ. Вотъ папашу ждемъ: на недѣльку-другую обѣщались пріѣхать, отвѣчала кормилица.

И вотъ, въ одно іюльское утро, къ этому царству тоски и комфорта звонко подкатила почтовая тройка. (Съ этого событія въ жизни Вѣры я начала первую мою страницу.) Изъ телѣги, однимъ прыжкомъ очутился

на крыльцѣ онъ, любимый всѣми, кто здѣсь зналъ его! онъ, жданный и моленный и, слава тебѣ, Господи! вымоленный, шептала Елена, спѣша къ нему на встрѣчу. Въ радости, страстно, не помня себя, говорила она ему безсвязныя слова... На его руки полились ея слезы...

Дѣвочка, съ первыхъ минутъ пріѣзда его, ощутила радостное движеніе и какую то теплоту; въ этомъ молчаливомъ и пустынномъ домѣ все ожило, какъ будто теплота эта сообщилась отъ него. Съ любопытствомъ сначала, потомъ съ лаской, потянулась она къ отцу, который бережно, какъ что-то хрупкое, держалъ ее обѣими руками у себя на груди,—и маленькое ея лицо и всю ея маленькую фигурку прижималъ къ себѣ, заигрывая съ нею, пряча подъ полу платья, заставляя ее пить чай съ ложечки.

— А варенья, что же ты мнѣ не даешь? спрашивала она.

— Да я и самъ не ѣмъ: ты вѣрно еще не завтракала?

— Нѣтъ еще. Да я не всегда вѣдь завтракаю: вотъ и вчера, поѣла персиковъ—Николашка садовникъ принесъ—и котлетки за завтракомъ вовсе уже не хотѣла.

— Это какой Николашка? я его что-то не помню.

— А такой высокій, въ нанковомъ сюртукѣ; борода большая, какъ у тебя, только красная.

— Николай, садовникъ! помню, помню. Ты его Николаемъ зови; зачѣмъ Николашкою?

— Ну, да — Николай! Онъ каждое утро приноситъ на блюдѣ персиковъ: у него ихъ много-много на большихъ такихъ, растянутыхъ вѣткахъ, только другіе еще не поспѣли. И жарко таково тамъ въ теплицѣ! у

Клязьмы лучше играть. Мы съ тобой пойдемъ въ городъ, на Клязьму?

— Въ городъ? переспросилъ онъ.

Елена хотѣла было пояснить, что значитъ это названіе.

— Не говори, мама, ни за что не говори! закричала дѣвочка; я все сама покажу.

— Ну, хорошо, я подожду, согласился отецъ. Тебѣ, однакожъ, я думаю и у Клязьмы жарко съ такою гривою, сказалъ онъ, приподнимая густыя пряди ея локоновъ. Не обрѣзать ли намъ ее?

— И завивать уже не будутъ? Ну, обрѣжь, я очень рада.

— Жалко, замѣтила Елена.

— Чего? засмѣялся Павелъ Ѳедоровичъ.

Елена позвонила. Принесли большія ножницы, накинули полотенце на шею дѣвочки, и вскорѣ ея кудри посыпались на полъ; отецъ подрѣзалъ ихъ по ухо. Елена бережно подобрала ихъ и завернула въ бумагу.

— Дай ленточку, сказалъ Павелъ Ѳедоровичъ.

— Какого цвѣта? узенькую или широкую? на что тебѣ?

— Все равно какого цвѣта. И не широкую.

Елена принесла бархатку: онъ самъ отчесалъ отъ лба волоса дѣвочки назадъ и подвязалъ ихъ за ухомъ лентою.

— Какъ хорошо! тряхнула она головою, спрыгивая съ его колѣнъ. Ну, пойдемъ же теперь въ городъ!

— Погоди, успѣешь. Еще жарко, сказала Елена, а прежде позавтракаемъ, потомъ покажемъ папѣ его новый кабинетъ.

Пока завтракали, чехлы въ парадныхъ покояхъ всѣ сняли, и Павелъ Ѳедоровичъ, войдя въ кабинетъ, увидѣлъ предъ собою прелестную, кокетливо убранную комнату, съ малиновою мебелью, рѣзными шкафами, столиками изъ розоваго дерева и прочими тому подобными удовольствіями.

— Это мой кабинетъ? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

У Елены былъ самый торжествующій видъ. Она молча наслаждалась сюрпризомъ, который ему приготовила.

— Rien d'assez beau pour lui... подумала она, думая всегда по французски.

— Да, папа, спѣшила отвѣчать дѣвочка; а вотъ и кресло, которое мама вышивала по канвѣ.

И дѣвочка сейчасъ же на него вскарабкалась.

— Оно къ этому столу низко, сказалъ Павелъ Ѳедоровичъ. Мы его поставимъ у кровати, прибавилъ онъ, замѣтивъ неудовольствіе на лицѣ Елены.

И вышелъ изъ боковой двери въ столовую.

Недалеко отъ столовой была большая комната съ старинными шкафами, полными книгъ, которыя собиралъ еще прадѣдъ Елены. Тутъ же стояла плохая кожаная мебель и, между прочимъ, ободранный диванъ въ углу. Здѣсь пахло затхлымъ и пылью; сюда вообще не входилъ никто; никто не читалъ этихъ иностранныхъ классиковъ, и даже ставни съ одной стороны были всегда затворены.

— Я вамъ доложу вотъ что, сказалъ Павелъ Ѳедоровичъ: кабинетъ мой будетъ здѣсь. Мы сейчасъ обойдемъ разныя кладовыя и вытащимъ изъ нихъ еще коекакую мебель, въ дополненіе къ тому, что здѣсь есть.

— Въ кладовыхъ все обломки, Paul, возразила Елена

со слезами на глазахъ. Отчего же ты не хочешь жить тамъ, гдѣ я тебѣ приготовила!

— Мнѣ здѣсь будетъ лучше. Обломки мы склеимъ, починимъ, все сдѣлаемъ цѣлымъ, говорилъ онъ, стараясь не смотрѣть на ея печальное лицо.

Онъ отворилъ одно изъ оконъ, выходившее на тѣнистый уголокъ, нетронутый рукою садовника, шагнулъ черезъ окно и растворилъ боковыя ставни. Стоя въ саду, онъ поднялъ дѣвочку на подоконникъ; она, прыгая, принялась сообщать ему, что мебели „ужасно много“ вынесли въ амбаръ и въ сараи, когда привезли новую; а въ кладовой есть одна хитрая такая лампа, которая съ одного бока закрывается, а съ другаго видѣнъ свѣтъ; но можно и съ другаго закрыть, и тогда свѣтъ видѣнъ будетъ только на потолкѣ.

— Это когда дѣдушка былъ боленъ, эту лампу выписали; но ее не зажигали съ тѣхъ поръ, какъ онъ умеръ; не знаю, какъ она ее видѣла, сказала Елена.

— Мы эту лампу посмотримъ, говорилъ Павелъ Ѳедоровичъ. Вѣдь можно? спросилъ онъ у Елены.

Она улыбнулась.

— Здѣсь все тебѣ можно, Paul, отвѣчала она. Напрасно ты отказываешься отъ своего малиноваго кабинета: я его съ такою любовью убирала, въ ожиданіи тебя!

— Это уже вопросъ рѣшеный. Я тамъ не могъ бы прожить и часа. Мнѣ противно, отвѣчалъ онъ сухо.

Пока ходили по кладовымъ, въ будущемъ его кабинетѣ, по приказанію Елены, мигомъ вымыли полъ, окна, обмели шкафы и стѣны, внесли туда дорожныя вещи Павла Ѳедоровича.

Онъ выбиралъ себѣ самую простую и прочную мебель, не обращая вниманія на то что она поломана. Отобравши самое необходимое, онъ принялся столярничать на открытомъ воздухѣ, за угломъ дома, гдѣ была уже тѣнь: простой дубовый столъ обилъ клеенкою, починилъ ящики; приклеилъ ножки и отбитые уголки комода.

— Paul, другъ мой, все это Прошка сдѣлаетъ, уговаривала его Елена, посмотри какъ тебѣ жарко и какъ ты весь перепачкался.

— Я самъ „Прошка". А жарко, да перепачкался, такъ выкупаюсь, отвѣчалъ онъ, продолжая приклеивать и подпиливать.

Дѣвочка прислуживала ему, смотря очень серьозно на его работу. Дворня, не смѣвшая обступить его, выглядывала изъ за угловъ, и лишь лакей Григорій помогалъ ему, да „Прошка", приносившій клей, остался присутствовать тутъ же, какъ спеціалистъ этого дѣла.

Когда починенная мебель была внесена и установлена въ кабинетѣ, Павелъ Ѳедоровичъ принялся за ободранный диванъ.

— На немъ отлично спать, сказалъ онъ: онъ длинный и не мягкій. Покрыть бы его чѣмъ нибудь.

Елена съ неудовольствіемъ вышла: постель, высоко взбитая, на которой онъ лежалъ когда-то еще больной, была ему приготовлена въ альковѣ ея спальни...

Она принесла кусокъ темнаго ситца, и Павелъ Ѳедоровичъ началъ обивать диванъ. „Прошка" съ самодовольствіемъ улыбался: въ рукахъ у „барина" работа спорилась, какъ будто онъ былъ лучшимъ ученикомъ его, или въ самомъ дѣлѣ „самъ Прошка" и вѣкъ свой другой работы не дѣлывалъ.

— Ну, вотъ, готово! сказалъ онъ наконецъ, вставляя вмѣстѣ съ столяромъ спинку дивана на свое мѣсто. А украшеніемъ кабинета будетъ вышитое кресло, которое мы сейчасъ сюда прикатимъ.

Дѣвочка ликовала при видѣ всего, что дѣлалось. Прикатилъ онъ съ нею шитое кресло, поставилъ у печки и сѣлъ. Она тотчасъ же влѣзла къ нему на колѣна.

— Отлично! сказалъ онъ; здѣсь мы будемъ отдыхать.

— И сказочки мнѣ будешь сказывать, добавила она.

— И сказочки буду тебѣ сказывать, повторилъ онъ, подбросивъ ее на колѣнахъ. А васъ, моя миленькая, покорнѣйше благодарю за всѣ ваши милости ко мнѣ, шутилъ онъ, цѣлуя руку Елены. И будьте увѣрены, что здѣсь, при всей этой пузатой мебели, мнѣ будетъ превосходно. А теперь—пойдемъ купаться.

Онъ досталъ себѣ изъ чемодана бѣлье, поцѣловалъ дѣвочку и сбѣжалъ съ балкона.

— Не сходи одна съ террасы! крикнула Елена дочери, бѣжавшей за Павломъ Ѳедоровичемъ.

— Отчего? спросилъ онъ, обернувшись.

— Безъ Милки: она ее за руку сводитъ, — ступени круты.

— Каково! безъ Милки ходить не умѣетъ! удивился отецъ.

Онъ вернулъ дѣвочку домой. Разъ или два мелькнула между деревъ его высокая фигура. Елена стояла на балконѣ, пока она не скрылась въ чащѣ.

— Господи, какое мученье! прошептала она, отходя отъ перилъ.

Прежняя жизнь съ нимъ еще разъ стала дѣйствительностью: жизнь эта была постояннымъ столкновеніемъ

между собою двухъ контрастовъ по понятіямъ, привычкамъ, вкусамъ; но для Елены это была жизнь, а не прозябаніе въ такой пустынѣ, какая была здѣсь безъ него! Она была готова стушеваться совершенно, уступить ему во всемъ, лишь бы онъ подолѣе побылъ съ нею; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, плакала, сокрушалась безпрестанно надъ всѣмъ, что бы онъ ни дѣлалъ.

— Онъ еще суше сталъ, думала она. Но еще болѣе возмужалъ, и какъ сталъ хорошъ! Quel air grand-seigneur! et cependant, il ne l'est pas du tout...

Павелъ Ѳедоровичъ возвратился къ обѣду. Красивое лицо его, съ правильными чертами, съ здоровымъ загаромъ и бѣлымъ, высокимъ лбомъ, выражало спокойно и сознательно, какую то силу, тайны которой Елена не знала, не смотря на такую любовь, какая — какъ увѣряютъ—ясновидяща; масса черныхъ, длинныхъ волосъ, огромный ростъ, развитость мускуловъ придавали его фигурѣ видъ такой смѣлый и бодрый, что, при первомъ взглядѣ на него, бывало, останавливались, любуясь, какъ совершеннѣйшимъ произведеніемъ природы. Елена до такой степени любовалась каждымъ его жестомъ, каждымъ движеніемъ руки или поворотомъ головы, до такой степени онъ олицетворялъ для нея идеалъ прекраснаго, что готова была на всѣ жертвы, на всѣ уступки ради того, чтобы удержать его здѣсь; но онъ зналъ, что каждая уступка съ ея стороны дѣлается по крайней мѣрѣ столько же изъ самоуслажденія, сколько изъ любви къ нему, и жертву ему непремѣнно выставятъ на видъ; это бывало уже не разъ, и это бываетъ именно съ женщинами, страстно влюбленными.

Возвратившись къ обѣду съ купанья, въ простомъ

холстинномъ платьѣ, освѣжившись и отдохнувъ, онъ чувствовалъ себя еще бодрѣе, и здоровыя его руки ощущали потребность размяться: онъ схватилъ дочь, съ цѣлью подбросить ее къ потолку, но она была уже разодѣта къ обѣду въ гофрированныя оборочки, и Елена замѣтила ему, чтобы онъ ее не мялъ.

Онъ съ неудовольствіемъ спустилъ ребенка на полъ.

— И тебя тоже не мять? спросилъ онъ у Елены. А я хотѣлъ обнять тебя покрѣпче, но такъ какъ сила у меня медвѣжья, то я, можетъ быть, изорву кружева, изомну твою прическу, и потому — давай лучше супъ ѣсть. Я, дѣвочка, знаешь ли, переплывалъ на тотъ берегъ, разсказывалъ онъ, принимаясь за пирожки, поданные къ супу, съ аппетитомъ человѣка, проѣхавшаго нѣсколько сотъ верстъ на перекладныхъ.

Изъ пяти-шести блюдъ, составлявшихъ обѣдъ, онъ ѣлъ однакожъ только супъ и жаркое, и, въ заключеніе, взялъ немного ягодъ. Елена все угощала его, онъ все отказывался, и, наконецъ, не сталъ ничего отвѣчать на ея предложенія.

Послѣ обѣда, закуривъ сигару, онъ сказалъ Вѣрѣ:

— Посмотримъ теперь твой городъ, мнѣ кажется, я уже видѣлъ его влѣво, когда огибалъ большой островъ.

— На берегу? Бѣлыя съ краснымъ палатки? Ахъ зачѣмъ ты смотрѣлъ! сказала она.

— Я нечаянно, и видѣлъ только мелькомъ.

— Ну, пойдемъ. Мама, и ты?

Дѣвочка побѣжала впередъ, и усадила ихъ обоихъ въ лучшую палатку. Елена, любуясь и Павломъ Ѳедоровичемъ и ландшафтомъ, указала ему на красоту мѣстности въ настоящую минуту: солнце спускалось за лѣсъ

на противоположномъ берегу рѣки, и красноватымъ свѣтомъ румянило куполъ церкви; а въ Клязьмѣ дрожалъ прямой столбъ лучей, отъ котораго теченіе отрывало и уносило, дробя, золотистыя струйки.

Павелъ Ѳедоровичъ оглянулъ окрестность, промолчалъ, и полнымъ глоткомъ потянулъ въ себя свѣжій воздухъ. Дѣвочка, показывая ему горки изъ песку, которыя сама наносила, перепрыгивала чрезъ нихъ съ разбѣга.

— Ты, Paul, здѣсь когда-то пѣлъ, сказала ему Елена. Не споешь ли? Я такъ давно тебя не слыхала! По цѣлымъ часамъ я безъ тебя просиживала здѣсь, и мнѣ какъ будто чудилось, что я тебя слушаю, что изъ лѣса раздаются твои пѣсни... Унылыя такія были!..

— А теперь еще болѣе, сказалъ онъ: знаю я, напримѣръ, одну ирландскую,—нищета и горе ее сложили, а я на русскія слова переложилъ. Какъ разъ пришлась, Хочешь, спою?

И онъ запѣлъ сильнымъ басомъ.

Пѣсня, въ самомъ дѣлѣ, была унылая...

Дѣвочкѣ, какъ теперь, памятенъ этотъ вечеръ: она притихла; все ея вниманіе приковалось къ этимъ медленнымъ, груднымъ нотамъ, выражавшимъ всю горечь и боль жизни; она ни того, ни другаго тогда не знала, но что-то необъяснимое съ нею сдѣлалось: грустно ей стало, какъ будто и ей большое горе приключилось, какъ будто охватилъ ее страхъ за то, что отецъ терпитъ все то горе, про которое поетъ, или тогда же, можетъ быть, охватила ее сильная любовь къ тому, кто ее такъ полюбилъ и приголубилъ — кто знаетъ?.. но сердечко ея сжалось, и она всѣми нервами ощутила безсознательную жизнь этой минуты. Сдерживая дыханіе, она стала слу-

шать, и до такой степени вся обратилась къ этой пѣснѣ, что перестала слышать и шелестъ дубовъ, и плескъ Клязьмы. Уныло вторило эхо пѣснѣ этой „о людяхъ голодныхъ, о жизни суровой, въ трудѣ неоплатномъ измученныхъ силахъ“..... „И льнетъ дитя, и милой поцѣлуй горячъ, но тошно жить: кругомъ трудъ, голодъ, нищета, ложь, подкупъ, фарисейство!.. здѣсь грудь разбитую безсиліе томитъ; здѣсь страшно жить, здѣсь бремя мысли давитъ...“ „Скорѣй на родину! и вотъ бѣгутъ, остаются назади поля нагія, люди-страдальцы, потянуло вѣтеркомъ съ родныхъ полянъ, зажурчалъ родной ручей, ласкаютъ слухъ родные звуки.“ И звуки пѣсни стали живѣе и громче; разлились, раздались они, грянули по окрестности... понесла ихъ зыбь внизъ по руслу, по скату горы, подъ своды лѣса. Но вскорѣ они замерли. Павелъ Ѳедоровичъ не повеселѣлъ, пропѣвъ объ этомъ возвращеніи; онъ сидѣлъ молча, обхвативъ обѣими руками дѣвочку. Елена, прильнувъ къ его плечу, нервно плакала. Онъ, чтобы успокоить ее, разсѣянно повелъ рѣчь о деревнѣ, о садѣ, о сосѣдяхъ; но больше слушалъ, когда она начала разсказывать, и лишь изрѣдка отзывался.

Въ палатку же принесли и чай. Онъ самъ сталъ поить Вѣру съ блюдечка.

— Не ѣшь варенья, просилъ онъ ее.

Она положила ложечку, которую несла въ ротъ.

— Я васъ на лодкѣ покатаю, хотите? сказалъ онъ, докуривъ сигару.

— Поѣдемъ, согласилась Елена, и приказала слугѣ, стоявшему съ подносомъ, принести себѣ шаль.

— И дѣвочкѣ что нибудь теплое, крикнулъ ему вслѣдъ Павелъ Ѳедоровичъ.

Самъ онъ обвязалъ Вѣрѣ грудь, крестъ на крестъ принесенною косынкою, надѣлъ кафтанчикъ и усадилъ ее на подушку, на днѣ лодки, у своихъ ногъ.

— Ты что-то не веселъ? говорила Елена, любуясь имъ, когда лодка полетѣла между береговъ, подъ сильными ударами веселъ.

Онъ ей улыбнулся, но, помолчавъ, сказалъ:

— Нѣтъ; мнѣ, сравнительно, хорошо. Вотъ этотъ слетокъ на меня какъ-то успокоительно дѣйствуетъ. И съ первой минуты такъ подѣйствовалъ... прибавилъ онъ, указывая на маленькое существо, копошившееся на подушкѣ.

— Можетъ и поживетъ здѣсь, хоть ради ея... подумала Елена, сдерживая слезы.

По возвращеніи къ пристани, слетокъ оказался спящимъ. Павелъ Ѳедоровичъ вышелъ, высадилъ Елену, прикрѣпилъ лодку, вынулъ изъ нея непроснувшуюся дѣвочку и понесъ ее осторожно въ гору; пришелъ онъ съ нею въ дѣтскую, раздѣлъ, не потревоживъ ея сна, и бережно уложилъ самъ въ кроватку.

На другой день, онъ, по обыкновенію своему, всталъ рано и, уже выкупавшись, пришелъ домой пить чай. Но въ столовой никого не было; онъ пришелъ къ Еленѣ: она клала земные поклоны, предъ образами, въ молельнѣ. Онъ вышелъ въ корридоръ и направился къ новой пристройкѣ, гдѣ была дѣтская. Тамъ, въ концѣ корридора, изъ полуотворенной двери, послышались визгливые голоса, звуки гармоніи. Стоя въ полу-свѣтѣ, не входя въ дѣтскую, онъ увидѣлъ въ ней слѣдующее зрѣлище:

Вѣра сидѣла въ кроваткѣ, съ сдобнымъ кренделемъ въ рукахъ, и потѣшалась сценою, предъ нею происходившею: двѣ босоногія „дѣвчонки“ боролись, стараясь повалить одна другую; третья передергивала гармонію, подъ звуки которой четвертая босоножка откалывала что-то, пришлепывая голыми подошвами; пятая теребила кота, заставляя его прыгать чрезъ руки; шестая плела вѣнокъ изъ васильковъ, которыхъ насыпана была цѣлая охапка на постели Вѣры; седьмая одѣвала ея куклу; осьмая и девятая бросали другъ другу мячъ чрезъ головы другихъ; десятая... однимъ словомъ, ихъ была тутъ тьма тмущая, и каждая изъ нихъ за какимъ либо дѣломъ. И все это кричало, пищало, верезжало и тормошилось подъ президентствомъ Милки, которая зашивала что-то, сидя у окна и разговаривая въ то же время съ одною изъ дворовыхъ женщинъ.

Павелъ Ѳедоровичъ постоялъ минутъ пять, и когда, наконецъ, отворилъ дверь, то весь этотъ гамъ смолкъ разомъ: „дѣвчонки“ всѣ вмигъ куда то дѣлись, такъ живо, какъ только умѣли утекать отъ перспективы подзатыльника наши маленькія дворовыя босоножки, — во время оно, разумѣется; станемъ надѣяться, что это время для нихъ безвозвратно миновало.

Обѣ женщины, у окна, встали и молча поклонились „барину“.

— Что это такое тутъ дѣлается, кормилица? спросилъ Павелъ Ѳедоровичъ. Это у васъ каждое утро такъ?

— Ахъ, батюшка! дитю то надо же чѣмъ нибудь потѣшить, чтобы весело вставали, отвѣчала Милка, словоохотливо и съ явнымъ желаніемъ доказать свое

усердіе. А то на цѣлый день хмурыя такія будутъ! Онѣ у насъ и такъ невеселы.

Павелъ Ѳедоровичъ постоялъ съ минуту, нахмурясь; потомъ поглядѣлъ на Вѣру, которую принялась уже обувать босоножка „Фенька“, занимавшая ее васильками.

— Вставай скорѣе, Вѣра, крикнулъ онъ; пойдемъ со мною чай пить.

И пошелъ, задумавшись, изъ пристройки въ пустую столовую.

Въ то же утро, между Еленою и Павломъ Ѳедоровичемъ, шелъ слѣдующій разговоръ:

— Я хотѣлъ пробыть у тебя съ недѣлю, говорилъ онъ, мимоѣздомъ: меня З. вызываетъ на Кавказъ, для составленія статистики края, но я пожилъ бы и долѣе, еслибы ты согласилась на условія, какія я хочу тебѣ предложить.

— Я на все согласна заранѣе, отвѣчала она весело.

— Не обѣщай такъ скоро. Ты вспомни, какъ намъ не хорошо жилось: трудно было прожить вмѣстѣ и восемь мѣсяцевъ, въ началѣ нашего знакомства, и, признаюсь откровенно, если я намѣренъ побыть здѣсь, то потому, что мнѣ жаль дѣвочки, которую ты, какъ будто систематически, начала портить съ самыхъ пеленокъ. О ней, впрочемъ, мы поговоримъ послѣ. Живя у тебя, я не могу жить даромъ, и потому желаю управлять твоимъ имѣньемъ за небольшое жалованье (положимъ хоть за двадцать рублей въ мѣсяцъ), имѣя притомъ столъ и квартиру въ твоемъ домѣ, или въ одномъ изъ флигелей.

Елена громко захохотала.

— Чудакъ ты, Paul! Ты знаешь, что можешь здѣсь взять тысячи, все взять, и возьми все — и доходы всѣ возьми, и распоряжайся, какъ знаешь. Я очень рада, что ты меня избавишь отъ хлопотъ по имѣнію: староста плутъ, я это давно вижу. Но откуда ты выучился говорить совершенно такъ, какъ говорятъ управляющіе: столъ, квартиру?... ха, ха, ха! Двадцать рублей? уморительно! Да тебѣ этого на сигары мало будетъ. Ну, а квартиру то я уже ни за что въ мірѣ не отведу тебѣ во флигелѣ!

— На счетъ квартиры, мнѣ положительно все равно, гдѣ бы она ни была. Сигаръ у меня выходитъ тридцать въ мѣсяцъ; слѣдовательно, жалованья мнѣ не мало. Доходовъ твоихъ я не возьму, а власть — возьму, разумѣется, если буду управлять: ты должна будешь лишиться разныхъ поборовъ; прекратится недолжная высылка на барщину, какая у тебя всегда бывала; отниму у тебя право наказанія, попрошу тебя, однимъ словомъ, ни во что не вмѣшиваться, и доходы твои оттого, надѣюсь, не пострадаютъ.

— Помилуй, Paul, я никогда не наказываю и меня вообще мужики считаютъ доброю!

— Ты не наказываешь, т. е. приказываешь это сдѣлать старостѣ и, въ такомъ случаѣ, лучше, еслибы ты сама видѣла, какъ это приводится въ исполненіе. Наконецъ, если это и рѣдко случается, то вспомни ту сцену, вслѣдствіе которой я уѣхалъ: ты до того развратила народъ, что старикъ дворецкій считаетъ милостью, когда, за какое то упущеніе, поваренокъ, по твоему приказанію, взбирается на лавку и обливаетъ его изъ бутылки квасомъ съ головы до ногъ! Старикъ знаетъ,

что ты могла бы велѣть избить его палками за забывчивость и считаетъ тебя „доброю барынею“ за то, что ты ограничилась такимъ мерзкимъ купаньемъ; отъѣздъ мой, вслѣдствіе этой сцены, ты до сихъ поръ называешь „вспышкою“, тогда какъ ни одинъ честный человѣкъ такихъ сценъ выносить не можетъ. И повторяться онѣ, разумѣется, не станутъ, если ты желаешь, чтобы я у тебя управлялъ. Теперь на счетъ вашихъ ткацкихъ, кружевныхъ и проч., онѣ вѣдь также подлежатъ моему вѣдѣнію, какъ управляющаго, но мы поговоримъ объ нихъ отдѣльно. Я перевелъ бы все это, потому что онѣ составляютъ лишь издержки, а не доходъ, но такъ какъ тебѣ рѣшительно уже нечѣмъ будетъ безъ нихъ заняться, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, измѣнить заведенный у тебя порядокъ: всѣ эти работницы должны хоть очередоваться,—я ихъ видѣлъ нынче утромъ: онѣ исхудалыя, истощенныя на видъ, дѣвочки и дѣвушки. Ты добра, а до чахотки дошиваешь своихъ мастерицъ: одна изъ нихъ кашляетъ кровью. Да можетъ быть и не одна. Ты ни подъ какимъ видомъ не должна сажать за пяльцы или за станокъ дѣвушку ранѣе шестнадцати лѣтъ, по крайней мѣрѣ. Поэтому, весь этотъ легіонъ дѣвчатъ долженъ возвратиться къ семьямъ, работать дома, помогать матерямъ, вмѣсто того, чтобы скоморошничать здѣсь подъ командою Милки, для потѣхи Вѣры, или мориться за пяльцами съ утра до ночи.

— Ты вѣдь въ этомъ дѣлѣ не смыслишь, Paul, возражала Елена: надо и мотать, и навивать на коклюшки, и сбѣгать, послать, мало ли куда, — нельзя же самимъ мастерицамъ отъ подушки или отъ пялецъ безпрестанно отрываться.

— Я полагаю, что можно и не отрываться, если сѣсть тогда, какъ для работы все приготовлено. Мотать кружевныя нитки такіе малыши не въ состояніи; сажать за вышиваніе такихъ ребятъ тоже не годится: онѣ вышиваютъ на грошъ какихъ нибудь городочковъ, а здоровье на всю жизнь портятъ. Но обо всемъ этомъ рѣчь у насъ идетъ слегка и вообще уставъ о кружевныхъ, швейныхъ, вышивальняхъ новый твой управляющій пересмотритъ и, навѣрное, придумаетъ тебѣ какія нибудь колеса съ рукоятками, для разматыванія и навиванія нитокъ на коклюшки, или другія машины, которыя замѣнятъ твоихъ дѣвчатъ. Наконецъ, можно и выписать разныя ручныя машинки.

— Ну, хорошо: придумай! говорила она весело.

— Теперь, второй вопросъ о Вѣрѣ. Позвольте узнать: какіе ваши будущіе планы относительно дочери? Къ чему вы ее готовите?

— Я объ ней и не думала, Paul, она еще такъ мала, — росла себѣ, да бѣгала. Да и такая тоска безъ тебя, что, право, не до нея.

— Напрасно. Она могла бы тебѣ составить и цѣль въ жизни, и занятіе, еслибы ты была въ состояніи взглянуть на это дѣло серьозно. Разсталась ты съ мужемъ; прожили мы съ тобою нѣкоторое время, и ты осталась не одна и не въ бѣдственномъ положеніи: у тебя дочь и три большія имѣнія, слѣдовательно, работа есть — множество лицъ, которыхъ устройство и благосостояніе въ твоихъ рукахъ, зависятъ отъ твоего ума и воли. На тебѣ лежали важныя обязанности; какъ же ты ихъ исполнила? Управленіе имѣніемъ тебѣ въ тягость: оно шло у тебя по заведенной рутинѣ, т. е. народъ нищаетъ,

а староста наживаетъ тысячи. И ты этимъ была довольна? Очень жаль. Ну, а воспитаніе дочери — идетъ по той же рутинѣ, какою и тебя вели? Но эту рутину ты легче всего можешь провѣрить на себѣ: привела ли тебя эта дорога къ извѣстному довольству собою, даже съ твоей точки зрѣнія? А ошибки прошлаго не должны ли наводить насъ на мысль о возможномъ удаленіи результатовъ, уже намъ извѣстныхъ? Куда бы ты, напримѣръ, годилась, еслибы у тебя отняли твое богатство и ты вынуждена была бы кормиться своимъ трудомъ? Ты вѣдь ничего не умѣешь дѣлать, чѣмъ же ты стала бы заработывать себѣ хлѣбъ? Тебѣ больше нечего было бы дѣлать, какъ просить милостыню, или идти на содержаніе! То же самое и дочери твоей предстоитъ: подумала ли ты хоть разъ объ этомъ? Она не имѣетъ въ жизни и тѣхъ шансовъ, какіе ты имѣла: не можетъ она поступить даже въ институтъ, потому что незаконнорожденная; не можетъ наслѣдовать и тысячу душъ, потому что имѣнье родовое переходитъ, какъ тебѣ извѣстно, къ законнымъ сыновьямъ твоимъ. Что же ты для нея готовишь? А ростетъ она отъ тысячи душъ, въ изобиліи, не зная занятія, не зная даже какихъ трудовъ стоитъ выростить хоть персикъ, а она ѣстъ ихъ круглый годъ. Съ утра около нея плясуньи, которымъ она приказываетъ потѣшать себя, — вѣдь это чистый развратъ! и какъ знать, до чего можетъ дойти потѣха? ей, можетъ быть, со временемъ, угодно будетъ царапать или травить этихъ дѣвочекъ? А ты потомъ станешь ее за это сѣчь? Но вѣдь ее ведутъ къ тому: всѣ капризы исполняются; ничѣмъ не занята; цѣлый день дѣлаетъ изъ песку горки! одѣта въ кружева! завита какъ для

бала! Развѣ все это возможно? у нея вѣдь, со временемъ, куска ржанаго хлѣба не будетъ. Однимъ словомъ, я тебѣ скажу, что жить здѣсь и смотрѣть равнодушно, какъ ты губишь доброе и хорошее дитя, я точно также не въ состояніи, какъ и смотрѣть на обливанье квасомъ старика. Если ты хочешь, чтобы мнѣ возможно было здѣсь жить, ты мнѣ поручишь Вѣру, какъ поручаешь и завѣдываніе имѣньемъ, и точно также ни въ какія мои распоряженія относительно ея вмѣшиваться не станешь.

— Не стану, не стану, обѣщала Елена.

Слезы дрожали на ея рѣсницахъ, потому что въ его словахъ она до нѣкоторой степени сознавала заслуженный укоръ. Но, однакожъ, старалась извинить себя:

— Ты, Paul, о ея туалетѣ говоришь: нельзя не пріучать съ дѣтства къ тому, что-бы носить что нибудь порядочное. Cela donne des manières, une certaine tenue... Какъ она бѣдна ни будь, эта tenue ей всегда будетъ нужна. А на ея имя успѣемъ и положить денегъ. Вообще, Paul, чего ты хочешь? я безъ тебя какъ тѣло безъ души. Никто ничего не посовѣтуетъ, не съ кѣмъ слова сказать! Тебя все нѣтъ...

— Это меня ни къ чему не обязываетъ, и ни мало не связываетъ съ прошлымъ, какъ я уже говорилъ тебѣ, отвѣчалъ онъ. Я никакихъ жертвъ собою не понимаю. Я не могу доставить тебѣ счастье, если самъ, живя съ тобою, его не нахожу. Не живется мнѣ здѣсь, значитъ у насъ съ тобою мало общаго. Я отправляюсь искать гдѣ мнѣ будетъ лучше, ты, съ своей стороны, можешь сдѣлать тоже самое. Что дальше здѣсь будетъ, посмотримъ: если я найду сочувствіе и стороны крестьянъ, и

со стороны маленькой Вѣры, я останусь; если же нѣтъ, оставлю все, уѣду, возьмусь за другое дѣло. А чтобы работа моя здѣсь удавалась, не надо мнѣ ни въ чемъ мѣшать.

Расплаканная, но въ сущности обрадованная, Елена заперлась въ молельнѣ. Изъ всего сказаннаго она наиболѣе сознавала лишь то, что онъ не уѣдетъ; ради этого она, однимъ рѣшительнымъ словомъ, отступилась отъ всѣхъ своихъ правъ, обрекла свою личность на положеніе почти пассивное въ имѣньи своемъ и въ домѣ, какъ хозяйка и мать. Она, между тѣмъ, не могла не знать, что Павелъ Ѳедоровичъ далеко не шутилъ, когда заявлялъ, что отберетъ отъ нея всякую власть: онъ, въ самомъ дѣлѣ, не говоря лишнихъ словъ, отниметъ у нея всякую возможность поступать въ чемъ бы то ни было самостоятельно. Но, въ настоящую минуту, Елена думала вовсе не о томъ.

Сидя подъ вечеръ съ Вѣрою въ городѣ, пока Елена брала ванну, Павелъ Ѳедоровичъ разсказывалъ ей сказочку:

— Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, за тридевять земель отсюда, началъ онъ, живетъ маленькая дѣвочка.

— Какъ же ее зовутъ, папа?

— Зовутъ ее Рэчель. Премиленькая эта дѣвочка, лѣтъ пяти или шести, — о ней я и хочу поразсказать тебѣ: какъ она живетъ, что дѣлаетъ съ самой той минуты, какъ проснется, чѣмъ занимается цѣлый день, какъ играетъ, все тебѣ разскажу.

— Ну, хорошо, папа, съ самаго утра разсказывай: какъ только она проснется.

— Да, да. Спитъ Рэчель на низкой желѣзной кроваткѣ, съ бѣлымъ пологомъ вокругъ. Какъ проснется— рано, зимою часовъ въ шесть, а лѣтомъ чуть только солнце встанетъ,—накинетъ блузу, встряхнетъ простыни и одѣяло, перестелетъ постель, взобьетъ подушечку, откинетъ на обѣ стороны пологъ, потомъ отворяетъ окно, выметаетъ комнату, стираетъ вездѣ пыль и идетъ на кухню, помогать матери.

— Папа, развѣ у Рэчель нѣтъ Милки, а у ея мамы нѣтъ „людей“? спросила дѣвочка.

— Кормилицы у Рэчель нѣтъ, мать ее сама кормила, и няни у Рэчель нѣтъ, потому что она сама все умѣетъ сдѣлать, и еще всѣмъ въ домѣ помогаетъ. У матери есть прислуга—одна женщина съ мужемъ, Сара и Джонъ. Джонъ работаетъ въ полѣ, съ другими наемными людьми, чиститъ лошадей, роетъ гряды на огородѣ и проч., жена его ходитъ за скотомъ, доитъ коровъ, бьетъ масло, моетъ бѣлье, работаетъ на кухнѣ. Отецъ Рэчель докторъ; до обѣда онъ объѣзжаетъ часть своего околодка, навѣщаетъ и больныхъ и здоровыхъ, а послѣ обѣда столярничаетъ и плотничаетъ, убираетъ сѣно, хлѣбъ, работаетъ въ саду, — дѣлаетъ, однимъ словомъ, почти тоже, что и его работникъ Джонъ. Мать Рэчель сама готовитъ кушанье, снимаетъ сливки, дѣлаетъ сыръ, шьетъ бѣлье и платье для всѣхъ, гладитъ, убираетъ, — во всемъ этомъ ей уже помогаетъ Рэчель; мать ея, кромѣ того, кормитъ грудью десятимѣсячнаго брата Рэчель, маленькаго Роджера.

— Они, папа, стало быть самые простые люди, какъ наши мужики? Книгъ у нихъ нѣтъ? Они и читать не умѣютъ?

— Напротивъ: отецъ Рэчель, какъ и я, кончилъ первымъ курсъ въ университетѣ, мать ея, до замужества, была учительницею въ сельской школѣ. Она, я самъ это видѣлъ, приготовила старшаго сына, Джемса, къ поступленію въ университетъ: по утрамъ, когда она убралась и проводила мужа, я ее часто заставалъ за такими занятіями,—съ Джемсомъ она переводила Горація (это такая книга, которую далеко не всѣ умѣютъ читать); въ это же время она учила шить маленькую Рэчель, сидѣвшую подлѣ нея на скамеечкѣ, а сама кормила грудью или укачивала Роджера.

— Какъ все это удивительно, папа! Это вѣдь не сказочка: ты говоришь, что самъ видѣлъ?

— Это сущая правда: я тебѣ разсказываю, какъ живетъ семейство, которое я зналъ, и не одно это семейство, а нѣсколько десятковъ тысячъ такихъ же, въ той странѣ, гдѣ я былъ. Женщина у нихъ все знаетъ, и умѣетъ сдѣлать всякую работу, какая ей подъ силу. Къ тому же съ дѣтства пріучаютъ и Рэчель.

— Ну, что же, папа? ты началъ: вотъ Рэчель встала, убрала комнату, вышла въ кухню... что же она тамъ дѣлаетъ?

— А вотъ сейчасъ. Рэчель идетъ умываться. На дворѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крыльца, устроенъ фонтанъ, или просто невысокая колонка съ краномъ; подъ краномъ водоемъ, или корытцо, изъ котораго вода сбѣгаетъ, или не сбѣгаетъ, если ты заткнешь на днѣ его отверстіе. Дворъ вымощенъ мелкимъ камнемъ и вмѣсто забора обнесенъ оградою изъ иглистаго, колючаго кустарника. Рэчель, и зимою и лѣтомъ, умывается подъ этимъ краномъ, потомъ причешется наскоро (волоса у нея

короткіе, какъ у тебя теперь) и спѣшитъ къ матери: мать встала еще раньше ея и уже приготовила тѣсто въ большой посудѣ; Рэчель сама мѣсить тѣсто не можетъ, ей еще это не подъ силу; но Рэчель можетъ уже печь изъ готоваго тѣста блинчики, пышки, ватрушки; она это и дѣлаетъ каждое утро, для ранняго завтрака, на который собирается вся семья. Подтопляетъ она положенныя уже дрова, подставляетъ къ плитѣ скамеечку, взбирается на нее, кладетъ масло на маленькія сковородки, наливаетъ на нихъ тѣсто, и то и дѣло сбрасываетъ готовыя лепешечки на блюдо, которое стоитъ у нея подъ рукою. Когда напекла она разныхъ пирожковъ десятка три-четыре, она начинаетъ приготовлять завтракъ: накрываетъ тутъ же, въ кухнѣ, завариваетъ чай, ставитъ на столъ сыръ, масло, холодное мясо, свое печенье, и звонитъ въ колоколъ, который виситъ у наружной двери. На звонъ этотъ собираются всѣ: Джонъ, Сара, девятилѣтній ихъ сынъ, Робби, отецъ и мать Рэчель, старшій братъ ея, Джемсъ, когда не въ университетѣ, и всѣ садятся вмѣстѣ; дѣвочка и прислуживаетъ, и сама не забываетъ поѣсть; въ десять минутъ завтракъ конченъ; всѣ возвращаются къ своему дѣлу, а дѣвочка все прибираетъ и моетъ. Когда кухня приняла бѣлый, необыкновенно бѣлый и опрятный, видъ, какой она всегда имѣетъ, дѣвочка приноситъ книжки и читаетъ съ матерью: она уже читаетъ и пишетъ, умѣетъ вязать чулки, чинитъ бѣлье, подрубляетъ и шьетъ, — конечно что ей скроитъ и укажетъ мать: она еще маленькая, и цѣлую вещь сама сшить не съумѣла бы. Къ двумъ часамъ, или мать, или Сара, приготовили обѣдъ, и Рэчель опять имъ помогала въ чемъ можетъ. Вся семья акуратно со-

бирается къ этому часу: отецъ пріѣзжаетъ изъ участка; дѣвочка надѣваетъ чистое платье, и выбѣгаетъ къ нему; мать встрѣчаетъ его также съ маленькимъ Роджеромъ на рукахъ; Джонъ пріѣзжаетъ съ поля; Сара покидаетъ маслобойню; сынокъ ихъ прибѣгаетъ изъ школы съ сумочкою, полною книгъ, и садятся они опять всѣ вмѣстѣ за столъ; за обѣдомъ у нихъ два блюда, а на десертъ подаются плоды или ягоды, которые они сами сажали и ростили въ саду. Отецъ привозитъ каждый день изъ города газеты, и, послѣ обѣда, читаетъ вслухъ разныя извѣстія, которыя и Джонъ и Сара слушаютъ и обсуждаютъ. Иногда послѣ обѣда приходятъ два-три сосѣда съ женами и дѣтьми; мужчины принимаются толковать или о полевыхъ работахъ, или о дѣлахъ прихода: докторъ знаетъ всѣхъ больныхъ и бѣдныхъ въ окрестностяхъ; женщины работаютъ, сообщаютъ другъ другу что нибудь о полотнахъ и салфеткахъ, которыя сами ткутъ; разсуждаютъ о хозяйствѣ и разныхъ рецептахъ, или читаютъ какую нибудь новую ученую книгу. Рэчель послѣ обѣда обыкновенно возится на своихъ грядкахъ; у нея и у Робби есть отдѣльныя грядки; на нихъ насѣяны яблонки, вишни, груши, которыя, когда подростутъ, пересаживаются въ грунтъ; есть и птичникъ, который они сами и чистятъ, и снабжаютъ кормомъ. Робби готовитъ потомъ уроки, заданные къ завтрашнему дню, а Рэчель, занимаясь съ нимъ вмѣстѣ, знаетъ уже многое изъ того, что учитъ въ школѣ маленькій Робби. Послѣ вечерняго чая, семья ложится рано, потому что на слѣдующее утро всѣ они опять встанутъ на зарѣ, и опять съ утра у нихъ закипитъ работа.

— Какая хорошая эта дѣвочка, Рэчель! Разскажи

еще объ ней, папа: куколъ у нея развѣ нѣтъ? А горки она умѣетъ дѣлать?

— Когда же ей, мой другъ, играть съ куклами? ей слишкомъ много дѣла, и такими пустяками заниматься некогда. Я тебѣ не могу и перечислить всего, что она дѣлаетъ: по привычкѣ къ работѣ, у нея все дѣлается скоро и хорошо, безъ лишней бѣготни, съ пѣсенкою, съ большимъ толкомъ и вниманіемъ; потому у нея всегда много времени остается свободнымъ; въ это свободное время она то сбѣгаетъ къ больной сосѣдкѣ, снесетъ ей кружку молока или бульона; то постираетъ чулочки или платокъ для сироты, котораго призрѣла школа; то нарветъ яблоковъ или ягодъ къ столу, или для того, чтобы отпустить завтра съ маленькимъ Робби въ училище. На что же ей горки? она постоянно гдѣ нибудь на подмосткахъ, съ которыхъ можетъ спрыгнуть: она маленькая; чтобы достать что нибудь, ей нужно взбираться, и она всюду подставляетъ свою скамеечку, живо взбирается, ловко лѣзетъ на дерево, повѣситъ на сучокъ бѣлье, или сниметъ свою ручную птичку, приберетъ ее на ночь въ гнѣздышко; и спрыгивать съ разныхъ горокъ можетъ, сколько душѣ угодно, но всегда дѣлая полезную работу.

— И я очень желала бы сдѣлаться полезною дѣвочкою, какъ Рэчель, сказала Вѣра. Но мнѣ, папа, какъ же это можно? Повара меня не пустятъ стряпать на кухнѣ,—да для этого у насъ и есть повара, чтобы стряпать; масло бьетъ скотница; крендельки у насъ напечены, пока я еще сплю; постель мою Милка мнѣ не дастъ оправлять; дѣтскую убирать пріучаютъ дѣвчонокъ; и все, безъ меня, состряпано, сшито, вымыто и выглажено. Что же

я могу дѣлать? Я, папа, вотъ еще чего не понимаю: отецъ Рэчель вѣдь баринъ, какъ и ты? ученый, говоритъ по французски, книжки читаетъ, да? и одѣтъ, какъ ты, не по мужицки, а обѣдаетъ и работаетъ онъ вмѣстѣ съ Джономъ и Сарою? Но онъ вѣдь баринъ, а они люди, которые у насъ обѣдаютъ въ застольной.

— Онъ, дѣвочка, не баринъ, а такой же человѣкъ, какъ Джонъ. У людей умныхъ такъ не дѣлятъ, на „господъ“ и „людей“: всѣ „люди“, разница между ними лишь та, что одинъ одну работу умѣетъ дѣлать, а другой другую. Одинъ проповѣдь говоритъ, другой каблукъ обтачиваетъ, но сидятъ рядомъ, потому что и тотъ, и другой люди. И никакая работа человѣка не унижаетъ; отецъ Рэчель умѣетъ и дерево посадить, и доску выстрогать, и больнаго вылечить, и дровъ наколоть, когда нужно. Ты видѣла: я чинилъ мебель, обивалъ старый диванъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ остался такимъ же „бариномъ“, какимъ и ты и всѣ меня величаютъ. Но я не „баринъ“; я смотрю на каждаго человѣка, какъ на себѣ равнаго. Никогда я не буду имѣть человѣка, принадлежащаго мнѣ, какъ, напримѣръ, эта сигарочница, и никогда себѣ не позволю назвать его Николашкою, или Фенькою; маленькая Рэчель такъ тоже никогда не дѣлаетъ.

— Какъ бы мнѣ, папа, сдѣлаться такою же дѣвочкою, какъ Рэчель? спросила Вѣра, помолчавъ.

— Тебѣ это трудно: ты привыкла приказывать, любишь, чтобы тебѣ услуживали, угождали, все приносили; сама чулокъ не надѣнешь; хочешь мало ли чего, о чемъ Рэчель и понятія не имѣетъ.

— А ты любишь такихъ маленькихъ дѣвочекъ, какъ Рэчель?

— Очень люблю. Такою всякая маленькая дѣвочка должна бы быть.

Сказочка не пропала даромъ: Вѣра надъ нею задумалась.

Думая сильно, дѣвочка на слѣдующій день ѣла за столомъ только два блюда и, къ концу обѣда, выбѣжала въ залу—принести отцу корзиночку съ лѣсною малиною, за которою сама ходила съ Милкою. Онъ насыпалъ себѣ ягодъ на тарелку и, отдавая корзиночку, посмотрѣлъ на Вѣру, улыбаясь. Она немножко сконфузилась и, нагнувши его голову, шепнула ему на ухо:

— Не говори никому.

— Секреты? замѣтила Елена. Но рѣшила никогда не замѣчать того, что дѣлается между Павломъ Ѳедоровичемъ и Вѣрою.

— Ему мѣшать не надо! припомнила она себѣ.

Послѣ обѣда Павелъ Ѳедоровичъ ѣздилъ въ поле и, по возвращеніи, засталъ Елену за кружевными узорами, а дѣвочка вязала на двухъ спицахъ подвязку. Феня, стоя подлѣ нея, учила ее не спускать петель. Подвязки было уже порядочно навязано.

Онъ взглянулъ на дѣвочку свою съ любовью.

— Ты мнѣ, папа, устроилъ бы комнатку точь въ точь какъ у Рэчель; и какія платья она носитъ, я тоже себѣ сшила бы; говорила она отцу, догнавъ его на пути въ кабинетъ.

— Пожалуй. Рядомъ съ кабинетомъ есть комната: я тебѣ ее отдѣлаю. А пока ты не выучишься шить, тебѣ придется ходить въ кружевахъ.

— Ахъ, нѣтъ, папа! Ты мнѣ вели платьица два

сшить; пока онѣ носятся, я выучусь. Пожалуйста! И читать ты меня поучи.

— Когда же ты будешь въ куклы играть? Гдѣ онѣ у тебя?

Она опять смѣшалась немного, но отвѣчала прямо:

— Я всѣ куклы и игрушки заперла въ комодъ, въ нижній ящикъ; вотъ и ключъ, я положу его къ тебѣ на столъ. Я никогда уже больше играть не буду.

Рядомъ съ новымъ кабинетомъ Павла Ѳедоровича была комнатка, заваленная разнымъ хламомъ, съ однимъ окномъ въ садъ, а другимъ въ корридоръ. Когда то чрезъ это послѣднее окно подавалось кушанье, когда рядомъ была столовая. Павелъ Ѳедоровичъ выгребъ весь этотъ хламъ, выстрогалъ полъ, заколотилъ досками окно въ корридоръ и оклеилъ стѣны новыми сѣренькими обоями, которые досталъ въ городѣ. Собралъ онъ и отдѣлалъ кое какую мебель, сбилъ кроватку съ переплетомъ для полога, вставилъ новыя стекла въ окно и завѣсилъ его сторою. Потомъ призвалъ портниху, обучавшуюся въ столицѣ и завѣдывавшую разными модными рукодѣльями въ швейной Елены.

— Пожалуйста, сказалъ онъ ей, сдѣлайте два полога на эту кроватку, — вотъ штука коленкора: одинъ надѣньте, другой на смѣну.

И объяснилъ, что по бокамъ пологъ долженъ подстегиваться, какъ занавѣсы у двери.

— Потомъ, вотъ ситецъ, продолжалъ онъ, — Вѣрѣ нужно сдѣлать нѣсколько блузочекъ, безъ всякаго лифа, безъ одного крючка.

— Какъ же-съ? и безъ кушачка будутъ носить-съ?... удивилась мастерица, сама съ тонкою и стройною таліею.

А у ворота оборочку прикажете, или воротнички, полотняные, двойные?

Онъ отвѣчалъ, какъ будто припоминая:

— Да, безъ кушака. И около шеи платье ничѣмъ не обшито, а бѣлый передникъ, довольно длинный, съ маленькими рукавами, обшить у ворота такою же полотняною оборочкою. Вы такіе и сдѣлайте. Еще что? да: панталоны и юпки, пожалуйста, безъ всякихъ кружевъ и вышивокъ. Потомъ ей нужно поскорѣе выучиться шить: работу, какую она можетъ дѣлать, вы ей давайте; скроите и показывайте ей, пожалуйста, какъ шить.

— Они уже нынче и такъ чайное полотенце подрубили, сказала, уходя и ухмыляясь, портниха.

— Рѣшительно полезная дѣвочка она у меня дѣлается! шутилъ онъ. А все не Рэчель: комнатка у тебя, платья даже, будутъ простенькія, какъ у нея, но самой тебѣ до нея еще далеко!

— Я, папа, догоню ее, обѣщала дѣвочка: ей уже седьмой годъ былъ, а мнѣ еще шестой.

Изъ комнаты Вѣры другаго выхода не было, кромѣ какъ чрезъ кабинетъ Павла Ѳедоровича, и Милка на это обстоятельство крайне вознегодовала. Дѣвочка, въ первый же день, какъ перешла туда, сама себѣ съ вечера принесла воды, сама раздѣлась и сложила платье, какъ ей показалъ отецъ и, на слѣдующее утро, ни Милка—ни тѣмъ менѣе босоножки—никто не осмѣлился пробраться къ Вѣрѣ въ комнату, за спиною Павла Ѳедоровича, который писалъ, вставъ на разсвѣтѣ.

Негодованіе Милки выразилось по этому поводу такъ сильно, что даже дошло до слуха барыни: съ этою цѣлью оно, конечно, такъ сильно и выражалось. Павелъ Ѳедо-

ровичъ не подозрѣвалъ, какую подземную силу ополчаетъ противъ себя!

У Милки, какъ у всѣхъ фаворитокъ, былъ цѣлый собственный штатъ; въ сущности, все въ Гороховкѣ шло лишь по ея произволу: повѣнчать ли Микитку съ Дашкою желалось семьѣ, родители приходили „поклониться Маврѣ Ивановнѣ“; приносили ей на поклонъ яичекъ, медку, а кто побогаче и холста каточекъ. Милка, улучивъ благопріятную минуту, докладывала барынѣ, стараясь замолвить доброе слово въ пользу и родителей, и желавшихъ сочетаться бракомъ, и дѣло улаживалось. И на оборотъ: кому идти въ рекруты — барыня всѣхъ семей не могла знать — а вонъ тамъ, въ крайней избѣ, старикъ бойкій такой, старостѣ все перечитъ (со старостою Милка жила въ большихъ ладахъ), его сына и забрить; что же что женатый? солдатка останется за свекромъ ходить. Точно также цѣль достигалась, когда и поваръ, „петербургскій фертъ“,—обзывала его Милка,—оказывалъ ей неуваженіе: барынѣ докладывалось, что онъ провизіи забираетъ множество, лишнее пропиваетъ и обвиняемый, безъ всякаго суда, подвергался наказанію. Какъ видимъ, и кара, и милости исходили собственно отъ Милки въ селѣ и въ барскомъ домѣ села Гороховки.

Милка недавно овдовѣла и была вольною съ тѣхъ поръ, какъ выкормила Вѣру. Вѣру она, конечно, любила, но еще болѣе любила власть, которую, чрезъ посредство маленькой барышни, вполнѣ ей предоставленной, распространяла на все населеніе господскаго дома. Цѣлый эскадронъ прислуги состоялъ, по ея распоряженію, при барышнѣ, и прислуга эта, разумѣется, прежде

всего старалась угодить Маврѣ Ивановнѣ; и кушанье съ барскаго стола, и плоды изъ оранжерей, и всякія блага требовались во всякое время на имя барышни и идти наперекоръ Маврѣ Ивановнѣ, конечно, никому и въ голову не приходило. И вдругъ ея царству конецъ: вся эта власть отъ нея отходитъ! Еслибы Павелъ Ѳедоровичъ съ Вѣрою были люди практичнѣе, они сейчасъ смекнули бы откуда дуетъ вѣтеръ въ селѣ Гороховкѣ и постарались бы подставить свой флагъ на подвѣтренную сторону. А то, такъ прямо, безъ всякихъ подготовленій, Вѣра вдругъ вбѣжала въ дѣтскую и хватила свою кормилицу, какъ обухомъ въ лобъ:

— Милка! я теперь стану учиться, и шить, и спать подлѣ папы, а не въ пристройкѣ и никакой прислуги мнѣ не надо!

— О-о! вотъ какъ! а старухѣ нянѣ отставку даешь? Спасибо, барышня! Вотъ мы и выслужили!

— Нѣтъ, Милка, ты оставайся у меня. Только я уже теперь большая и все стану дѣлать сама, отвѣчала нѣсколько пристыженная дѣвочка.

— Новыя распоряженія! прошипѣла кормилица. Да, погоди! не вся тутъ была: нашу плотину еще не прорвало!

И Павелъ Ѳедоровичъ тоже: не призвавъ ее на совѣтъ, вздумалъ распорядиться собственноручно, по американски! отдѣлалъ комнату для дочери, заказалъ портнихѣ какія ей платьица сдѣлать, обошелся, однимъ словомъ, такъ, какъ бы Мавры Ивановны въ домѣ вовсе и не существовало! Виданное ли для нея это было дѣло?

— Погоди же ты, погоди... грозила кому-то эксъ-

няня, высматривая минуту, когда можно будетъ подшепнуть что нибудь барынѣ.

— Нечесанное дитё, немытое! ворчала она, хлопая дверьми; платьишко точно жеванное; хотя бы Феньку пускать, что ли, коли я уже не угодна стала...

Елена это слышала, но молчала: Павелъ Өедоровичъ былъ занятъ и въ духѣ; шутилъ такъ мило и весело... До Милки ли ей было?

— Погоди же ты, погоди... продолжала ворчать Милка.

Она попробовала обратить особенное вниманіе барыни на недонесенныя тальки, попыталась заняться сборомъ грибовъ и прочихъ продуктовъ, стараясь сосредоточить и усилить въ своихъ рукахъ эти статьи дохода. Но и тутъ понесла неудачу: по уставу, составленному Павломъ Өедоровичемъ для мастерскихъ Елены, талекъ уже не полагалось; произволу Милки, слѣдовательно, разыграться и тутъ нельзя было. Ягоды и грибы стали приносить лишь въ дни барщины; въ остальные же дни они у крестьянъ покупались. Староста, пріятель Милки, былъ смѣненъ. Міръ выбралъ самъ себѣ на его мѣсто другаго.

Елена ни на какія распоряженія не роптала: она весело распѣвала, занимаясь узорами и выкройками, прилагаемыми на большихъ желтыхъ листахъ къ французскимъ журналамъ модъ, читала французскіе томики, гуляла по вечерамъ съ Павломъ Өедоровичемъ. Міръ ея былъ полонъ.

Но вотъ и ея коснулись реформы, имъ вводимыя: Павелъ Өедоровичъ, желая сократить, по возможности, огромный штатъ дворни, предложилъ желающимъ откупаться на волю; мастеровые большею частію на это согласились, внесли за себя небольшія деньги, имъ назначенныя, и

приписались къ мѣщанамъ ближайшаго уѣзднаго города. Елена увидѣла съ неудовольствіемъ, что дворня ея пустѣетъ, но пока молчала. Когда же горничная, которая давно уже за нею ходила—и которую она лишь осенью, по настоянію Павла Ѳедоровича, согласилась повѣнчать съ егеремъ, поставлявшимъ для господскаго стола рыбу и дичь,—объявила однажды барынѣ, что мужъ ея внесъ выкупныя деньги Павлу Ѳедоровичу, Елена рѣшительно возстала.

— Этого не будетъ! закричала она; этого не должно быть, потому что я барыня, и я этого не хочу!

Въ пылу гнѣва, она побѣжала въ кабинетъ.

— Что тутъ такое я? какую я роль играю? слышалось изъ кабинета Павла Ѳедоровича.

Слышался также нѣсколько разъ повторенный имъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Я тутъ ничего не могу: я всѣмъ предложилъ одинаково, и отъ Семена егеря принялъ вчера деньги, какъ принималъ и отъ другихъ.

— Но ты представь себѣ: я ее выучила и чесать, и шить, и гладить; теперь что же? Матрешку скотницу, что ли, мнѣ въ горничныя взять?

— Я обѣщалъ, я отъ Семена деньги принялъ, и завтра же онъ будетъ выправлять себѣ вольную. Я не могу тутъ ничего сдѣлать: слова моего я не могу взять назадъ.

— Что же это такое? собиралась она заплакать.

— Тебѣ не нравится? Возьми назадъ довѣренность, которую мнѣ дала, а я тогда уѣду. Управляй сама.

Она какъ будто не разслышала предложенія, и продолжала:

— Кто же за мною станетъ ходить?

— У тебя есть еще двѣ горничныя: Дуня или Маша, или обѣ вмѣстѣ.

— Да, но Наташка у меня главная. Вѣдь это ты только можешь обходиться съ десятилѣтнимъ Ваською.

— Даже и безъ того могу обойтись, моя милая. Ну, кончено это дѣло, Елена Петровна, или нѣтъ? у меня работа спѣшная.

Елена ушла, и долго привелось ей слушать ворчанье Милки на такіе „нигдѣ невиданные порядки“.

И для дѣвочки начались „порядки“, до сихъ поръ небывалые.

Черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда отца, она уже выучилась читать: азбуки въ домѣ не нашлось,—отецъ взялъ свое евангеліе, напечатанное въ два столбца, съ славянскимъ и русскимъ текстами, и по этой книгѣ, которую подарилъ дѣвочкѣ, выучилъ ее читать. Она почти не выходила изъ своей комнатки по утрамъ, занимаясь, пока занимался и отецъ: шила себѣ юпку, вязала чулокъ, выводила на аспидной доскѣ огромныя каракули въ видѣ цифръ и буквъ. Съ отцомъ она почти не разставалась: лишь только онъ бывалъ свободенъ, она подсаживалась къ нему, и разспросамъ ея не было конца; когда онъ отправлялся въ поле, она выпрашивалась съ нимъ, и онъ ее увозилъ на одномъ съ собою сѣдлѣ. Понятно, что она привязалась къ нему: до сихъ поръ кто же занимался ею, кто и ласкалъ ее?

Дѣвочка сокрушалась, что не можетъ дѣлать въ домѣ рѣшительно всего того, что дѣлала Рэчель.

— Это не бѣда, успокоивалъ ее отецъ: лишь привыкай къ работѣ. Жизнь у насъ, видишь ли, совсѣмъ

другая... Мы съ тобой учиться больше станемъ, и когда много будемъ знать, тогда можетъ быть и у насъ заведутся дѣвочки, какъ маленькая Рэчель.

Говоря это, онъ разлиневывалъ листъ бумаги на квадратики; подлѣ него лежалъ большой свертокъ картона.

— Что это такое будетъ? спросила она.

— Я вотъ тебѣ игрушку сочиняю, и ты можешь мнѣ помогать: когда я напишу всѣ города нашей Владимірской губерніи въ этихъ квадратикахъ, ты будешь разрѣзывать листъ по линіямъ карандаша; потомъ я разрѣжу картонъ на такіе же квадратики, и ты станешь наклеивать названіе городовъ на картонъ. Это у насъ будетъ лото. По вечерамъ, послѣ того какъ ты набѣгаешься со мною по льду, мы будемъ съ тобою играть въ географію Россіи.

Онъ написалъ главные города Владимірской губерніи, съ обозначеніемъ рѣкъ, на которыхъ они стоятъ, потомъ перешелъ къ другимъ губерніямъ, переписалъ ихъ также всѣ по городамъ на квадратикахъ. Потомъ, разрѣзалъ карту Россіи по контурамъ губерній, наклеилъ все это на картонъ, сдѣлалъ изъ нея складную картинку, и дѣвочка, складывая эту картинку и играя въ лото, къ веснѣ рисовала всю Россію по губерніямъ, съ обозначеніемъ городовъ, горъ, рѣкъ, морей, ее окружающихъ. При этомъ, Павелъ Ѳедоровичъ разсказывалъ ей о растеніяхъ, климатѣ и разныхъ особенностяхъ мѣстности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, она начинала говорить по французски. Елена раза два предлагала выписать для нея француженку: она начинала находить, что Павелъ Ѳедоровичъ слишкомъ много времени отнимаетъ у нея, за-

нимаясь дочерью или дѣлами; предложеніе о гувернанткѣ, разумѣется, оставалось безъ послѣдствій: въ первый разъ, когда оно было сдѣлано, Павелъ Ѳедоровичъ промолчалъ, во второй—напомнилъ Еленѣ объ уговорѣ не вмѣшиваться въ дѣла дѣвочки.

Онъ составилъ ей лото изъ всѣхъ государствъ Европы; складная картинка познакомила ее съ каждымъ изъ нихъ, и отдѣльно, и относительно государствъ, смежныхъ одно съ другимъ. Дѣвочка вообще читала мало: дѣтскихъ книгъ, хорошихъ и дѣльныхъ, на всѣхъ языкахъ немного, а въ то время было еще меньше; но она очень многое знала, изъ разговоровъ съ отцомъ; о каждомъ листочкѣ, о личинкѣ, о куколкѣ, о хлѣбномъ зернѣ, о каплѣ росы, о молніи и дождѣ она могла вамъ разсказать многое множество, потому что не утомлялась слушать то, что онъ никогда не уставалъ разсказывать.

Ей пришло на мысль записывать всѣ эти разсказы. Писать отъ себя ей, разумѣется, было трудно, и онъ ей сталъ диктовать, соблюдая нѣкоторую систему въ разсказахъ своихъ о природѣ; онъ досталъ для нея Живописное Обозрѣніе, — книгу далеко не дѣтскую, но изъ которой онъ могъ самъ составлять для нея извлеченія.

Не смотря на готовность со стороны дѣвочки сдѣлаться маленькою Рэчель, нельзя предположить, чтобы такой рѣзкій переходъ къ жизни совсѣмъ новой, при обстановкѣ, гдѣ все ей противорѣчило, дался ей безъ труда. Не разъ она замахивалась на дѣвочекъ, обзывая ихъ „Сонькою“ или „Парашкою“; не разъ тянуло ее къ кукламъ, и ее, разумѣется, поддерживалъ въ этихъ случаяхъ только отецъ: онъ всѣми силами старался уко-

ренить въ дѣвочкѣ постоянство и выдержанность, останавливая ее отъ всякаго порыва. Укрѣпляло дѣвочку и то еще на новомъ пути, что Милка роптала вслухъ, не стѣсняясь ея присутствіемъ, и сама Елена, въ пылу какого нибудь хозяйственнаго неудовольствія, раздуваемаго изподтишка Милкою, выражала не разъ ребяческую досаду, подпускала не разъ острыя шпильки Павлу Ѳедоровичу и дочери на счетъ „ученыхъ женщинъ“. Обѣ онѣ увѣряли, что „изъ этого ровно ничего не выйдетъ“, и дѣвочка была слишкомъ самолюбива для того, чтобы дать оправдаться этому предсказанію.

Когда она бывала слишкомъ раздражена въ дѣтской, или утомлена занятіями, отецъ сажалъ ее съ собою на сѣдло и увозилъ въ поля. Подъѣхавъ къ рощѣ, онъ сходилъ съ лошади, садился подъ дерево и начиналъ разсказывать дочери сказочку:

— На крутомъ берегу большой рѣки,—разсказывалъ онъ ей однажды весною,—въ рощѣ раскинулась деревня, и, въ верхнемъ концѣ ея, у самой крутизны, стоитъ избушка старенькой-вдовы.

Всѣ близкіе ей повымерли, всѣ, кого она выростила, любила и берегла, и кто берегъ ее. Что бы, кажется, оставалось дѣлать, какъ только, охая, долеживать свой вѣкъ на печкѣ? Но не такъ доживала свой вѣкъ старушка.

— Работы много кругомъ, говорила она. Для всѣхъ можно что нибудь сдѣлать, когда на то доброе желаніе есть. Какъ посмотришь, всѣ то въ каждомъ нуждаются. И во мнѣ, силенка хотя малая, но еще ноги таскаю; и руки, хоть плохо, да еще служатъ; смотришь, кому нибудь на что и пригодишься еще.

И лишь только свѣтало, на ногахъ и въ трудѣ бывала старушка.—Вонъ, по сосѣдству, молодица-хозяйка не можетъ съ лавки привстать: тяжкій недугъ одолѣлъ; мужъ, братья въ промысла ушли, а дѣти малъ-мала-меньше. Не вытерпитъ добрый человѣкъ: съ утра приплетется туда старушка, то больной доброе слово скажетъ, то ребятишекъ утретъ, обмоетъ, да накормитъ, чтобы унялись и не кричали; то горшочекъ щей въ печь поставитъ.—То молодежи совѣтъ подастъ: человѣкъ она бывалый, прожила долго, многое запримѣтила и смекнула, многое и сама вытерпѣла отъ неправды людской, Глядь, и остерегла кстати, разумное слово сказала, научила, утѣшила.—А вонъ тамъ, ни съ того ни съ сего, спьяна ли, сзадору ли, поссорились сосѣди: недобрымъ другъ другу грозятъ. Какъ же, любя правду и миръ, не вступиться старушкѣ? Съ одними потолковала, другихъ пожурила, — смотришь и усовѣстила, и ссорѣ конецъ, и живутъ опять по прежнему: по добру, по сосѣдки.

Смирно, не суетясь, безъ хлопотъ, все дѣлала старушка, и, чуть что кому нужно, тутъ она и есть, какъ изъ земли выросла. Безъ дѣла никогда и не помнитъ ее никто. А ребятишки, лишь завидятъ ее, изъ конца въ конецъ деревни, бывало, бѣгутъ къ ней.

— Бабушка, голубушка, потѣшь, родная, поразскажи, что видала-слыхала! кричатъ они еще издали, подбѣгая къ ней и пришлепывая голыми ноженками.

Посядутъ: соберется ихъ тутъ къ ней со всѣхъ дворовъ, и начнетъ она имъ разсказывать, какъ въ старину люди праведные живали; а больше учила она ихъ, какъ надо по братски жить, на всякаго человѣка, какъ на роднаго брата, смотрѣть.

— Всѣмъ бы людямъ, какъ звенья, сцѣпиться слѣдовало, говорила старушка: привольно бы тогда каждому было — и нужды меньше: ни ссоръ, ни зависти не было бы никакой. У всѣхъ у насъ, у тебя, Петя, у тебя, Маша, у каждаго есть семья, есть сосѣди, подружки, знакомые; какъ будто кружочекъ около тебя какой. Ну, еслибы каждый то изъ насъ, въ своемъ этомъ кружочкѣ, лишь другъ на друга, какъ на роднаго брата, смотрѣлъ, лишь ласковыя рѣчи велъ, работу раздѣлялъ, помогалъ чѣмъ можетъ, радости сосѣда радовался бы, въ горѣ его тужилъ и пособлялъ по братски, такъ братская и была бы между нами жизнь. У каждаго кружочекъ такой есть, у малаго и у стараго, у убогаго и у знатнаго. Чѣмъ знатнѣе, чѣмъ шире кружокъ, тѣмъ больше дѣла, значитъ: много кому дано, много съ того и спросится. Еслибы всѣ то мы, ребятишки, все, что только можемъ, дѣлали на пользу ближняго, никто бы тогда изъ насъ и охъ не молвилъ: отъ любви братской тепло всѣмъ жилось бы на свѣтѣ. А у насъ суды, наговоры, обиды, обманы, ненависть! Охъ, какъ тяжело отъ этого душѣ бываетъ! Любви у насъ нѣтъ—все оттого. Вотъ у насъ неурожайный годъ былъ: то-то мы натерпѣлись, да натужились! А тужи да горя не бываетъ, когда другъ другу помощь подаешь. Хотя бы вотъ примѣромъ скажу. Разъ, въ половодье, рѣка наша точно будто осерчала: рветъ все съ береговъ, поля, луга залила, на крутогоръ лѣзетъ, бѣдою неминучею къ избамъ, къ дворамъ подходитъ. Но дружно взялись молодцы наши: всѣ силы собрали, и отстояли вѣдь селеніе, да скотъ. Вотъ опять какъ на промыселъ ѣздятъ, или съ городомъ торговлю ведутъ: дорога плохая, мѣ-

сто дальнее, всего натерпятся, а какъ труды дѣлить, да выручать другъ друга, такъ и легче каждому бываетъ. И каждому трудиться указано; и вамъ нужно къ работѣ привыкать, дѣла не бѣгать; за все умѣть взяться, а главное—ближняго любить: если любить будете, не обидите, не обманете его никогда, не унесете ни даже яблочка его, а еще свое все отдадите; строиться начнетъ, поможете; сироты останутся, пригрѣете, точно тоже и вамъ сдѣлаютъ, если на человѣка какъ на брата смотрѣть станете. Правда живетъ въ мірѣ, и ее всегда находишь, какъ самъ по правдѣ живешь.

Много, много добраго говоритъ имъ бабушка; они всѣ въ кучку припали около нея, а солнце на нихъ такъ и свѣтитъ, какъ будто смотритъ, да радуется, что слушаютъ дѣтки рѣчь о любви и правдѣ, и западаетъ имъ въ сердце отъ добраго сердца сказанное слово. Да и не словомъ однимъ, и дѣломъ неустаннымъ учила ихъ бабушка: трудилась она, рукъ не покладывая, добра была ко всѣмъ, все, что только могла, дѣлала она на пользу ближняго, какъ и всѣмъ намъ поступать бы слѣдовало.

Спитъ по ночамъ мало старушка: у старыхъ людей сонъ слабый, да и рѣка подъ часъ ей уснуть не даетъ. Оконце избушки ея какъ разъ выходило съ обрыва на рѣку.

Широка и быстра была рѣка эта и среди лѣта; въ полую же воду, какъ нахлынетъ дружно съ горъ тающій отъ весенняго вѣтра снѣгъ, она точно закипала, и подмывая крутой берегъ, обрушивала въ русло огромныя глыбы и камни. Подъ деревнею, верстъ на пять выше и ниже, рѣшительно хода не было проплывавшимъ мимо

судамъ. Идутъ, бывало, и днемъ, опасаясь, давая дальше въ рѣку. Многіе намаялись здѣсь досыта, кто съ сумою по міру пошелъ, кто даже и жизнью поплатился, когда, бывало, въ ненастье, верховьемъ разгулявшись, рѣка расколышется такъ, что мутныя волны высоко заходятъ съ бѣлою пѣною на гребнѣ. Чуть плоховаты снасти, смотришь, и сорвало судно съ причаловъ, на которыхъ думали переждать непогоду, и носитъ его вѣтеръ по буйной рѣкѣ. А тутъ и ночь настигла; зги не видать. Какъ тутъ смекнуть, куда держать? проплыто, нѣтъ ли, близко или далеко опасное каменистое мѣсто? Хватишься, что плохо пришлось, лишь тогда развѣ, когда уже и спасенія нѣтъ!

Заслышитъ, бывало, ночью старушка крики съ судовъ, разбивающихся о камни, и сердце ея надрывается отъ скорби. И не съ ея силами чѣмъ тутъ пособишь? А сколько ни тужи, все несчастнымъ не легче.

Но лишь бы тепло лежало къ ближнему сердце, — придумаешь!... Смотри, вотъ и придумала, и помогла, даромъ что немочь ходячая.

Разъ, ночью, страшно гудѣла рѣка; темь такая, хоть глазъ выколи; рѣка бурлитъ, такъ и ходитъ; вѣтеръ свищетъ, такъ и чудится, что быть бѣдѣ. Не спится старушкѣ. Чутко теплое ея сердце: вотъ голоса! ой, на гибель идутъ, съ волною бьются. Дай, думаетъ, вздую огня, да поставлю на оконце: смекнутъ, авось, куда держать отъ опаснаго мѣста подальше.

Какъ разъ во время блеснулъ огонекъ въ хатѣ надъ обрывомъ: смекнулъ кормчій, смѣло далъ въ рѣку, сильнѣе налегли ребята на весла, и, миновавъ бѣду, въ душѣ сказали „спасибо“ за огонекъ доброму человѣку.

Да; все, что могла, дѣлала старушка для ближняго. Побольше бы намъ такихъ людей! —

Вѣра видѣла и его такимъ же: на работахъ или въ избахъ, куда они входили къ больнымъ, Вѣра знала, что его ждутъ и любятъ, не считая „бариномъ“; она слышала, какъ всѣ, просто и прямо, высказываютъ ему свои нужды и недуги. По возвращеніи въ домъ, и она спѣшила снести сама бѣлаго хлѣба или чаю больнымъ, или кое-что изъ платья для ребятишекъ.

— Я буду шить рубашки для этихъ жалкихъ мальчиковъ, говорила она: вели, папа, скроить рубашечки по двѣ,—они лежатъ больные и смѣниться имъ нечѣмъ, отецъ говоритъ.

— Напрасно ей такъ рано показывать болѣзнь и горе, замѣчала Елена: еще успѣетъ наболѣть сердце, прибавляла она, намекая на свою жизненную неудачу, которую любила поэтизировать.

— Тѣмъ лучше она будетъ, возражалъ отецъ.

Дѣвочка принималась шить, а отецъ смотрѣлъ на нее, разстроенный и раздраженный; видъ болѣзни, грязи, невѣжества на селѣ — было для него мученіемъ; невозможность поправить этотъ бытъ, не смотря на всѣ труды Павла Ѳедоровича, мучила его еще болѣе.

— Между тѣмъ человѣкомъ, съ которымъ я жилъ, и нашимъ, говорилъ онъ, разница, какъ между небомъ и землею! Этотъ несчастный невѣжда.... нравственный калѣка....

И тутъ же шелъ во флигель, который велѣлъ опростать за садомъ для больныхъ, шелъ давать почти насильно, но съ ласкою, любовью и сердечными убѣжденіями, лекарства, которыя доставалъ изъ города отъ док-

тора, для облегченія несложныхъ болѣзней этихъ бѣдныхъ людей; или при себѣ, также почти силою, прививалъ ребятишкамъ оспу.

— Ну, что же, говорила Елена: денегъ, слава Богу, много, заведи школу. Хочешь?

— Прежде бабокъ хорошихъ, фельдшеровъ надо. Всякій хламъ у насъ заведенъ, а существенно необходимаго нѣтъ: за каждымъ пузырькомъ масла надо въ городъ посылать. А больной пока безъ помощи лежитъ.

— Ты заводи, что хочешь, разрѣшала Елена: сколько нужно для этого? бери.

Она рада была его потѣшить; но далѣе согласія на издержки денежныя содѣйствіе ея не простиралось: ей были невыносимы и видъ, и даже мысль о страданіи, о болѣзни, о чемъ нибудь неизящномъ, грязномъ, раздражающемъ ея нервы!

Рѣчь объ аптекѣ Павелъ Ѳедоровичъ повелъ съ двумя близкими сосѣдами: это были люди, съ которыми можно было поговорить о чемъ иномъ, кромѣ покоса, урожая или охоты съ борзыми. Прижавшись въ креслѣ, дѣвочка любила слушать, когда онъ разговаривалъ съ ними. Часто говорили они о такихъ учрежденіяхъ, при которыхъ жить привольно, о свободѣ личной, о правахъ человѣка... Павелъ Ѳедоровичъ разсказывалъ, какъ живетъ человѣкъ вольный; рѣчь его оживлялась; чувствовалось, что онъ носитъ въ сердцѣ прекрасный идеалъ развитаго и счастливаго человѣчества!... Елена, глядя на него, любовалась смѣлымъ огнемъ, которымъ загорались тогда его глаза.

Въ жизни Павла Ѳедоровича такое оживленіе было минутное: онъ тормозилъ въ себѣ всякій порывъ. Онъ

вообще работалъ цѣлый день, и, между всѣми, по силамъ каждаго, трудъ былъ распредѣленъ равномѣрно и справедливо. Никакой трудъ не оставался безъ вознагражденія. Пристальный взглядъ управляющаго слѣдилъ, сквозь очки, за всѣмъ и за всѣми; все видѣлъ, все подчинялъ себѣ невольно. Все въ домѣ шло какъ бы само собою, безъ всякихъ приказаній, и дѣлалось въ опредѣленные часы. Времени отдыха было у Павла Ѳедоровича очень немного: онъ называлъ отдыхомъ, когда работалъ въ саду, точилъ или строгалъ что нибудь въ своей столярной, или игралъ на фортепіано, по просьбѣ Елены. По вечерамъ, онъ читалъ иногда вслухъ, пока Елена рисовала, а дѣвочка что нибудь шила. Онъ читалъ о Франклинѣ, Вашингтонѣ, и дѣвочка полюбила этихъ великихъ людей; жизнь для нея такъ складывалась, что она не могла жить иначе, какъ симпатіями, взглядами, вліяніемъ того, кого такъ полюбила.

Въ концѣ іюня пріѣхала однажды вечеромъ изъ города незнакомая ей женщина; она осталась ночевать, а дня черезъ два, когда Вѣра поутру проснулась, отецъ сказалъ ей, что у нея родилась маленькая сестра, Соня. Удивившись и обрадовавшись, Вѣра поспѣшила посмотрѣть на новорожденную сестру. Милка, пеленавшая малютку, объявила Вѣрѣ, что женщина, пріѣхавшая третьяго дня изъ города, нашла эту дѣвочку въ саду, подъ калиною, и принесла къ нимъ въ домъ. Вѣра, чрезвычайно изумленная, спросила у отца:

— Отчего же это я никогда не находила маленькихъ дѣвочекъ ни подъ калиною, ни подъ ясенью... нигдѣ?

— Оттого, что онѣ тамъ не лежатъ, отвѣчалъ Павелъ Ѳедоровичъ.

И объяснилъ ей просто, что маленькіе мальчики и дѣвочки родятся отъ женщины, которая носитъ ихъ девять мѣсяцевъ и родитъ на свѣтъ.

Вѣра ему безусловно вѣрила, именно потому, что онъ не только никогда не обманывалъ ее, но умѣлъ самую трудную, казалось бы, для ребенка вещь представить и объяснить такъ наглядно, что для Вѣры не оставалось никогда и сомнѣнія въ ея точности; дѣти, вообще, всегда умѣютъ отличить правдивое и честное обращеніе съ ними отъ подготовленныхъ для нихъ собственно объясненій и небылицъ.

Павелъ Ѳедоровичъ боялся, чтобы какое бы то ни было понятіе, усвоенное ею, не сложилось въ умѣ ея невѣрно, и спѣшилъ объяснять ей все, часто не дождавшись даже и вопроса. Когда онъ читалъ, то читалъ какъ бы именно для нея: останавливаясь часто, онъ ей разсказывалъ прочитанное простымъ, понятнымъ для нея языкомъ, потомъ заставлялъ и ее разсказывать, и убѣждался, что дѣвочка усвоивала не одну эпическую сторону разсказа, но и мысль, какъ ее передавалъ отецъ.

Когда она стала читать сама, онъ ей не давалъ сказать ни одного слова, которое полагалъ для нея неяснымъ. Изъ фоліантовъ „Живописнаго Обозрѣнія“, Павелъ Ѳедоровичъ продиктовалъ ей вкратцѣ о видимомъ небѣ, о затмѣніяхъ, объ атмосферѣ и земномъ шарѣ, о землетрясеніяхъ, огнедышащихъ горахъ, и пр. Въ книгахъ этихъ онъ ей назначилъ чтенія, поставивъ надъ статейками нумера, для обозначенія въ какомъ порядкѣ ихъ слѣдовало читать: началъ онъ съ деревъ и растеній,—какао, кофе, чай, табакъ, лотусъ и пр. Во французскомъ Journal des enfants точно также, составивъ

ей такимъ образомъ маленькую галерею описаній природы, разсказовъ, картинокъ и свѣдѣній изъ всего, что было подъ рукою. Потомъ перешелъ къ камнямъ и металламъ, къ водорослямъ, моллюскамъ, насѣкомымъ, птицамъ, животнымъ... И эта зима не прошла даромъ для дѣвочки: къ концу ея, она переводила уже статейки, имъ выбираемыя и соотвѣтствовавшія его системѣ.

У нея до сихъ поръ хранятся эти тетрадки, испестренныя поправками. Поправокъ, разумѣется, очень много: она была тогда осьмилѣтнимъ ребенкомъ. Чернила въ тетрадкахъ этихъ пожелтѣли; бумага изветшала; рука, дѣлавшая съ такою любовью, съ такимъ терпѣніемъ эти поправки, давно истлѣла въ землѣ...

Соня росла болѣзненнымъ, нервнымъ ребенкомъ; къ концу года она еще не ходила, и Вѣра съ особеннымъ удовольствіемъ катала ее по саду въ телѣжкѣ. Лѣтомъ, она много работала съ отцомъ въ саду, распрашивая о садикѣ Рэчель; ходила въ поле, ходила по бѣднымъ семьямъ на село, помогая имъ всѣми своими средствами и маленькими силами. Подъ вліяніемъ отца, чувство любви развивалось въ ней такъ же сильно, какъ и потребность правды.

Она, и гуляя съ нимъ, училась многому, замѣчая окружающее и слушая его. Огромная память ея удерживала все почти буквально, послѣ однократнаго чтенія или разсказа. Правда, что, любя дѣвочку сильно, или владѣя педагогическимъ пріемомъ, — что почти равносильно въ дѣлѣ воспитанія,—Павелъ Ѳедоровичъ, какъ никто, можетъ быть, умѣлъ передавать понятно и просто все доступное пониманію; онъ умѣлъ передать занимательно даже первыя правила ариѳметики, задачи ко-

торыхъ маленькія дѣти давно уже стираютъ, и долго еще будутъ стирать слезами съ аспидныхъ досокъ своихъ!

Онъ пріучалъ ее къ размышленію, пыталъ въ ней способность отвлеченнаго мышленія, заставляя вдумываться и выводить заключеніе изъ разсказаннаго или прочитаннаго, и вскорѣ сталъ замѣчать, что подробности или обстановка факта стали какъ бы ускользать отъ нея; самый же фактъ сталъ служить лишь темою для разработки мысленной, или собственныхъ выводовъ. Онъ старался сдерживать развитіе этой способности, занимая ее собственно фактами и механическою работою. На слѣдующую зиму, они клеили лото историческое.

— Сдѣлаемъ это для Сони, говорилъ онъ. Она слабѣе тебя здоровьемъ, и то, что мы дѣлаемъ теперь, она станетъ проходить, когда будетъ постарше тебя двумятремя годами.

Вѣра рѣшила сама, что начнетъ и станетъ учить Соню по указаніямъ отца.

Имена историческихъ личностей, замѣчательныхъ ученыхъ, великихъ людей въ мірѣ искусствъ, ремеслъ, науки и знанія, написались на квадратикахъ, размѣстились по коробкамъ, коробки раздѣлились по столѣтіямъ; дѣвочка стала слушать біографіи великихъ людей и записывать ихъ въ тетрадкахъ. И въ „Живописномъ Обозрѣніи“ перешли тогда къ галереѣ знаменитыхъ личностей. Павелъ Ѳедоровичъ, давая Вѣрѣ читать біографію лица, изображеннаго въ книгѣ, никогда не вырывалъ его отдѣльно изъ цѣлаго ряда лицъ и событій; напротивъ, онъ приводилъ ее къ эпохѣ существованія этого лица послѣдовательными, хотя краткими, біогра-

фіями личностей и разсказами о событіяхъ, ему предшествовавшихъ.

Ей очень понравились біографіи Торквато Тассо, царицы Зиновіи, Шекспира, Наполеона. Любуясь на „залу отреченія“ и на снимокъ съ картины Штейбена, „Ватерлооская битва“, она съ восторгомъ разсказывала о „старой гвардіи, которая умираетъ, а не сдается“... Торжественность слога и описанія такой драмы поразили ее; она говорила и вслухъ и про себя, говорила и матери и Милкѣ; „звѣзда его догорала, громъ битвъ при Люценѣ, Бауценѣ и Дрезденѣ потрясъ предѣлы міра“. „Судьба его свершилась: здѣсь лежитъ... не надобно имени, спросите его у цѣлаго міра; это имя кровавыми буквами начертано отъ береговъ Танаиса до вершинъ Кедрона и устьевъ Тага на бронзѣ, на мраморѣ, на груди храбрыхъ; ничье имя не летало еще такъ далеко на крылахъ молній; ничья нога не запечатлѣла еще на землѣ слѣда столь глубокаго и, здѣсь остановилась эта нога! Здѣсь, тремя шагами, младенецъ измѣряетъ величину исполина. Господь судилъ его: молчаніе, смертные, молчаніе! Его дѣла положены въ чашу вѣсовъ судьбы, да не прикасается къ нимъ рука человѣческая.“

— Какъ я люблю его! говорила она отцу; былъ ничѣмъ, а сталъ „исполиномъ“. Какъ я люблю славу! Чѣмъ бы прославиться, чтобы мое имя гремѣло „отъ вершинъ Кедрона до устьевъ Тага?“

— Ты измѣняешь своему идеалу, маленькой Рэчель? удивился Павелъ Ѳедоровичъ. Хорошо! прочный же ты человѣкъ! Такая слава, которая гремитъ отъ вершинъ Кедрона до стѣнъ нашей Москвы — слава незавидная! она губитъ тысячи тысячъ людей... а скромная слава

Рэчель разносится лишь по окрестнымъ селеніямъ, и вся жизнь ея полна добрыхъ дѣлъ на пользу бѣднаго. Это слава добрая, дѣвочка, и лучшая изъ всѣхъ. Быть женщиною осмысленно доброю лучше всякаго величія. Великимъ называютъ у насъ одинаково и полководца, и министра, и артиста; но великимъ слѣдовало бы называть честнаго и добраго; его подвиги истинно велики, потому что просты, и не хотятъ огласки. Вотъ одинъ такой подвигъ: не хочешь ли, я разскажу тебѣ.—Женщина способствовала тому, чтобы отмѣненъ былъ въ Америкѣ законъ, который предписывалъ рабовладѣльцамъ задерживать измученныхъ негровъ, которые бѣгутъ отъ господъ своихъ. Мужъ ея, самъ сенаторъ, только что подписалъ этотъ законъ, и, часъ спустя, можетъ быть, пришлось и приложить его на дѣлѣ, т. е. задержать и выдать хозяину молодую женщину, которая отъ него сбѣжала съ четырехлѣтнимъ сыномъ. Господинъ ея въ однѣ руки продалъ ея мужа, въ другія ея мальчика; бѣднягѣ удалось бѣжать, и къ такому то звѣрю слѣдовало доставить ее обратно съ сынишкою; за нею гнались съ ружьями, съ собаками, и она спаслась лишь тѣмъ, что прыгнула съ крутаго берега на ледъ; ледъ подломился, она пронеслась по льдинамъ; гнавшіеся за нею не рѣшились сдѣлать того же, и она прибѣжала прямо на кухню къ сенатору, который только что подписалъ законъ о выдачѣ бѣглыхъ ихъ владѣльцамъ. Къ счастію, у сенатора жена была добрая: она стала представлять мужу, что поступать противъ совѣсти никакой законъ не можетъ предписывать, что если доброе сердце внушаетъ ему желаніе помочь этой бѣдной женщинѣ (сенаторъ самъ, увидѣвъ ее, приказалъ ее накормить, обогрѣть,

успокоить), то надо его слушаться, и исполнять точно такъ, какъ оно намъ велитъ поступить. И вотъ, мальчикъ одѣтъ въ теплое платье, бѣглянка накормлена, уложена; среди ночи, сенаторъ самъ закладываетъ повозочку, будитъ ихъ и перевозитъ за нѣсколько миль, въ вольный штатъ, гдѣ ихъ преслѣдовать не имѣютъ уже права. Жена добрая! вліяніе ея доброе! жестокій законъ отмѣненъ, и вотъ подвигъ, который можно назвать великимъ.

Сидя, вмѣстѣ съ отцомъ, въ широкомъ креслѣ, шитомъ по канвѣ, Вѣра его слушала внимательно, и какъ всегда раздумывала надъ его словами. Но героя своего она носила въ сердцѣ, любила его, какъ всегда любятъ Наполеона въ дѣтствѣ, и старалась отыскать въ книгахъ, дѣлалъ ли Наполеонъ подвиги на пользу ближняго?

Такъ какъ она знакома была съ картою, отецъ давалъ ей читать описанія разныхъ мѣстностей древняго и новаго міра: Римъ, Аѳины, Пальмира, Іерусалимъ изобразились въ ея памяти съ ихъ падшимъ величіемъ и историческими воспоминаніями. Венеція, Цейлонъ, замокъ Фернейскій, чудеса, являемыя Геклою и Гейзеромъ, записались въ ея тетрадкахъ.

Еще проходила зима. Дѣвочка развивалась, росла, и была счастлива. Родился у нея на пасхѣ маленькій братъ, Саша. Соня почти постоянно хворала, и Милка исключительно существовала въ домѣ для нея. Павелъ Ѳедоровичъ продолжалъ трудиться, но и Милка вела дѣятельно, систематически, неутомимо подземную работу нашептыванія. Съ рожденіемъ Сони, она вернула часть утраченной власти, и повела закулисную аттаку, которая во

многихъ отношеніяхъ парализировала дѣятельность Павла Ѳеодоровича, и доставляла ему истинно горькія минуты. Все чаще и чаще Павелъ Ѳедоровичъ сталъ видѣть Елену грустною и недовольною. Но Милка такъ искусно вела дѣло, что онъ не видѣлъ руки, подводившей на глаза Елены тѣ самые факты, которые наиболѣе могли раздражать ея барское тщеславіе. Съ первыхъ дней пріѣзда его, Милка, мало по малу, пользуясь минутнымъ неудовольствіемъ барыни, начала исподволь раздувать его, сначала намекомъ, потомъ все прямѣе, и, наконецъ, въ эпоху рожденія Саши, сдѣлалась уже главнымъ лицомъ при Еленѣ, повѣреннымъ всѣхъ ея дѣлъ и отношеній; стала нашептывать и на Вѣру, непріязнь къ которой выражала до сихъ поръ лишь легкими поталкиваніями и ворчаньемъ.

Вѣра всю весну чувствовала себя не совсѣмъ здоровою: постоянный, легкій жаръ къ вечеру, который Павелъ Ѳедоровичъ приписывалъ простудѣ, безпокоилъ его однакожъ; онъ и наблюдалъ за нею, и оберегалъ отъ занятій. Она часто ночью вскакивала и принималась за чтеніе. Съ такою нянькою, впрочемъ, какъ Павелъ Ѳедоровичъ, болѣзни не легко было расходиться. Милка, по поводу этой болѣзни, выражала неудовольствіе на книги, которыми „замучили“ дѣвочку.

Въ умѣ Елены, между тѣмъ, зародилась фантазія: превратить свою ткацкую въ большую ковровую фабрику. Первую мысль объ этомъ проэктѣ Павелъ Ѳедоровичъ началъ отражать основательными доводами: — онъ представлялъ, что все нужно будетъ выписывать, что шерсти своей нѣтъ, и заводить овецъ не расчетъ, губернія не степная; шерсть, краски, мастера, рисунки

должны быть превосходны, чтобы выходило что нибудь хорошее и чтобы фабрика могла хоть окупать себя, а иначе не стоитъ и заводить.

Елена однакожъ не унялась.

— Сначала будутъ ковры похуже... повеземъ въ Нижній на ярмарку, тамъ все сойдетъ, говорила она, съ легкостью, ей свойственною. Ей очень понравился узоръ съ арабесками, приложенный къ модному журналу: у нея и зародилась мысль ткать дома ковры. Не разъ и не десять приставала она къ Павлу Ѳедоровичу съ фабрикою, но на каждомъ шагу ловила его и заговаривала о своемъ проэктѣ: фабрика засѣла у нея въ мозгу, и поскорѣе, поскорѣе, прихоть эта должна была осуществиться. Павелъ Ѳедоровичъ долго молчалъ, но видимо терялъ терпѣніе. Онъ, наконецъ, составилъ смѣту первыхъ расходовъ на устройство и обзаведеніе фабрики, но отказался рѣшительно отъ участія въ этомъ дѣлѣ, по его мнѣнію, не стоющемъ труда. Елена разсердилась серьозно; она и плакала, и бранилась, и упрекала его въ эгоизмѣ.

— Угодить никогда не хочетъ! а я, чего, чего для тебя не сдѣлаю? говорила она со слезами.

— Помилуй! убѣждалъ онъ ее: лучше аптеку усилить, постояннаго доктора выписать, избы новыя поставить.

Но Елена продолжала плакать.

На ту пору Соня опасно занемогла. Мать очень любила эту дѣвочку. На время она отложила заботу о фабрикѣ, и стала просиживать всю ночь безъ сна, у постели Сони, что, на взглядъ Павла Ѳедоровича, была такая же фантазія, какъ и ковровая фабрика; необходимости въ этомъ никакой не было.

Сцена, рѣшившая участь Вѣры, произошла именно вслѣдствіе одной изъ такихъ безсонныхъ ночей.

— Ты думаешь, я тебѣ позволю ее такъ же уродовать, какъ мою старшую дочь? говорила въ одно утро Елена, раздраженная, съ красными отъ безсонницы глазами. Вѣрѣ нечѣмъ и вспомянуть дѣтства; съ пеленокъ за книгою, и вотъ уже сохнетъ отъ этого! И Сонѣ уже подноситъ свои глупыя картинки: у Сони и началось съ головной боли. А Вѣра! жалко смотрѣть на нее! и т. д. и т. д.

Разговоръ происходилъ на балконѣ, за утреннимъ чаемъ. Вѣра, выпивъ свою чашку, сидѣла на ступени лѣстницы. Когда мать завела свою гнѣвную рѣчь, Вѣра встала и начала всматриваться сквозь рѣшетку перилъ въ лицо Павла Ѳедоровича: лицо его мало по малу блѣднѣло и измѣнялось; онъ отодвинулъ стаканъ и сталъ пристально смотрѣть на Елену; складка набѣжала между его бровей, и онъ нетерпѣливымъ движеніемъ откинулъ назадъ волоса... Его любовь, его заботы о дѣвочкѣ, его старанія, труды, цѣлую систему и планъ будущаго воспитанія—такъ безжалостно и грубо корили... Гордое изумленіе выразилъ онъ молча и гнѣвно, страшнымъ взглядомъ, сверкнувшимъ надъ Еленою; такъ бѣшено сверкнулъ этотъ взглядъ, что Вѣра задрожала и какъ бы окаменѣла на своей ступенькѣ.

Но Павелъ Ѳедоровичъ отвѣчалъ, сравнительно, спокойно.

— Если вамъ угодно было составить собственную теорію воспитанія дочерей вашихъ, сказалъ онъ, вы можете сами приводить ее и въ исполненіе, а такъ какъ я

вамъ для этого не нуженъ, то позвольте мнѣ проститься съ вами нынче же.

— Сдѣлай одолженіе! отвѣчала Елена: народъ разбалованъ такъ, что ни на что не похоже; дитя умираетъ! лишь бы спасти ее, а воспитаніе пусть идетъ уже, какъ Богъ дастъ.

Онъ всталъ, сходилъ въ кабинетъ, вынесъ ей довѣренность и ушелъ къ себѣ.

Вѣра, минутъ пять спустя, съ крикомъ кинулась съ балкона въ кабинетъ. Павелъ Ѳедоровичъ провѣрялъ счетную книгу съ Николаемъ, мальчикомъ лѣтъ осьмнадцати, котораго года три тому назадъ сталъ учить конторскимъ счетамъ. На столѣ лежали пачки денегъ. Павелъ Ѳедоровичъ подводилъ итоги и передавалъ Николаю деньги, которыя тотъ пересчитывалъ. Когда это было кончено, Николай взялъ книги, пачки бумажекъ и понесъ ихъ къ барынѣ. Мальчикъ Вася, между тѣмъ, готовилъ чемоданъ, снималъ съ полки книги и обтиралъ съ нихъ пыль. Слезы свои онъ обтиралъ тою же самою пыльною тряпкою. Дѣвочка, пока отецъ писалъ еще, подошла къ нему и молча прижалась къ его плечу: ни одного слова она не могла вымолвить, — мысль, что онъ уѣзжаетъ казалась ей такою ужасною, что она это считала невозможнымъ! А между тѣмъ отъѣздъ придвигался: кончивъ счеты, Павелъ Ѳедоровичъ на одну минуту обвилъ дѣвочку рукою, но, чтобы занять ее и не дать исхода своему и ея горю, сказалъ довольно спокойно:

— Вася трудится одинъ: давай помогать ему.

Вася приносилъ бѣлье и платье. Вѣра съ отцомъ принялась все это складывать.

Елена, между тѣмъ, осталась на томъ самомъ мѣстѣ,

у стола, на который Павелъ Ѳедоровичъ положилъ возвращенную имъ довѣренность. Когда Николай принесъ ей счеты и деньги, она и не взглянула на нихъ: гнѣвъ ея давно прошелъ; вспомнила она, что онъ просилъ не вмѣшиваться въ его дѣла; пришли ей на память одинокіе дни и ночи, пустыня и холодъ такой вокругъ себя безъ него!... и очутиться снова въ такой же пустынѣ, лишь съ новыми призраками, лишь съ пятилѣтними воспоминаніями о любви его и о ежечасномъ съ нимъ разладѣ.... переживать все это съизнова.... Нѣтъ, нѣтъ силъ! Не будетъ никакой возможности! О, цѣною всего въ мірѣ, она готова была искупить нынѣшнее утро! Цѣною жизни Сони, мелькнула въ головѣ Елены устрашившая ее мысль.

Шатаясь, побрела она по корридору, и прильнула ухомъ къ двери кабинета. Тамъ слышались кроткія распоряженія Павла Ѳедоровича, шаги его отъ комода или отъ стола къ чемодану. Вѣра на минуту вышла раскраснѣвшаяся, съ опухшими глазами.

— Вѣра, — позвала ее шепотомъ мать, успѣвшая пройти къ двери столовой, — попроси его отложить отъѣздъ.

Вѣра вернулась въ кабинетъ, обняла отца, стала его упрашивать... Онъ на это отвѣчалъ ей:

— Попроси маму отпустить тебя со мною.

Вѣра опять вышла, начала упрашивать мать. Елена отрицательно покачала головою.

Чемоданъ вынесли. Колокольчикъ уже звенѣлъ подъ дугою. Елена снова была у кабинета, улавливая послѣдніе звуки его присутствія въ домѣ.

— Бѣдныхъ не оставляй, дѣвочка, говорилъ онъ

дочери: мать береги, она станетъ скучать безъ меня. Занимайся и будь спокойна. Жизнь долга: еще свидимся.

Онъ спѣшилъ выдти, чтобы не утомлять ее горемъ. Проходя чрезъ столовую, онъ встрѣтился съ Еленою и поцѣловалъ у нея руку. Слезы тѣхъ, которые окружили его дорожный тарантасъ, видимо смутили Павла Ѳедоровича.

— Вотъ, бѣдные! подумалъ онъ.

Вѣра рыдала. Мать, какъ бы безсознательно, ухватилась за косякъ двери крыльца, на которое вышла проводить его, чтобы не дать ничего замѣтить прислугѣ.

Когда тарантасъ покатился, Вѣра закричала, протянула руки, но пыль взвилась.... нѣсколько объятій ее охватило, нѣсколько бородъ припало къ ея ручкамъ, обливая ихъ слезами, нѣсколько десятковъ голосовъ промолвило ему вслѣдъ:

— Благослови его отецъ небесный!...

Било двѣнадцать.

Завтракать никто не спрашивалъ; его и не накрывали: отъѣздъ Павла Ѳедоровича поразилъ всѣхъ какимъ-то недоумѣніемъ. Всѣ кружились, не зная за что взяться, или, какъ будто, въ лѣсу съ дороги сбились. Елена заперлась въ молельнѣ; дѣвочка обошла балконъ, опустѣлый кабинетъ, всѣ мѣста, гдѣ его только что видѣла, и, наплакавшись, уснула въ сыромъ подвальчикѣ, подъ балкономъ, гдѣ прибирались горшки и разные ея садовые инструменты.

Подъ вечеръ, Вася подалъ ей записочку, привезенную кучеромъ Алексѣемъ, который вернулся съ экипажемъ изъ города.

Вѣра схватила ее, и не могла удержать слезъ.

— Барышня, миленькая, не плачьте! говорилъ Вася: съ Алексѣемъ на словахъ приказали сказать вамъ, что скоро пріѣдутъ!

Въ записочкѣ всего было четыре слова: „Цѣлую мою милую дѣвочку“. Но Вѣра ее долго, долго читала.

— Не можетъ быть... разсуждала про себя Елена, ходя поздно ночью, въ день его отъѣзда, по большой залѣ, на полу которой луна обрисовывала рядъ длинныхъ и узкихъ оконъ; не можетъ быть, отъѣздъ этотъ должно быть давно рѣшенъ у него на умѣ. Тяжело ему съ женщиною, которую онъ погубилъ, оторвалъ отъ всего ея прошлаго, разлучилъ съ сыновьями, съ обществомъ, съ кругомъ родныхъ и близкихъ, которая принесла ему столько жертвъ!... Онъ утомился этимъ зрѣлищемъ. Ему не подъ силу стало. Но я вѣдь не считала его власть бременемъ. Нѣтъ, ему просто надоѣла однообразная жизнь въ глуши, въ деревнѣ, гдѣ онъ не видитъ людей. Но какъ же онъ бросилъ Вѣру? Онъ, именно, на дняхъ говорилъ: „систематическое обученіе ея лишь теперь можетъ начаться, и я къ тому подготовилъ возможные матеріалы“. Ничего не понимаю! Я знаю лишь одно, что я тутъ ни въ чемъ не виновата, а пострадать мнѣ придется больше, чѣмъ кому либо. И что это съ нимъ сдѣлалось? Жилъ онъ, кажется, богатымъ бариномъ, хотя онъ и не любитъ этого; такіе уже плебейскіе вкусы! а то могъ бы имѣть не только все, потребное для роскошной жизни, но и исполнять всевозможныя фантазіи. Денегъ много,—можно бы поѣхать пожить за границею, отдать Вѣру въ хорошій пансіонъ, въ Парижѣ... Куда! это онъ все на-

звалъ бы развратомъ!... Вѣдь всѣмъ, кажется, распоряжался, какъ своею собственностью, а деньги всѣ мнѣ отдавалъ,—зналъ, однакожъ, что мнѣ для него ничего не жаль. И съ чѣмъ только онъ поѣхалъ? У него никогда ни копѣйки не было: все раздавалъ... Вѣрно въ городѣ перехватитъ у кого нибудь. И въ дорогу ему, кажется, ничего не напекли, не зажарили: изъ чужаго дома и то такъ не отпустятъ. Господи! Господи!... Теперь, если онъ и на Кавказъ поѣдетъ, то вѣдь на какое нибудь бездѣльное жалованье; многаго и не возьметъ; и поселится въ пустомъ углу; и, пожалуй, счастливъ будетъ: весело будетъ работать, напѣвать, да посвистывать. Не умѣетъ онъ жить въ барскихъ хоромахъ! жить съ людьми, которые его любятъ! Кто же его тамъ прибережетъ, приголубитъ? здѣсь все ему въ глаза смотрѣло! Бѣдный мой! Милый мой! Нѣтъ его для меня милѣе! И горе-то отъ него мнѣ дорого! плакала она, и, тоскуя, пошла въ его кабинетъ.

Въ неприбранной, по приказанію Вѣры, комнатѣ, пахнуло на нее пустотою и слѣдами недавняго отъѣзда... Въ спальнѣ Вѣры видѣнъ былъ свѣтъ; она отворила дверь,—свѣча горѣла на комодѣ. Вѣра лежала нераздѣтая, съ широко открытыми глазами, на постели. Мать подошла къ ней, и почти испугалась ея лица. Она перекрестила ее. Вѣра не шелохнулась.

И началась для обѣихъ жизнь почти невыносимая: Вѣра не могла видѣть мать, какъ причину отъѣзда, который принесъ ей первое горе въ жизни, и какое горе! Она съ ожесточеніемъ стала избѣгать даже встрѣчи съ матерью. На другой день, принимаясь прибирать въ кабинетѣ оставленныя книги, которыя отецъ бралъ

изъ библіотеки, и поручилъ ей поставить на прежнее мѣсто, она связала ихъ, и пошла къ Клязьмѣ, чтобы уйти поскорѣе изъ дома и пересмотрѣть книги, прежде чѣмъ ихъ положить въ шкафъ. Въ одной изъ книгъ лежала ленточка. Вѣра кинулась къ ней, и прочитала нѣсколько строкъ изъ „Précis de l'Ecclésiaste“ (Толкованіе Экклезіаста), Вольтера:

«En vain par vos travaux aspirer à la gloire:
Vous mourez, c'en est fait, tout souvenir s'éteint;
Vous n'êtes ni chéri, ni respecté, ni plaint:
La mort ensevelit jusqu'à votre mémoire». *)

Живо сбѣгала она за лексикономъ, принялась читать рифмованную мудрость, и, обливаясь слезами, съ отчаяніемъ повторяла:

«Tout est vanité! tout est vanité!» **)

Читала она, и читала эти горькія строки, и пришла наконецъ минута, когда она спросила себя, зачѣмъ же жить?... Того голоса не стало, который отвѣчалъ бы ей на это, сказалъ бы ей смыслъ и цѣль жизни. Переживая одиноко трудный вопросъ, себѣ заданный, она думала долго, спросила наконецъ себя: зачѣмъ же онъ живетъ? и рѣшила, что затѣмъ только, чтобы трудиться для другихъ: вспомнила она о старушкѣ, на краю обрыва, о Рэчель и о другихъ сказочкахъ, отъ него слышанныхъ; вспомнила, что онъ ей завѣщалъ своихъ трудящихся и бѣдныхъ... Собрала она

*) «Напрасно вы, трудомъ, стремитесь къ достиженію славы: вы умираете, кончено! всякое воспоминаніе о васъ исчезаетъ; любовь къ вамъ, уваженіе, сожалѣніе о васъ смерть уноситъ вмѣстѣ съ вашимъ именемъ».

**) «Все суета! все суета!»

книги, снесла ихъ въ домъ, поставила въ особый уголокъ, который опростала въ библіотекѣ, и пошла на деревню — навѣстить, узнать, не нужно ли тамъ чего. Ее угостили молокомъ и ржанымъ хлѣбомъ, и она поѣла съ удовольствіемъ, вспомнивъ при этомъ, что ее приходили звать обѣдать, но она не пошла. Солнце садилось; она возвращалась домой, грустная, но сравнительно спокойная. — Онъ отвѣчалъ, не слыхавши еще вопроса, — думала она; отвѣчалъ заранѣе — жить надо для того, чтобы все, что могу, сдѣлать для ближняго. Что же я могу? накормить, сшить что нибудь, утѣшить... А мать? ее не утѣшишь. И меня тоже никто утѣшить не можетъ. Охъ! какъ тяжело мнѣ жить! вздохнула дѣвочка.

Елена бродила, какъ тѣнь: изъ дѣтской съ спущенными сторами, гдѣ томилась Соня, прокрадывалась она въ кабинетъ, садилась въ кресло Павла Ѳедоровича; ни слезъ, ни силъ у нея, казалось, не было, лишь неотвязчивая мысль жила въ ней, что она опять безъ него, и что такъ пройдутъ, можетъ быть, долгіе годы! Приходила она на балконъ, и, какъ будто, начинала прислушиваться: пѣсня ли его ей чудилась, которая еще такъ недавно оглашала здѣсь рощу, при стукѣ топора или заступа, которымъ онъ работалъ; или воспоминаніе о суровыхъ словахъ, высказанныхъ на этомъ мѣстѣ, еще не вымерло въ ней отъ страданія. Къ ея прежнему горю присоединялось теперь молчаливое горе блѣдной и похудѣвшей дѣвочки, которой — она сознавала—ничѣмъ не могла замѣнить отбывшаго.

Когда дѣвочка пришла къ вечеру въ домъ, она готова была сказать матери нѣсколько добрыхъ словъ,

но ихъ не нашлось: что бы она ей сказала? самаго факта, ее поражавшаго, мать измѣнить была не въ состояніи... Елена спросила у нея сухо—что она цѣлый день дѣлала?

— Читала, думала, на село ходила, отвѣчала дѣвочка.

Мать хотѣла минуты откровенности,—хотѣла знать, что думала дѣвочка, можетъ быть, съ доброю цѣлью сказать ей тоже что нибудь утѣшительное. Но Вѣра не умѣла говорить съ нею; замкнувшись, она грустно молчала.

— Что же ты? спросила Елена. Ему, вѣдь, всѣ мысли разсказала бы.

— Да, просто отвѣчала она.

— Да! хороша дочка: это онъ мнѣ такую приготовилъ!...

— Не сердись, мама. Теперь... не могу говорить. Потомъ, когда нибудь... начала Вѣра, сдерживая слезы; и подошла къ матери, приласкаться.

Но Елена, озлобленная, оттолкнула ее. Вѣра, въ испугѣ, отошла къ окну. Елена продолжала ходить; долго ходила она и кашляла; дѣвочка долго сидѣла у окна, утирая слезы. Наконецъ, она подошла проститься съ матерью на ночь; мать, по привычкѣ, машинально ее перекрестила.

Которой изъ двухъ было тяжелѣе въ эту минуту?

. . . . . .

Стоилъ ли, въ самомъ дѣлѣ, Павелъ Ѳедоровичъ такой любви и такого страданія со стороны ему близкихъ? Постараюсь взглянуть на него безпристрастно; нѣсколько послѣдующихъ фактовъ дорисуютъ, можетъ

быть, неясный портретъ, который остался о немъ въ моей памяти.

Враговъ у него насчитывалось гораздо болѣе—и въ томъ числѣ большинство окрестныхъ дворянъ — чѣмъ горячихъ поклонниковъ. И тѣ и другіе толковали, разумѣется, о немъ различно. Друзья говорили, что онъ брался всегда за то лишь дѣло, на сторонѣ котораго былъ гуманный принципъ и правда. На это возражали, что онъ лишь горячо берется за дѣло, и скоро остываетъ къ нему. Мы видѣли, однакожъ, пять лѣтъ его жизни, проведенныхъ въ систематической послѣдовательности, и каждая минута этихъ пяти лѣтъ была отдана имъ на исполненіе того, что онъ на себя взялъ. Можетъ быть нѣсколько утопично и уродливо, въ отношеніи къ нашему вѣку и строю общества, сложилось въ немъ понятіе о правдѣ и истинной честности: дѣйствовать по совѣсти, не смотря ни на что,—это все равно, что идти на проломъ. Это непрактично. Этого и не могли простить ему тѣ, которые по совѣсти не живутъ, т. е. огромное большинство. Но Вѣра, которой онъ, безъ всякаго страха, внушалъ такую непрактичность, видѣла на каждомъ шагу примѣненіе ея къ его жизни, и привыкла ее цѣнить въ высшей степени. Вѣра понимала мудреца и стоика, выпившаго цикуту за правду, которой онъ служилъ, и Павелъ Ѳедоровичъ, именно, такія чтенія по преимуществу давалъ ей, и объяснялъ съ особенною любовью. Прилагать теорію абсолютной правды къ жизни, — каждый согласится съ нами, что это даже неразумно: кто же въ благоустроенномъ обществѣ не учитъ дочь,—больше, правда, примѣромъ—обходить вопросъ, смалчивать при случаѣ, лавировать,

т. е. плутовать?... А Павелъ Ѳедоровичъ такъ дѣлать не умѣлъ. Вслѣдствіе этого въ немъ, разумѣется, было и мало терпимости: рѣзокъ онъ бывалъ, — это многіе помнятъ. Помнитъ и одинъ губернаторъ, у котораго онъ былъ по дѣламъ Елены, и обошелся съ нимъ невѣжливо, по выраженію этого сановника. Вспыльчивъ онъ былъ до крайности: вдругъ набѣгала у него складка между бровей, и складка эта была предвѣстницею бѣшенаго порыва гнѣва! Но, въ теченіе пяти лѣтъ, складка эта набѣгала у него не разъ, а взрыва гнѣва мы не слыхали: воспитывая дѣвочку, онъ постоянно наблюдалъ надъ собою, и, прежде всего, воспитывалъ самъ себя. Индеферентизма въ немъ не было ни на волосъ: любилъ онъ горячо, и отъ всего сердца ненавидѣлъ и презиралъ. Всему, всегда, онъ отдавался весь. Минуты унынія у него бывали страшны, тѣмъ болѣе, что бывали рѣдко; но онъ, вполнѣ отдаваясь впечатлѣнію, почти заболѣвалъ отъ нихъ: „Ничего не сдѣлаешь въ жизни, а чувствуешь столько силъ!...“ думалъ онъ, и мысль эта надламывала его на нѣсколько дней, пока онъ, усиленнымъ трудомъ, не производилъ въ себѣ реакціи, не доходилъ, сравнительно, до спокойствія. Можетъ быть, былъ онъ слишкомъ крутъ съ лицами, надъ которыми хотѣлъ имѣть вліяніе, съ личностями, болѣе слабыми, чѣмъ онъ, по характеру, отсутствію убѣжденій или неразвитости; можетъ быть, при видѣ слезъ Елены, вы усумнились бы и въ теплотѣ его сердца и въ необходимости идти ей наперекоръ; но, вглядываясь въ его требованія, вы не могли не сознаться, что они всегда выражали борьбу съ рутиною, лишенною всякаго добраго начала, и въ такой борьбѣ онъ не жалѣлъ никого.

Самая его наружность широкими чертами обрисовывала его природу: столько прямоты, добродушія, честности, энергіи, выражали смѣлыя линіи его лба, открытый взглядъ, рѣчь всегда прямая! Правильное, спокойное, повидимому, лицо его, изобличало, однакожъ, живую подвижность его натуры: ощущенія проходили по немъ, смѣняясь рѣзко подъ вліяніемъ мысли. Когда онъ говорилъ о томъ, что любилъ, онъ говорилъ, одушевляясь; глаза его горѣли; тогда рѣчь его дѣйствовала магнитическимъ образомъ на слушателя. Труднѣе всего было устоять противъ его голоса: онъ до того былъ мягокъ и мелодиченъ, что почти безусловно побѣждалъ того, кого ему хотѣлось убѣдить. Самое лицо его говорило почти безъ словъ: леденившее васъ чувство неловкости умѣли произвести одинъ его взглядъ и слегка вздергивавшіяся губы; когда же онъ шелъ къ вамъ любя, лаская мысленно, какую силу нѣжности умѣла передать одна его улыбка!

Дѣвочка видала его наиболѣе въ тѣ минуты, когда онъ говорилъ „лаская мысленно“; съ нею онъ всегда говорилъ, любя ее; она, слѣдовательно, знала отца въ лучшія его минуты. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, она стала жить ощущеніями его, и рано начала понимать, что онъ любитъ, чего хочетъ, что не противно его убѣжденіямъ. Съ его отъѣздомъ, она лишилась всего— и руководящей ею мысли и предмета любви; все, что ее окружало, она уже не любила и не цѣнила. Создавъ себѣ теорію развитія женщины, Павелъ Ѳедоровичъ смѣло прилагалъ ее къ воспитанію любимаго дитяти; онъ слѣдилъ за дѣвочкою внимательно, неутомимо, тѣмъ болѣе, что видѣлъ въ ней задатки своихъ собственныхъ

несовершенствъ и качествъ, которыя предположилъ разработать по широко задуманной системѣ.

Въ отъѣздѣ изъ Гороховки, мы имѣемъ право обвинить его: изъ нетерпимости къ капризамъ Елены, никогда не придавая никакой цѣны словамъ ея, убѣжденный въ томъ, что черезъ часъ она сказала бы иное, онъ не съумѣлъ стерпѣть обиды, вспылилъ, уѣхалъ сейчасъ же, откладывая на неопредѣленное время начатый имъ трудъ воспитанія. Но и въ этомъ отъѣздѣ онъ совершенно вѣренъ себѣ: самолюбію его приходилось страдать весьма рѣдко, и онъ не умѣлъ выносить ни справедливаго, ни несправедливаго укора.

Елена, не могши подняться до него, по легкости своей, цѣнила его, однакожъ, почти безсознательно, гордилась имъ, какъ человѣкомъ идеальнымъ. Упрекъ, вырвавшійся у нея въ послѣднее утро пребыванія его въ Гороховкѣ, высказанъ былъ ею впервые, но высказанъ былъ такъ желчно и съ такимъ выраженіемъ правдоподобія, что Павелъ Ѳедоровичъ счелъ себя здѣсь какъ бы лишнимъ. Она, однакожъ, столько же изъ воспоминанія и любви къ нему, сколько во избѣжаніе всякаго труда, и мысленнаго и фактическаго, предположила сохранить все, что было заведено Павломъ Ѳедоровичемъ по дѣлу управленія имѣніемъ, и возложила всю эту заботу на Николая, какъ на человѣка, который наиболѣе занимался „при баринѣ“.

Милка, какъ и при немъ, исключительно ходила за младшими дѣтьми. Елена ее въ первое время инстинктивно избѣгала, зная нерасположеніе ея къ Павлу Ѳедоровичу.

Дѣвочка, почти безвыходно, жила въ своей комнатѣ,

перечитывая его диктовки и книги, которыя онъ для нея выписалъ, работая для бѣдныхъ на селѣ.

Соня поправилась.

Наступила осень. Отъ Павла Ѳедоровича не приходило ни къ кому ни строчки.

Елена слонялась по дому и саду безъ всякаго дѣла; даже французскіе томики и кружевные узоры перестали занимать ее. Она видимо похудѣла, и сильно кашляла. Чтобы развлечься, она придумала поѣхать къ одной изъ сестеръ своихъ, къ княгинѣ У..., въ См. губернію. Княгиня, изъ всѣхъ ея родныхъ сестеръ, одна не прерывала сношеній съ погибшею женщиною, и Еленѣ захотѣлось повидаться съ нею. Вѣру она брала съ собою. Ей снова принялись справлять гардеробъ по моднымъ журналамъ, и, на ея возраженія, мать сказала, что „у тетушки княгини иначе одѣтою быть нельзя“. Вѣра замолчала. Всѣ приказанія и распоряженія Елены были ей противны, и повиноваться имъ стоило Вѣрѣ невѣроятнаго усилія надъ собою. Волоса ея, отросшіе въ отсутствіе отца, снова закрутили въ папильотки. Надѣлали ей нарядныхъ платьевъ съ воланами и фестонами, и отправились въ дальній путь.

Елена спѣшила пріѣхать; такъ и гнала; ѣхали онѣ день и ночь. У тетушки княгини Вѣра познакомилась съ двоюродною сестрою, очень похожею лицомъ на Соню, и двоюродными братьями, съ странными, никогда неслыханными ею, именами: Эсперъ, Модестъ, Леонидъ и пр. Мальчиковъ было человѣкъ пять. Это были веселыя, нарядныя, беззаботныя дѣти,—не то что она; они шумно и счастливо играли себѣ, подъ надзоромъ гувернантки, въ барабаны, куклы, самоварчики и пр. Изъ книгъ

она нашла тамъ только классныя, которыя князьки не особенно любили. Диктовокъ, сдѣланныхъ отцомъ, тамъ конечно не было. Вѣрѣ здѣсь все было чуждо. Она и бѣгала, и гуляла по саду, съ братьями и сестрою, но думала про себя невеселую думу.

По возвращеніи отъ тетушки, Вѣра съ отрадою вернулась въ свою комнатку, и принялась за одинокія занятія; она много переводила, думая: онъ пріѣдетъ, я ему покажу, онъ поправитъ... Для отдыха, она бѣгала съ Сонею по большой залѣ, и, въ длинные вечера, мать позволила ей однажды играть съ Сонею въ географическое лото, составленное отцомъ. Лото это было уже, сравнительно, радостью: Вѣра глотала слезы, доставая коробку изъ шкафа библіотеки, и приготовляя на блюдечкѣ сушеныя лакомства, предназначавшіяся для Сони, въ случаѣ выигрыша.

Во всѣхъ занятіяхъ Вѣры не было ни жизни, ни цѣли. Въ этой дѣтской жизни было уже прошлое, неразлучное съ ея мыслью, и стоившее ей многаго, глубокаго горя... Нося въ себѣ одну, преобладающую надъ всѣми, мысль, ребенокъ, не по годамъ, дѣлается сосредоточенъ и серьозенъ.

Дни, недѣли, мѣсяцы не шли, а тащились съ минуты отъѣзда Павла Ѳедоровича.

Но вотъ, вскорѣ по пріѣздѣ отъ тетушки, въ одно воскресенье, въ морозный, ясный день, Николай возвратился изъ города, куда ѣздилъ за покупками. Вошелъ онъ во время завтрака, и подалъ Еленѣ счетъ и нѣсколько бумагъ, а Вѣрѣ — письмо. По почерку, она узнала еще издали, отъ кого это письмо, и покраснѣла

отъ радости. Когда Николай вышелъ, Елена хотѣла взять письмо, но Вѣра его удержала.

— Ну, читай вслухъ! сказала Елена въ волненіи. Вспомнилъ наконецъ! хоть о ней... прибавила она про себя.

Вѣра стала читать. Павелъ Ѳедоровичъ писалъ съ Кавказа; онъ разсказывалъ дѣвочкѣ о горахъ, которыя видѣлъ; объ ущельяхъ, куда могъ пробраться лишь подъ прикрытіемъ нашихъ войскъ; о жизни въ станицѣ; о женщинахъ и костюмѣ ихъ; совѣтовалъ ей прочитать „Кавказскаго плѣнника“, Пушкина; обѣщалъ привезти образцы мѣстной флоры; спѣть ей пѣсни, которыхъ наслушался, и записалъ для нея. Въ письмѣ этомъ онъ называлъ себя „Аннибаломъ въ Капуѣ“; но, въ концѣ письма, было положительное обѣщаніе „вырваться изъ Капуи“, и пріѣхать скоро.

Вѣра ожила: въ тонѣ письма ей слышался живой тонъ его разсказовъ, въ то время, когда онъ жилъ въ комнатѣ, рядомъ съ нею, и возвращеніе его къ ней почудилось Вѣры счастьемъ, выше котораго она себѣ ничего не могла представить.

— Что такое Аннибалъ и Капуа? спросила она у матери.

— Не помню, отвѣчала она. Поищи въ исторіи.

Общую радость, доставленную этимъ письмомъ, выразить трудно. День этотъ былъ для всѣхъ праздникомъ.

Долго рывшись въ книгахъ, дѣвочка заключила, что роскошь природы и края удерживаютъ тамъ Павла Ѳедоровича.

Елена, взволнованная и обрадованная, принялась ждать: настроили забытый рояль; принесли изъ теплицы

его любимыя растенія, геліотропы и жасмины. Прошелъ мѣсяцъ со времени полученія отъ него письма; а онъ не ѣхалъ.

Елена ждала. На щекахъ ея выступили два красныя пятна и глаза стали горѣть огнемъ, не предвѣщавшимъ ничего добраго. Она къ тому же простудилась во время поѣздки къ сестрѣ, и сильно кашляла всю зиму.

Прошла зима; ручьи побѣжали съ горъ; работы начались на поляхъ и въ саду; ледъ прошелъ по Клязьмѣ, а его все ждали, ждали!..

Прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ „будто душа выбыла отсюда“, думала Елена: наступило знойное лѣто; Клязьма уже и обмелѣла... Что же это такое? „Господи! Господи! услыши, и помилуй!“ слышала дѣвочка изъ молельни голосъ матери, слабѣвшій съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе.

При видѣ такой тоски, невыразимое сожалѣніе закрадывалось въ сердце дѣвочки. Она почти прощала Еленѣ отъѣздъ отца, понимая, какъ она сама отъ этого страдаетъ.

Въ одинъ вечеръ, Вѣра вслушалась въ разговоръ Милки съ лакеемъ, пріѣзжавшимъ переговорить о какомъ-то дѣлѣ съ Николаемъ. Милка угощала его чаемъ въ пристройкѣ, и онъ разсказывалъ, что пріѣхалъ съ господами своими съ Кавказа, гдѣ они, на водахъ нерѣдко видали Павла Ѳедоровича. Съ его именемъ упоминалось имя незнакомой женщины...

— Вишь, прости Господи! прошипѣла Милка, а наша-то по немъ уже кровью кашляетъ!

— Всю ночь, какъ есть, поютъ, продолжалъ лакей.

Она пуще привязалась: онъ, тутъ, по дѣлу уѣхалъ не подалеку, а она за нимъ...

Сжавъ зубы, чтобы не закричать, дѣвочка поняла, конечно, только то, что эта женщина его не пускаетъ, тогда какъ Елена ждетъ его съ такою тоскою и слезами. Затаивъ свое горе отъ всѣхъ, дѣвочка почти перестала ждать отца. Въ какомъ-то холодномъ, безсильномъ отчаяніи, она опускала руки и безнадежно глядѣла въ даль.

Въ домѣ, между тѣмъ, все его ждало, ждало!...

Къ осени, Елена исхудала сильно; кашель ея увеличился. Ей вдругъ пришло на мысль, что она сляжетъ, и она, наскоро, принялась устроивать дѣла свои по плану, вдругъ возникшему: родовое имѣнье свое продала за безцѣнокъ, большею частью на векселя, купила другое въ сосѣднемъ уѣздѣ, сдѣлала завѣщаніе на имя Павла Ѳедоровича, съ лихорадочною поспѣшностью писала бумаги, отдѣлывала домъ въ новой усадьбѣ, ѣздила безпрестанно въ городъ. Вѣра ѣздила съ нею, ухаживая за матерью, оберегая ее. Переселились, наконецъ, въ новый домъ; перенесла туда Елена и кабинетъ Павла Ѳедоровича, въ такомъ видѣ, какъ онъ былъ у него въ Гороховкѣ: съ одной стороны помѣстила, какъ было, комнату дочери, съ другой — устроила для него маленькую гостиную изъ малиновой мебели, которую онъ отвергъ въ Гороховкѣ для своего кабинета. Всѣ эти заботы поддерживали ее въ лихорадочномъ и радостномъ волненіи: она все спѣшила, боясь, что вотъ-вотъ онъ пріѣдетъ, а у нея не кончено! Устроивши, наконецъ, все такъ какъ ей хотѣлось, она написала къ нему о состояніи своего здоровья,

о настоящихъ своихъ распоряженіяхъ, о положеніи дѣлъ, и просила его поторопиться пріѣхать.

Отправивъ это письмо, она сравнительно успокоилась, т. е. стала положительно и еще мучительнѣе ждать его: день сидѣла она у окна, изъ котораго видна была плотина, на дорогѣ изъ села къ дому, а по ночамъ все ходила и кашляла. Къ рождеству, она мало сходила уже съ длиннаго кресла, и его перенесли совсѣмъ въ окну, изъ котораго видна была плотина.

На этомъ самомъ мѣстѣ, откуда Елена день и ночь смотрѣла въ даль, Милка имѣла духъ сообщить ей, что ей нечего смотрѣть и ждать, что съ Кавказа пришли вотъ какія вѣсти... и вотъ почему Павелъ Ѳедоровичъ не ѣдетъ...

Въ такихъ обстоятельствахъ высказалась вся теплота сердца Вѣры: полная негодованія, забывая о тоскѣ, которая, вотъ уже полтора года, томитъ ее, она рѣзко отстранила Милку отъ Елены, и вся отдалась матери. Цѣлый день она, сидя на скамейкѣ у ея ногъ, или читала ей, или давала лекарство, или разговаривала, сидя съ работою, и тревожно всматривалась въ это мраморно-бѣлое лицо, на которомъ читала ясно страданіе, и ею испытываемое.

Въ это же время заболѣлъ маленькій братъ, Саша, и Вѣра стала дѣлить свои заботы между матерью, которая не могла уже дойти до дѣтской, между больнымъ мальчикомъ, требовавшимъ внимательнаго и тщательнаго исполненія предписаній доктора, и Сонею, которую нужно было и занять и повеселить.

— Пріѣдетъ... и не застанетъ ее... думала дѣвочка,

смѣняя окровавленные платки Елены. Что же? написать мнѣ къ нему, что ли?

И не рѣшалась Вѣра, вспоминая то, о чемъ слышала съ Кавказа... Между тѣмъ, при видѣ этого молчаливаго страданія, у ней разрывалось сердце.

Забывая себя, она отдавала все время, посвящала всѣ свои душевныя ласки и попеченія тѣмъ, которые въ нихъ такъ нуждались.

— Рэчель... Что дѣлала бы на моемъ мѣстѣ Рэчель?... думала она, глотая слезы.

Въ новый годъ, наконецъ, на плотинѣ показались сани... Вѣра! Елена! дождались же вы Павла Ѳедоровича? Когда онъ вошелъ, Елена его не видала, и дѣвочка не выбѣжала встрѣтить: мать откинулась на спинку кресла, и лежала безъ чувствъ; дѣвочка бросилась тереть ей одеколономъ виски. У нея у самой духъ захватывало, и руки дрожали. Руки эти продолжали, однакожъ, свое дѣло, между тѣмъ какъ глаза, съ такою любовью, съ такою улыбкою, устремились на входившаго!... Какъ Павелъ Ѳедоровичъ вошелъ, однимъ взглядомъ окинулъ всю сцену, ласково кивнулъ головою Вѣрѣ, поспѣшно подошелъ къ креслу, прижалъ къ груди, тихо поцѣловалъ смущенное личико дочери, и началъ самъ приводить Елену въ чувство — Вѣра до сихъ поръ это помнитъ; но всю безмолвную, глубокую радость, постигшую ее въ эту минуту, не передать словами.

Павелъ Ѳедоровичъ былъ чрезвычайно изумленъ и огорченъ перемѣною, какую нашелъ въ Еленѣ. Онъ сталъ такъ ласковъ, какъ Вѣра его никогда еще съ нею не видала. Дѣвочка была постоянно при нихъ.

Онъ, урывками и наединѣ, ласкалъ Вѣру тоже какъ то неестественно нѣжно: онъ никогда не имѣлъ привычки выражать любовь поцѣлуями. Теперь же онъ, какъ то судорожно, обнималъ дѣвочку когда уходилъ отъ спавшей Елены, и Вѣра бѣжала за нимъ; даже однажды въ кабинетѣ на его длинные усы скатилась слеза, слеза раскаянія, можетъ быть!

— Тебѣ жаль ее? И мнѣ жаль! зарыдала дѣвочка.

— Т-съ... сказалъ онъ поспѣшно утирая слезы. Сонъ такъ чутокъ въ этой болѣзни! Ты ходила за нею, успокоивала? все, что могла, сдѣлала? спрашивалъ онъ.

— Кажется... отвѣчалъ ребенокъ.

О дѣлахъ имѣнія и помина не было. Елена, казалось, и забыла, что Павелъ Ѳодоровичъ пріѣхалъ въ новое для него мѣсто, которое такъ спѣшила убрать до его прибытія. О книгахъ и занятіяхъ Вѣры также не было и рѣчи: Павелъ Ѳедоровичъ весь отдался Еленѣ.

Чрезъ недѣлю послѣ его пріѣзда, маленькій Саша умеръ. Еленѣ не сказали объ этомъ; но она догадалась, увидѣвъ заплаканное личико Сони. Спокойно велѣла она принести къ себѣ умершаго мальчика, спокойно перекрестила его, и поцѣловала.

Было морозное, солнечное утро. Сѣдой кучеръ, скрипя полозьями возка, подъѣзжаетъ на вороныхъ къ заднему крыльцу; выходитъ Милка, съ нею старушка Марья, жена садовника; тихо ступая, говоря шопотомъ, выносятъ гробикъ, ставятъ его на колѣна женщинъ, въ карету; ворота отворились; Вася вскочилъ на занятки, Григорій на козлы, и поѣздъ тронулся... Дворецкій и всѣ, хлопотавшіе около возка, перекрестились ему вслѣдъ...

Толпа дворовыхъ пошла за нимъ до церкви... Въ окнѣ залы мелькнула голова Павла Ѳедоровича; у окна дѣтской плакала Соня. Вѣра выбѣжала на крыльцо, проводить брата.

Все утро, пока Милка „снаряжалась“, пока убирали гробикъ, Вѣра слушала что ворчала кормилица: изъ этого ворчанья она узнала, что по умершемъ служатъ молитвы, призываютъ священника, а нашего младенца, говорила Милка, какъ щенка, безъ креста и молитвы, выпихиваютъ изъ роднаго дома. Вѣра, сознавая, что это правда, чувствовала какъ бы обиду за маленькаго Сашу, и спрашивала себя:—зачѣмъ это отецъ такъ дѣлаетъ?

— Онъ и остальныхъ, какъ кутятъ какихъ, порасспихаетъ... продолжала Милка. Господи! хоть похоронить бы ихъ обѣихъ: глаза мои не видали бы!... Вотъ дай срокъ: не станетъ нашего свѣта въ оконцѣ... Онъ намъ еще себя покажетъ! Отецъ небесный! помилуй ты ихъ, сиротъ горькихъ!...

Слушая это, Вѣра сознавала, что Милка говоритъ изъ ненависти къ отцу, а между тѣмъ безочетная тоска овладѣвала ею: все это могло быть, что каркала злобная Милка,—мама умретъ, онъ опять уѣдетъ, куда же она дѣнется съ маленькою Сонею?...

Прижавшись у стола, на которомъ стоялъ гробикъ, она безсознательно обхватила Соню, не могла оторваться отъ всего, что слушала, и мысли, одна другой тревожнѣе, смѣнялись у нея на умѣ... Въ самомъ дѣлѣ, лучше бы умереть, думала она. А онъ горевать бы сталъ... Ну, что же? погоревалъ бы! да! мы съ мамою долго горевали!...

Гробикъ понесли. Вѣра усадила сестру у окна, а сама, накинувъ шубку, выбѣжала:

*

— Милка, я съ тобою поѣду! крикнула она. Но въ эту минуту лошади уже тронули, и дѣвочка, въ слезахъ, осталась на обмерзломъ порогѣ, смотря въ даль, на дорогу, по который ѣхалъ возокъ, на деревья, обросшія инеемъ, и простояла долго, забывая время, все думая о словахъ Милки. Ей вдругъ послышался голосъ отца: онъ звалъ ее. Ей не хотѣлось откликаться. Онъ вышелъ изъ дѣвичьей въ сѣни, она слышала, какъ онъ спрашивалъ у горничныхъ:

— Развѣ Вѣра поѣхала съ кормилицею?

Ему отвѣчали, что нѣтъ.

Онъ вышелъ на крыльцо, и увидѣлъ дѣвочку за дверью; лицо ея посинѣло и зубы стучали отъ холода; онъ, молча, поднялъ ее, какъ малютку, на руки, и понесъ въ комнаты, торопливою, легкою походкою; положилъ онъ ее на диванъ въ малиновой своей гостиной, покрылъ шалью, сверху еще шубкою, и принесъ рюмку вина. Сердце ея въ ту минуту было далеко отъ него: она съ недовѣріемъ посмотрѣла ему въ лицо и отвернулась.

— Вѣра? спросилъ онъ, удивленный.

— На что я тебѣ? оставь меня, говорила она. Мама умираетъ, ты опять уѣдешь на Кавказъ, а мы съ Сонею останемся однѣ, въ этомъ огромномъ домѣ!...

Слезы душили ее.

Онъ взялъ въ свою руку обѣ ея маленькія руки, и сталъ цѣловать ихъ.

— Кто это тебѣ навралъ, что я все такъ и сдѣлаю, какъ ты говоришь? спросилъ онъ. Какъ же я это брошу моихъ малютокъ, безъ призрѣнія? успокойся, миленькая ты моя: мы не разстанемся.

— Мы всегда, всегда будемъ вмѣстѣ? вскрикнула она, обрадованная.

— Т-съ... сказалъ онъ, указывая на растворенную спальню, двери которой выходили въ большую гостиную, смежную съ этою малиновою комнаткою. И тихо пошелъ къ Еленѣ. Вѣра заснула счастливымъ сномъ дитяти, повѣрившаго тому, кому привыкло вѣрить.

Медленно шло время. Все въ домѣ говорило шопотомъ; никакой суеты не было; всѣ молча ходили, дѣлая свое дѣло. Павелъ Ѳедоровичъ и Вѣра почти безвыходно были въ спальнѣ. Онъ заботливо, спокойно, отложивъ всякое дѣло, занималъ и развлекалъ больную. Елена была очень весела, слушала и улыбалась, хотя сама уже говорила мало. Лицо ея цвѣло такою красотою, какъ въ лучшіе дни ея счастливой жизни. Дѣвочкѣ не вѣрилось, что она должна скоро потерять ее. Она не разъ спрашивала у отца:

— Развѣ нѣтъ никакой возможности ее спасти?

— Лишь только потеплѣетъ, надо будетъ попробовать повезти ее въ болѣе теплый климатъ. Но врядъ ли она перенесетъ болѣзнь еще съ мѣсяцъ. Она протянула бы еще, можетъ быть, если бы... если бы такъ не огорчалась... не тосковала бы, какъ ты видѣла, говорилъ онъ съ уныніемъ.

Кромѣ уѣзднаго доктора, пріѣзжалъ часто и другой, изъ губернскаго города, верстъ за шестьдесятъ.

Елена знала, конечно, о своей болѣзни, и между тѣмъ, все собиралась ѣхать по веснѣ съ Павломъ Ѳедоровичемъ въ Италію, „поправляться и выздоравливать окончательно“. Онъ собирался съ нею также, не желая ее разувѣрять.

— Разскажи про Италію, просила она: ты былъ тамъ, мы теперь тамъ побываемъ съ тобою вмѣстѣ.

Онъ принимался разсказывать. Долгіе часы проходили... и Елена и дѣвочка слушали его. Говорилъ онъ объ Альпахъ, сіяющихъ на солнцѣ серебристыми зубцами льдовъ. У подножія ихъ виноградники; бѣлыя и розовыя гирлянды лавровыхъ и миндальныхъ деревъ цѣпляются за темнозеленыя вѣтви кипарисовъ. Въ Венеціи гондолы скользятъ по широкимъ лагунамъ; въ теплыя, тихія ночи воздухъ проникнутъ ароматомъ; луна, мягкимъ свѣтомъ, обливаетъ окрестность.

Вѣра, слушая его, переносилась въ неизвѣстный ей до сихъ поръ міръ: онъ явно говорилъ лишь для Елены, описывалъ лишь то что ей могло понравиться; дѣлался поэтомъ, рисовалъ ей дикіе виды Кавказа, читалъ встрѣчу Коринны съ Освальдомъ, подъ портиками Колизея; избѣгалъ и намека о томъ, что трудъ и борьба создали себѣ въ иной странѣ жизнь новую, гораздо болѣе подходящую къ его суровому идеалу; водилъ онъ ее, мысленно, по великолѣпнымъ развалинамъ, поросшимъ плющомъ и бріоніею; переносился въ воображеніи, и мечталъ съ нею, какъ юноша, на мягкой зыби Архипелага, Неаполитанскаго залива... пѣлъ пѣсни любви изъ Россини и Мейербера...

Она улыбалась, была счастлива... Все прошлое было ею забыто: послѣдніе дни были такъ ясны! Силы ея упадали замѣтно; докторъ оставался ночевать все чаще и чаще: ночи были трудныя. Все воздуха просила она: воздуха для нея мало было въ большой комнатѣ. Доктора не давали ей уже никакихъ лекарствъ, кромѣ легкаго сиропа.

Вѣра не знала до какой степени близка послѣдняя минута, но, смотря на отца, чувствовала, что она идетъ: когда мать засыпала, онъ выходилъ изъ спальни и Вѣра видѣла, какая въ немъ мгновенно происходила перемѣна,—исчезалъ веселый видъ, который онъ принималъ при входѣ къ больной, и, какъ будто туча черная набѣгала на его лицо. Вѣра смотрѣла ему прямо въ глаза: она привыкла понимать ихъ смыслъ и быстрые переходы мысли, и ей становилось страшно... Она все смотрѣла въ нихъ, не могла оторваться, и ей все страшнѣе становилось!... Павелъ Ѳедоровичъ сидѣлъ, какъ убитый, до тѣхъ поръ, пока не раздавался звонокъ у Елены.

Въ одинъ вечеръ, наконецъ, Павелъ Ѳедоровичъ говорилъ обычнымъ своимъ мягкимъ голосомъ; Елена начала переспрашивать все, имъ сказанное; онъ повторялъ громче; но она съ трудомъ слышала; наконецъ, голосъ его перешелъ въ усиленный басъ, который слушающимъ раздиралъ сердце, а она безпрестанно заставляла его говорить громче, и онъ говорилъ все болѣе и болѣе напряженнымъ голосомъ, но сохраняя необыкновенно спокойный видъ, чтобы не дать ей замѣтить, что она уже плохо слышитъ. Она все смотрѣла на него: вся ея любовь, всѣ ея жизненныя силы, казалось, переходили въ эти глаза, которые безсознательно съ нимъ разставались, и не могли насмотрѣться. Ночь и Павелъ Ѳедоровичъ и докторъ провели подлѣ нея, не ложась. Къ утру, она немного успокоилась и заснула. Павелъ Ѳедоровичъ, блѣдный и усталый, лишь только вышелъ подышать воздухомъ, какъ она поскорѣе, поскорѣе велѣла его позвать: она проснулась съ сознаніемъ своего

положенія, и спѣшила сказать ему все, чего еще не договорила. Торопясь, просила она его отпереть большую шкатулку, передала ему векселя, бумаги, на которыя онъ бѣгло взглянулъ и заперъ; ключъ она отдала ему:

— Все это твое, сказала она.

Потомъ, со слезами, стала просить не оставлять дѣтей, въ особенности Соню.

Наконецъ, принялась благодарить его: всѣ лучшія минуты, которыя онъ ей далъ, начиная съ того времени, когда, въ бреду горячки, лежалъ въ гостинницѣ уѣзднаго городка, до самаго послѣдняго этого дня, прошли въ ея памяти... Она прощалась съ нимъ, прощалась съ отчаяніемъ: ей жить хотѣлось... Задыхаясь, она говорила, плакала, кашляла... Начала бредить: ей грезились портики Колизея, ирисы и лавры Греціи, слышалась пѣсня нашей иволги... Павелъ Ѳедоровичъ, измученный до нельзя, почти убаюкалъ ее, какъ ребенка: она заснула минутъ на пять.

Проснувшись, она велѣла Вѣрѣ приготовить себѣ бѣлье, новый вышитый капотъ. Горничная внесла его, утирая слезы.

— Paul, сказала больная, указывая на Машу, всѣхъ дворовыхъ, выключенныхъ изъ Гороховки, отпусти на волю... награди... пусть за меня Бога помолятъ! Ты, милый, радъ за нихъ?... Милку не отпускай: для дома нужна... Ну, теперь, священника! сказала она живо.

Около трехъ часовъ пополудни, въ дверяхъ спальни и въ сосѣднихъ комнатахъ, собрались толпы слугъ, желавшихъ увидѣть или услышать еще разъ Елену; докторъ стоялъ въ изголовьѣ длиннаго кресла, на которомъ она умирала; обѣ дѣвочки припали на коврѣ,

по обѣимъ сторонамъ этого кресла. Павелъ Ѳедоровичъ, лицомъ къ Еленѣ, читалъ, по ея просьбѣ, отходныя молитвы. Лицо его было сурово; глаза горѣли въ глубокихъ впадинахъ. Она смотрѣла на него... Но зрѣніе ея уже меркло.

— Темно, сказала она.

Зажгли свѣчки.

— Paul... продолжала она, отыскивая его рукою.

Онъ придвинулся; придвинулъ къ ней и дѣвочекъ.

— Какое бы горе ни было... сказала она, помните... „Отче нашъ!...“

И перекрестила ихъ всѣхъ трехъ.

Тишина въ комнатѣ была ужасная, именно ужасная: Вѣра помнитъ холодъ этого ужаса; ни шороха, ни дыханія не было слышно... лишь хриплый шопотъ Елены явственно долеталъ до напряженнаго слуха.

— Гдѣ ты? не вижу... Paul, поправь, сказала она, шевельнувъ головою.

Онъ нагнулся надъ нею, и приподнялъ подушку, вмѣстѣ съ головою...

— Прощай, дорогой мой!... шепнула она ему послѣднее свое слово.

Онъ припалъ къ ея губамъ; смыкавшіяся вѣки ея тогда еще разъ широко раскрылись, и, въ послѣдній разъ, она на него взглянула. Потомъ послышался легкій вздохъ; дрожь пробѣжала по тѣлу... Мертвую тишину этой комнаты вдругъ огласилъ въ эту минуту мѣрный, медленный звукъ колокола на сосѣдней церкви. Било четыре. Павелъ Ѳедоровичъ приложилъ руку къ ея сердцу, и—выпрямился: оно перестало биться.

— Кончено! сказалъ онъ, и вышелъ изъ спальни.

Къ звону колокола присоединился плачъ въ домѣ: толпа стѣснилась около нея, цѣлуя уже холодѣвшія руки... Вѣра схватила Соню, лежавшую совсѣмъ на полу, и побѣжала съ нею въ дѣтскую. Въ первую минуту она, въ какомъ то недоумѣніи, смотрѣла на Соню. Соня громко кричала: „мама“! Дѣвочка прижала ее къ себѣ, крѣпко прижала личико ея къ своей груди; крики Сони продолжались.

Отецъ искалъ ихъ.

Онъ взялъ ихъ обѣихъ къ себѣ на колѣна, обнялъ, облилъ слезами. Дѣвочка никогда не видала его огорченнымъ, какъ въ эту минуту, и едва вѣрила глазамъ: горе его казалось безмѣрнымъ, а онъ любилъ Елену, казалось, такъ мало.

Къ вечеру Елена лежала на столѣ, окруженномъ свѣчами... Молитвы, ладанъ, слезы... Около Милки, суетившейся и безпрестанно клавшей земные поклоны во всѣхъ комнатахъ, толпа какихъ то женщинъ, въ черныхъ шубейкахъ и бѣлыхъ повязкахъ, какихъ Вѣра никогда до сихъ поръ не видала... какой то шопотъ, въ родѣ колдовства, по корридору... чашечки съ водою, разставляемыя по угламъ... все это приводило дѣвочку въ ненормально-нервное состояніе, и она все какъ будто боялась съ чѣмъ то встрѣтиться. Что это за вечеръ былъ! и какъ много можетъ пережить въ нѣсколько часовъ дитя при такой обстановкѣ смерти! Вѣра, разъ пять, въ этотъ вечеръ, уводила Соню отъ Милки въ кабинетъ отца, гдѣ ребенокъ, наплакавшись и не дождавшись чая, заснулъ, наконецъ, подъ шалью, которою Вѣра ее прикрыла. Отецъ, послѣ панихиды, весь вечеръ просидѣлъ молча въ углу кабинета, полу-

темнаго отъ абажура надъ лампою, и недоступнаго никому.

Поздно ночью, всѣ, наконецъ, разошлись; Елена осталась одна въ залѣ, и медленный, мѣрный голосъ сталъ что-то глухо читать подлѣ нея, какъ будто она его слушала. Павелъ Ѳедоровичъ, съ глубокимъ вздохомъ, вышелъ изъ своей задумчивости, посмотрѣлъ на часы, и посовѣтовалъ дѣвочкѣ поскорѣе ложиться спать. Онъ выпилъ рюмку вина, далъ выпить дѣвочкѣ, и снесъ Соню въ дѣтскую.

Вѣра легла; но, возбужденная ощущеніями пережитаго дня, она не могла заснуть уже и потому, что прислушивалась къ чтенію въ залѣ, а двери залы приходились, чрезъ корридоръ, прямо противъ ея дверей. Звукъ этого чтенія доходилъ ясно до Вѣры, и она не могла ему не дивиться. Все заснуло въ домѣ; но въ залѣ все еще продолжалось мѣрное, протяжное чтеніе, и наводило на нее безотчетный ужасъ. Она не смѣла шевельнуться; холодный потъ обливалъ ее.

— Неужели это всю ночь такъ будетъ? подумала она.

И, съ храбростью отчаянія, однимъ прыжкомъ вскочивъ съ постели, бросилась къ отцу.

— Что такое? спросилъ онъ, удивленный.

— Я никакъ не могу заснуть. Зажги свѣчку. Мнѣ страшно...

— Чего? Иди сюда.

Онъ надѣлъ халатъ, зажегъ свѣчу, и прикатилъ кушетку къ дивану, на которомъ спалъ. Укрывая на ней дѣвочку, онъ спросилъ:

— Ты вся холодная: что съ тобою?

— Страшно мнѣ; я и сама не знаю отчего. Все говорили такое необыкновенное: душа мамы, говорятъ, летаетъ въ домѣ, горитъ и томится; ей поставили пить во всѣхъ углахъ; и мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, почудилось, что она, летая, бьется объ углы комнаты, какъ птичка.

— Отчего же она здѣсь объ углы не бьется? Какой ты вздоръ говоришь, Вѣра!

— Сорокъ дней, говорятъ, будетъ летать, продолжала дѣвочка, вся дрожа. Потому и поминаютъ, потому и должны горѣть сорокъ дней неугасимыя лампады... Просвирня говоритъ...

— Просвирнѣ какъ не знать? ты бы еще послушала: она тебѣ какихъ-какихъ страховъ не насказала бы! Несчастные люди!... Подумай сама о томъ, что она разсказываетъ: знаютъ ли объ этомъ что нибудь положительное? Кто это видѣлъ? А вѣрно лишь только то, что мы можемъ провѣрить. И что же такое бьется? Душа не есть нѣчто отдѣльное въ нашемъ организмѣ. Это то жизненное начало, та жизненная сила, которая прекратилась въ тѣлѣ матери. Она еще съ нами, но не сдѣлаетъ ни движенія, не скажетъ ни слова: дѣятельность мысли прекратилась. И поминать умершаго лампадою—безсмыслица! Можетъ ли это быть достойнымъ кого либо поминовеніемъ? Если кто чтитъ ея память, тотъ можетъ всю жизнь поминать ее добрымъ словомъ.

— Она была добрая и нѣжная натура, продолжалъ онъ, послѣ долгаго молчанія, но до такой степени загубленная, что я ровно ничего не могъ для нея сдѣлать. Вначалѣ, когда мы сюда пріѣхали, я пытался, и она пыталась: ради меня, она начала было читать книги

посерьознѣе, старалась усвоить себѣ нѣкоторыя понятія, которыя ей были положительно новы; но всякій умственный трудъ былъ для нея такъ тяжелъ, что она чуть не заболѣла. Привычка къ легкимъ чтеніямъ такъ въ ней укоренилась, что она, бравши книгу, надъ которою надо было думать, чувствовала уже себя неспособною къ труду мысли: у нея начинало бить въ виски, и дѣлалась сильнѣйшая боль въ головѣ. Я пробовалъ разсказывать, излагать простымъ языкомъ мысль сочиненія; она соглашалась, что все это дѣльно и хорошо, но все это ее утомляло. И какъ она ни любила меня — развиться, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, ей было уже физически трудно. Она дѣлала, ради меня, много уже тѣмъ самымъ, что молчала. И мы, живя вмѣстѣ, жили, какъ ты видѣла, совершенно врознь. Я и старался быть терпимымъ, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, постоянно упрекалъ себя въ томъ. Но мнѣ положительно только такъ и можно было держать себя съ нею, какъ я это дѣлалъ; иначе ничто не удавалось: ея нервность, изнѣженность, страстная привязанность ко мнѣ, всегда мнѣ во всемъ мѣшали, въ отношеніи ея самой.

Дѣвочка слушала его со вниманіемъ: онъ въ первый разъ говорилъ съ нею о Еленѣ (съ тою цѣлью, вѣроятно, чтобы охладить нѣсколько анализомъ впечатлѣніе грусти, которому невольно поддавался), и Вѣра живо помнитъ даже оттѣнки его голоса при этомъ разговорѣ: онъ началъ сурово и грустно. При послѣднихъ словахъ голосъ его сталъ мягче, но еще грустнѣе.

— Непормальное положеніе, въ которое себя поставишь, даетъ и результаты, разумѣется, плохіе, продолжалъ онъ: я всегда чувствовалъ себя какъ будто ви-

новатымъ предъ нею; я не въ состояніи былъ ничѣмъ воздать ей за жертвы, какія она мнѣ приносила; такой себя убивающей, какъ въ ней, любви у меня не было. И мнѣ было очень тяжело здѣсь жить. Доказательствомъ служитъ то, что я, уѣхавши отсюда, почти и забылъ о ней, или когда вспоминалъ, то какъ о чемъ то непріятномъ. А она хворала здѣсь, и, до послѣдней минуты, думала, заботилась обо мнѣ. Я сюда и не вернулся бы, еслибъ не сдѣлалъ ошибки, не настоялъ на своемъ намѣреніи увезти тебя съ собою. Но тогда она осталась бы уже совсѣмъ одна. Послѣднее письмо ея заставило меня долго думать, и надуматься, что взаимныя отношенія одному нельзя же развязывать, и ѣхалъ я сюда, не остановившись собственно ни на чемъ. Я никакъ не предполагалъ, что поспѣю почти лишь къ похоронамъ!... Изъ письма ея я видѣлъ, что она больна, но заключилъ, что она и на свою болѣзнь, какъ и на многое, смотрѣла съ преувеличенной точки зрѣнія. Всю эту исторію мнѣ очень тяжело перенести!...

Дѣвочка слушала его съ большимъ участіемъ; ей было жаль матери; но изъ его словъ какъ то выходило, что есть люди, которымъ лучше не жить; сами они мучатся горемъ, которому пособить нечѣмъ, и это горе даетъ, между тѣмъ, дѣйствительное страданіе тому, кто его невольно причиняетъ. Она думала о матери съ сокрушеніемъ: живо представилась ей бѣлая, исхудавшая женщина, въ длинномъ креслѣ, прикрытая шалью; съ унылыми глазами, съ губами, на которыхъ запеклась кровь... И ему было жаль Елены; дѣвочка это видѣла: съ его пріѣзда, она ни разу не замѣчала прежняго суроваго взгляда, какимъ онъ, бывало, смотрѣлъ на ея

кружевные узоры. И теперь его грусть, до сердца ее трогающая, выражалась и въ тонѣ голоса, и въ словахъ, которыми онъ обвинялъ себя; и въ ту памятную ей, длинную, тяжелую ночь грусть эта долго высказывалась дѣвочкѣ, какъ бы съ отрадою изливаясь изъ сердца. И она приняла ее всѣмъ сердцемъ.

— Ты говоришь точно съ другомъ, сказала она.

— Такъ оно и есть: для меня нѣтъ дѣтей, отвѣчалъ онъ. Если человѣкъ мнѣ преданъ, но мало понимаетъ меня, то это потому, что онъ еще маленькій, какъ ты, человѣкъ, но онъ созданіе мнѣ преданное, и, несмотря на то, что маленькое—можетъ меня понимать, если я объясню ему свои недостатки и ошибки, которыя вслѣдствіе этого могъ сдѣлать. Тутъ, стало быть, вопросъ въ томъ: желаю ли я объяснить свое положеніе маленькому человѣчку? Какъ видишь, я желаю. Въ твоемъ пониманіи я не сомнѣваюсь. Спасибо Еленѣ за то, что она, хотя противъ убѣжденія, не мѣшала мнѣ въ отношеніи къ тебѣ. Ты увидишь со временемъ; словъ и дѣлъ моихъ ты во всю жизнь не забудешь; потому и жаль растрачивать на пустяки первыя и самыя сильныя впечатлѣнія дѣтства, потому я и отдалилъ отъ тебя соръ, которымъ, обыкновенно, загромождаютъ дѣтскія. Теперь ты будешь у насъ въ домѣ хозяйкою; по возможности, замѣни для Сони мать, если чувствуешь, что можешь за это взяться. Распоряжайся самостоятельно всѣмъ съ умомъ и соображеніемъ. Если захочешь со мною посовѣтоваться, я тебѣ всегда помогу.

— Если бы у Рэчель умерла мать, она тоже стала бы хозяйничать, сказала Вѣра.

— Разумѣется. Для нея это было бы совсѣмъ не

трудно, а тебѣ придется поучиться. Ну, да это дѣло наживное, выучишься. А теперь ступай, усни. Пора. Береги здоровье, это капиталъ хорошій. Старайся не плакать на панихидахъ. Надо поскорѣе выдти изъ болѣзненнаго, ненормальнаго настроенія, въ которомъ мы находимся уже почти мѣсяцъ. Ты теперь заснешь? успокоишься немного?

— Да; но я лучше останусь у тебя; мнѣ здѣсь хорошо. Отсюда и чтеніе какъ будто не такъ слышно; или это потому, что мы говорили?

— Я заперъ обѣ двери и занавѣсы спустилъ. У меня отъ него болятъ нервы.

Вѣра уснула не скоро: новыя обязанности, налагаемыя новымъ положеніемъ, дума обо всемъ, что она слышала, слишкомъ волновали ее. И отецъ не спалъ. Долго спустя, онъ простился съ нею еще разъ, и совѣтовалъ поскорѣе заснуть.

На другой день, уже поздно, когда она проснулась, Милка собрала ей въ мѣшочекъ всѣ ключи отъ кладовыхъ и сундуковъ, и, когда поваръ пришелъ за приказаніями къ столу, Вѣра побѣжала спросить у отца, не будетъ ли еще кто нибудь у нихъ обѣдать. Она застала его одного у гроба. Онъ былъ такъ блѣденъ, и такая тишина была въ этой залѣ, что вопросъ объ обѣдѣ застылъ у нея на языкѣ.

Она хотѣла взглянуть на мать; отецъ подставилъ стулъ; она поднялась до стола, на которомъ лежала Елена, и оба стали молча смотрѣть на ея лицо. Блѣдный свѣтъ огней освѣщалъ ея бѣлую, прямую фигуру и бѣлый, какъ изъ слоновой кости выточенный, красивый профиль.

Дѣвочка смотрѣла на нее сквозь слезы, быстро набѣжавшія.

— Смотри, какая холодная! сказала она, притрогиваясь къ рукѣ; неужели она уже никогда ничего не скажетъ? спрашивала она, какъ бы не вѣря тому, что видѣла, и всѣми силами стараясь не заплакать.

— Никогда. И унесутъ завтра. И дѣло съ концомъ.

— И въ землю зароютъ?

— Да. Тѣло лишилось способности движенія,—значитъ жизнь въ немъ прекратилась. Его зарываютъ въ землю; оно со временемъ тамъ разлагается, т. е. также обращается въ землю, какъ и это, продолжалъ онъ, указывая на бѣлую матерію и на гробъ, въ которомъ Елена лежала. Ничего отъ нея не останется... кромѣ сожалѣнія въ насъ о бѣдной... прибавилъ онъ, какъ бы про себя, нагибаясь къ ней и цѣлуя ее въ лобъ.

Отъ прикосновенія къ этому холодному лбу, онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

Постоявъ еще нѣсколько минутъ, онъ пошелъ на кладбище, рыть ей могилу.

На слѣдующій день унылые голоса пропѣли ей: „блаженное успеніе... вѣчная память!“ Морозъ былъ такой, что духъ захватывало. Въ могилу, выложенную по стѣнамъ инеемъ, точно серебряными блестками, опустили ее; въ могилу холодную, какъ сочувствіе къ ней, жившее въ немъ при жизни ея... Успокоилась ты, бѣдная! а другъ твой мраченъ, сосредоточенъ: много онъ перечувствовалъ въ тѣ дни, когда ласкалъ твой слухъ разсказами о красотахъ далекаго края, многое сознательно исповѣдалъ онъ предъ твоею могилою, и, глубоко по-

трясенный, вернулся съ твоими малютками въ домъ, откуда ты выбыла!

Оставшись хозяиномъ и владѣльцемъ, Павелъ Өедоровичъ ни къ чему и не притрогивался: домъ стоялъ разубранный, какъ невѣста; онъ этого терпѣть не могъ, но оставлялъ все такъ, какъ было. Въ имѣніи по прежнему распоряжался Николай. Павелъ Өедоровичъ смотрѣлъ на всю эту обстановку, какъ на временную квартиру. Первою его заботою была Вѣра: онъ началъ учить ее по англійски, сталъ проходить съ нею геометрію, много читалъ вмѣстѣ, и заставлялъ дѣлать выборки изъ прочитаннаго. Самъ онъ постоянно просматривалъ разнаго рода учебники, которыхъ выписывалъ множество, и, не довольствуясь ими, дополнялъ изъ другихъ сочиненій.

Изъ прислуги осталась въ домѣ лишь самая необходимая, и Вѣра, по возможности, дѣлала все сама, пріучая къ тому же и Соню.

Между тѣмъ послѣ смерти матери оказалось, что у нихъ были сосѣди и въ особенности сосѣдки. Романическая исторія Елены и Павла Өедоровича, всѣмъ извѣстная, слухи о томъ, что Павелъ Өедоровичъ началъ передавать старшей дочери, чуть не съ пеленокъ, огромныя свѣдѣнія, и что она уже чуть не хватаетъ съ неба звѣзды—возбуждали желаніе посмотрѣть поближе въ эту замкнутую жизнь. Пока Елена была жива, это было неосуществимо: не принято знаться съ погибшими женщинами; но сиротамъ ея слѣдуетъ оказать вниманіе, а тѣмъ, можетъ быть, и завлечь къ себѣ такого замѣчательнаго человѣка, какъ Павелъ Өедоровичъ.

И, мало по малу, начали завертывать сосѣди, сна-

чала по дѣлу, потомъ мимоходомъ, наконецъ и дѣтей стали привозить. Потомъ „малюткѣ игрушекъ жена прислала“, говорилъ одинъ; „старшей барышнѣ приказали передать ананасъ“, или „пару хохлатыхъ цыплятъ“, присылалъ другой, и пр., и пр. Сосѣди восхищались серьозными, умными, красивыми личиками сиротокъ, хвалили молодую хозяйку... Дамы, не ѣздившія къ матери, начали писать Павлу Ѳедоровичу записочки, подъ предлогомъ участія къ ея дѣтямъ, и просили отпускать ихъ къ нимъ въ домъ.

Внимательность эта далеко не нравилась Павлу Ѳедоровичу. Онъ привыкъ и хотѣлъ жить отшельникомъ, и почти негодовалъ на такое вторженіе. На новомъ мѣстѣ онъ изъ сосѣдей никого не зналъ; надо было ѣздить, отдавать визиты, а это мѣшало его занятіямъ съ Вѣрою, и онъ не ѣздилъ, почти невѣжливо отклоняя всякое желаніе сближенія.

Восторженная лесть конфузила Вѣру: она никогда не слыхала похвалъ, и вдругъ ей стали говорить, что она совершаетъ какой-то подвигъ. Вѣра съ любопытствомъ слушала комплименты, дивясь имъ про себя: не естественно ли было все то, что ей приходилось исполнять? Кто же занялся бы хозяйствомъ и Сонею послѣ того, какъ Елены не стало? Какъ же ей не учиться, не читать съ отцомъ? Она это очень любитъ. Ей, при всѣхъ ея занятіяхъ, и времени не было бы для выѣздовъ: она съ утра до вечера работала, переводила, читала, учила писать Соню; кромѣ того, разставаться съ отцомъ, хотя бы и не надолго, не было у нея ни малѣйшаго желанія. Она не понимала, что сосѣди хотятъ посмотрѣть на нихъ, какъ на диво.

*

Одна изъ сосѣдокъ, Елисавета Алексѣевна Б...а, была въ особенности настойчива. Она оказывала сироткамъ столько любезностей заочно, что Павелъ Ѳедоровичъ счелъ долгомъ поѣхать поблагодарить ее. Онъ не съумѣлъ отказать ей лично въ ея настоятельной просьбѣ, и наконецъ обѣщалъ отпустить когда нибудь дѣвочекъ своихъ къ ней. И Вѣрѣ къ ней хотѣлось: вотъ почему.

У Елены часто бывалъ маленькій пьяненькій человѣчекъ, изъ мелкопомѣстныхъ, Николай Ивановичъ Тоневъ. Елена часто посылала ему, въ послѣднее время, то муки, то крупы, и онъ благоговѣлъ передъ нею, называя ее „матушкою кормилицею“. Во время болѣзни Елены, онъ былъ въ отлучкѣ: предводитель посылалъ его верстъ за четыреста, за собаками, и возвратился онъ лишь послѣ похоронъ своей благодѣтельницы. По старой памяти, толкнулся онъ къ ней въ домъ, оплакалъ сиротокъ; когда же вошелъ Павелъ Ѳедоровичъ, то онъ не осмѣлился и сѣсть при немъ. Но Павелъ Ѳедоровичъ „обласкалъ его водочкою“, и „снисходительно“ сталъ выслушивать разсказъ о перегонѣ предводительскихъ смычковъ изъ такого дальняго мѣста. Николай Ивановичъ началъ, слѣдовательно, благоговѣть и передъ Павломъ Ѳедоровичемъ. И въ особенности смѣшилъ онъ Вѣру тѣмъ, что во всемъ старался ему подражать: бралъ трубку какъ Павелъ Ѳедоровичъ, говорилъ его выраженіями, которыя уморительно пародировалъ; изъ тощаго голоска своего старался сдѣлать такой же звучный басъ, какъ у Павла Ѳедоровича; даже гладилъ, какъ и онъ, бороду, которой у него, у Николая Ивановича, не было.

Приплелся онъ однажды отъ Елисаветы Алексѣевны Б...ой, уже узнавши, разумѣется, что Павелъ Ѳедоровичъ у нея былъ, и началъ разсказывать Вѣрѣ, что у нихъ „точно рай земной — цвѣтовъ, дѣточекъ, забавы разной и—и не вѣсть что! прелести подобно!“ Вѣрѣ захотѣлось посмотрѣть на эту прелесть, и когда Николай Ивановичъ доложилъ, что Елисавета Алексѣевна „очень желаютъ видѣть барышенъ-съ“, и пришлетъ за ними завтра, полагаясь на обѣщаніе Павла Ѳедоровича отпустить ихъ, въ глазахъ Вѣры мелькнуло удовольствіе.

Павелъ Ѳедоровичъ промолчалъ.

На слѣдующее утро, дѣйствительно, къ крыльцу подъѣхалъ возокъ; изъ него вышла гувернантка, жившая у Б...ой, и подала Павлу Ѳедоровичу письмо, въ которомъ Елисавета Алексѣевна просила прислать къ ней дѣвочекъ на цѣлый день.

Павелъ Ѳедоровичъ очень сухо приказалъ имъ поскорѣе одѣться.

Послѣ похоронъ онъ имъ сдѣлалъ полный траурный гардеробъ, новыя ботинки, шляпки, и пр. Дѣвочки, радуясь тому, что ѣдутъ въ первый разъ въ гости, живо надѣли новыя простенькія платья съ пелеринками, и вбѣжали въ гостиную. Отецъ посмотрѣлъ на Вѣру сурово. Окинувъ ее однимъ взглядомъ, онъ остановилъ его на ея ногахъ, и сказалъ:

— Sortez! votre toilette n'est pas achevée.

Вѣра выбѣжала.

Милка тотчасъ осмотрѣла ея ноги, и оказалось, что одна изъ пуговокъ сапожка не была застегнута. Вѣра спѣшила, разгорѣлась, натягивая перчатки, и отецъ, застегивая ихъ, сказалъ ей вполголоса:

— Нельзя ли поменьше волноваться?

Простившись съ нимъ, она была уже на крыльцѣ, какъ вдругъ онъ вернулъ ее:

— Гдѣ ключи, Вѣра?

Она пошла за ними въ свою спальню: ихъ нигдѣ не было. Она пробѣжала въ дѣтскую.

— Милка, ты не прибирала ли ключей? спросила она.

— Нѣтъ, барышня, не прибирала, а кажется подлѣ папаши на креслѣ мѣшочекъ.

Далеко не въ его привычкахъ было смотрѣть за ключами. Дѣвочкѣ стало очень совѣстно; она вошла къ нему встревоженная, пристыженная. Мѣшочекъ, дѣйствительно, лежалъ подлѣ него на креслѣ. Она остановилась подлѣ этого кресла, молча, не рѣшаясь поднять на отца глазъ.

— Что, вскипятились, а о дѣлѣ и забыли? сказалъ онъ сухо. Вѣдь вы не ребенокъ, не Соня, а хозяйка дома и воспитательница, которая должна учить примѣромъ. Рэчель такъ не сдѣлала бы. Отбери тѣ ключи, которые могутъ безъ тебя понадобиться, и отдай ихъ Милкѣ. Гдѣ ключъ отъ чайницы? Къ столу, можетъ, что нибудь нужно, а ты ничѣмъ, вѣдь, не распорядилась. Поѣзжай скорѣе, тебя ждутъ; но не забудь, что ты нынче обязанности своей не исполнила.

Въ возкѣ уже сидѣли. Дѣвочка вышла и поѣхала, но смущеніе свое, стыдъ, горе едва была въ состояніи скрыть. Всѣ радости, которыхъ она ожидала отъ этого дня, уже были для нея заранѣе испорчены.

Б...а уже съ годъ была вдова съ большимъ семействомъ. Старшій изъ сыновей ея, Митя, мальчикъ лѣтъ

тринадцати, скоро подружился съ Вѣрою, началъ ей показывать свои картинки, хорошенькія книги, и изъ портфеля вынулъ тщательно завернутый портретъ Наполеона, раскрашенный, въ сѣромъ сюртукѣ, треугольной шляпѣ и съ сложенными на груди руками. Вѣра портрета его никогда не видала, лишь фигуру его видѣла, и то очень неясно, на снимкѣ съ картины Штейбена. Она съ любопытствомъ и съ большимъ вниманіемъ стала разсматривать строгія черты этого лица. Митя, замѣтивъ это, обѣщалъ ей срисовать портретъ; лицо онъ хотѣлъ снять чрезъ стекло, такъ что „очень, очень будетъ похоже“, сказалъ онъ ей. Мысли Вѣры, на время отвлеченныя отъ дома и отца разговоромъ о Наполеонѣ, скоро отклонились снова отъ окружавшаго ее. Послѣ обѣда она съ Митею, отдѣлившись въ саду отъ бѣгавшихъ дѣтей, сѣла на скамейку; она переламывала себя долго, а сердце ея было полно: нестѣсняемыя ласковымъ присутствіемъ Мити, слезы ея хлынули. Митя началъ утѣшать ее, думая, что она заплакала, вспомнивъ о матери.

— Не плачь, Вѣра, не скучай, уговаривалъ онъ ее. И мама все плачетъ о нашемъ покойномъ папѣ, но что же дѣлать? Грустно, скучно, да ничего противъ этого не подѣлаешь!

— Видишь ли, Митя, говорила дѣвочка, когда мама была жива, она обо всемъ заботилась въ домѣ, а теперь все это должна дѣлать я, а я не всегда дѣлаю такъ, какъ слѣдовало бы. Папа этого не любитъ, и не далѣе какъ нынче утромъ...

И дѣвочка разсказала Митѣ исторію о ключахъ, выговоръ за нихъ, заслуженный, но такой обидный!...

Митя совѣтовалъ попросить у отца прощенья, объяснить ему, почему она забыла ключи.

— Вѣра, ты не такая дѣвочка, какъ другія, говорилъ Митя; если ты забыла о мѣшочкѣ, то вѣроятно потому, что торопилась, чтобы наша гувернантка не сидѣла долго, дожидаясь тебя.

Къ сожалѣнію, причина эта была недостаточно уважительною въ глазахъ Павла Ѳедоровича; да и не та была это причина. Вѣра промолчала на слова Мити, отцу нечего было и объяснять: онъ самъ знаетъ всѣ причины.

По пріѣздѣ ихъ домой, сухая встрѣча, холодная улыбка Павла Ѳедоровича, при веселыхъ разсказахъ Сони, говорили ясно, что онъ послѣднимъ не сочувствовалъ.

Уложивъ Соню, дѣвочка прижалась на кушеткѣ отца въ кабинетѣ, и долго не рѣшалась заговорить. Онъ началъ первый:

— Что ты, Вѣра, не ложишься? Пора.

— Я не заснула бы. Я еще побуду здѣсь; мнѣ такъ грустно.

— Не весело и мнѣ. Цѣлый день я ни съ кѣмъ не сказалъ ни слова, все думалъ, и твое легкомысліе мнѣ очень горько видѣть: я вижу, что ты въ состояніи все забыть, все бросить, когда тебѣ предстоитъ удовольствіе. Но ты не знаешь, что въ результатѣ отъ этого бываетъ много и много горя! бываетъ вредъ, иногда непоправимый. Я это потому тебѣ говорю, что двадцать разъ испыталъ, что значитъ не умѣть владѣть собою; уступая необдуманно первому движенію, ты иногда дѣлаешь шагъ на пути, съ котораго свернуть

уже, можетъ быть, трудно станетъ, дѣлаешься непослѣдовательною, укоряешь себя потомъ за недостатокъ выдержанности. А проявляется она сначала въ мелочахъ, въ сущихъ, какъ кажется, пустякахъ, на которые можно бы и не обращать вниманія. Но впослѣдствіи огромнаго труда стоитъ тормозить себя, заключать желанія въ извѣстныя границы, не дѣлать себѣ уступокъ. И ты должна постоянно наблюдать за собою, всегда владѣть собою, быть всегда спокойною, не начинать никакого дѣла съ порывомъ и въ минуту увлеченія. Нынче начала одно, завтра увлеклась другимъ, а прежнее бросила; послѣ завтра забыла и то и другое, —отъ этого хаосъ и въ мысли, и въ жизни. Труднѣе всего съ самимъ собою справляться.

— Очень трудно, какъ кажется, говорила она; нынче утромъ я была совсѣмъ не спокойна, когда одѣвалась, и забыла все.

— Ну да: новая новинка, въ гости ѣхать. Къ тому же, женская болѣзнь — страсть къ новымъ тряпкамъ.

— Ты мнѣ помоги, напомни иногда...

— Но все дѣло въ томъ, чтобы ты сама себѣ напоминала... и именно въ ту минуту, когда что нибудь тебя развлекаетъ. Я помогу, но я не всегда же при тебѣ буду.

Какъ трудно владѣть собою, Павелъ Ѳедоровичъ зналъ изъ опыта; но потому то онъ и требовалъ этого отъ дочери, потому то и укрѣплялъ въ ней элементы борьбы противъ порывовъ: въ ея природѣ онъ узнавалъ много своего; потому и старался сдѣлать ее, по возможности, твердою, и давалъ направленіе реальное.

Дѣвочка любила однакожъ стихи; онъ не давалъ ей

наслаждаться одною музыкою стиха.—Пойми мысль, говорилъ онъ, можетъ быть, тутъ звукъ одинъ, а мысли и нѣтъ.

Ей нравились и звукъ, и картины.

Наступала весна. Ручьи понеслись съ горъ. По одному изъ бугровъ вода сливалась въ узкую лощину, и бѣлымъ ключомъ бѣжала къ рѣкѣ по песчаному руслу. Рѣка плескалась сердито, выходя изъ береговъ; шумно и бурно добѣгала она до ограды сада, обсаженной акаціями. Дѣвочка все смотрѣла на нее съ балкона, вспоминая Елену, которая цѣлые часы, бывало, проводила предъ картиною расколыхавшейся воды.

— Что ты такъ долго смотришь? что тебѣ тутъ нравится? спрашивалъ отецъ.

— Нравится сила, мостикъ сорвала, такъ и закружила его; большое дерево тоже умчала...

Нравилось ей и плесканье воды; нравилось, и заставляло думать, это движеніе, непрекращающееся. Отчего? Ей чудилась въ этой рѣкѣ какъ бы живая, произвольная сила.

— Я съ мамой Ундину читала, сказала она отцу. Я знаю, что не дядя Струй, а такъ и кажется, что дядя Струй плещетъ...

Отецъ принялся ей разсказывать о причинѣ дождей, снѣговъ, росъ, ручьевъ и рѣкъ, текущихъ къ морю; говорилъ о вліяніи ихъ на растительность, о вліяніи климата на живущихъ въ немъ. По этому поводу, она прочла съ нимъ много; пополняли же эти чтенія его разсказы.

Какъ онъ боялся, чтобы радость, горе, или вообще какое бы то ни было ощущеніе, не проявилось въ дѣвочкѣ безотчетнымъ.

Какъ онъ слѣдилъ за нею!

— На все есть причина; все проистекаетъ изъ извѣстнаго закона; все подлежитъ ему; все объяснимо, говорилъ онъ.

Соня разбила стекло ящика, подъ которое былъ вставленъ букетъ, вышитый Еленою. Въ испугѣ показывала она сестрѣ осколки стекла въ ту минуту, какъ отецъ вошелъ въ кабинетъ.

— Что это такое? кто разбилъ? спросилъ онъ.

— Я, отвѣчала тотчасъ Вѣра.

— Нѣтъ, не ты! возразилъ ей Павелъ Ѳедоровичъ.

Всѣ трое замолчали, и онъ сѣлъ писать.

— Нельзя уступать первому движенію, хотя бы и доброму, сказалъ онъ ей вечеромъ, когда Соня уже была уложена. Прежде всего подумай, и увидишь, есть ли причина поступить такъ, а не иначе; напримѣръ, по поводу разбитаго стекла, стоило ли того жертвовать правдою?...

По прочтеніи съ нимъ книги, она составляла для него вкратцѣ полную изъ нея выборку, или на словахъ излагала основную мысль ея; онъ переходилъ тогда къ разбору ея, оцѣнкѣ, сравненіямъ; часто она дѣлала параллельные разборы двухъ статей по одному и тому же предмету. Павелъ Ѳедоровичъ усиленно занимался съ нею и математикою. При занятіяхъ языками, онъ направлялъ всѣ чтенія и переводы или къ курсу естественныхъ наукъ, или къ курсу исторіи, которые они должны были, гораздо полнѣе, проходить впослѣдствіи.

Кромѣ того, дѣвочка много переводила про себя, какъ она называла, т. е. не по выбору отца; и между прочимъ, записки графа Монтолона о Наполеонѣ на островѣ

св. Елены. Переводомъ этимъ она занималась съ особенною любовью. Вообще, когда въ рѣдкія минуты, остававшіяся свободными отъ множества занятій, дѣвочкѣ случалось мечтать о Наполеонѣ,—онъ ей представлялся героемъ, рыцыремъ, который могъ бы ратовать за правое дѣло, напримѣръ, хоть бы за освобожденіе невольниковъ.

— Онъ жизнь положилъ бы за нихъ, и тогда былъ бы вполнѣ великимъ, рѣшала она, разсуждая съ Митею. Онъ неправильно приложилъ къ жизни свою силу...

Митя, съ тѣхъ поръ, какъ они познакомились, бывалъ у нихъ часто. Вѣра дѣлилась съ нимъ своими занятіями: задавала ему на домъ разборы, переводы, геометрическія задачи, какія дѣлала сама, и Митя, какъ свой человѣкъ, очень нерѣдко съ ранняго утра, пріѣзжалъ верхомъ на цѣлый день къ Павлу Ѳедоровичу.

Павелъ Ѳедоровичъ почти каждый вечеръ ѣздилъ верхомъ, съ Вѣрою и съ Митею, когда онъ бывалъ у нихъ, и послѣдняго провожали до дома его матери. Вѣру отецъ усаживалъ на мужское сѣдло, укорачивалъ стремена, устроивалъ по обѣ стороны суконную ея юпочку, и они отправлялись далеко по полямъ или въ лѣсъ. Павелъ Ѳедоровичъ ѣздилъ на дорогомъ арабчикѣ, котораго особенно любилъ и холилъ.

Еще другая страсть его,—если можно такъ выразиться, говоря о Павлѣ Ѳедоровичѣ, сущемъ отшельникѣ, отдававшемъ всю жизнь занятіямъ и дочери,—была охота съ борзыми. Но онъ не позволялъ ее себѣ. Несмотря на то, Елена, любя потѣшать Павла Ѳедоровича, поддерживала псарню, существовавшую еще со временъ отца

ея, и сѣдой „Мишка доѣзжачій“ доживалъ свой вѣкъ въ Гороховкѣ даже и въ то время, когда Павелъ Ѳедоровичъ уже управлялъ имѣніемъ. Доѣзжачій поддерживалъ постоянныя сношенія съ окрестными псарнями; любовался каждую весну кутятами отъ Свѣтланы и отъ муругой выжловки, Зары; ходилъ проминать собакъ; соблазнялъ и Павла Ѳедоровича разсказами о полѣ. Павелъ Ѳедоровичъ слушалъ охотно, улыбался; но щенковъ приказывалъ раздавать. Старикъ, ради собственной потѣхи, слѣдовательно, держалъ смычокъ гончихъ, свору борзыхъ, и Павелъ Ѳедоровичъ, сокращавшій въ Гороховкѣ, по возможности, всѣ непроизводительныя статьи, эту статью расхода втихомолку принялъ на себя. Это была единственная роскошь, которую онъ себѣ позволилъ. Елена перевела изъ Гороховки въ новое имѣніе всѣхъ оставшихся у нея дворовыхъ, въ томъ числѣ и старика доѣзжачаго, который усилилъ свою стаю до четырехъ паръ, во время пребыванія Павла Ѳедоровича въ Грузіи. По пріѣздѣ, Павелъ Ѳедоровичъ посмотрѣлъ собакъ, и промолчалъ на счетъ приращенія семейства... Михайло почувствовалъ за собою какъ бы право гражданства. Павелъ Ѳедоровичъ, тѣмъ не менѣе, на охоту не ѣздилъ.

Однажды, Павелъ Ѳедоровичъ былъ въ городѣ, и дѣвочка провела цѣлый день съ Митею и Сонею. Къ вечеру отецъ вернулся, какъ ей показалось, озабоченный и задумчивый. Она спросила: здоровъ ли онъ?

Онъ сказалъ: Ничего... Дѣла...

На слѣдующій день, разговаривая вечеромъ съ дѣвочкою, онъ высказалъ, что мужъ Елены какъ говорятъ, собирается пріѣхать, узнавъ о ея смерти, и ото-

брать имѣніе въ пользу законныхъ сыновей ея, не зная, что оно ею самою уже продано. Говорятъ также, что и дѣвочекъ Елены онъ хочетъ признать своими, и раздѣлить всѣ свои и Еленины имѣнія поровну между братьями и сестрами.

Вѣра не понимала.

— Развѣ это можно сдѣлать? спросила она. Зачѣмъ же намъ отъ него получать имѣніе? Развѣ онъ намъ отецъ?

Павелъ Ѳедоровичъ продолжалъ разсказывать: братъ Елены, холостой и богатый старикъ, подбиваетъ мужа покойной сестры своей къ тому, чтобы онъ ихъ усыновилъ, сравнялъ права ихъ съ правами двухъ старшихъ мальчиковъ. Но, зная мужа Елены, Павелъ Ѳедоровичъ зналъ, можетъ быть, и то, что дочерямъ его дорого окупился бы такой подвигъ со стороны нероднаго отца.

На распросы Вѣры, онъ ей прямо объяснилъ въ чемъ дѣло.

— Ты знаешь, конечно, сказалъ онъ, что женщина, выходя замужъ, принимаетъ фамилію мужа.

— Знаю.

— Знаешь, можетъ быть, и то, что твоя мать не носила моей фамиліи?

— Да; я и на адресахъ писемъ видала, и подпись ея видѣла на бумагахъ, въ послѣднее время, при продажѣ и покупкѣ имѣнія.

— Если она не могла носить моей фамиліи, мы, слѣдовательно, не были съ нею вѣнчаны, а дѣти отъ мужчины и женщины, надъ которыми не былъ совершенъ обрядъ брака, считаются незаконнорожденными, т. е. по закону не имѣютъ права на наслѣдованіе ни имени отца,

ни родоваго имѣнія отъ отца и матери. И то и другое переходитъ только къ дѣтямъ, законно рожденнымъ.

Выслушавъ это, Вѣра долго молчала. Павелъ Ѳедоровичъ, опустивъ голову, ходилъ передъ нею.

— Законъ? Вѣдь это такая книга, наконецъ сказала она, гдѣ написано какъ поступать по правдѣ? Правдою Ярославовою были названы первые законы...

— Да, Собраніе Законовъ—такія книги, въ которыхъ изложено, какъ слѣдуетъ поступать, что считать правымъ въ каждомъ данномъ случаѣ, и опредѣлено наказаніе за нарушеніе какого бы то ни было изъ этихъ постановленій.

— Ну, да. Потому я и не понимаю, какъ приложенъ законъ правды къ этому случаю. По этому закону, мнѣ опредѣлено наказаніе! меня лишаютъ имени и наслѣдства! за что? Я вѣдь не виновата, что родилась... Ни Соня... прибавила она, и при этомъ голосъ ея дрогнулъ.

— Законъ постановилъ такимъ образомъ, желая предупредить, по возможности, недозволенные браки, какимъ былъ нашъ съ Еленою...

Вѣра чувствовала прискорбіе сильное: у нея руки и ноги холодѣли при мысли, что Соню, маленькую и больную, законъ можетъ обидѣть. О себѣ она въ настоящую минуту не думала.

— Я еще вотъ чего не понимаю, продолжала она, скрѣпя сердце; законъ хочетъ, чтобы мама, напримѣръ, жила съ мужемъ,—онъ человѣкъ, вѣроятно, нехорошій, и мама его не любитъ; тебя же любитъ очень. Развѣ, живя съ нимъ, она поступаетъ по закону, т. е. по правдѣ? и можетъ ли этого требовать законъ? А за то, что она посту-

пила по правдѣ, т. е. не жила съ нимъ, онъ наказываетъ невиннаго? наказываетъ крошечную и жалкую Соню!... Я тутъ, право, ничего не понимаю!

Въ ея пониманіи, слова законъ и правда были синонимами.

— Еще разъ повторю, отвѣчалъ Павелъ Ѳедоровичъ, что законъ, обязывая мужа и жену жить вмѣстѣ, имѣетъ въ виду всѣми силами предотвратить рожденіе такихъ дѣтей, какъ ты, Соня, и другіе незаконнорожденные.

— Но они однакожъ рождаются. Законъ, стало быть, не можетъ этому помѣшать? И дѣтей же за то и наказываетъ?

Вѣра опять задумалась. Сердце ея тоскливо сжималось. Отецъ стоялъ передъ нею молча, какъ въ минутусуда.

— Объясни мнѣ еще вотъ что, сказала она, помолчавъ. Насъ съ Сонею законъ лишаетъ твоего имени, какъ будто ты намъ не отецъ, проговорила она едва слышно... Но онъ лишаетъ насъ и хлѣба: Соня попроситъ, напримѣръ, у меня покушать, что я ей дамъ? теперь есть земля, хлѣбъ, скотъ, птица, и я, заказывая обѣдъ, знаю, что есть такая то провизія, купленная на деньги, съ которыми я посылала Антона на базаръ. Но это все твое. Ты можешь завтра же все это взять, и когда Соня попроситъ кушать, скажи пожалуйста: что я ей дамъ? и чѣмъ буду жить сама? Законъ намъ, стало быть, и куска ржанаго хлѣба отсюда не позволитъ взять? Сонѣ то... Сонѣ то нужду и голодъ терпѣть!... Что объ этомъ сказано въ Собраніи Законовъ? чѣмъ живутъ другіе незаконнорожденные? что сдѣлалъ законъ для такихъ дѣтей, какъ мы съ Сонею?

— Для тѣхъ дѣтей, о которыхъ не заботятся сами

родители, отвѣчалъ онъ неохотно, устроены въ Москвѣ и въ Петербургѣ дома, такъ называемые, „воспитательные“. Младенца приносятъ туда тотчасъ по рожденіи его, даютъ ему тамъ имя, даютъ кормилицу, посылаютъ на воспитаніе въ деревню. До 1837 года существовало для этихъ дѣтей такое положеніе: 500 человѣкъ изъ незаконнорожденныхъ выбирались изъ воспитательнаго дома, и воспитывались въ такъ называемыхъ „сиротскихъ классахъ“, дѣвочки въ Петербургѣ, при самомъ воспитательномъ домѣ, а мальчики въ Гатчинѣ, въ окрестностяхъ Петербурга. Но, 25-го іюня 1837 года, пололоженіе это измѣнено указомъ: сиротскіе классы велѣно переименовать въ сиротскіе институты,—Николаевскій, въ Петербургѣ для дѣвочекъ; Гатчинскій,—мужской, и принимать въ нихъ для воспитанія только дѣтей бѣдныхъ чиновниковъ и законно рожденныхъ.

— Сиротскіе классы для сиротъ, стало быть, закрыты. Куда же онѣ дѣваются?

— Въ настоящее время не существуетъ никакого положенія для незаконнорожденныхъ, и они, по достиженіи совершеннолѣтія, если не поступаютъ куда нибудь въ слуги, то отчисляются отъ воспитательнаго дома, и вольны идти на всѣ четыре стороны...

— А выростаютъ они по чужимъ семьямъ? роднаго отца или матери они уже никогда не знаютъ?

— Бываютъ случаи, что знаютъ; но въ воспитательный домъ отдаютъ вообще затѣмъ, чтобы скрыть дитя, и сложить съ себя всякую заботу о немъ.

— Хорошо бываетъ этимъ дѣтямъ! мы съ Сонею стало быть, еще должны сказать спасибо тебѣ и мамѣ за то, что ростемъ не по крестьянскимъ семьямъ. Ахъ,

да, вотъ я вспомнила: у Елизаветы Алексѣевны фельдшеръ изъ питомцевъ. Митя мнѣ говорилъ.

— Ну. да, Петровъ: онъ изъ сиротскихъ классовъ.

— Ахъ, какой ужасъ! Представь себѣ, онъ почти всегда пьяный, и когда подопьетъ уже черезъ мѣру, принимается плясать въ присядку, съ балалайкою, заливается тоненькимъ, дребежжащимъ смѣхомъ, и затягиваетъ пѣсенку, которую у нихъ тамъ, въ сиротскихъ этихъ классахъ, сочинили:

«Мать меня подъ печкой родила,
А отецъ меня на каторгу отнесъ!...»

Теперь я понимаю, что это за питомцы!... Примется онъ разсказывать, Митя говоритъ, такъ кругомъ всѣ нагорюются. Попляшетъ онъ; потомъ садится на полъ, поджимаетъ подъ себя ноги, и плачетъ, плачетъ... Сколько ихъ мретъ тамъ! какія они обиды терпятъ! ни отъ кого, никогда никакой ласки не видали; обозвать какъ только хуже, каждый придумываетъ! И голодны они, и холодны, и едва одѣты, и бьютъ ихъ, чѣмъ попало. Охъ, какой ужасъ! правда это все?

— Правда! отвѣчалъ онъ угрюмо.

Слезы набѣжали на глаза ея; но она ихъ съ досадою обтерла.

— Ну, это, положимъ, такія несчастныя дѣти, которыхъ отецъ съ матерью бросили! продолжала она, лихорадочно, болѣзненно спѣша. Скажи же мнѣ теперь, что мы съ Сонею станемъ дѣлать?

— Вы съ Сонею... выключены изъ села Гороховки, къ которому будто бы были подкинуты, приняты Еле-

ною Петровною М...ою на воспитаніе... и теперь приписаны къ мѣщанамъ нашего уѣзднаго города...

— Какъ? къ мѣщанамъ? какъ Семенъ съ Натальею приписались?

— Да. Что же такое? уже не барская ли спѣсь одолѣла?

— Нѣтъ, не барская спѣсь. А какіе извороты! какая ложь! Я, стало быть, не должна была родиться, если нужно было такъ налгать, чтобы спасти меня... отчего? я не знаю; можетъ быть отчего нибудь хуже еще, чѣмъ „сиротскіе классы“. Для чего же нибудь вѣдь налгали это! И этого, можетъ быть, опять законъ требуетъ? Какая же я мѣщанка? И потомъ: Наталья мнѣ говорила, что они платятъ подать; для этого надо деньги выработать. Семенъ выучился хомуты дѣлать, ходитъ дичь стрѣлять и въ городѣ продаетъ; Наталья на домъ бѣлье беретъ шить. А мы съ Сонею чѣмъ станемъ платить?

— До совершеннолѣтія вы объ этомъ можете не безпокоиться; подать будетъ внесена. Потомъ сами себѣ можете выработывать. Ты, когда много будешь знать, можешь быть гувернанткою, и Сонѣ станешь помогать. А для того, чтобы имѣть право быть гувернанткою, ты должна держать экзаменъ, имѣть дипломъ. Тогда и подати платить не станешь.

Вѣра вся дрожала: тонъ Павла Ѳедоровича былъ рѣзкій до крайности; онъ имъ маскировалъ свое волненіе. Отецъ представлялся ей, въ настоящую минуту, олицетвореніемъ того самаго закона, который наказываетъ не провинившагося. Оскорбляло ее и то, что ее, безъ ея вѣдома, и помимо всякаго съ ея стороны желанія, сдѣ-

лали во первыхъ „виноватою“ и подлежащею наказанію; потомъ сдѣлали гороховскою мѣщанкою, и „постановили“, что она будетъ гувернанткою и должна будетъ содержать Соню!...

— А какъ насъ будутъ звать? спросила она сухо, сжимая зубы, чтобы они не стучали.

— По крестному отцу. А изъ моего имени вамъ сдѣлана фамилія.

— Распорядились!... замѣтила она. И слѣда, стало быть, никакого не останется, что я дочь Павла Ѳедоровича и Елены Петровны! И имени отца не даютъ! по отчеству не называютъ!...

Жгучія слезы опять набѣжали на глаза ея; но она ихъ снова съ досадою обтерла.

— Имени моего я тебѣ не оставлю, сказалъ онъ; но все, что могу, я тебѣ дамъ, я для тебя сдѣлаю, и уже дѣлалъ до сихъ поръ. Съ тѣми задатками, какіе теперь есть въ тебѣ, ты сама себѣ выработаешь то мѣсто въ обществѣ, которое всякая развитая, честная личность должна занимать въ немъ по праву. Горевать тутъ нечего. Плачутъ лишь безсильные. Каждый самъ себѣ создаетъ имя въ томъ смыслѣ, что имя это честное или оплеванное: какого нибудь Ивана Ивановича Иванова, изъ питомцевъ, изъ родившихся подъ печкою, я отъ души уважаю; его лично уважаю за честность и другія добрыя качества; за все, что онъ вытерпѣлъ бодро, уважаю; а другому подлецу, можетъ быть титулованному, я руки не подамъ. Понимаешь? Что же за важность, какъ бы ты ни прозывалась, къ какому сословію ни принадлежала бы? Кругъ, въ которомъ ты теперь ростешь, благодаря условнымъ правамъ, которыми и я

пользуюсь, смотритъ на обстоятельство твоего рожденія несправедливо. Но надо умѣть стать выше его, надо умѣть подчинить себѣ предразсудокъ, и взять права, которыхъ не хотятъ тебѣ дать; взять нравственною силою ума, воли, знанія. Надо стать первою въ этомъ кругу!... Вотъ чего я хочу! вотъ къ чему и веду тебя. Я виноватъ передъ тобою, виновата и Елена: мы знали законъ, отъ котораго должна пострадать ты, и мы его преступили. Она за то уже поплатилась; не суди же ее. Но я передъ тобою. И я, всѣми силами, всѣми моими средствами, искупаю вину твоего рожденія: я даю тебѣ возможность независимаго въ будущемъ существованія, а это почти счастіе, учу тебя работать; больше я тебѣ ничего не могу дать. Трудиться обязанъ умѣть каждый, и законно и незаконнорожденный. И если я тебя выучу работать, я тебѣ значитъ, и хлѣбъ и честное имя оставлю.

Она еще дрожала; но какъ будто тяжесть какая сваливалась съ ея плечъ...

— Что же это за общество? спрашивала она. Какое кому дѣло: живетъ ли съ мужемъ Елена или Вѣра? законныя или незаконныя у нихъ дѣти? и что такое ты говоришь, что мама за насъ уже поплатилась?

— Сама съ собою женщина скоро рѣшаетъ вопросъ, почему она не станетъ жить съ мужемъ, котораго не можетъ ни уважать, ни любить; но, когда мы пріѣхали сюда жить съ Еленою, вопросъ о положеніи ея въ обществѣ далеко не былъ легко разрѣшеннымъ. Общество не знается съ женщиною, которая дѣлаетъ явно такой шагъ; у нея тогда еще былъ живъ отецъ; онъ писалъ, огорчался, плакалъ объ ней; братъ умолялъ ее вернуть-

ся къ мужу, когда на то было еще время; все это волновало ее страшно, и она тогда еще заболѣла тою болѣзнью, отъ которой умерла теперь. Женщинѣ такіе правдивые поступки не дешево обходятся.

— Для общества, стало быть, очень важно, что я незаконнорожденная? И мужъ, и братъ мамы, потому и хотятъ поправить ея вину?

— Для идіотовъ — это важно. Но есть, къ счастію, люди, которые обратятъ вниманіе лишь на личность твою, а не на мѣщанство. Мужъ твоей матери можетъ приписать васъ къ своей семьѣ, хотя это и очень трудно сдѣлать; но если онъ хочетъ, онъ будетъ долго хлопотать, и можетъ васъ признать своими; но онъ тогда и возьметъ васъ къ себѣ, такъ какъ меня имѣетъ полное право ненавидѣть.

— Если такъ, то я ни за что въ мірѣ не хочу быть приписанною къ его семьѣ. И подумай самъ, — опять развѣ это будетъ правда, если законъ дастъ ему право признать насъ своими? Какъ же мы можемъ носить его фамилію, когда отецъ нашъ ты, а его мы до сихъ поръ въ глаза не видали? Ничего я въ этомъ законѣ, должно быть, не смыслю: я не могу его ни понять, ни истолковать себѣ, — за какую такую провинность, которой я не сдѣлала, я наказываюсь? и за что — не знаю — могу быть облагодѣтельствована вовсе чужимъ для меня человѣкомъ? Законъ хочетъ помѣшать рожденію такихъ дѣтей, какъ мы съ Сонею, но они все-таки рождаются; законъ это знаетъ, потому что для нихъ устроиваетъ особые дома и классы, въ которыхъ ростутъ такія горькія сироты и изъ которыхъ выходятъ такіе несчастные, какъ фельдшеръ Петровъ!...

Слова ея дрожали сквозь слезы; но она, рыдая, продолжала говорить.

— И ростутъ отдѣльно, воспитываются отдѣльно, въ особыхъ „сиротскихъ классахъ!...“ Какъ будто не такія же дѣти, какъ всѣ?... Какая же разница между нами и дѣтьми Елизаветы Алексѣевны?—А теперь и классы отмѣнены? и учить ихъ — ничему не учатъ! Вольны идти на всѣ четыре стороны, ты говоришь: какъ это ты смѣшно сказалъ! Какъ будто оттого только жить хорошо, что на всѣ четыре стороны идти можно? Когда нѣтъ ни дома, ни хлѣба, ни отца роднаго? Охъ, какой ужасъ! Скажи пожалуйста, развѣ для нихъ все, что можно, сдѣлали законъ и общество? И могутъ ли эти сироты смотрѣть на человѣка, какъ на брата, когда ихъ съ дѣтства грызли и мучили? И что же это за общество, которое смотритъ на такое дѣло и терпитъ его? Никто и слова не замолвитъ! Ты самъ что молчишь? ты вѣдь сознаешь, что дѣлается такая неправда, что не должны гибнуть сироты! А онѣ гибнутъ! Охъ, какой ужасъ!... И что же это за общество? оно меня пугаетъ: женщина замучивается до смерти, ребенокъ наказывается, и страдаетъ безвинно, а ты—ты правъ? Тебя не наказываетъ ни законъ, ни общество?...

— Да, мнѣ легко, замѣтилъ онъ, блѣдный и съ опущенною на грудь головою.

Помолчавъ, она опять продолжала:

— Ты мнѣ вотъ что скажи: Рэчель и братья ея законнорожденные?

— Да, отвѣчалъ онъ, медленно и съ трудомъ. Отецъ и мать ихъ очень любятъ другъ друга, и имъ хорошо жить вмѣстѣ. У нихъ такіе случаи бываютъ лишь въ

видѣ исключенія: женщина самостоятельна; ее нельзя выдать замужъ; она выбираетъ себѣ мужа свободно и не торопясь; какъ человѣкъ, развитый правильно, она обращаетъ все свое вниманіе не на денежныя средства человѣка, на которомъ останавливаетъ свой выборъ; она смотритъ уменъ ли онъ, честенъ ли, добръ? Трудолюбивъ ли, какъ она сама? Если все это есть, они живутъ счастливо, привязанность ихъ прочна, и женщина не уходитъ отъ мужа. Зачѣмъ она уйдетъ, когда ей жить хорошо? Тѣмъ менѣе еще она его обманываетъ: есть женщины, которыя дѣлаютъ еще хуже, чѣмъ уйти отъ мужа; онѣ мужей обманываютъ, и незаконныхъ дѣтей дѣлаютъ законными. Это дѣлается ради того, чтобы сохранить уваженіе со стороны общества. Когда эти приличія не были соблюдены, тогда рождаются явно такія дѣти, какъ ты и Соня. Братъ Елены, желая облегчить для васъ послѣдствія ея проступка, потому и посылаетъ сюда, вѣроятно, этого дурака, отъ котораго зависитъ сдѣлать, или нѣтъ, въ отношеніи васъ, доброе дѣло.

— Покорно благодарю за такое доброе дѣло! жить съ ними, можетъ быть, та же „каторга“, изъ которой вышелъ фельдшеръ Петровъ: они насъ любить не имѣютъ причины, мы имъ чужія, а берутъ лишь для того, чтобы добро сдѣлать, какъ Петрову. И его, видите ли, „на ноги поставили!“, какъ онъ говоритъ, съ дребежжащимъ своимъ смѣхомъ. Несчастный! куда онъ годится? Елизавета Алексѣевна только за то его и держитъ, что онъ „несчастный...“ И каковъ законъ! Какъ будто для сиротъ не слѣдовало бы гораздо больше сдѣлать, гораздо больше ихъ любить за то, что онѣ „несчастныя?“ ни отца, ни матери не знаютъ... Зачѣмъ же законъ не

даетъ рѣшать самому отцу: хочетъ ли онъ оставить незаконнорожденному ребенку свое имя и наслѣдство? Зачѣмъ законъ заставляетъ отца обижать своего ребенка? Нѣтъ, ты насъ не отдавай имъ на доброе дѣло. Я ни за что въ мірѣ не пойду... И Соню не отдавай...

Онъ долго молчалъ, обдумывая въ головѣ тяжелыя мысли.

Она заснула вдругъ, тяжелымъ сномъ, свернувшись у него на кушеткѣ.

Онъ долго стоялъ предъ нею, въ той же позѣ, съ опущенною на грудь головою, прислушиваясь къ ея судорожнымъ всхлипываніямъ и неровному дыханію.

Встала Вѣра на другой день какъ послѣ тяжелой болѣзни: слабая, измученная тѣломъ, но съ горячею мыслью—скорѣе, скорѣе приниматься за дѣло! ей казалось, что слишкомъ много времени уже упущено, что ей столько, столько еще надо сдѣлать для того, чтобы стать первою въ этомъ страшномъ обществѣ!... Она живо покончила съ чаемъ и кухнею, обложилась книгами, и сѣла усердно работать. Но это вовсе не такъ легко было сдѣлать, какъ ей хотѣлось... День и ночь надо работать, говорила она себѣ: мнѣ въ августѣ уже будетъ тринадцать лѣтъ. И принуждала мысль свою сосредоточиться на чтеніи о полюсахъ и ледникахъ. Но мысль эта убѣгала: законъ, общество, классы несчастныхъ, рожденныхъ „подъ печкою“, вертѣлись у нея на умѣ, и сердце усиленно стучало. Лицо ея было блѣдно; между бровками, какъ у отца, набѣгала складка. Отецъ писалъ за тѣмъ же столомъ, и молча наблюдалъ надъ нею.

Лице ея стало проясняться; складка на лбу разгладилась.

— Онъ виноватъ, милый мой!... думала она. Чѣмъ же онъ виноватъ, что общество подлое? Онъ развѣ могъ повѣнчаться съ мамою, когда у нея есть мужъ? Онъ зналъ, что есть такія мѣста, куда сиротъ бросаютъ, а развѣ онъ меня туда отдалъ? Нѣтъ, любитъ, бережетъ, „и хлѣбъ и честное имя“ дастъ мнѣ. Такіе виноваты не бываютъ! Мама, какъ ни плакала отъ него, а до послѣдняго вздоха любила. Мнѣ кажется, иначе и быть не можетъ... Всю правду мнѣ вчера сказалъ, — виноватъ, говоритъ. А я чувствую, какъ будто онъ нисколько, ни крошечки не виноватъ!...

Она, въ эту минуту, подняла на него глаза. Онъ смотрѣлъ на нее, читая мысль на ея прозрачномъ личикѣ. Она вскочила съ мѣста, и съ любовью, горячо его поцѣловала, обвивъ руками его шею.

— Оставила бы пока книги, сказалъ онъ ей. Я пойду, въ саду поработаю, не хочешь ли со мною? Надѣнь высокіе сапожки. Сыро.

Она побѣжала съ радостью.

Подъ вечеръ, она узнала, что до Милки дошли уже изъ города слухи о новомъ папашѣ, и услышала она отъ нея странныя вещи. Милка разсказывала Сонѣ, что у него была на воспитаніи маленькая сиротка племянница, и онъ ее посадилъ въ подвалъ: хотѣлъ попробовать, долго ли выживетъ дитя безъ солнца, безъ воздуха и на хлѣбѣ съ водою! Дитя жило въ подвалѣ два года, и, въ продолженіе этого времени, очень выросло и пожелтѣло; но долѣе дѣвочка не вынесла, зачахла и умерла.

— Что это ты, Милка? что за вздоръ? сказала Вѣра.

Между тѣмъ, ей становилось жутко: можетъ быть, сиротка

была незаконнорожденная, мелькнула у нея мысль: и обидѣть, и заморить можно!.. Нервная дрожь, какая била ее наканунѣ, во время разговора съ отцомъ, возвратилась, а у Сони, въ продолженіе этого разсказа, глаза раскрылись вдвое противъ обыкновеннаго, и рученки холодѣли въ рукѣ старшей сестры. Милка увѣряла, что это сущая правда. Свѣча трещала, догорая. Милка крестилась, приговаривая: да проститъ Господь Богъ этому „окаянному“ такое прегрѣшеніе!

Къ странному своему разсказу, Милка прибавила нѣсколько другихъ, еще болѣе невѣроятныхъ. Вѣра сказала ей, чтобы она лучше замолчала, чѣмъ разсказывать такія бредни, и прибавила, что на дняхъ папаша этотъ, можетъ быть, пріѣдетъ къ нимъ. Соня принялась плакать: она боялась, что онъ ее возьметъ, и уморитъ въ подвалѣ, какъ маленькую свою племянницу. Милка разувѣряла ее, но слабо: она, по видимому, тоже смекала недоброе объ участи Сони.

— Тебя то уже папаша не отдастъ, говорила она, при Сонѣ: ты у него что свѣтъ Божій въ оконцѣ...

Дѣвочкѣ стало очень обидно за Соню, и она, въ досадѣ, велѣла Милкѣ замолчать.

Павелъ Ѳедоровичъ любилъ конечно и младшую дѣвочку: но она, по слабости и болѣзненности своей, требовала совсѣмъ иныхъ попеченій, чѣмъ Вѣра, которыя также совершенно удавались Павлу Ѳедоровичу. Занималась ею слегка Вѣра; онъ же бралъ ее къ себѣ въ минуты отдыха, разсказывалъ картинки, напѣвалъ пѣсенки, и у Сони оказывался превѣрный, прехорошенькій голосокъ. Носилъ онъ ее на плечахъ, завертывалъ, и бралъ съ собою гулять, забавляя такъ, что Соня звонко хохотала.

И мило, любо было смотрѣть на этого великана съ такою крошкою на рукахъ!

Съ недѣлю спустя послѣ разговора о „сиротскихъ классахъ“, Павелъ Ѳедоровичъ однажды поутру, послѣ чая, рѣзко сказалъ дочери:

— Вы можете даже отвыкать звать меня „папою“. Павелъ Ѳедоровичъ женатъ не былъ, и дѣтей у него по закону не полагается. А когда мы говоримъ по французски, вы можете звать меня „Monsieur“. Вы мои воспитанницы, а не дочери. Пріучай и Соню звать меня такъ, какъ слѣдуетъ.

— Но здѣсь всѣ знаютъ: отъ кого же скрывать? хотѣла она сказать. Но поспѣшила уйти — ея комната отъ него была слишкомъ близко; слезы душили ее. Она ушла въ кладовую, и тамъ долго, долго плакала.

Въ тотъ же день маленькій Николай Ивановичъ, знавшій все на свѣтѣ, явился изъ города съ извѣстіемъ, что „они пріѣхали-съ, и барышенъ, говорятъ, непремѣнно возьмутъ-съ! что вы-съ, Павелъ Ѳедоровичъ, правъ на нихъ не имѣете и не докажете-съ. А они-съ законъ на своей сторонѣ поставятъ-съ, съ высочайшаго разрѣшенія ихъ усыновятъ, и тогда если вы, добра дѣтямъ не желая, не станете ихъ отдавать, то они, хоть судомъ, да возьмутъ-съ!“

Глаза у Павла Ѳедоровича сверкнули.

— Дуракъ-съ! вотъ что вы ему отъ меня скажите! загремѣлъ онъ. „Непремѣнно возьмутъ-съ!“ видите ли! Пускай попробуетъ: судомъ—вретъ—брать не будетъ! А красть развѣ попробуетъ? такъ еще это мы съ вами, Николай Ивановичъ, посмотримъ, какъ украдетъ...

Въ шутливомъ тонѣ его даже Николай Ивановичъ

услыхалъ раздраженіе, и благоразумно притихъ. Такъ это пока и смолкло.

Черезъ день послѣ этого разговора, Павелъ Ѳедоровичъ, передъ обѣдомъ, отправился на бѣговыхъ дрожкахъ проѣзжать молодую лошадь. Не успѣлъ онъ выѣхать, какъ Вѣра уже увидѣла его снова на плотинѣ: онъ возвращался скорою рысью. Оказалось, что онъ завидѣлъ издали бричку, въ которой узналъ мужа Елены, подъѣзжавшаго къ селу, и поспѣшилъ обогнать ее, чтобы принять гостя. Бричка свернула, однакожъ, съ плотины на село, а къ дому не подъѣхала.

Заходилъ Павелъ Ѳедоровичъ скорымъ, звонкимъ шагомъ, какъ всегда, когда бывалъ взволнованъ. Грудь его неровно поднималась, брови хмурились. По временамъ, онъ останавливался передъ Вѣрою, шившею Сонѣ передникъ, хотѣлъ ей что-то сказать, и проходилъ мимо У Вѣры иголка прыгала въ рукахъ: онъ ей казался страшнымъ.

— Подвернись онъ ему теперь, думала она: онъ его одною рукою задушитъ. Я знаю эту бровь, когда она такъ хмурится...

Дѣвочка молча распоряжалась за столомъ. Онъ спросилъ водки, которой никогда не пилъ, она налила; онъ спросилъ еще. Она такъ и ждала, что страшное что-то случится, можетъ быть, нынче же вечеромъ, сейчасъ же...

Бричка стояла распряженною у старостиной избы. Ее видно было изъ оконъ „Для чего же онъ не пріѣхалъ къ Павлу Ѳедоровичу, къ которому ѣхалъ?“ думала Вѣра.

Послѣ обѣда приходили въ кабинетъ староста съ Ни-

колаемъ, и Вѣра слышала, что отецъ смѣялся, назвавъ кого-то, будущаго папашу, вѣроятно, сумасшедшимъ.

Когда они уходили, онъ имъ крикнулъ вслѣдъ:

— Угостите его, предложите кушать, возьмите съ погреба вина.

Вѣра отпустила вина, положила на блюдечко барбарису, котораго сама наварила прошлою осенью, любимаго варенья Павла Ѳедоровича, и пошла съ блюдечкомъ къ нему въ кабинетъ.

— Ну, прощайте, Вѣра Дмитріевна! сказалъ онъ ей, называя ее именемъ нареченнаго папаши, Дмитрія Антоновича. Недолго уже намъ побыть вмѣстѣ!

Ужасъ охватилъ ее; но она спросила, какъ могла спокойнѣе:

— Кто же это рѣшилъ, что мы поѣдемъ къ нему?

Она переживала страшную минуту: съ того дня, какъ началась исторія объ этомъ папашѣ, Павелъ Ѳедоровичъ уже представлялъ ей, что жизнь ея будетъ гораздо легче со временемъ, если она вступитъ въ общество съ законнымъ именемъ, и будетъ богата. На заявленіе Вѣры, что она этого не хочетъ, что она останется съ нимъ, и будетъ работать, работать и для него, когда онъ будетъ старъ—онъ ей напомнилъ о Сонѣ, и поставилъ вопросомъ: имѣетъ ли она право отказываться за Соню отъ жизни обезпеченной, обрекать ее на горе и трудъ, которыхъ она, можетъ быть, и физически не вынесетъ? Тяжелый вопросъ былъ ей предложенъ! Она надъ нимъ думала, и — отказалась. „Все лучше, чѣмъ разстаться съ нимъ, какъ для ней такъ и для Сони!“ рѣшила она. Рѣшено это было въ кабинетѣ, когда бѣда грозила еще издали. Но вотъ теперь она на лицо: стоитъ Павлу Ѳедоровичу лишь выговорить слово

согласія, и онъ поѣдетъ хлопотать о разрѣшеніи... и ему разрѣшатъ, какъ милость, вещь ужасную, ложь неслыханную, для Вѣры непонятную!.. И Павелъ Ѳедоровичъ, очень можетъ быть, обдумавъ, рѣшилъ самъ, думала Вѣра, рѣшилъ пренебречь волею ребенка, распорядиться ея будущностью по своему усмотрѣнію, ради ея же выгодъ. Неужели результатъ этого пріѣзда Дмитрія Антоновича зависитъ отъ того, какимъ путемъ онъ поведетъ объ этомъ рѣчь? Если Павелъ Ѳедоровичъ рѣшилъ... онъ сейчасъ пойдетъ на село, приведетъ оттуда съ собою папашу, и переговоры въ двѣ, три минуты могутъ быть кончены. Дмитрій Антоновичъ началъ ихъ чрезъ управляющаго и старосту,—это глупо. Но Павелъ Ѳедоровичъ сейчасъ же можетъ показать ему, какъ дѣло дѣлаютъ умно; Павелъ Ѳедоровичъ вчера еще сказалъ ей, что „отказываться было бы непрактично“...

Переживая вопросъ жизненный, Вѣра весело ловила съ ложки варенье, которое отецъ подносилъ ей ко рту, и отнималъ, когда она уже открывала ротъ. Она шутливости этой еще не понимала...

— Ты рѣшилъ? переспросила она.

— Какъ же не отдать? говорилъ онъ, по видимому серьозно. Чѣмъ же вы станете жить? Останусь я одинъ, буду работать. А вамъ дадутъ золотыя горы; будете вы графинями...

Дѣвочка вспыхнула.

— Нельзя, не смѣешь ты такъ говорить! закричала она. Вѣдь ты мнѣ представлялъ все это! ты вѣдь знаешь мою волю! Развѣ ты меня тому училъ, что бы соглашаться на ложь: уйти отъ тебя, выбрать богатство?...

Онъ обвилъ ее руками; придвинулъ къ кушеткѣ;

прижалъ къ себѣ; у Вѣры отлегло отъ сердца: Павелъ Ѳедоровичъ, слава Богу, человѣкъ не практичный! вотъ, бѣда на лицо, а онъ не рѣшается отдать свою дѣвочку, и ему жаль съ нею разстаться. Слава Богу, онъ не практичный!..

— Ты пойдешь на село? спросила она.

— Нѣтъ, не пойду. Зачѣмъ? я не отдамъ тебя.

— А если онъ захочетъ взять, какъ Николай Ивановичъ говорилъ?

— Т. е., какъ взять? украсть? изъ окна вытащить? Нѣтъ, въ нашъ благовоспитанный вѣкъ, даже на зло мнѣ, дѣвочекъ красть не станутъ, а иначе я не отдамъ.

— А если онъ высочайшаго разрѣшенія будетъ просить?

— Безъ моего согласія, что же онъ можетъ просить? Если наперекоръ мнѣ, то вѣдь я не безгласный. На то, что Елена жила со мною, въ губерніи есть тысячи свидѣтелей. Но, какъ бы то ни было, я рѣшилъ, что не отдамъ. Что бы тамъ дальше ни было, не отдамъ... повторялъ онъ. Сумасшедшій!..

— Развѣ онъ, въ самомъ дѣлѣ, сумасшедшій? спросила она. Изъ разсказовъ Милки, это похоже на правду.

— Не знаю. Что мнѣ за дѣло? Не отдамъ... твердилъ Павелъ Ѳедоровичъ, какъ бы про себя.

— Какъ же ты его выпроводишь?

— Я думаю, самъ уѣдетъ. Что ему тутъ на селѣ, дѣлать? не дуракъ ли? пріѣхать, переговорить со мною— ему боязно: Антона съ Николаемъ посылаетъ! И зачѣмъ это братъ Елены такого скота прислалъ? Если бы самъ пріѣхалъ, то можно бы съ нимъ уладить, чтобы онъ что нибудь устроилъ для васъ въ будущемъ. Я, можетъ

быть, напишу къ нему, послѣ отъѣзда этого папаши. Нѣтъ, впрочемъ, ничего намъ отъ нихъ не надо: пропадай они совсѣмъ! и безъ нихъ обойдемся!..

— Обойдемся! повторила она съ радостью, и вздохнувъ свободно. Ну какъ же, продолжала она, если Дмитрій Антоновичъ долго не захочетъ уѣзжать отсюда, что же съ нимъ дѣлать? вѣдь это, согласись, пренепріятное сосѣдство!

— Нѣтъ, онъ теперь уѣдетъ. А можетъ быть и рѣшится побывать у меня самъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, ему слѣдовало бы сдѣлать. А убоится, такъ пусть довольствуется тѣмъ, что я ему послалъ сказать: „что у него есть два мальчика, а у меня двѣ дѣвочки; я доволенъ тѣмъ, что у меня есть,—того же и ему желаю!“...

Вѣра боялась этого сосѣдства.

— На постояломъ дворѣ у насъ всѣ останавливаются. И онъ имѣетъ право прожить нѣсколько дней, даже недѣль. Выжить его никто не смѣетъ...

Но Павелъ Ѳедоровичъ, при этихъ словахъ, нахмурился, и Вѣра поспѣшила перемѣнить разговоръ.

Весь вечеръ онъ былъ шутливъ и веселъ! вопросъ о папашѣ, видимо, лишь потѣшалъ его. Поздно уже, когда Вѣра ложилась, онъ сѣлъ написать письмо.

Съ тѣхъ поръ, какъ началась эта исторія, всѣ тревожныя заботы Вѣры сосредоточились на маленькой сестрѣ.

— Какъ бы не напугали ее! думала она, и, въ тотъ вечеръ, когда Дмитрій Антоновичъ присылалъ парламентеровъ, она заботливо вглядывалась въ темную ночь, подъ тѣнь деревьевъ. Соня уже спала. Она выглянула изъ окна дѣтской, ей показалось, что въ аллею кто-то про-

шелъ и остановился противъ нея, подъ деревомъ. Въ испугѣ, она прильнула лицомъ къ окну; тѣнь подошла ближе. Она узнала Михайла, доѣзжачаго.

Обрадовавшись, она живо прикрыла Соню кафтанчикомъ и отворила окно.

— Ты что, Михайло?

— Мы вотъ съ Алексѣемъ походить хотимъ: караульные-то тамъ, у воротъ и флигелей, а мы вотъ тутъ, у ограды да подъ окнами походимъ.

— Спасибо, Михайло! Выпустилъ бы Удалаго и Тумана! они у тебя молодцы, волка берутъ.

Какъ ни тихо шелъ разговоръ, Соня проснулась и встревожилась; большаго труда стоило Вѣрѣ успокоить нервную дѣвочку, но Вѣра убаюкала ее обѣщаніемъ, что если даже онъ и придетъ, то папа обѣщалъ не отдавать ихъ. А это вѣрно.

— Помилуйте, молодая хозяйка, говорилъ на слѣдующее утро Павелъ Ѳедоровичъ, входя въ столовую, гдѣ Вѣра разливала чай: ваши волкодавы мнѣ спать не дали! У васъ тутъ дозоръ учрежденъ: я крикнулъ, чтобы звѣрей прибрали, а Михайло мнѣ отвѣчаетъ, что нельзя, что вы, дескать, приказали выпустить. Такъ я и не осмѣлился отмѣнить вашего распоряженія!

Дѣвочка улыбалась. Лицо его было спокойно, рѣчь весела. Она видѣла, что онъ не только въ нормальномъ настроеніи, но и счастливъ, какъ будто, тѣмъ, что вопросъ объ этомъ будущемъ окончательно рѣшился.

Въ самомъ дѣлѣ, Павелъ Ѳедоровичъ былъ съ нѣкотораго времени гораздо веселѣе. Онъ, казалось, думалъ:

— Ну, теперь она про это знаетъ: такъ лучше...

Весеннее утро сверкало блестками на молодой травѣ.

Позавтракавши, Павелъ Өедоровичъ сѣлъ за письменный столъ свой, по обыкновенію противъ окна, выходившаго въ садъ; дѣвочка писала за этимъ же столомъ, у окна, съ боку, по лѣвую руку Павла Өедоровича. Окно было отворено; ни малѣйшаго шороха въ саду не послышалось, но Вѣра почему-то вдругъ подняла глаза, и—обмерла отъ удивленія... У самаго окна, на поларшина отъ нея, торчало лицо, старое, желтое, желчное, съ крошечными глазками, подъ нависшими сѣдыми бровями. Нѣсколько минутъ, дѣвочка и старикъ этотъ смотрѣли другъ другу прямо въ глаза; смѣлость его ее пугала, и у нея мелькнуло въ мысли, что отецъ его увидитъ, и бѣда будетъ...

Подъ вліяніемъ всего, что было говорено о немъ и передумано ею, она видѣла въ немъ личнаго своего врага, но, тѣмъ не менѣе, боялась, что гнѣвъ отца разразится надъ нимъ.

— Какъ неслышно подкрадывается, думала она, смотря прямо въ эти свинцовые глаза, которые приковывали ее къ мѣсту. Когда нибудь онъ также подкрадется и схватитъ Соню въ саду.... Соня и теперь въ саду. Какъ можно позволять ему жить на селѣ! А какъ же иначе сдѣлать?..

На тревожную мысль ея тутъ же пришелъ отвѣтъ: за калиткою сада стоялъ лакей Василій; далѣе, шагахъ въ двадцати, у колодца, Алексѣй кучеръ и Михайло доѣзжачій стояли, такъ себѣ, безъ всякаго дѣла, и смотрѣли на это окно.

— Добрые! подумала Вѣра.

Прошло минутъ пять. Притаивъ дыханіе, дѣвочка не въ силахъ была повернуть головы въ сторону отца. Но вотъ, онъ взглянулъ передъ собою, и глаза его остано-

вились прямо на этомъ желтомъ лицѣ, почти лежавшемъ на подоконникѣ... Павелъ Ѳедоровичъ всталъ во весь ростъ. Огромная фигура его выпрямилась:

— Что же? милости просимъ, сказалъ онъ громко. Зачѣмъ же вамъ изъ окна на насъ смотрѣть? пожалуйте, переговоримъ! — Рекомендую: полюбуйся, это супругъ Елены Петровны! продолжалъ онъ, обращаясь къ Вѣрѣ.

Лишь только замѣтилъ его Павелъ Ѳедоровичъ, супругъ этотъ сдѣлалъ движеніе въ сторону, но вскорѣ вернулся на прежнее мѣсто и началъ смотрѣть на Павла Ѳедоровича такъ же пристально, какъ до сихъ поръ смотрѣлъ на дѣвочку. Постоялъ, постоялъ онъ, посмотрѣлъ какъ-то странно, дико, потомъ повернулся и медленно пошелъ назадъ по саду.

Добрые неслышно кинулись за нимъ слѣдомъ, поодаль, сзади... Въ числѣ ихъ выскочилъ изъ-за угла Николай, прослѣдившій его отъ самой старостиной избы, и еще нѣсколько крестьянъ. Какъ гончіе, разсыпались они по кустамъ и смотрѣли до тѣхъ поръ, пока онъ не остановился у своей брички, которую вскорѣ стали закладывать.

Павелъ Ѳедоровичъ смотрѣлъ ему вслѣдъ, стоя у окна. Презрительно косились его губы...

— Видѣла! каковъ? спросилъ онъ у Вѣры, въ тоскѣ прижавшейся у другаго окна и смотрѣвшей также въ садъ.

— Ахъ! какъ все это гадко! и страшно, проговорила она. Сердце ея усиленно билось. Увидѣла она, что бричка закладывается, что около лошадей человѣкъ десять, что въ три минуты она была готова, и съ радостью посмотрѣла Вѣра вслѣдъ за этою бричкою, съѣзжавшею съ плотины...

Съ радостью, сравнительно: она все это время была необыкновенно грустна. Павелъ Ѳедоровичъ безпрестанно заставалъ ее съ заплаканными глазами, и она уходила отъ него подальше.

— Что ты разнѣживаешь себя? сказалъ онъ разъ вечеромъ, голосомъ чрезвычайно мягкимъ. Свыкайся же съ мыслью: ни роду у тебя, ни племени—сама по себѣ человѣкъ; но человѣкомъ будь, сильнымъ, закаленнымъ! Тяжело жить, но, повѣрь мнѣ, никому не легче. О чемъ ты все грустишь?

— Павелъ Ѳедоровичъ, у меня.... Monsieur.... а не отецъ... рыдала она на его плечѣ. Нѣтъ отца.. какъ у тѣхъ дѣтей, которыхъ выбросили...

— Но вѣдь есть же у тебя Павелъ Ѳедоровичъ. Стало быть весь вопросъ только въ имени. Вѣдь Павелъ Ѳедоровичъ — вотъ онъ! говорилъ отецъ, придвигая ее къ себѣ. А когда не будетъ, и тогда не плачь: одна будь, сама по себѣ. Помня его, твердою будь. Будь героемъ!

На другой день, Михайло вошелъ въ то время, какъ Вѣра сидѣла за самоваромъ. Павелъ Ѳедоровичъ игралъ съ Сонею, въ ожиданіи чая.

— Что, Михайло? спросилъ онъ, останавливаясь передъ старикомъ, съ Сонею на одной рукѣ.

— Да вотъ, кузяевскій баринъ прислалъ: завтра на охоту ѣдутъ: еще брылкинскіе подъѣдутъ господа.... не выѣдете ли и вы, Павелъ Ѳедоровичъ? говорилъ Михайло, крайне умилительнымъ голосомъ.

— Помилуй, съ чѣмъ намъ выѣхать? что же у насъ за охота, Михайло? страмиться-то?..

— Намъ-то? съ негодованіемъ возражалъ псарь. Да

наши то и угонки не дадутъ! что мало-то ихъ?.. что же! за то собака, какъ есть собака..

Павелъ Ѳедоровичъ взглянулъ на Вѣру: на исхудаломъ ея лицѣ выражалось удовольствіе и желаніе въ первый разъ посмотрѣть на охоту.

— Они, какъ есть, мимо нашихъ воротъ поѣдутъ,— коноплевскими лугами, такъ низомъ, къ опушкѣ-то.... продолжалъ Михайло.

— Ну, что же. Выѣдемъ и мы, пожалуй; хоть посмотримъ, отвѣчалъ Павелъ Ѳедоровичъ.

Вѣра была рада.

Соня просилась также.

— Я тебѣ лапку привезу. И зайчика велимъ зажарить, обѣщалъ ей Павелъ Ѳедоровичъ.

— За Митею пошли! просила его Вѣра.

— А ну, какъ онъ вернется, да Соню безъ насъ возьметъ! пришло ей на мысль. Нѣтъ, уберегутъ! успокоилась она, вспомнивъ, какъ караулитъ добрый народъ, любившій и отца, и дѣтей его.

На слѣдующее утро вскочила она чѣмъ свѣтъ.

— На охоту? крикнула она, подбѣгая къ двери кабинета.

— Да. Ты готова? ѣдемъ.

Одѣвшись въ верховую юпку и кафтанчикъ, выбѣжала дѣвочка на крыльцо. Митя въѣзжалъ въ ворота. Около Михайла рвались, визжали и возились голодные псы. Отецъ былъ уже на дворѣ, въ коротенькой шубкѣ, отороченной мѣхомъ, перетянутый кушакомъ, въ сапогахъ выше колѣнъ; за поясомъ у него ножъ съ кавказскою насѣчкою, на головѣ любимая шапочка съ кистью. Усаживаетъ онъ дѣвочку на сѣдло, даетъ ей на руку

свору; другую свору Митѣ. Подводятъ и ему арабчика,— картина конь и—всадникъ также!...

День сѣренькій. Моросить слегка и свѣжо.

— Ѣдутъ! ѣдутъ! вдали видать! раздалось на дворѣ.

И, чрезъ нѣсколько минутъ, потянулась мимо воротъ охота: цѣлый строй верхами; впереди доѣзжачіе, на рукѣ у нихъ смычки черныхъ съ подпалинами, объясняетъ Митя Вѣрѣ; дальше верховые со сворами бѣлыхъ, черныхъ, половопѣгихъ. Съѣхались; примкнули; рогъ раздался, двинулись рядами, и спокойно и стройно ѣдутъ по лугамъ до дальней опушки лѣса. Размѣстились; бросили гончихъ въ островъ, продолжаетъ объяснять Митя. Чу, слушай! залились. Слышишь, какъ перекликаются, перебиваютъ другъ друга... слились въ одинъ гулъ. Какова лѣсная музыка! И вотъ! вотъ! вспугнули! вскочилъ русакъ: смотри, какъ несется... уши прижалъ...

Слетѣли со своры два удалые звѣря; потомъ еще, еще два. Собаки рвались на сворѣ Вѣры.

— Спускай! крикнули ей и Митѣ. Они спустили. Понеслись за ними вслѣдъ охотники, захлопали... „Го-го-го!“ разносится по полю и по лѣсу. Вдали видно — какъ шары, быстро пущенные, мелькаютъ борзыя, мчатся, отдѣляются, обгоняютъ другъ друга... Повернулъ русакъ, бросился въ сторону... угонка, другая... пропалъ онъ изъ вида... Нѣтъ! вотъ вся стая кинулась, слетѣлась въ одну кучу, и одинъ изъ побѣдителей несетъ въ зубахъ окровавленную жертву...

Павелъ Ѳедоровичъ скакалъ во весь опоръ по полю, чрезъ кусты и рытвины. Вѣра, поспѣвая за нимъ съ Митею, задыхалась отъ волненія и чувства отваги.

— Точно поле сраженія и стычка съ непріятелемъ! сказала она.

Митѣ припомнился тотъ моментъ съ картины Штейбена, когда „старая гвардія умираетъ, а не сдается...“

— У меня теперь своя битва, подумала Вѣра. И я, за одно съ отцомъ, до послѣдней минуты стану биться, а не сдамся...

Далеко не всѣмъ грезамъ, однакожъ, суждено сбываться.

. . . . . .

Дѣвочка переводила барона Fain. Отецъ собирался въ городъ, по дѣламъ. Уже онъ почти былъ готовъ уѣхать, какъ съ почты привезли ящикъ, полный книгъ. Онъ остался на нѣсколько минутъ, и сталъ наскоро пересматривать книги, которыя Вѣра вынимала и подавала ему.

— A! Antoinette de Navarreins! вдругъ сказалъ онъ. Совершенный портретъ... Кто его просилъ присылать мнѣ Бальзака?

Вѣра взяла книгу. Это былъ романъ Бальзака, „Ne touchez pas à la hache“.

Отецъ уѣхалъ. Дѣвочка отыскала книгу эту, въ числѣ прочихъ, и принялась читать. Романъ драматичный, съ эффектами, приходилось ей читать впервые, и впечатлѣніе онъ произвелъ на нее сильное. Слишкомъ разстроены были ея нервы уже недѣли три рѣшавшимся вопросомъ о папашѣ, слишкомъ наплакалась она надъ участью Антуанетты de Navarreins, и въ ночь сдѣлался съ нею бредъ. Отецъ не возвратился къ ночи изъ города. Дѣвочка стала звать его; за нимъ поѣхали...

Онъ прислалъ доктора, но самъ пріѣхалъ лишь на

другой день, и то не надолго. Посидѣлъ подлѣ нея, взялъ кое что изъ своихъ вещей, и опять уѣхалъ.

Городъ былъ за десять верстъ; докторъ ѣздилъ часто, иногда два раза въ день, иногда проводилъ ночь въ домѣ. Дѣвочка была больна опасно, а отецъ пріѣзжалъ лишь на минуту каждый день! Она звала его безпрестанно; Милка отвѣчала, что ему нельзя пріѣхать, что у него въ городѣ дѣла. Отсутствіе его томило дѣвочку пуще самой болѣзни.

Недѣли двѣ спустя, открывъ глаза, она увидѣла предъ собою хорошенькую женщину, въ черномъ платьѣ, длинный хвостъ котораго былъ у нея подобранъ на руку; круглая шляпа съ перомъ спускалась почти до бровей; толстыя, черныя косы лежали низко подъ ушами. Взглядъ ея, милое лицо, добрая улыбка, когда она наклонилась надъ дѣвочкою, выразили участіе. Она стояла подъ руку съ Павломъ Ѳедоровичемъ, и такъ они вдвоемъ, пригнувшись вмѣстѣ, смотрѣли на нее. Отецъ поцѣловалъ дѣвочку въ лобъ. Въ невыразимомъ удивленіи, она не могла оторвать глазъ отъ этой хорошенькой женщины, и, принимая ее за видѣніе изъ прочитанной драмы, почти въ бреду вспомнила слова отца: „Совершенный портретъ...“ Чей? Кто это?... она смутно старалась разгадать.

— Вы Antoinette? наконецъ спросила больная.

Хорошенькая женщина улыбнулась; удивленіе прошло по ея личику.

— Нѣтъ, Nathalie, отвѣчала она.

Дѣвочка взглянула на отца: на губахъ его была та улыбка, какая, въ особенно нѣжныя минуты, выдавала, какъ бы помимо воли его, и тайну, и полноту, и глу-

бину внутренняго его чувства. Приведенная въ недоумѣніе вопросомъ дѣвочки, Nathalie вопросительно повернула къ нему милую головку, и онъ освѣтилъ ее теплымъ, полнымъ лучомъ такой улыбки!

Внезапная мысль поразила дѣвочку.

— Вы были на Кавказѣ? спросила она.

— Я тамъ и родилась.

— Тамъ и его узнали? спросила она, указывая на отца.

— Тамъ.

— А! это когда мама умирала? Бѣдная Соня!... сказала дѣвочка, и посмотрѣла на отца: онъ блѣднѣлъ; пропалъ и лучъ его улыбки.

— Она бредитъ? вполголоса спросила у него хорошенькая Nathalie.

Павелъ Ѳедоровичъ промолчалъ, повернулся, и направился къ двери кабинета.

Когда они выходили, она не покинула руки его; онъ взялъ въ руки ея хлыстикъ.

— Это Павелъ Ѳедоровичъ, а не отецъ, приходилъ... мелькнула у дѣвочки мысль, заставившая ее плакать до истерики, бредить о балалайкѣ и дребежжащемъ хохотѣ, со слезами и стономъ, въ „сиротскихъ классахъ...“

Время шло. Вѣра медленно поправлялась; тоска невыносимая приковывала ее къ кушеткѣ, на которой она лежала, по цѣлымъ днямъ, въ пустомъ кабинетѣ, одна, т. е. безъ отца. Голова у нея постоянно горѣла; сердце сжималось и замирало.

Митя пріѣхалъ къ ней проститься: его везли въ Петербургъ, готовиться въ юнкерскую школу.

Павелъ Ѳедоровичъ большею частію былъ въ городѣ;

когда же пріѣзжалъ, къ вечеру являлась Nathalie, всегда въ верховомъ платьѣ, выѣзжавшая изъ города, вѣроятно, какъ бы для прогулки. Они уходили въ садъ, пили чай въ бесѣдкѣ, на балконѣ, или въ малиновой гостиной; она садилась за тотъ столъ, гдѣ, бывало, Елена разливала чай, на томъ же креслѣ, за тотъ же самоваръ; одинъ разъ даже — такъ какъ было очень жарко—она скинула съ себя суконное платье, и спросила что нибудь полегче: Милка взяла у Вѣры ключи и подала ей кружевной пеньуаръ Елены, съ голубою лентою вокругъ шеи...

Дѣвочка это видѣла.

Отецъ все это время былъ необыкновенно, возбужденно веселъ. Вѣра это знала по его насвистыванію и по рѣзкому шагу, потому что съ нею онъ не говорилъ. Съ утра выкладывалъ онъ у себя на столѣ книги, въ которыхъ отмѣчалъ что надо Вѣрѣ прочитать, изъ чего сдѣлать экстрактъ, что перевести на англійскій или на французскій языкъ, и спѣшилъ уѣхать. Вѣра находила эти отмѣтки, и вяло исполняла назначенное.

Когда она подъѣзжала, всегда къ калиткѣ сада со стороны поля, Павелъ Ѳедоровичъ спѣшилъ съ балкона, подводилъ ее по аллеѣ къ ступенямъ, самъ, почти на рукахъ, снималъ ее съ сѣдла, звонилъ, чтобы прибрали лошадь, а ее уводилъ въ прохладу и тѣнь; оттуда не разъ слышала дѣвочка пѣсню любви, которая еще такъ недавно радовала Елену! Часто голоса ихъ сливались изъ тѣнистой рощи, и слушало ихъ только, въ теплыя ночи, въ темномъ уголкѣ, безмолвное, недѣтское горе дѣвочки.

Когда они были вдвоемъ, она никогда не входила: видѣть ее, ей было слишкомъ тяжело.

Но однажды, передъ чаемъ, отецъ позвалъ ее.

— Неужели разливать чай? подумала она; ни за что не стану!

Она вошла.

Отецъ сидѣлъ съ Nathalie рядомъ на кушеткѣ, въ своемъ кабинетѣ, и велѣлъ Вѣрѣ принести книгу, путешествіе, первую часть котораго давалъ ей читать.

Дѣвочка пошла и вернулась съ книгою.

— Le voici, monsieur, сказала она сухо.

— Какова умница! что читаетъ! сказала амазонка заискивающимъ голосомъ.

Дѣвочка, молча, держала книгу передъ отцомъ.

— Présentez le à madame, сказалъ онъ ей.

Вѣра продолжала держать ее передъ нимъ, и, услышавъ повторенное имъ еще разъ приказаніе, положила книгу на его колѣна. Еслибы онъ сломалъ ей руку, то она не двинула бы ее вправо, въ ту сторону, гдѣ она сидѣла.

Онъ схватилъ книгу, взмахнулъ ею и бросилъ на столъ. Глаза его сверкнули. Дѣвочка смотрѣла на него прямо, блѣдная, суровая. Еслибы эта искра, которою загорѣлись глаза Павла Ѳедоровича, сожгла ее, ей было бы легче, чѣмъ жить такъ, и приносить ей что нибудь по его приказанію.

— Ступай отсюда! сказалъ онъ.

Дѣвочка ушла, свернулась въ большомъ креслѣ, которое прикатили къ ней во время ея болѣзни, и спрятала лицо отъ свѣта. Кругомъ тишина нарушалась лишь стукомъ маятника. Соня съ недѣлю гостила у Елизаветы Алексѣевны; Вѣра ее нарочно тамъ оставляла; отецъ о ней и не спрашивалъ. Милка не смѣла входить къ

барышнѣ: она шипѣла и причитала надъ Вѣрою, и Вѣра ее выгоняла вонъ. Въ ночи дѣвочка опять бредила, металась и громко, въ безпамятствѣ, звала отца.

Милка прокралась къ ней.

— Господи, оглянись Ты на нее! молилась она.

А изъ малиновой гостиной долеталъ до напряженнаго слуха горѣвшей въ жару дѣвочки нѣжный, тихій говоръ... Павелъ Ѳедоровичъ говорилъ тѣмъ мягкимъ голосомъ, который самъ по себѣ уже былъ лаской, какимъ — дѣвочка знала—онъ говорилъ съ нею по вечерамъ, когда дневной трудъ былъ конченъ; и голосъ этотъ, тотъ самый нѣжный голосъ, и ту самую теплую рѣчь, слушала теперь Nathalie!

— Я не могу... Я слышу! крикнула дѣвочка, вскакивая въ бѣшеной, безумной злобѣ.

— Христосъ съ тобою! прокрадывалась къ ней снова Милка...

Дѣвочка, не слыша ее, ходила въ изступленіи по комнатѣ; дѣтская рука ея сжималась грозно, въ головѣ вертѣлись планы мщенія, слагалась рѣчь: она готовилась идти сейчасъ, высказать ему суровую правду... Нѣтъ, сейчасъ нельзя: она тамъ сидитъ!... Злобный припадокъ дѣвочки смѣнялся слезами, но такія слезы не могли ее успокоить. Она засыпала тяжелымъ сномъ, вдругъ вскакивала, снова плакала и снова бредила.

Такъ проходили длинные дни и ночи...

Такъ прошли, наконецъ, цѣлые три мѣсяца, которымъ, казалось Вѣрѣ, и конца не будетъ.

Она измучилась.

Однажды утромъ, Павелъ Ѳедоровичъ засталъ ее у себя въ кабинетѣ: она вертѣла въ рукахъ его дорожный

пистолетъ. Увидѣвъ отца, она ни смутилась, ни положила оружіе на мѣсто, а продолжала осматривать и повертывать пистолетъ. Съ перваго взгляда на нее, отецъ увидѣлъ, что она въ крайне возбужденномъ состояніи: лицо ея было все въ пятнахъ, глаза опухли.

— Что ты дѣлаешь съ пистолетомъ? спросилъ онъ кротко и совершенно спокойно.

— Хочу дойти, какъ изъ него стрѣляютъ.

— Но, пока ты дойдешь, онъ выстрѣлитъ: онъ заряженъ. Не держи его дуломъ къ лицу. Дай, я тебѣ покажу какъ стрѣляютъ.

Онъ показалъ ей гдѣ курокъ, какъ его спускать и, нацѣливъ въ садъ на вершину дерева, далъ дѣвочкѣ выстрѣлить, не выпуская его изъ своихъ рукъ.

— А! сказала она. И послѣ того... смерть вѣрная?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, смотря по тому, куда и какъ попадешь. Есть примѣры, что и съ пулею въ тѣлѣ человѣкъ живъ.

— А какъ заряжаютъ? спросила она.

Онъ показалъ, но не зарядилъ оружія.

— Прошу тебя, не дотрогивайся до него безъ меня, прибавилъ Павелъ Ѳедоровичъ.

— Я не обѣщаю, отвѣчала она сухо. Очень можетъ быть, что я скоро приду и возьму его.

Павелъ Ѳедоровичъ не спросилъ для чего и на кого она его возьметъ. Онъ сталъ ходить по залѣ, взглядывая на дѣвочку, которая стояла въ кабинетѣ противъ дверей, и, постоявъ нѣкоторое время, медленно пошла къ себѣ въ комнату.

Въ эту ночь, по возвращеніи изъ города, Павелъ

Ѳедоровичъ долго ходилъ по залѣ. Мѣрно и звонко раздавался въ пустотѣ тревожный шагъ его.

— Такъ нельзя... Что больше дѣлать? рѣшилъ онъ. И сѣлъ написать въ Москву, къ знакомому, чтобы поскорѣе выслали для его двухъ дѣвочекъ гувернантку нѣмку.

Въ продолженіе всего лѣта, Вѣра видѣла отца, въ сложности, не болѣе двухъ недѣль: онъ съ утра уѣзжалъ въ городъ, а когда былъ дома, то она была у него непремѣнно. Самое сосѣдство его кабинета стало для нея мученіемъ: она слышала, какъ онъ возвращался поздно, рано вставалъ, и по торопливой походкѣ его догадывалась, что онъ спѣшитъ одѣться и уѣхать. И малиновая комнатка, въ которой онъ обыкновенно сидѣлъ съ Nathalie по вечерамъ, была слишкомъ близка. Вѣра часто слышала разговоры, отъ которыхъ сердце ея первое время болѣзненно сжималось; но потомъ, боль замерла, и дѣвочка ожесточилась.

Домъ мало по малу пустѣлъ: для Nathalie отдѣлывалась квартира въ городѣ, и великолѣпная штофная гостиная, и всѣ эти фестоны, вазы и рѣзьба, выписанные Еленою, отправились для украшенія ея жилища. По пустымъ комнатамъ ходилъ вѣтеръ, да слонялась дѣвочка, отпирая всѣ двери, въ отсутствіи отца; эхо собственныхъ шаговъ по длинной анфиладѣ заставляло ее вздрагивать. Соня вбѣгала иногда съ звонкимъ смѣхомъ, и какъ-то дико раздавался смѣхъ этотъ въ такой унылой пустынѣ.

Хрусталь, посуду, серебро — Павелъ Ѳедоровичъ все отдалъ. Наряды Елены послѣдовали за ними. Ключей ни отъ чего не осталось: сундуки и шкафы всѣ были

увезены. Да дѣвочка давно и не хозяйничала: приносили ей кусокъ жаренаго, она молча его съѣдала; пытались ей дѣлать разныя пирожныя, угощали плодами — она отказывалась.

Большею частью она лежала молча въ большомъ креслѣ, на которомъ умерла мать; въ рукахъ была книга или работа, но и читала, и работала она какъ во снѣ.

Павелъ Ѳедоровичъ, однажды утромъ, передъ отъѣздомъ въ городъ, зашелъ къ ней въ комнату. Она, по обыкновенію, лежала, свернувшись въ длинномъ креслѣ.

— Что ты все лежишь? Развѣ ты больна? спросилъ онъ рѣзко.

Дѣвочка, краснѣя, привстала.

— Я спрашиваю это потому, продолжалъ онъ гораздо мягче, что, если ты больна, я пришлю къ тебѣ доктора; а нѣтъ — такъ займись чѣмъ нибудь: я переводовъ твоихъ давно не видалъ. Что ты переводишь? Что ты не читаешь? Болитъ у тебя что нибудь?

— Нѣтъ, ничего, отвѣчала она неохотно. А все, что у меня было, я уже прочитала и сдѣлала выборки.

— Цѣлый ящикъ привезли на дняхъ: займись, разбери его. Я отберу потомъ, и укажу что̀ для тебя.

Съ этими словами онъ уже уходилъ.

— Потомъ... теперь некогда! подумала дѣвочка.

Разбирать ящикъ съ нимъ вмѣстѣ было для нея большою радостью: разбирался этотъ ящикъ долго, по нѣскольку часовъ, потому что Павелъ Ѳедоровичъ, бывало, много говорилъ по поводу каждой вынимавшейся книги, и заранѣе возбуждалъ охоту прочесть ее.

Теперь же — развѣ есть у него на то столько времени?...

Онъ, вообще, былъ какъ бы передъ походомъ: все что его связывало, онъ спихивалъ съ рукъ, и видимо тому радовался. Въ пустыя комнаты онъ входилъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

Вѣрѣ принесли вскрытый ящикъ, и она занялась разборкою книгъ. Но это занятіе, какъ и всякое другое впрочемъ, въ продолженіе цѣлаго лѣта, не имѣло для нея прежняго значенія.

— Поѣздкамъ этимъ конца не предвидится, разсуждала она, машинально перенося книги и уставляя ихъ къ нему на окно; говорили, что она пріѣхала на время, теперь же, вѣроятно, намѣрена остаться здѣсь, если ей отдали всѣ мамины вещи. Но онъ долженъ вернуться къ прежнимъ занятіямъ: нельзя ему такъ жить,—онъ привыкъ къ дѣлу, а съ самой весны ничего не дѣлаетъ: бумаги заперты, книги оставлены, половина вещей въ городѣ; ему самому скоро это должно наскучить. Да, онъ непремѣнно вернется къ прежней жизни. Но я... я уже не вернусь: я его не люблю теперь, думала она, и думала, не смущаясь; слезъ у нея уже не было; Павелъ Ѳедоровичъ достигъ чего желалъ, — дѣвочка становилась твердою.

Но умъ ея искалъ исхода изъ такого невыносимаго для нея положенія: быть для него чужою, казалось ей дико... Хоть Павелъ Ѳедоровичъ—но онъ у нея былъ; глядя этой мысли сурово и прямо въ лицо, она переплакала потомъ еще и ту мысль, что Павла Ѳедоровича даже у нея не стало... Что же у нихъ за отношенія? И какъ они теперь тяготятъ другъ друга!..

Что читать, что дѣлать, Павелъ Ѳедоровичъ указываетъ; но какъ это все тяжело! лучше бы онъ не ука-

зывалъ... Все это безъ всякаго участія! все это—точно пародія прошлаго!

Еслибы Вѣра знала людей, то она давно поняла бы, что Павелъ Ѳедоровичъ, лишь ради цѣли поправлять вину, могъ запереться съ учебниками, и жить почти монахомъ; что слишкомъ сильна въ немъ была потребность жизни, во всѣхъ ея отношеніяхъ, для того, чтобы могла оставаться долго неудовлетворенною.

Вѣра, неумѣвшая еще объяснить себѣ отца, винила его въ томъ, что онъ, поддавшись вліянію Nathalie, бросилъ начатое дѣло: говоритъ одно, а дѣлаетъ другое. Я его не люблю теперь, думала она: я имѣю на то причины. За что же онъ меня теперь не любитъ? что я такого сдѣлала, что онъ со мною говорить почти не можетъ? Я дѣла, кажется, не бросала: какъ мнѣ ни тяжело было учить Соню, а думать о другомъ, я все-таки ее учила, и экстракты и переводы свои дѣлала. Но все это лежитъ непоправленное. Ему некогда. Это она ему велѣла не заниматься! А онъ такъ и послушался? Что же онъ за маленькій ребенокъ? И чѣмъ все это кончится? Какъ враги встрѣчаемся; право, лучше бы, кажется, и не видать его совсѣмъ.

Тоже самое рѣшилъ и онъ.

Проходилъ жаркій августъ. Въ одно утро, отворивъ дверь кабинета, Павелъ Ѳедоровичъ позвалъ Милку, и объявилъ ей, что на дняхъ пріѣдетъ нѣмка, съ которою дѣвочки отправятся къ бабушкѣ (къ его матери) въ Т—кую губернію. Милкѣ и лакею Василію ѣхать съ ними, и приготовить имъ все поскорѣе къ дорогѣ.

Сердце Вѣры такъ наболѣло въ послѣднее время, что, казалось, не могло уже страдать болѣе. Но съ каждымъ

днемъ ей приходилось выносить страданіе новое: отсылать ее отъ себя, когда онъ обѣщалъ не отдавать ее никому, никогда, обѣщалъ приготовить ее для жизни тяжелой, въ которой она не виновата,—отсылать, хотя бы даже къ своей матери—было бы жестоко и нечестно, если бы не было положительной невозможности жить вмѣстѣ такъ, какъ Вѣра прожила слишкомъ три мѣсяца! Передавать ея воспитаніе какой то нѣмкѣ, которой онъ и въ глаза никогда не видалъ! Вѣра только улыбнулась при этомъ извѣстіи, сознавшись про себя, что дѣйствительно ничего лучшаго придумать нельзя было, какъ поручить нѣмкѣ, или все равно кому нибудь другому, дальнѣйшее ея образованіе: Павлу Ѳедоровичу теперь самому некогда.

Думая злобно, она постоянно ловила себя на слабости: прислушивалась къ его звонкому шагу по пустымъ комнатамъ; смотрѣла изъ-за угла, когда онъ уѣзжалъ на арабчикѣ; долго, долго не засыпала, когда ждала его ночью отъ Nathalie... И, упрекая себя, закаляясь, перевертывала подушку, смоченную слезами.

Пріѣхала нѣмка, просто Амалія, изъ Ревеля, толстая, рябая, безтолково строгая и грубая въ обращеніи; черезъ три дня послѣ ея пріѣзда, Милка нашла у нея подъ тюфякомъ дюжину батистовыхъ платковъ съ вензелемъ Елены. Когда увозили сундуки, Милка успѣла вытащить эти платки „для дѣтей“, а Амалія съумѣла ихъ вытащить и у Милки.

Милка доложила объ этомъ Павлу Ѳедоровичу. Онъ посмотрѣлъ на нее, какъ будто не понялъ.

— Какіе платки?... Сбирайтесь поскорѣе въ дорогу! крикнулъ онъ. Въ чемъ у васъ остановка?

— Барышнямъ капотики шьютъ, отвѣчала Милка.

*

— Тамъ, у маменьки, вамъ всего этого нашьютъ. Есть о чемъ толковать!

— Да въ дорогу то, сударь: путь дальній, дѣло къ осени. Какъ бы холода не завернули?

— Ну, шейте живо, и ступайте.

Наканунѣ отъѣзда дѣвочекъ, привезли надгробный памятникъ, заказанный въ Петербургѣ для могилы Елены.

Павелъ Ѳедоровичъ, блѣднѣе и суровѣе чѣмъ когда либо, велѣлъ Николаю распорядиться: собрали рабочихъ, памятникъ поставили. Солнце уже садилось, а Павелъ Ѳедоровичъ и не собирался въ городъ.

— Сходите на могилу: не хотите ли посмотрѣть памятникъ? сказалъ онъ Вѣрѣ, проходя, мимо дѣтской, по корридору.

— Отслужить бы надо, шепнула ей Милка, стоявшая у двери.

Онъ вслушался.

— Отслужимъ! отвѣчалъ онъ, какъ бы ослабѣвшимъ голосомъ...

И тихо пошелъ по корридору.

Вѣра вышла. Ей послышался вздохъ отца, потомъ... будто рыданіе... Можетъ ли это быть? Первою ея мыслью было—подбѣжать къ нему, обнять, высказать въ слезахъ и ласкахъ всю свою обиженную любовь, высказать все, что накопилось у нея на сердцѣ горя и упрековъ... Она несла ему въ эту минуту отъ души полное прощеніе. И вдругъ вспомнила о Nathalie.

— Нѣтъ, это вѣроятно мнѣ такъ послышалось! подумала она: о чемъ ему теперь грустить? ему съ нею хорошо, и меня ему не нужно.

Обѣ дѣвочки пошли съ Милкою. На горѣ, за огра-

дою, среди простыхъ деревянныхъ крестовъ и голубцовъ сельскаго кладбища, стоялъ памятникъ изъ бѣлаго мрамора съ золотымъ крестомъ, въ рамѣ изъ цвѣтущихъ кустовъ и березъ. Длинныя вѣтви ихъ спускались до золотой надписи на плитѣ мрамора...

Вѣра вспомнила, какъ мать его любила и ждала, молча кашляя... Послѣдній мѣсяцъ ея жизни живо пронесся въ ея памяти; вспомнила она цвѣты поэзіи, которыми онъ усыпалъ ея потухавшую жизнь... И злобу насмѣшки выразило ея лицо. И все ея горе хлынуло на эту разукрашенную могилу... Она сознала, что въ жизни у нея ничего и никого не осталось... Некому ни любить ее, ни заботитьси о ней съ бѣдною сестрою. „Сиротскіе классы“ начинаются.

Но, вслѣдъ за минутною слабостью, проснулось въ ней гордое сознаніе: что бы ни было въ жизни, чего она не знаетъ еще и предвидѣть не можетъ — она все встрѣтитъ, не робѣя и не умиляясь: до того она натерпѣлась, такъ ожесточилась въ послѣднемъ испытаніи, какое пришлось пережить!

— Хуже этого въ жизни ничего уже быть не можетъ! сказала она себѣ.

Въ такомъ настроеніи засталъ ее отецъ. На его лицѣ явны были слѣды недавнихъ слезъ.

Онъ остановился шагахъ въ пяти отъ могилы. Дѣвочки пошли. Онъ вернулъ Вѣру, сѣлъ на камень, и притянулъ ее къ себѣ.

— Прощай, Вѣра, сказалъ онъ ей, и—прости меня!

Онъ говорилъ глубоко разстроеннымъ голосомъ. Но страданія озлобили дѣвочку. „Отъ него зависѣло бы не прощаться!“ подумала она.

— Прощай! сказала она твердо.

— Прости меня! повторилъ онъ, прости! скажи, что прощаешь: я виноватъ предъ тобою, Вѣра, кругомъ виноватъ! За будущее, и за всю жизнь твою прости меня! Тебѣ будетъ легче объ этомъ вспомнить...

Онъ молилъ; слезы у него дрожали на рѣсницахъ. Голосъ его былъ точно разбитый; нѣжный, мягкій, прежній то былъ голосъ. И слышать его снова прежнимъ, но слышать: прощай!.. прости меня!.. было для Вѣры мученіемъ, почти не по силѣ ея.

— Скажи, скажи, что прощаешь! повторялъ онъ: намъ не такъ тяжело будетъ разстаться...

— Не могу сказать... это была бы неправда, проговорила она; ты привелъ къ тому, что мы разстаемся, и я тебѣ этото никогда не прощу. Но разстаться намъ, слѣдуетъ, потому что... я тебѣ теперь не вѣрю: что бы ты ни сказалъ, я подумаю, что ты меня обманешь; и потому... я уже не люблю тебя. Прощай. Зачѣмъ намъ теперь жить вмѣстѣ?

Она сложила руки, говоря это. Голосъ ея не дрожалъ; слезъ не было, но что то выстраданное, вынужденное прозвенѣло для него мучительно въ этомъ прямомъ отвѣтѣ.

Въ ожиданіи этого отвѣта, глаза отца смотрѣли прямо въ глаза дѣвочки. Выслушавъ его, онъ вдругъ взглянулъ въ сторону, разсѣянно, растерянно, какъ бы отыскивая чего-то... придумывая что-то... Потомъ всталъ, слегка отстранилъ дѣвочку, и, повѣсивъ голову, тихо, тихо пошелъ съ кладбища къ дому.

Въ эти двѣ, три минуты все было высказано между отцомъ и маленькою его дочерью: безвозвратное ея осужденіе было произнесено надъ нимъ, и положено начало

той гнетущей скорби, которая жила съ Павломъ Ѳедоровичемъ до послѣдней его минуты.

Онъ ушелъ. Вѣра постояла, посмотрѣла машинально ему вслѣдъ; потомъ спустилась къ рѣкѣ, и побрела вдоль берега. Она шла долго. Отрывки мыслей вертѣлись у нея на умѣ, все изъ дѣтства, изъ прошлаго что то вспоминалось... Ей тяжело было даже стараніе отогнать эти клочки картинокъ. Она и не замѣтила, какъ прошла всѣ знакомыя ей мѣста, лѣсокъ, деревню, и, оглянувшись, увидѣла, что давно отошла отъ рѣки и идетъ дорогою, которой не знаетъ.

— Тѣмъ лучше, подумала она: ночую гдѣ нибудь подъ кустомъ. А еще лучше было бы, пройти всю ночь, и попасть на большую дорогу: карета выѣдетъ завтра съ Милкою и Сонею, и я сѣла бы съ ними. — Потому это лучше, что не поѣхали бы отъ крыльца: отецъ, вѣроятно, выйдетъ провожать... а мы вѣдь уже съ нимъ простились. И его лучше бы не видать еще разъ. Или хоть бы онъ на ту пору былъ въ городѣ!..

И она все шла; ночь надвигалась; она совсѣмъ не знала дороги, но не старалась и отыскать ее; мысли вертѣлись и путались у нея въ головѣ.

— Ну, что же? думала она, если не найду дороги, на которую выѣдетъ карета, кто нибудь меня встрѣтитъ, спроситъ откуда я? чья такая? Я скажу—ничья; никого у меня нѣтъ; или скажу мою новую фамилію, и никто уже тогда не разберетъ чья это такая дѣвочка! бѣглая какая нибудь, скажутъ, безъ рода и племени. Это будетъ вѣрно. И пусть меня кто нибудь возьметъ; заставятъ хоть гряды полоть — я умѣю. И мнѣ теперь все

равно, что бы ни дѣлать. А Павелъ Ѳедоровичъ станетъ... искать. Нѣтъ, не станетъ: на что я ему теперь?

Между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло; взошла луна, блѣдная изъ за облаковъ; сыро, пусто, холодно стало въ темнотѣ! Но ни усталости, ни холода, ни страха дѣвочка не чувствовала: ей било въ голову; мысль жила на счетъ всякихъ внѣшнихъ ощущеній: „Прощай... прости меня...“ какъ стонъ стояло гдѣ то въ туманѣ, надъ луговою травою...

Ея хватились дома. Гонцы отправились въ разныя стороны, и наконецъ нашли ее. Старый кучеръ бережно посадилъ ее на сѣдло, и поскакалъ къ усадьбѣ:

— Баринъ самъ выѣхалъ... говорилъ онъ.

Вскорѣ на арабчикѣ безъ сѣдла, показалась статная фигура.

— Вѣра! крикнулъ Павелъ Ѳедоровичъ.

— Здѣсь, нашелъ! отвѣчалъ Алексѣй, прибавляя хода.

Павелъ Ѳедоровичъ подъѣхалъ, молча взялъ дѣвочку, посадилъ съ собою, и они прискакали къ дому. Онъ положилъ ее, въ своемъ кабинетѣ, на кушетку. Вѣра свернулась, инстинктивно обрадовавшись теплу. Павелъ Ѳедоровичъ сѣлъ у стола, потомъ ходилъ, опять садился, но не говорилъ ни слова. Кажется, между ними все было сказано.

Вѣра немного уснула.

— Ѣхать? спросила она вдругъ, вскочивъ съ просонья, и думая, что проспала.

— Ѣхать, отвѣчалъ онъ; но завтра. А теперь нужно уснуть: ты пошла бы къ себѣ на кровать; тебѣ здѣсь неловко.

— Нѣтъ. Если я тебѣ не мѣшаю, то останусь здѣсь.

Мнѣ хорошо, сказала она. Въ послѣдній разъ; никогда я уже больше лежать тутъ не буду, подумала она, и обтерла украдкою набѣжавшія при этой мысли слезы.

— Ну да, я очень радъ, живо отвѣчалъ Павелъ Ѳедоровичъ, и накрылъ дѣвочку пледомъ. Сдѣлавши это, онъ хотѣлъ снять съ нея сапожки.

Дѣвочка вырвала у него ногу.

— Оставь! не надо! сказала она рѣзко. Какое ему дѣло до того, чтобы мнѣ было удобнѣе? подумала она, отворачиваясь.

Онъ оставилъ ее, ушелъ въ залу, и принялся ходить. Съ горькимъ наслажденіемъ прислушивалась она къ его тревожному шагу. Мысль ея отъ него перешла къ Nathalie.

— Я знаю: будете жалѣть, Павелъ Ѳедоровичъ! Но уже не вернуть вамъ ничего... Намъ вдвоемъ съ нею при васъ тѣсно; одна другой мѣшаетъ; одна другой должна дать мѣсто. Вы выбираете ее... но, Павелъ Ѳедоровичъ, вспомните вы и дѣвочку!

Лежа съ закрытыми глазами, она старалась истолковать себѣ за что онъ такъ любитъ эту женщину? что его влечетъ къ ней? чѣмъ онъ съ нею счастливъ? Она, какъ кажется, женщина мало образованная, и серьозныхъ разговоровъ у него съ нею не можетъ быть. Первый томъ „Путешествія по Испаніи“ она валяла все лѣто, читая его, вѣроятно, по страничкѣ въ день, или и того менѣе. Изъ рѣдкихъ случаевъ когда она ихъ видала вмѣстѣ, она могла только понять, что онъ любилъ играть съ нею: возился Павелъ Ѳедоровичъ съ нею, или бѣгалъ гораздо больше, чѣмъ бывало, съ дѣвочкою, или съ Сонею. Проходя однажды подъ вечеръ мимо биліардной,

Вѣра остановилась въ тѣни, у полурастворенной двери. И отецъ и Nathalie были съ кіями въ рукахъ. Отецъ цѣлилъ; шаръ, въ который онъ хотѣлъ попасть, Nathalie вдругъ схватила въ ту минуту, когда пущенный Павломъ Ѳедоровичемъ шаръ уже долеталъ до него, и, зажавъ похищенное въ рукѣ, бросилась бѣжать вокругъ биліарда. Павелъ Ѳедоровичъ побѣжалъ за нею. Легкая и ловкая, какъ котенокъ, она, съ веселымъ крикомъ, поддразнивая его, мгновенно обѣжала биліардъ разъ пять; щеки ея разгорѣлись; длинныя косы разметались; Павелъ Ѳедоровичъ большими шагами догонялъ ее, но безуспѣшно; наконецъ она, слегка дотронувшись руками до борта, однимъ прыжкомъ очутилась на срединѣ биліарда. Отецъ, съ радостнымъ восклицаніемъ, схватилъ ее за маленькія ножки, такъ что она, чтобы удержаться, должна была обхватить его шею. Когда она это сдѣлала, онъ взялъ ее на руки, какъ малютку... понесъ ее, прижавъ всю къ себѣ...

— Поймалъ! попалась! русалка моя милая!.. Грузинка моя удалая! Моя?... моя, вѣдь?.. нѣжилъ онъ ее, цѣловалъ онъ ее.

Ея руки, ея косы черныя обвилъ онъ вокругъ своей шеи, и ихъ цѣловалъ, и щеки ея горячія и полузакрывшіеся глаза...

Дѣвочка это видѣла.

Краснѣя, вспомнила она, что на слѣдующее утро, когда отецъ уѣхалъ въ городъ, она принялась за гимнастику: начала бѣгать на гигантскихъ шагахъ, стараясь это сдѣлать такъ же ловко, какъ Nathalie; перешла въ биліардную: пробовала вскочить, опираясь на бортъ; разбѣжалась, ухватилась за край и—не вскочила

на средину. Съ третьяго раза однакожъ вскочила. И еще грустнѣе пошла послѣ этого въ свое длинное кресло.

Еще разъ она видѣла,—подвели ему къ балкону арабчика, ночь была лунная; онъ ѣхалъ провожать ее до города. Вѣра сбѣжала съ мостика, параллельнаго плотинѣ, шаговъ тридцать ниже, и прокралась на противоположный берегъ: повернувъ съ плотины, они должны были ѣхать направо, по дорогѣ вдоль рѣки, и она долго могла идти за ними слѣдомъ, незамѣтно въ кустахъ.

Сѣли они; проѣхали плотину; повернули шагомъ по берегу направо. Тогда Nathalie сказала что то Павлу Ѳедоровичу; онъ не разслышалъ, переспросилъ, наконецъ подъѣхалъ какъ только можно было ближе, и нагнулся къ ней. Тогда она, обхвативъ его за шею, однимъ скачкомъ, очутилась у него на сѣдлѣ. Это было сдѣлано такъ неожиданно, что Павелъ Ѳедоровичъ едва сохранилъ равновѣсіе, едва успѣлъ обхватить ея станъ. Поводъ ея лошади у ней надѣтъ былъ на руку. Отъ непредвидѣнности такого молодецкаго прыжка, арабчикъ шарахнулся сначала въ сторону, потомъ вспрыгнулъ на дыбы, а смѣхъ Nathalie разсыпался при этомъ звонкою трелью по окрестной тиши. Отецъ мало и вниманія обратилъ на гнѣвное недоумѣніе своего коня: сдерживая его одною рукою, онъ, съ какимъ-то ропотомъ любви, принялъ въ свои объятія лихую красавицу; усаживая ее передъ собою, закутывая ея ножки въ шлейфъ платья, онъ ее обнималъ, лаская и взглядомъ и словомъ и улыбкою... Шепталъ онъ ей что-то, но дѣвочка не могла разслышать—кусты шептались тоже. Ночь сіяла, дышала благоуханіями...

Дѣвочка все это видѣла.

Слышала она одинъ только разъ:

— Развѣ я всю жизнь закабалила? я можетъ быть, завтра же умчусь куда нибудь... Только и дышешь вольно, гдѣ сердце вольно. Ты, можетъ быть, завтра же надоѣшь мнѣ. Не говори же: моя...

Онъ не повѣрилъ, двадцать разъ назвалъ ее моя, и сталъ ее цѣловать, цѣловать, цѣловать...

Свернувшись у него на кушеткѣ, дѣвочка все это мысленно видѣла въ прошломъ. Вспомнила она и то, что ей пришла мысль застрѣлить Nathalie, чтобы отнять у отца радость и игрушку.

— Что-то общество съ нею подѣлаетъ? думала она. Оно будетъ на нее плевать, а она—лазить на мачту у насъ въ саду, скакать съ сѣдла на сѣдло, будетъ ликовать, смѣяться и пѣть съ Павломъ Ѳедоровичемъ....

— Какія книги мнѣ взять съ собою? спросила она вдругъ, когда Павелъ Ѳедоровичъ вошелъ въ кабинетъ, взять сигару.

— Всѣ возьми. Я тебѣ еще отобралъ изъ послѣдняго ящика.

— Всѣ? да ими полную карету нагрузишь!

— Ну, что же за бѣда? Грузи. Поклажи у васъ немного.

— А кто будетъ меня учить?

— Амалія Ивановна—пока.

— Она? Дѣвочка разсмѣялась. Да она что же смыслитъ? А по французски и по англійски—кто мнѣ выберетъ переводъ? кто дастъ геометрическія задачи?

— Опредѣли зиму на изученіе нѣмецкаго языка: читай, говори, переводи. Я тебѣ положилъ тутъ нѣсколько нѣмецкихъ книгъ.

— Надолго я ѣду къ бабушкѣ? а ты пріѣдешь туда? спрашивала она.

— Этого я теперь не могу сказать. Я, тотчасъ послѣ вашего отъѣзда, отправляюсь за границу и — одинъ... прибавилъ онъ, желая, чтобы она увезла хоть одну успокоительную мысль. Имѣніе—вашей матери, и я не считаю себя въ правѣ имъ распорядиться, какъ бы желалъ: я его сдаю въ аренду, а деньги будете получать вы, на ваше воспитаніе, содержаніе и пр. Что будетъ дальше, это мы увидимъ. Я, въ настоящее время, очень усталъ, и мнѣ хочется побыть нѣсколько мѣсяцевъ одному... то есть въ иной обстановкѣ, а не то что въ лѣсахъ, съ медвѣдями...

— Развѣ онъ ее не любитъ, подумала она, почти обрадовавшись этой мысли. Но ничего она уже не понимала изъ всего, что дѣлалось тутъ все лѣто...

Павелъ Ѳедоровичъ прилегъ, и уснулъ, не раздѣваясь, на своемъ жесткомъ диванѣ.

Ночь прошла.

На утро всѣ въ домѣ поднялись рано; придвинули къ крыльцу большую дорожную карету, уставили въ нее вещи; все уже было заранѣе уложено въ каретныхъ сундукахъ. Въ одинъ изъ нихъ дѣвочка заперла всѣ свои книги и тетради, все что у нея оставалось отъ прожитаго, отъ начатаго и брошеннаго...

Надѣвъ дорожныя платья, дѣвочки подошли къ отцу проститься.

— Уже? готово? сказалъ онъ. Ну, прощайте! Нѣтъ, до свиданія, мои дѣвочки.

Онъ поцѣловалъ Вѣру, прижалъ ее крѣпко. И дѣвочка обняла его, и не могла отъ него скрыть быстро

набѣжавшихъ слезъ... Онъ обрадовался этимъ слезамъ: онъ горячо поцѣловалъ эти бѣдные, столько плакавшіе, глаза. Обѣ ея руки онъ схватилъ, крѣпко сжалъ и покрылъ поцѣлуями.

Дѣвочка спѣшила выдти.

Въ сѣняхъ ожидали ее новыя сцены разставанія.

— Голубочки! сиротиночки наши! вопили старушки, выростившія покойную Елену.

— Храни васъ Господь небесный! хрипѣлъ бородачъ доѣзжачій, не разъ носившій ихъ въ охабкѣ на гору отъ псарни.

Все это становилось почти невыносимымъ. Ноги у Вѣры подкашивались.

Отецъ вышелъ.

— Будетъ. Садитесь! крикнулъ онъ, и повелъ дѣвочекъ за руки на крыльцо.

Въ эту минуту подали ему письмо, привезенное изъ города. Онъ живо распечаталъ его, прочиталъ.

— Вотъ, дѣти ѣдутъ... Я нынче буду, отвѣчалъ онъ посланному на словахъ. Тотъ поскакалъ обратно въ городъ

Павелъ Ѳедоровичъ снова обратился къ письму.

Вѣра тотчасъ же велѣла трогать, не давъ размѣстить ни узелковъ, ни кулечковъ, которыхъ напихали во всѣ углы. Павелъ Ѳедоровичъ поднялъ глаза: карета въѣзжала уже на плотину, и онъ увидѣлъ у дверцы заплаканную головку Сони и профиль Вѣры, не смотрѣвшей на крыльцо, гдѣ онъ стоялъ.

. . . . . .

Что? проводили, Павелъ Ѳедоровичъ? Ну теперь васъ можно поздравить съ новою жизнью, съ жизнью свободы!

Ничто васъ не связываетъ. Будьте счастливы, если можете. Но какъ же эта дѣвочка-то? Не слѣдовало ли вести ее, пока она вполнѣ и окончательно сложится, по предположенной программѣ? Не на томъ ли основаніи проводили старика, предлагавшаго такія ничтожныя блага, какъ законное имя и богатство? Не предположено ли было, по крайней мѣрѣ, вознаградить за то дочерей умственными благами? какъ же теперь это сдѣлается? Кто объ этомъ позаботится? Кто можетъ продолжать воспитаніе этой дѣвочки, которую, далеко не по лѣтамъ, пріучили мыслить, чувствовать, разсуждать, страдать не дѣтскими страстями? развили пониманіе чести и правды, ни передъ чѣмъ не отступающей, развили твердость и силу для примѣненія ихъ къ практикѣ, желая доказать фактически, что между убѣжденіемъ и дѣломъ не существуетъ разлада, а доказали фактически лишь то, что это ничто иное, какъ теоріи, — чтобъ не сказать болѣе!... Сердце растравили, умъ пробудили для вопросовъ, мысль измучили сомнѣніемъ, развили и ѣдкую злобу и доброту до самопожертвованія, и весь этотъ хламъ ненужный, лишь грузъ лишній, лишь тяжелый завѣтъ вашъ ей, при настоящихъ обстоятельствахъ, сдали въ руки, укравшія дюжину платковъ!.. Добре, Павелъ Ѳедоровичъ!... говорилъ онъ самъ себѣ, бѣшено шагая по опустѣлому дому.

Давно уже это говорилъ себѣ Павелъ Ѳедоровичъ... И опомнился Павелъ Ѳедоровичъ очень скоро: въ ту самую минуту, когда дочь увидѣла въ болѣзни Nathalie у своей постели! Однимъ взглядомъ окинулъ тогда Павелъ Ѳедоровичъ и настоящее съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое оно должно было произвести на нее, и всѣ неот-

мѣнимыя послѣдствія своего увлеченія для ея будущаго. Но, какъ человѣкъ, лишь минутно сильный, онъ тогда съ собою не сладилъ. Откладывая со дня на день, онъ сознавалъ, что отдаляетъ отъ себя дочь, и смотрѣлъ такъ строго на свои отношенія къ ней, что, когда сошелся съ Nathalie, не смѣлъ уже и приступиться къ Вѣрѣ. Чувствуя, что съ каждымъ днемъ падаетъ въ ея глазахъ все болѣе и болѣе, онъ рѣзкою холодностью сталъ маскировать и недовольство собою, и сознаніе вины своей передъ нею.

Какъ она любила! и какъ медленно, тяжело, насильственно совершалось... какъ бы помимо воли ея, но въ силу убѣжденія... отчужденіе ея отъ отца, котораго она переставала уважать!... Строгая система въ занятіяхъ, въ чтеніи, въ выраженіи мысли точность и логичность— должны были привести къ привычкѣ все дѣлать осмысленно съ дѣтства, должны были и въ жизнь провести эти начала... Никогда отъ роду онъ не былъ такъ послѣдователенъ, какъ воспитывая ее; она это видѣла на дѣлѣ. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, онъ далъ ей право судить себя, съ горечью припоминая слова и совѣты, которыми онъ самъ для себя не пользовался! допустилъ, чтобы присутствіе Nathalie въ ихъ домѣ еще болѣе раздражало и ожесточало ее; поставилъ ее втупикъ передъ вопросомъ: какимъ образомъ объяснить себѣ честныя убѣжденія, какія жили въ немъ, и существованіе фактовъ, жертвою которыхъ была она?.. И что же выходило? Онъ развивалъ въ ней ревность и ненависть, онъ, развивавшій въ ней до сихъ поръ все честное! Что же было дѣлать? растравлять рану до нельзя? или деспотически, въ первый разъ въ жизни, употреблять влія-

ніе свое во зло, прибѣгая къ нравственному насилію, вмѣсто вліянія разума, любви и правды, на которыхъ было основано все воспитаніе?—Но Вѣра уже и не гнулась подъ деспотизмъ! говорилъ, свѣсивъ голову, Павелъ Ѳедоровичъ, и опускаясь въ широкое кресло, вышитое Еленою.

Воспитывать долѣе Вѣру, уже ему не приходилось... Говоря ей „прости меня!“ онъ предвидѣлъ всѣ результаты этого перваго житейскаго опыта... Съ точки зрѣнія дочери, Павелъ Ѳедоровичъ не вѣренъ себѣ и не послѣдователенъ; уступающій себѣ, онъ не понятенъ для Вѣры, потому что онъ до сихъ поръ былъ для нея „сильный и честный“; онъ стоялъ предъ нею на пьедесталѣ, на которомъ она его такъ любила!... Изъ этого самаго чувства осмысленной любви истекали для него обязанности; онъ это сознавалъ, потому что былъ человѣкъ честный и теплый, но нарушалъ ихъ, потому что былъ человѣкъ страстный, выработавшій въ себѣ лишь гуманныя стремленія... Въ любви дочери онъ видѣлъ, кромѣ отрады, средство къ достиженію предвзятой цѣли: выработать въ ней силу и выдержку для примѣненія къ жизни осмысленныхъ теорій. Онъ разсчитывалъ на неизбѣжное осуществленіе этой цѣли... уже начиналъ радоваться успѣхомъ... И вотъ, самый этотъ успѣхъ обрушился на мою голову! говорилъ онъ, ходя по комнатѣ, которую отдѣлалъ когда-то для маленькой Рэчель. И мнѣ ли винить ее?...

Нѣтъ! въ ту даже минуту, какъ она произносила слова, отъ которыхъ онъ повѣсилъ голову, на которыя не нашелъ отвѣта, онъ любилъ ее, любилъ, какъ прекрасное дѣло рукъ своихъ!... И въ ту минуту, когда

она, лежа въ послѣдній вечеръ въ кабинетѣ, отвергала съ презрѣніемъ услуги, которыя недавно еще принимала отъ него съ любовью, и въ ту минуту, когда пришло изъ города письмо, въ которомъ страстная любовница упрекала его за одинъ день, проведенный наканунѣ врознь—сердце его рвалось къ Вѣрѣ, рвалось вслѣдъ за каретою, съѣзжавшею съ плотины, и онъ едва имѣлъ силу поднять на нее въ послѣдній разъ глаза... Провожая эту карету всѣми своими мыслями и теплыми пожеланіями, вспомнилъ онъ вчерашній отвѣтъ дѣвочки, имъ же въ ней созданный, имъ же и вызванный!... Ея любовь, ея непреклонность, ея правдивую и горькую рѣчь, ея безвозвратный приговоръ себѣ—онъ ими гордился. Сжимая въ рукѣ страстное посланіе, останавливаясь передъ картинками и портретами великихъ людей, развѣшанными Вѣрою по стѣнамъ своей комнаты, онъ прощался съ нею, тоскливо и горячо любя... Онъ въ тѣ минуты и осудилъ себя, и оправдалъ дочь, которая кростить его не хотѣла, оправдать — не была имъ самимъ же приготовлена!. И заплакалъ онъ, заплакалъ, какъ ребенокъ, падъ дѣломъ рукъ своихъ, и машинально швырнулъ въ уголъ скомканное письмо, звавшее его раздѣлить восторги взаимной страсти...

Мысли въ головѣ этой вертѣлись какъ шальныя.... Ароматная струя воздуха какъ бы пронеслась мимо, и мелькнула передъ нимъ грузинка съ длинными, какъ змѣи, косами... Онъ задыхался. Живо отворилъ онъ окно... Передъ нимъ садикъ Вѣры, разбитый по плану сада американки Рэчель... Между грядъ, какъ живая, предстала передъ нимъ милая фигурка дочери, съ прямымъ и честнымъ взглядомъ... Какъ строгъ, какъ суровъ былъ

къ нему въ послѣднее время взглядъ этотъ! Да, такъ и всегда будетъ: среди порывовъ страсти къ Nathalie, вдругъ заглянетъ къ нему эта головка, это личико, то разгорѣвшееся отъ удовольствія скачки на мужскомъ сѣдлѣ, или отъ работы, исполняемой весело, то блѣдное и унылое, какимъ онъ его видѣлъ все лѣто, когда она одна томилась, тосковала безъ укора въ этой комнатѣ!... Да, будетъ являться призракомъ... призракомъ дѣлъ моихъ!.. думалъ Павелъ Ѳедоровичъ.

Зорко глянулъ онъ въ даль, угадывая, что будетъ съ одинокою этою, брошенною имъ въ чужіе люди, дѣвочкою,—и это также дѣло рукъ его! То пробуждаясь, то затихая, станетъ точить ее, какъ червь, мысль о томъ, что она потеряла право его любить, а между тѣмъ никто ей не замѣнитъ его. И наемнымъ рукамъ отдается воспитаніе и дальнѣйшее развитіе любимаго дитяти; и уже безсиленъ будетъ его контроль! Я, кажется, міръ въ состояніи поднять на своихъ плечахъ, но это уваженіе, ничѣмъ неподкупное, но это маленькое сердце, обиженное и отвергнутое, мнѣ уже не вернуть! плакалъ онъ, не спуская глазъ съ растеній дѣтскаго садика. И обидятъ ее, сиротку, и насмѣются надъ нею!.. Помянетъ она меня не добромъ, недаромъ простить не хотѣла; много бѣдъ, скорби, проклятій, можетъ быть много слезъ, отъ всѣхъ скрываемыхъ, я ей приготовилъ!.. Я вѣдь знаю кто и что ее встрѣтитъ внѣ этихъ стѣнъ: мерзавцы, плантаторы, куклы ходячія и разряженныя!... фразы — готовыя, пошлыя, мучительски ядовитыя... А сколько поселено недовѣрія къ убѣжденіямъ, мною же вселеннымъ! Какъ живой примѣръ стою я передъ нею, или непримѣняемости ихъ, или моего личнаго безсилія...

*

хорошо, если бы она рѣшила послѣднее!... Дѣвочка, не опрокинулъ ли я въ умѣ твоемъ все доброе, которое уже считалъ упрочившимся? Все я самъ оплевалъ, все самъ втопталъ въ грязь!... А Соня?... Нѣтъ, Сонѣ легче: она себя забудетъ, а Соню, какъ стѣною, загородитъ. Много энергіи въ этомъ маленькомъ сердцѣ... и столько преданности! Нѣтъ, не пропадетъ моя дѣвочка! выпрямился онъ, смѣло тряхнувъ роскошными волосами, — не пропадетъ: она уже и теперь человѣкъ! Не затрутъ въ ней пошляки началъ, мною положенныхъ! Разберетъ она со временемъ, съумѣетъ отдѣлить личность мою отъ дѣлъ моихъ! Теперь лишь она для меня пропала. Да...

Проходили часы. Онъ, до усталости, до изнеможенія, носилъ тоску свою по опустѣлому дому. Какъ изъ агоніи вышелъ онъ, очнулся, вспомнилъ... увидѣвъ на лошади женскую фигуру у калитки, со стороны поля.

Прождавъ его цѣлый день, Nathalie скакала къ нему сама по знакомой дорожкѣ.

. . . . . .

Карета, между тѣмъ, катилась все далѣе. Дѣвочка страдала молча, и винила отца. Она говорила себѣ, что не въ томъ вопросъ: кто будетъ ее учить? но въ томъ — кому она повѣритъ? къ кому захочетъ придти съ вопросомъ? кто угадаетъ, что ей нужно объясненіе? Съ отцомъ она не столько училась—назначеннаго для класса собственно времени у нея никогда не было—сколько жила и думала обо всемъ, что отъ него слышитъ, и каждое его слово отпечатывалось у ней въ памяти, потому что она его слушала и умомъ, и сердцемъ. Кого же она теперь станетъ слушать?

Новая жизнь должна была начаться. Дѣвочка съ ка-

кимъ то тупымъ отчаяніемъ смотрѣла на нее въ будущемъ, приближаясь къ этой новой жизни по пыльной, длинной дорогѣ, съ глупою своею Амаліею и Сонею, которая почти всю дорогу дремала на рукахъ Милки. Настоящей минуты Вѣра старалась не касаться: она какъ бы кого-то схоронила, нѣтъ, хуже, потому что она не считала себя въ правѣ плакать надъ похороненнымъ. Онъ бросилъ, ну, въ этомъ и виноватъ онъ; но онъ бросилъ, потому что разлюбилъ, объ этомъ-то она и старалась не думать: досадныя слезы однакожъ пробивались на глаза... Она какъ бы просыпалась, слыша около себя голоса: она уходила всѣми своими мыслями въ тотъ маленькій міръ, который оставила; о томъ, что онъ оказался преступнымъ, произносила она съ такою тоскою, что не понимала какъ будетъ далѣе жить...

Мы видѣли съ какою болью и какъ долго вырывала она любовь свою изъ сердца, когда переставала вѣрить отцу; какъ просто и прямо выразилась она о необходимости разлуки. Но вотъ... прошли года надъ этою разлукою съ нимъ... самыя ея психологическія послѣдствія уже утратили для Вѣры и рѣзкость впечатлѣнія и всю силу своего значенія. Прошли года... она выучилась понимать даже преступныхъ. Для того ли передаетъ она намъ о прожитомъ дѣтствѣ, чтобы только растравлять старую скорбь, или воскрешать дѣтскія радости? Нѣтъ. Не для того ли, что теперь умиленіе сердца было бы неумѣстно; теперь не къ чему было бы заглушать голосъ совѣсти, чтобы не изречь приговора, останавливаясь передъ вопросомъ, сдерживая сужденіе о Павлѣ Ѳедоровичѣ, какъ о человѣкѣ просто, а не какъ о человѣкѣ родномъ и любимомъ? Нѣтъ. Года прошли... Опытъ

жизни научилъ прощать... и надъ одинокою могилою Павла Ѳедоровича дочь произнесла слово любви и примиренія... Другіе, чужіе, пусть взглянутъ на нихъ обоихъ и произнесутъ надъ нимъ свой судъ: чужіе скажутъ вамъ, что Павелъ Ѳедоровичъ былъ человѣкъ великій, неподходившій нисколько къ узкой рамкѣ жизни; но это будетъ, конечно относительно, потому что онъ стоялъ одиноко въ средѣ дюжинныхъ, и, въ силу самаго этого факта, долженъ былъ оказаться несостоятельнымъ. Отъ этого и долженъ былъ произойти рядъ ошибокъ, на которыя любившіе его тѣмъ болѣе смотрятъ строго, что въ такой природѣ ничто не мелко, ничто не могло быть для нихъ безъ значенія. Природа создала его съ огромными способностями и талантами, съ умомъ, почти все охватывающимъ, сила честнаго его вліянія оказалась неотразимою на многихъ; стремленія самыя благія оставались, однакожъ, неразрѣшенными. Отчего?—Выдаются же у насъ такія личности, смѣлымъ рѣзцомъ природы изваянныя, сотворенныя ею какъ бы въ минуты особаго благоволенія ея къ человѣчеству и брошенныя ею въ среду грубыхъ или пошлыхъ, какъ бы съ дерзкимъ вызовомъ: что то она сдѣлаетъ съ такимъ созданіемъ моимъ? какъ то она его закрутитъ, изомнетъ, затретъ въ своей тинѣ? Или засосетъ въ нее? И, дѣйствительно, закрутитъ, изомнетъ, затретъ его среда эта въ своей тинѣ, если не засосетъ! Заглянемъ впередъ, и увидимъ, что и Павелъ Ѳедоровичъ гибнетъ: его разбила, сокрушила житейская рутина. Ему ли было съ нею не сладить? А нѣтъ, сгибъ. Отчего же, отчего же это, какъ подумаешь, такъ бываетъ? На вопросъ этотъ пусть отвѣтитъ тотъ, кто со временемъ станетъ писать безпристрастно исторію разви-

тія нашего общества: двумя словами его не разрѣшишь. Но фактъ, печальный фактъ, существованія такихъ явленій невольно останавливаетъ зрителя, какъ крестъ, поставленный въ безлюдномъ мѣстѣ, гдѣ совершилось преступленіе.

. . . . . .

Пріѣхали, наконецъ, Вѣра и Соня къ бабушкѣ въ деревню. Обрадовавшись имъ, старушка предположила сдѣлать семейный праздникъ: „Пашенька“ былъ ея любимый сынъ. Она давно просила его показать ей сиротокъ, внучекъ своихъ, писала, чтобы онъ ихъ привезъ, и вдругъ, нежданно, негаданно, явились дѣвочки Павла Ѳедоровича съ своею толстою Амаліею Ивановною.

— Вотъ сюрпризъ! Каковы сюрпризы умѣетъ дѣлать дорогой мой Пашенька! хлопотала старушка, снимая съ Вѣры дорожную сѣточку, и расчесывая ей волоса. Какая же она милочка! продолжала она, цѣлуя ее и оглядывая со всѣхъ сторонъ. Ѳедоръ Васильевичъ, посмотрика на нее: настоящій Пашенька!

Старикъ дѣдъ направилъ на дѣвочку лорнетъ, висѣвшій у него на снуркѣ, и ласково потрепалъ ее по щечкѣ.

— Да, очень похожа на Павла, сказалъ онъ.

Дѣвочка передала имъ письмо отъ отца, которое бережно везла всю дорогу въ мѣшочкѣ, и стала цѣловать ихъ руки. Слезы набѣжали у ней на глаза при мысли, что здѣсь родился и жилъ въ дѣтствѣ отецъ... Она съ любопытствомъ начала осматривать его отца и мать. Павелъ Ѳедоровичъ похожъ былъ и на старичка отца и на мать свою: какъ дѣдушка онъ былъ высокъ, смуглъ, и глядѣлъ нѣсколько сурово, отъ матери же онъ наслѣдовалъ улыбку... Улыбка эта, которую дѣвочка ви-

дѣла въ послѣднее время обращенною лишь къ Nathalie, вызвала въ ней всю боль воспоминанія...

— Милочка моя, какая она сиротливая! продолжала бабушка; поди, покушай, или... не хочешь ли уснуть съ дороги? Нѣтъ, я велю баньку истопить. Эй, дѣвки, кто тутъ? Малашка, бѣги скорѣе, скажи, чтобы слегка баню протопили къ вечеру.

Она плакала, цѣлуя дѣтей, распрашивая Милку о ихъ покойницѣ матери, которую знала, когда Елена жила еще съ мужемъ въ близкомъ сосѣдствѣ отъ нихъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, угощала завтракомъ ея сиротокъ и жирную Амалію Ивановну.

Добрая старушка прожила мирно въ своей деревнѣ до преклонныхъ лѣтъ; здѣсь у нея родилось много дѣтей, изъ которыхъ вживыхъ осталось только девять; эпохами въ ея жизни были рожденіе и смерть ихъ; свадьбы этихъ дѣтей и рожденіе внуковъ; посѣщеніе архіереемъ ближайшаго уѣзднаго города; урожай большій или меньшій. Вставала она всегда до зари; мужъ уѣзжалъ въ поле или на охоту, а она занималась своими швеями, пустячками, коробочками, которыхъ было наставлено видимо-невидимо, на горкѣ за стекломъ, и ровно въ полдень всѣ собирались, въ большой столовой, къ сытному и жирному обѣду, какой можетъ выносить развѣ только желудокъ нашего степняка. Послѣ обѣда, часа на два, все успокоивалось въ домѣ глубокимъ сномъ; потомъ просыпалось, кушало варенье и лакомства; въ шесть часовъ пили чай, въ 9 ужинали, а въ 10 все уже спало снова въ семьѣ патріарховъ. И такъ они жили: потребности ума, научные вопросы—все это лишнее въ жизни, заключилъ давно уже, и разъ навсегда, глава семейства. Когда же

собиралось около нихъ новое поколѣніе сыновей и дочерей, образовавшихся, пожившихъ въ столицахъ, когда старый вѣкъ сталкивался съ молодымъ,—старикъ любилъ ихъ послушать, какъ диковинку, и снисходительно посмѣивался, до тѣхъ лишь поръ, пока молодежь не покушалась на какое либо нововведеніе въ его старомодные обычаи: до нихъ строгое запрещеніе не позволяло прикасаться.

Какъ видимъ Вѣра и Соня попали въ міръ, имъ ни въ чемъ несродный.

Дядей и тетокъ у нихъ было множество, и у нихъ множество дѣтей. Въ радости, по прибытіи внучекъ, бабушка разослала гонцевъ къ „дѣтямъ“, и приказала ихъ всѣхъ просить къ себѣ и съ внучками. Первая недѣля вся прошла въ томъ, что безпрестанно пріѣзжало новое семейство, и дѣвочекъ представляли тетушкамъ, дядямъ (при чемъ самымъ добродушнымъ образомъ, и съ видомъ сожалѣнія, шептали другъ другу что-то; къ несчастію, Вѣра знала что), знакомили ихъ съ братьями и сестрами, наряжали и любовались ими. О книгахъ не было и помина: „точно у тетушки княгини“, думала Вѣра. Амалія Ивановна была совершенно въ своей сферѣ, съ нѣмками и гувернантками кузинъ: ѣла и спала она неимовѣрно много. Милка тоже была очень довольна пріемомъ бабушки. Соня играла весело съ маленькими братьями и сестрами.

Жизнь Вѣры съ тѣхъ поръ раздвоилась: внутри ея образовался отдѣльный, для нея одной живой міръ, со всѣмъ, что было въ немъ пережито, перечувствовано, выстрадано, со всѣмъ невозможнымъ къ тому возвратомъ; во всемъ прочемъ она видѣла, что нужно дѣлать, какъ

дѣлаютъ другіе, и дѣлала такъ; скажутъ: „ступайте въ садъ“, и они всѣ идутъ и бѣгаютъ взапуски и лазятъ по деревьямъ; принялись солить въ саду арбузы, мочить яблоки и груши, и дѣти прибѣжали „помогать“, и очень шумно стало въ фруктовомъ саду. Въ одно утро они ушли одни, и выкупались всѣ вмѣстѣ въ Воронѣ,—въ холодный, осенній день; потомъ бѣгали долго съ горы на гору, что и спасло ихъ конечно отъ простуды. Ихъ за это побранили, но и посмѣялись.

— Что, хорошо выкупались? хохоталъ раскатистымъ басомъ дядя Василій.

— Отлично! Лиза и Сережа лучше всѣхъ плаваютъ!

Необходимо, однимъ словомъ, было Вѣрѣ поступить въ разрядъ дѣтей. Кузина Анюта была однихъ съ нею лѣтъ, и точно также играла со всѣми другими. Вѣра даже иногда громче всѣхъ принималась кричать, съ какою-то отрадою дольше всѣхъ бѣгала, спрыгивала съ верха какого нибудь всѣхъ смѣлѣе, какъ будто рада была ощутить сильный минутный страхъ.

Уѣхали дяди, тетки и сестры съ братьями; Амалія позвала „барышенъ“ читать. Она называла ихъ барышнями. „Кухарка!“ думала Вѣра. Вѣра читала нѣмецкій Lesebuch съ дѣтскими анекдотиками, писала нѣмецкія каракули; бабушка приказала сдѣлать ей хорошенькія пяльцы, и начала ей вышиванье гладью. Вѣра вышивала. Бабушка хвалила ее, ласкала. „Вѣра смирная, кроткая дѣвочка“, написала она о ней къ „Пашенькѣ“. Дѣвочка, между тѣмъ, съ тоски погибала; не съ кѣмъ ей было слова сказать; къ каретному сундуку, въ которомъ такъ и стояло все уложеннымъ, она боялась и притронуться. „Вдругъ оттуда домомъ на меня пахнетъ,

и я съ слезами своими не слажу...“ боялась она. Старички настаивали, чтобы занимать дѣтей какъ можно меньше, и Амалія Ивановна была этому очень рада.

— Годика въ три хозяйничать, да вышивать научишься, говорила бабушка, а тамъ, сосѣдъ женишекъ, подвернется: Богъ дастъ, замужъ выйдешь...

„Такъ вотъ чѣмъ кончится?“ думала Вѣра, съ ужасомъ отвертываясь отъ своей новой жизни, „и какъ все это кажется имъ просто! Да и, въ самомъ дѣлѣ, не просто ли? зачѣмъ же я училась? къ чему-то готовилась?... Надо только выучиться соленья, да варенья дѣлать... Нѣтъ, не то. О, Павелъ Ѳедоровичъ!...“

Какъ она была одинока! Знала она, что всѣ ее любятъ, что бабушка, дѣдушка, тетки, всѣ готовы дать ей не только, чего она пожелаетъ, но и предупредить всякое ея желаніе, — что всѣ безпокоятся, когда у нея болитъ голова, или когда съ удивленіемъ узнаютъ, что она, какъ часто бывало, не спитъ по ночамъ, что бабушка смотритъ на нее, любуясь и вспоминая „Пашеньку“; и рада баловать ее, какъ милаго ребенка; рада помечтать и о томъ, какъ она ее замужъ выдавать станетъ, когда она выучится вязать пуховыя косынки и солить арбузы...

Но, Боже мой! старушкѣ и не вдомекъ, что жизнь этого ребенка сокрушили: развили въ ней способность сознательныхъ впечатлѣній, и оставили ее на произволъ всякой, какой угодно, среды. Хоть задыхайся въ ней: дѣла никому нѣтъ до ея внутренней жизни. Растолкуешь ли старушкѣ, чѣмъ былъ для Вѣры Павелъ Ѳедоровичъ? — какъ отъ слѣдилъ ежеминутно за мыслью, которую возбудилъ; подмѣчалъ по одному движенію брови

усвоена ли ею эта мысль, или вниманіе уже утомилось; зналъ какое она выберетъ чтеніе; зналъ отчего ей случалось спать тревожно; зналъ, чего не переноситъ ея желудокъ; зналъ, чѣмъ ее обрадовать, чѣмъ оскорбить или успокоить: все зналъ, каждый жизненный нервъ зналъ ея маленькаго я. И все любилъ, за всѣмъ наблюдалъ. Такою осмысленною любовью онъ и сокрушилъ ей жизнь—вдали отъ себя.

При теплой либеральности его взгляда, любимый и любящій его голосъ не казался никогда контролемъ; потому, не смотря на рано развитую самостоятельность, въ дѣвочкѣ что-то болѣзненно требовало такого осмысленнаго и любящаго контроля. А гдѣ же было его взять?

Затѣмъ дѣвочкѣ было рѣшительно все равно: заставляли ли ее вышивать, пекло ли ее солнце, мерзли ли ея руки (и онѣ, одинъ разъ, дѣйствительно обмерзли), писала ли она каракули, болѣло ли у нея что,—она никогда ни жаловалась, ни дѣлала шага, чтобы выдти изъ непріятности, болѣзненности или неудобства положенія, потому что она какъ-то и не замѣчала его.

Такая апатія была въ ней явленіемъ уже ненормальнымъ.

Но кто же у насъ развивается нормально? У насъ на глазахъ слагаются, а вѣрнѣе сламываются, личности. И потому, со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ слояхъ жизни, при какихъ бы то ни было условіяхъ ея, слышится одно, что жизнь не соотвѣтствуетъ тому, къ чему готовили; жизнь не удовлетворяетъ; требованія превышаютъ ея норму. Отзывъ этотъ, изъ тысячи тысячъ голосовъ, сливается въ одинъ звукъ—горькій, желчный, полный ненависти или страданія. Блаженъ кто его не слышитъ!

Человѣкъ или измученъ уже съ дѣтства, или озлобленъ и исковерканъ на школьной скамьѣ, и съ жизнью уже въ разладѣ, когда лишь только начинаются ея сознательныя проявленія.

II.

До Рождества, Вѣра и Соня пробыли у бабушки. Нельзя сказать, чтобы Вѣра постоянно оставалась пассивною къ своему положенію, какъ мы ее видѣли въ концѣ предыдущей главы: не разъ она слышала, какъ ворчливая экономка называла ихъ „ублюдками“, пихала Соню, когда никого изъ „господъ“ не было, и отказывала ей въ бездѣлицѣ, которую тутъ же, при ней, давала другимъ братьямъ или сестрамъ. Ни слезы, ни гнѣвъ Вѣры въ такихъ случаяхъ не помогали: экономки, дворня и вообще прислуга, давно живущая въ домѣ, питаетъ инстинктивное отвращеніе къ какому то ни было предмету благотворительности своихъ господъ, а на Вѣру и Соню смотрѣли не иначе, какъ на „взятыхъ изъ жалости“. Идти жаловаться на обиду бабушкѣ Вѣра не хотѣла; факта „ублюжества“ своего уничтожить она не могла, и молча, желчно винила въ немъ отца.

Около Рождества, пришло отъ Павла Ѳедоровича письмо къ старику отцу. Дѣти гостили въ это время у сестры его, Софьи Ѳедоровны, и дѣдушка прислалъ туда письмо съ нарочнымъ. Павелъ Ѳедоровичъ просилъ сестру поскорѣе устроить занятія дѣтей: или выписать учителя, или отвезти ихъ въ Москву, и отдать въ хорошій пансіонъ, если можно, нѣмецкій или англійскій.

Онъ просилъ убѣдительно и настоятельно сдѣлать это, не откладывая.

Дѣти его всѣ праздники прожили у тетки Софьи Ѳедоровны; ѣздили въ гости и къ дядѣ Владиміру; апатія Вѣры слыла кротостью, если не глупостью.

Тетушка, покупая на платья своимъ дѣвочкамъ, сдѣлала платья и Вѣрѣ съ Сонею, „ради сиротства ихъ“, но не одинаковыя: маленькая, маленькая была разница въ выборѣ этихъ платьевъ; но Вѣра ее чувствовала. Дѣвочки обносились, оборвались; деньги, какія были даны, вышли; Милка поддерживала, по возможности, бѣлье и прежнія вещи; просить о каждой бездѣлицѣ бабушку или тетокъ—у Вѣры не хватало духа, тогда какъ братья и сестры просили все, чего хотѣли, и заказывали даже сами, не стѣсняясь.

— Что правда, то правда: круглыя сироты... охала Милка, починивая худое, а тамъ сундуки ломились отъ всякаго добра. Да теперь и тамъ стало пусто.

Амаліи Ивановны уже при дѣтяхъ не было: бабушка вынуждена была отпустить ее передъ праздниками.

Вѣрѣ, въ прошломъ августѣ, минуло тринадцать лѣтъ. Тетушка Софья Ѳедоровна, переговоривши съ братьями, вызвалась съѣздить въ Москву, отдать дѣвочекъ въ тотъ же пансіонъ, въ которомъ сама училась. На этомъ рѣшеніи остановились; спросили у нихъ, въ видѣ шутки—хотятъ ли онѣ ѣхать учиться въ Москву? Такъ какъ Вѣрѣ было все равно, гдѣ и какъ жить, и учиться, она отвѣчала да. Она украдкою видѣла письмо отца: онъ писалъ изъ губернскаго своего города, но писалъ передъ выѣздомъ... куда—не было сказано. Дядя Левъ сказалъ о немъ тетушкѣ, и Вѣра слышала:

— Дурачится Павелъ. Женить бы его лучше. Давай его сюда выпишемъ, и невѣсту подъищемъ.

„Еще этого не доставало!“ подумала Вѣра.

Поѣхали Вѣра и Соня съ тетушкою. Какъ ни злобна была Милка, все-таки она была изъ роднаго дома. Вѣрѣ и съ нею тяжело было разстаться.

Привезли ихъ въ Москву, къ француженкѣ Маргаритѣ Альбертовнѣ Р***. Вѣра никогда не видала, что такое восторженность, сентиментальность, лживость, одѣтыя въ фразу: ей пришлось поучиться, каково съ ними жить. Условная нравственность, утонченное кокетство, равнодушіе ко всему кромѣ денегъ, отвращеніе отъ труда, отсутствіе всякой мысли, кретинизмъ положительный и положительное нравственное уродство, прикрытое милою болтливостью и граціозностью—вотъ съ чѣмъ предстояло сжиться дѣвочкѣ, воспитанной на стоикахъ, выросшей въ строгомъ отсутствіи всего условнаго. Наивное невѣжество и фальшивость этихъ дамъ она, къ несчастію, поняла очень скоро. Софья Ѳедоровна ѣздила прежде одна, переговорить съ бывшею своею воспитательницею, и внести за племянницъ, за годъ впередъ, большія деньги, потомъ привезла и дѣвочекъ.

Маргарита Альбертона, не молодая, но еще красивая женщина, съ стройною таліею, и прекрасно одѣтая въ дорогое шелковое платье, приняла дѣвочекъ въ свои объятія, и, обнимая ихъ, сказала:

— Mes pauvres orphelines, vous serez ici comme à la maison, et je vous tiendrai lieu de mère!

— (Бѣдныя мои сиротки, вы здѣсь будете какъ дома, и я замѣню вамъ мать!)

Первыя слова эти, сказанныя Маргаритою Альбертовною, вызвали въ Вѣрѣ удивленіе.

„Кто же это, не зная меня, готовъ уже меня полюбить, какъ родную?“ подумала она.

И готова была отвѣчать теплымъ чувствомъ на это искреннее заявленіе: она тогда еще не знала, но вскорѣ убѣдилась, что Маргарита Альбертовна эти же самыя слова говоритъ всѣмъ поступающимъ къ ней дѣвочкамъ, у которыхъ нѣтъ или отца или матери; что на всякій случай въ жизни есть у нея готовыя, разъ навсегда уже сфабрикованныя изреченія, которыя непосвященнымъ могутъ показаться выраженіемъ добраго чувства.

Дивилась Вѣра не мало, въ первый день пребыванія своего въ пансіонѣ, обилію словъ этихъ француженокъ: столько могла каждая изъ нихъ наговорить о самомъ незначительномъ предметѣ, о гвоздѣ, о лентѣ или платьѣ тѣмъ болѣе! при необыкновенной подвижности, онѣ и говорили неумолкно.

Маргарита Альбертовна была вдова, изъ двухъ сыновей ея, старшій, Шарль, былъ прикащикомъ въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ; младшій, Викторъ, еще ребенокъ, учился съ маленькими воспитанницами перваго класса, и тотчасъ же скрывался въ кабинетъ матери, когда пріѣзжалъ инспекторъ. Три дочери, Полина, Маргарита и Клэръ, были размѣщены по разнымъ классамъ заведенія.

Классовъ было четыре и въ каждомъ по два отдѣленія; черезъ годъ, по экзамену, дѣвочки повышались отдѣленіемъ. Главную здѣсь роль, разумѣется, игралъ французскій языкъ. Науки проходили также по фран-

цузски, т. е. собственно исторія и географія; ариѳметика же проходилась по нѣмецки: ее преподавалъ нѣмецъ.

По вступленіи въ пансіонъ, Вѣра съ сестрою цѣлую недѣлю ничего не дѣлали; нельзя было помѣстить ихъ въ классы, потому что имъ шились мундиры: коричневыя шерстяныя платья съ черными передниками и бѣлыми пелеринками.

— Какъ же можно безъ мундира? инспекторъ вдругъ пріѣдетъ, а классъ не въ полной формѣ! слышала Вѣра въ отвѣтъ, когда хотѣла идти въ классы.

На вступительномъ экзаменѣ, учитель французской словесности, преподававшій въ старшемъ классѣ пансіона (бывшій лекторъ университета, И.), задалъ ей сочиненіе à la minute, и, на какую же тему? Я буквально передаю фактъ: И. написалъ самъ заглавіе на листѣ бумаги: Peut-on jouir sur la terre d'un bonheur complet? (Можно ли наслаждаться на землѣ полнымъ счастіемъ?)

Въ недоумѣніи, прочитала Вѣра заданную ей тему.

— Развѣ Monsieur не знаетъ? спросила она.

— Я желаю знать, какъ вы объ этомъ думаете.

Вѣрѣ, въ ея положеніи, это просто показалось нескромнымъ.

— Я васъ не довольно знаю, чтобы отвѣчать вамъ, сказала она.

И. улыбнулся.

— Я хочу видѣть, какъ вы пишете. C'est pour vous faire dire quelque chose: ceci comme autre chose, пояснилъ онъ.

„Чтобы увидѣть дѣлаю ли я орѳографическія ошибки, чтобы заставить меня сказать что либо, онъ мнѣ написалъ такой вопросъ! Какой онъ странный, подумала

Вѣра, и недобрый, должно быть: онъ видитъ, что я дѣвочка невеселая. Они знаютъ, что я сирота... Значитъ, въ моей жизни слезы уже были, а можетъ быть они и все знаютъ обо мнѣ?“

Она прочитала тему еще разъ.

— Я не совсѣмъ понимаю вопроса, сказала она: sur la terre? тутъ написано. Et où ailleurs?

— Развѣ вы не знаете, что есть еще міръ, въ которомъ мы будемъ жить, когда кончимъ земное наше существованіе?

Вѣра промолчала: она никогда объ этомъ мірѣ не слыхала ни слова.

— Какая она странная! замѣтилъ, въ свою очередь, лекторъ университета вполголоса, обращаясь къ старшей дочери Маргариты Альбертовны, Полинѣ, сидѣвшей тутъ же, у стола. Она дѣлаетъ такіе вопросы, какъ будто до сихъ поръ жила съ дикими.

На фактъ невѣдѣнія ея о существованіи еще другаго міра, загробнаго, не было обращено однакожъ никакого особеннаго вниманія ея воспитательницами впослѣдствіи.

Вѣра написала нѣсколько строкъ: общихъ мѣстъ она говорить не умѣла; мысль свою прямо не хотѣла высказать, и потому, написала, что „полнаго счастія, вѣроятно, нѣтъ,—она, впрочемъ, не знаетъ.—потому что большею частью всѣ на что нибудь да жалуются; тѣмъ же, которые не жалуются, должно быть, живется хорошо, а можетъ быть и на оборотъ, но такъ какъ они молчатъ, то не слѣдуетъ у нихъ объ этомъ и спрашивать.“

Вѣра подала этотъ листъ профессору, прибавивъ, что ей никогда не приходилось думать о томъ, что такое

счастіе, и она болѣе сказать о немъ ничего не можетъ. Профессоръ прочиталъ сочиненіе вслухъ Полинѣ, и сказалъ обращаясь къ новенькой.

— Какъ! эта, вотъ эта маленькая головка это придумала?

Вѣра смотрѣла на него во всѣ глаза.

— Continuez, mon enfant! et nous entendrons un jour parler de vous, предрекъ онъ ей.

— (Продолжайте, дитя мое! и ваше имя прогремитъ со временемъ).

Удивленія своего Вѣра не могла и не думала скрывать.

Долго ломали головы мудрые педагоги надъ вопросомъ—въ какой классъ помѣстить Вѣру? она писала все, что прикажутъ, по ихъ мнѣнію такъ, какъ не писали у нихъ и въ четвертомъ классѣ. Но она грамматики, т. е. собственно грамматикъ Греча, Ноэля и Шапсаля, Гейзе, или Садлера, никогда даже не видывала, а книги эти, слово въ слово, надлежало пройти въ два года во второмъ классѣ. Въ третьемъ также буквально въ двухгодичный курсъ проходили синтаксисъ; въ четвертомъ въ два года же—риторику, стихосложеніе и вкратцѣ исторію литературы на четырехъ языкахъ.

Педагоги стали втупикъ передъ задачею: какъ же она будетъ отвѣчать на экзаменѣ? наконецъ рѣшили: помѣстить ее въ старшее отдѣленіе втораго класса, чтобы она догнала его до годичнаго экзамена; и дали ей четыре грамматики, для буквальнаго ихъ изученія.

Вѣра скоро увидѣла, что всѣ эти грамматики—почти одно и то же самое, съ незначительною разницею и немногими особенностями; при ея привычкѣ къ осмыслен-

ной работѣ, изученіе это было для нея нетрудно. Переписывать ей, въ первое время, пришлось очень много, и все въ хорошенькихъ тетрадкахъ, такъ уже заведено было; и отличнымъ почеркомъ непремѣнно; въ первый годъ этого курса, подруги ея прошли уже на французскомъ языкѣ исторію египтянъ, персовъ и грековъ; исторія каждаго изъ этихъ народовъ умѣщалась листахъ на трехъ, крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ, въ розовой тетрадкѣ. Вѣра ее списала. Проходили въ настоящее время о римлянахъ и въ слѣдующемъ классѣ начинали исторію среднихъ вѣковъ; въ четвертомъ—исторію временъ новѣйшихъ, въ такомъ же объемѣ. Вѣра читала уже дома исторію, въ гораздо болѣе полномъ видѣ, а главное она знала характеристику многихъ событій и множество біографій изъ Плутарха и изъ разсказовъ отца; розовая тетрадка имѣла для нея, слѣдовательно, смыслъ очень сжатаго и сухаго разсказа; для подругъ же ея, она составляла не болѣе какъ канву или весьма неполный перечень побѣдъ и героевъ, въ такомъ-то году, въ такомъ-то мѣстѣ.

Изъ географіи Вѣрѣ пришлось списывать le tour de l'Europe (путешествіе вокругъ Европы) въ голубой тетрадкѣ. Курсъ географіи состоялъ въ томъ, что мнимый мореходецъ отправляется на кораблѣ отъ самой сѣверной оконечности Европы, огибаетъ всѣ ея окраины, перечисляетъ заливы и берега государствъ, которыя объѣзжаетъ, не углубляясь во внутрь ихъ, не упоминая ровно ничего о внутреннемъ дѣленіи странъ, а тѣмъ менѣе о какихъ бы то ни было особенностяхъ, свойственныхъ этимъ странамъ. Столицы же, горы и рѣки всѣхъ частей свѣта учили всѣ уже заразъ, въ четвертомъ классѣ,

въ окончательномъ курсѣ, для выпускнаго экзамена. Во второмъ же отдѣленіи втораго класса, куда поступила Вѣра, она съ изумленіемъ слушала приготовленія къ уроку географіи; двадцать одноклассницъ ея зубрили, зажмурившись и постукивая чѣмъ нибудь по столу: „Nous nous en tiendrons à une simple nomenclature des côtes.... *) Nous nous en tiendrons... nous nous en tiendrons... à une simple, à une simple nomenclature, nomenclature... и т. д. по цѣлымъ часамъ. Вѣра знала хорошо карту всѣхъ частей свѣта, не по однимъ окраинамъ, а со всѣми содержащимися въ ней государствами, городами; знала бытъ, образъ жизни населенія и пр., и ей оставалось запомнить, зазубрить буквально (и это было обязательнымъ) путешествіе это, какъ оно было составлено разъ навсегда лекторомъ университета И, точно такъ же, какъ и abrégé исторіи для всѣхъ классовъ. Чрезъ это путешествіе и это сокращеніе прошли уже нѣсколько поколѣній воспитанницъ Маргариты Альбертовны. Руководилъ классами и установилъ все въ пансіонѣ, по неграмотности Маргариты Альбертовны, все тотъ же лекторъ университета, И., который ей приходился родственникомъ. Уроки же исторіи и географіи давала mademoiselle Бриге́, француженка изъ Бретани: она просто совершала выслушиваніе зазубреннаго, диктовала далѣе изъ экземпляра, хранившагося у нея и переплетеннаго какъ драгоцѣнность, потомъ поправляла эту диктовку, которую къ слѣдующему классу ученицы переписывали въ хорошенькія тетрадки, и зазубривали. Ученицы, какъ видимъ, были такимъ образомъ избавлены отъ всякой самостоятельной работы.

*) Мы ограничимся лишь перечнемъ окраинъ.

Изъ ариѳметики во второмъ классѣ проходили лишь первыя четыре правила на нѣмецкомъ языкѣ, и Вѣрѣ оставалось заучить только нѣмецкія названія. Геометріи, даже въ четвертомъ классѣ, не касались вовсе. О ботаникѣ, зоологіи или химіи—и помина не было. На всѣхъ четырехъ языкахъ дѣлали легкіе переводы, и учили неимовѣрное множество стиховъ. Уроки Закона Божія, разъ въ двѣ недѣли, состояли въ томъ, что дѣвочки отвѣчали слово въ слово изъ „Начатковъ". Вѣра прошла уже дома исторію еврейскаго народа, знала Моисея, какъ законодателя, знала исторію Іерусалима и все значеніе этой великой мѣстности для христіанина. Ее опять изумило то, что изученіе религіи составляетъ классъ, къ которому готовятся такъ же неохотно и небрежно, какъ напримѣръ къ классу ариѳметики, предмету самому нелюбимому во всѣхъ отдѣленіяхъ. „О религіи, собственно, объ ученіи Христа, здѣсь и понятія никакого не имѣютъ, думала она; въ классѣ религіи о Немъ и не говорится". О приложеніи же ученія его къ жизни кто сказалъ бы имъ? не Маргарита ли Альбертовна? Разумѣется, не она; она предметомъ исключительнаго своего вниманія имѣла тонъ и наружный лоскъ пансіона; непосредственнымъ же предметомъ наблюденія представлялись ей волоса и пелеринки воспитанницъ: волоса эти должны были лежать гладко, а пелеринки—прямо, такъ какъ послѣднія прилажены до такой степени разумно, что, при движеніи дѣвочки, передній разрѣзъ тотчасъ повертывается вправо или влѣво, на плечо, оставляя его голымъ.

Вѣра благоразумно хранила про себя все, что составляло для нея предметъ изумленія: да и съ кѣмъ она

могла бы имъ подѣлиться? Она всѣхъ дичилась, и глубоко вдумывалась въ прошлое. Видя такую огромную разницу между тѣмъ курсомъ, который проходила дома, и здѣшнимъ, она столько думала и припоминала, что поняла систему Павла Ѳедоровича, которой отдавалась тогда слѣпо, безъ вопросовъ и разгадокъ. Изъ словъ его, припоминаемыхъ ею теперь, она заключила, что Павелъ Ѳедоровичъ предполагалъ раздѣлить курсъ всѣхъ передаваемыхъ ей свѣдѣній на три и болѣе, быть можетъ, круга, если можно такъ выразиться: въ первомъ, съ котораго онъ конечно и началъ, онъ передалъ ей все, но въ очень краткомъ видѣ, изъ всѣхъ наукъ, какія ей предстояло изучать полнѣе во второмъ кругѣ, а въ третьемъ еще полнѣе *). Четвертаго круга, вѣроятно, онъ уже и не предполагалъ, потому что тогда она уже занялась бы спеціально однимъ изъ предметовъ, пройденныхъ такимъ образомъ, и которые, по такой системѣ, должны были прочно и основательно ею усвоиться.

Такъ, въ первомъ кругѣ, онъ ей передалъ механическое знаніе языковъ (теорію правописанія онъ предполагалъ, вѣроятно, сообщить ей позже), объяснилъ систему міра, на сколько это было доступно ея пониманію; далъ понятіе о геологическомъ его строеніи, объ атмосферѣ, насъ окружающей и ея явленіяхъ; передалъ все въ общемъ взглядѣ о металлахъ, растеніяхъ и животныхъ; объяснилъ всѣ явленія физическія, прошелъ исто-

*) Лѣтъ десять спустя, Вѣра съ радостью и умиленіемъ встрѣтила идею отца, гораздо болѣе развитою и превосходно изложенною въ брошюрѣ О преобразованіи класснаго воспитанія, составленной однимъ изъ наиболѣе даровитыхъ и ученыхъ педагоговъ нашего времени, П. Л. Лавровымъ.

рію, въ видѣ разсказовъ и біографій; гуляя и играя, распланировывая садикъ въ новой усадьбѣ, она вычисляла и вымѣряла; писала и переводила она правильно на трехъ языкахъ; карты всего земнаго шара изучила по складнымъ картинкамъ; физическое описаніе природы всѣхъ поясовъ знала изъ чтеній, простыхъ разсказовъ и диктовокъ. Вотъ что составило первый кругъ его курса: Павелъ Ѳедоровичъ ей все сказалъ въ общемъ видѣ изъ поименованныхъ наукъ, далъ ихъ ей всѣ, въ цѣломъ, но очень кратко, и сдѣлалъ это почти безъ всякихъ книгъ. Второй кругъ, сколько она могла припомнить, должны были составить тѣ же самые предметы, но въ видѣ гораздо болѣе подробномъ. И опять она прошла бы цѣлый, но болѣе уже полный, курсъ тѣхъ наукъ, которыя признаны имъ были нужными для нея, и вошли въ составъ ея занятій. Прошла бы еще и третій кругъ, еще болѣе полный, въ которомъ уяснила бы себѣ значеніе всего, что было ей дано, уложила въ умѣ своемъ, безъ всякаго усилія, и философію, и антропологію міра. Она вспомнила, что видѣла однажды карандашемъ набросанную табличку приблизительнаго распредѣленія курса, на которую не обратила тогда вниманія. Да и на что была ей теперь эта табличка, еслибы она и взяла ее съ собою? Достаточно было одного воспоминанія о ней, о домѣ и объ оставленномъ курсѣ, для того, чтобъ истомить мысль ея безконечнымъ сожалѣніемъ объ утраченномъ! Она понимала, что прошла съ отцомъ первый кругъ его курса, т. е. запаслась возможными матеріалами для серьознаго изученія данныхъ наукъ; но поняла и то, что эти матеріалы должны здѣсь заглохнуть, и дальнѣйшихъ, или болѣе подробныхъ свѣдѣній,

она здѣсь пріобрѣсти не можетъ. Пересмотрѣла она валявшіяся по столамъ тетрадки исторіи и географіи въ старшемъ классѣ, и съ грустью повѣсила голову... Кто же ей скажетъ что дѣлать? Уныло садилась она переписывать глупѣйшіе французскіе стихи, которые составляли предметъ восторга всѣхъ отдѣленій и классовъ пансіона, и которые слѣдовало выучить не къ классу, а такъ, для забавы Бриге́. Она часто задавала классамъ такія забавы. Вскорѣ по вступленіи Вѣры, стихи, заданные такъ, были приблизительно слѣдующаго содержанія:

Dieu! créez à sa vie un objet plein de charmes:
Une voix qui réponde aux secrets de sa voix.
Donnez lui du bonheur, Dieu! donnez lui des larmes!
Du bonheur de le voir j'ai pleuré tant de fois...
J'ai pleuré... mais ma voix se tait devant la sienne *)

Писала, писала она эту элегію въ зеленой тетрадкѣ, глотая слезы; потомъ бросала все, забивалась въ уголокъ, куда прибѣгала къ ней Соня, и съ отчаяніемъ прижимала къ груди своей дѣвочку.

Вѣрѣ, въ сущности, оставалось лишь усвоить пріемы или форму всего заведеннаго, а это ей было до нельзя противно! Если ей случалось сказать что нибудь, или сдѣлать замѣчаніе, классная дама тотчасъ же кричала:

— Молчите! въ классахъ не разговариваютъ.

Первымъ условіемъ благосостоянія класса было, чтобы въ немъ царила тишина мертвая. Въ классѣ этомъ Вѣрѣ

*) Боже! пошли ему въ жизни предметъ, полный чаръ: голосъ, который отвѣчалъ бы на тайны его голоса. Дай ему счастіе, Господи! дай ему слезы! Отъ счастія его видѣть, я столько разъ плакала!... Плакала... но я предъ нимъ нѣмѣю и пр.

нечего было и дѣлать: все, что проходили, было для нея такъ незначительно, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ безтолково, что Вѣрѣ требовалось времени лишь на то, чтобы уразумѣть въ чемъ дѣло. Потому каждое утро, идя уже въ классъ, Вѣра уразумѣвала заданное, и получала всегда 5, высшій баллъ; сначала она этому дивилась, потомъ и дивиться перестала: она ихъ балла не цѣнила, и несправедливость незаслуженной пятерки ей была такъ непріятна, что она въ журналъ и не заглядывала.

Между тѣмъ, слухъ о сочиненіи, написанномъ новенькою на вступительномъ экзаменѣ, съ первыхъ дней поставилъ ее на почетное мѣсто, и подруги вскорѣ прозвали ее ученою; онѣ не понимали, откуда она знала, напримѣръ, отчего бываетъ молнія? кто былъ Ричардъ-Львиное-Сердце? И изъ всѣхъ классовъ прибѣгали къ ней за справками. Откуда она это знала? она не могла указать изъ какой именно книги, но дѣло было въ томъ, что она знала; этихъ свѣдѣній невозможно разбить по классамъ,—они такъ и остались за Вѣрою во второмъ, и этими свѣдѣніями стали безцеремонно пользоваться дѣвицы даже четвертаго класса. Какъ ни дивилась иногда Вѣра пустякамъ, какихъ онѣ не знали, но ей все-таки нравилось, что она первая и такая ученая!

Въ пансіонѣ было всего дѣвицъ шестьдесятъ, и въ томъ числѣ двѣ трети, по меньшей мѣрѣ, иностранокъ изъ колоніи, торгующей и наживающейся у насъ въ Россіи. Понятно, что свѣдѣнія Вѣры въ русскомъ языкѣ превосходили познанія дѣвушекъ гораздо старше ея; нерѣдко даже начальница, или самъ лекторъ, обращались къ ней съ просьбою написать что либо, касающееся нас-

сіона, или перевести на русскій языкъ письмо, составленное по французски, и въ Вѣрѣ начинало развиваться мелкое, маленькое тщеславіе, вмѣстѣ съ желчнымъ презрѣніемъ къ такимъ невѣждамъ.

И въ классѣ русскаго учителя она ничего не дѣлала, кромѣ крошечныхъ переводовъ, а онъ ей все-таки ставилъ 5, и она надъ нимъ явно насмѣхалась. Любимаго класса или учителя у дѣвочекъ не было; но онѣ всѣмъ сердцемъ занимались изяществомъ переписки: у всѣхъ хорошенькія тетрадки были съ разноцвѣтными проточными бумажками и съ перекидными ленточками, приклеенными облаткою.

Соня поступила въ младшій классъ, хотя она умѣла и читать и писать. „Но пусть побудетъ тутъ до экзамена“ (т. е. цѣлый годъ), рѣшили педагоги, потомъ переведемъ.

Свободнаго времени Вѣрѣ некуда было дѣвать; за огромнымъ ковромъ, который вышивался для начальницы, она сидѣть не любила, но ее сажали, и задавали вышивать урокомъ. Въ первые дни, она большею частію ходила съ Магеттою (сокращеніе Маргариты), второю изъ дочерей Маргариты Альбертовны. Магетта полюбила дѣвочку, поступившую въ одинъ съ нею классъ, и все допытывалась, отчего она такая философка, по выраженію пансіона, т. е. неразговорчивая, и все думаетъ.

Но Вѣрѣ объ этомъ, разумѣется, не говорилось. Какъ только можно было, она уходила въ уголокъ, клала подъ себя два, три-лексикона и сидѣла молча: около нея все было такъ шумно, крикливо; такъ тормошилось все въ часы рекреацій, что она бывала постоянно утомлена. Иногда приходило ей на мысль написать къ теткѣ

Софьѣ Ѳедоровнѣ, и просить, чтобы ее отсюда взяли; но тетка сама высидѣла здѣсь пять лѣтъ, и отвѣчала бы: „что за глупости, что тебѣ здѣсь тошно? Привыкнешь.“

„Да и притомъ, думала Вѣра, не все ли мнѣ равно гдѣ быть? вездѣ будетъ не легче: отъ Маргариты Альбертовны меня могутъ перевести къ какой нибудь Маргаритѣ Адольфовнѣ, и перемѣнятся для меня только развѣ стѣны!“

Какая тамъ была ей скука! отъ 9 ч. до 12, отъ 2 до 4, отъ 6 до 8, слѣдовало сидѣть на классной скамьѣ, писать подъ диктовку разный вздоръ, или переписывать пустяки въ хорошенькія тетрадки; въ промежуточные часы слѣдовало обѣдать, т. е. ѣсть вываренную или поджаренную на салѣ мерзость, пить чай, работать, бѣгать, по приказанію, безъ всякаго на то желанія, исполнять это какъ машина, разъ навсегда заведенная. Старалась дѣвочка превратиться въ машину, но это ей не удавалось; бывали минуты, когда она думала, что съ ума сойдетъ, или убѣжитъ изъ пансіона. А куда? „Но что же мнѣ дѣлать? Надолго ли хватитъ моего терпѣнія“? спрашивала она себя. Уходить, безъ всякаго предлога, отдѣляться отъ подругъ не позволялось; вдвоемъ никогда, ни подъ какимъ предлогомъ, быть не позволялось, втроемъ и болѣе — можно было. Классная дама, заставъ ее однажды въ маленькой гостиной Маргариты Альбертовны, безъ всякой причины велѣла ей выдти оттуда.

— Зачѣмъ вы меня гоните? сказала Вѣра, обиженная. Что я здѣсь могу испортить? Я ничего не трогаю, смирно стою у окна, оставьте меня, пожалуйста, здѣсь!

Классная дама, разсердившись, назвала ее „Petite sotte, qui ose raisonner!“ (дурочкою, которая смѣетъ разсуждать!)

Вѣра закричала на нее.

— Вы не смѣете этого говорить! никто въ мірѣ такъ меня не называлъ! я вамъ не позволю...

Классная дама разсвирѣпѣла, и побѣжала жаловаться начальницѣ. Маргарита Альбертовна пришла, обзовала Вѣру „Une horreur d'enfant! misérable créature!“ (отвратительнымъ ребенкомъ! скверною тварью!) и выпихнула ее разъ навсегда изъ маленькой гостиной своей.

Магетта заступалась за нее передъ матерью, въ такихъ случаяхъ и, обыкновенно, въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ: всѣ ея дочери, впрочемъ, говорили съ нею грубо, даже маленькая Клэръ, которую она за это часто била по щекамъ и сѣкла. Однажды она притащила ее въ классы, и принялась сѣчь жестоко при всѣхъ, „для примѣра“, какъ она выразилась. (Чужихъ дѣтей она сѣчь не смѣла, такъ какъ въ прошломъ, по этому поводу, была уже исторія, и Маргарита Альбертовна вынуждена была дать подписку въ томъ, что всякое строгое наказаніе будетъ предоставлять самимъ родителямъ.) „Примѣръ“ разогналъ всѣхъ тѣхъ, на кого долженъ былъ подѣйствовать: когда раздались отчаянные крики Клэръ, всѣ дѣти толпою бросились изъ того класса, гдѣ буйствовала мать, скучились въ одну изъ комнатъ, заперлись, и никакія классныя дамы не могли ихъ вызвать до тѣхъ поръ, пока все не затихло. Такого рода обращеніе сдѣлало Клэръ чрезвычайно лукавою: чтобы задобрить мать, она постоянно наушничала и сплетничала на всѣхъ, разумѣется, сочиняя и прилыгая.

На полномъ пансіонѣ было дѣвочекъ двадцать; спали онѣ въ двухъ дортуарахъ, на верху, низкихъ и тѣсныхъ (инспекторъ туда никогда не заходилъ); учились хотя и

въ большихъ комнатахъ, но по два отдѣленія въ одной; за то зала для экзамена и акта (она же и танцовальная) была просто великолѣпіе: бѣлая съ золотомъ, съ колонами, высокая, съ малиновыми занавѣсами, оконъ въ десять.

Каждую субботу, послѣ 12-ти часовъ, двери классныхъ комнатъ начинали безпрестанно отворяться, и пансіонерокъ вызывали одну за другою: онѣ спѣшили въ родной домъ, гдѣ ихъ ждали отецъ и мать, а всегда воспитанницы готовили листочикъ съ баллами, который родители просматривали... „Какъ ни глупы эти хорошіе баллы, но вопросъ въ томъ, думала Вѣра, что они радуютъ отца или мать; и они свою дѣвочку, вѣроятно, за нихъ хвалили... ласкали.“ Какъ же они ее ласкали? какъ встрѣчали? что они ей говорили? распрашивала Вѣра, осторожно и какъ бы между прочимъ, по понедѣльникамъ... Господи хоть бы на одно воскресенье съѣздить къ Павлу Ѳедоровичу!

Добрѣе чѣмъ когда либо, была къ ней Магетта по субботамъ: слѣдя за унылымъ взглядомъ, какимъ Вѣра провожала подругъ, убѣгавшихъ весело съ портфелями и мѣшочками, Магетта поняла, что Вѣрѣ очень грустно, что не къ кому ей уѣхать, и стала уводить ее около двѣнадцати часовъ, ограждая своимъ присутствіемъ, въ кабинетъ матери. Въ первый разъ, какъ Вѣра вошла туда, она не рѣшилась повернуться: столько всего вездѣ было наставлено! точно въ магазинѣ рѣдкостей! и бронзы и мебели и разнаго вышиванья было неимовѣрное количество.

— Это все мамѣ надарено! сообщила ей Магетта.

На каминѣ выстроены были въ рядъ необыкновенно

уродливыя фигуры и статуэтки. Вѣра съ удивленіемъ остановилась передъ ними. Магетта дала ей одну изъ статуэтокъ въ руки. Мать вошла въ это время, увидѣла, и сказала:

— Вѣра, у тебя такой изумленный видъ, ты разсматриваешь фигурку съ видомъ сущей дурочки.

Вѣра поспѣшно поставила уродца на его мѣсто.

— Оставь ее въ покоѣ! дерзко замѣтила Магетта матери. Ну, что же за бѣда? изумлена, ну, и выражаетъ изумленіе. Ей нравятся эти уроды, вотъ и все!

— Нравятся! Дурочка! И она, какъ ты, станетъ привыкать разсматривать во всѣ глаза, все, что ей нравится? Ты такъ и выпучишься, чуть только заслышишь, или увидишь, что нибудь новое. Ничего въ себѣ скрыть не умѣешь. Сколько я ни учу тебя, все не въ прокъ. Развѣ можно такъ высказывать и выказывать что у тебя на умѣ?

— Ну да, и она такъ же смотритъ, какъ я. И ее надо бранить? Это ты умѣешь, а приласкать, какъ можно. Что же ей при своихъ скрываться? у ней вѣдь никого здѣсь нѣтъ. Я скажу Луи, какъ ты съ нею обращаешься.

— Ma pauvre Maguette, смягчала она свой тонъ, отучайся ты отъ своей откровенности! она ничего не принесетъ тебѣ, кромѣ вреда. Ты теперь большая; тебѣ уже 15 лѣтъ. Привыкай же таить всегда задушевную свою мысль; пусть ее угадываетъ тотъ, кому это нужно. Cela donne à la femme un charme de plus, et pour être heureuse, elle doit simuler; la femme ne doit jamais paraître ce qu'elle est de fait. (Это увеличиваетъ привлекательность женщины, и, чтобы быть счастливою, ей не слѣдуетъ выдавать себя; женщина никогда не должна казаться тѣмъ, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ).

Слова эти не могли не остаться у Вѣры въ памяти, потому что Маргарита Альбертовна не уставала читать дѣтямъ это нравоученіе, плодъ долгой своей опытности, философію, можетъ быть, ея счастія. Когда она читала такую мораль, она бывала въ духѣ; она, кромѣ того, очень любила вторую дочь свою: Магетта была чрезвычайно хороша собою и очень похожа на мать, и мать, разумѣется, желала видѣть ее, во всѣхъ отношеніяхъ, совершенною, какъ она сама.

Въ первый разъ какъ Вѣра выслушала этотъ рецептъ счастія женщины, по поводу исторіи съ уродцемъ, она сказала рѣзко, отвертываясь отъ Маргариты Альбертовны:

— Неправда, Магетта: il faut être vraie, quand même! (слѣдуетъ быть правдивою, несмотря ни на что).

— Дерзкая! закричала на нее Маргарита Альбертовна, выпихивая ее за дверь, а Магетту вталкивая въ кабинетъ. Но Магетта тотчасъ же пришла къ Вѣрѣ чрезъ другую дверь.

Вѣра тяжело задумывалась надъ ея словами, но Магеттѣ же онѣ скользили какъ лѣтній дождь: дѣвушка, какъ нерѣдко бываетъ, въ средѣ навязываемой ей порочности развивалась своеобразно. Она никогда не лгала, всегда была растрепана, влюблялась безпрестанно, и нимало этого не скрывала; она однажды едва не ушла отъ матери съ родственникомъ одной изъ своихъ подругъ, но вдругъ, почему-то раздумала, отложила побѣгъ, разлюбила, и осталась. Полина была еще лучше ея въ томъ отношеніи, что была гораздо серьознѣе. Клэръ, напротивъ, въ девять лѣтъ, была уже кокеткою, шпіонкою и лгуньею отъявленною.

Изъ прихожей дверь, заставленная не совсѣмъ плотно большимъ шкафомъ, въ который вѣшалось теплое платье, полупансіонерокъ, вела въ другую квартиру: зайдя съ боку, можно было видѣть эту дверь, до половины стеклянную и задернутую изнутри зеленымъ сукномъ; за дверью этою жилъ г. Луи, смуглый, толстый господинъ, лѣтъ за сорокъ. Двѣ дѣвочки, сестры Вольфъ, въ младшемъ классѣ, похожи были, какъ двѣ капли воды, на г. Луи, и, не стѣсняясь, ходили, когда имъ вздумается, за зеленую дверь. Такъ какъ на субботу и воскресенье Вѣра съ Сонею оставались въ пансіонѣ, а классныя дамы и всѣ пансіонерки уѣзжали до понедѣльника, то всѣ обѣдали en famille (въ своей семьѣ), т. е. не въ большой столовой, а на половинѣ начальницы: дѣвочки Вольфъ, называвшія Маргариту Альбертовну „ma tante“, Вѣра съ Сонею, три дочери содержательницы пансіона, два ея сына, сама она и г. Луи.

Въ первый разъ, какъ г. Луи увидѣлъ Вѣру съ сестрою, онъ спросилъ: кто онѣ такія?

Начальница назвала ихъ по фамиліи, прибавивъ съ особымъ удареніемъ, что это воспитанницы Павла Ѳедоровича В—а.

— Павла Ѳедоровича В—а? такъ знакомыя, какъ же! прошу любить, да жаловать, сказалъ онъ; всякій разъ какъ Павелъ Ѳедоровичъ бываетъ въ Москвѣ, онъ непремѣнно завернетъ ко мнѣ!

Г. Луи торговалъ виномъ, и Павелъ Ѳедоровичъ бралъ у него вино для дома Елены.

Съ тѣхъ поръ, каждый субботній обѣдъ начинался разспросами о здоровьѣ Павла Ѳедоровича, о томъ, что

онъ пишетъ, гдѣ онъ теперь, что давно не былъ въ Москвѣ...

Вѣра отъ этихъ разспросовъ краснѣла и страдала.

У Маргариты Альбертовны г. Луи былъ совершенно дома; дочерей ея называлъ по имени, Полина, Магетта, Клэръ, и говорилъ имъ ты, съ нею самою, онъ подъчасъ, обращался болѣе чѣмъ жестко. Дочери, хотя и привыкли къ такому тону его, однакожъ краснѣли за мать. Полина, въ первую же субботу, начала было объяснять Вѣрѣ, что г. Луи крестилъ ихъ всѣхъ, своихъ обѣихъ дочерей также, сорвалось у нея съ языка... Она смѣшалась, покраснѣла, и Вѣра поспѣшила перемѣнить разговоръ.

Какъ ни противны были Вѣрѣ новая обстановка и нравоученія этой общей maman, она однакожъ надъ ними задумывалась: многое, чуждое до сихъ поръ, встрѣчалось каждый день, и еще должно было встрѣтиться, думала она, и некому высказать своего впечатлѣнія, не отъ кого услышать прямаго и честнаго мнѣнія. Тяжело жить постоянно замкнутою въ себя въ эти лѣта. Тяжело было и Вѣрѣ. Но она, съ Плутархомъ въ карманѣ, и изъ запаса воспоминаній, рѣшилась создать себѣ нѣчто въ родѣ маршрута, при помощи котораго надѣялась, по возможности, держаться прошлаго и ускользнуть отъ вліянія того, что ей навязывалось. Что бы ни было въ этомъ прошломъ,—внутреннее сознаніе говорило ей, что тамъ правда, и нигдѣ болѣе. Она, порою, чувствовала, что хватается за соломенку: отецъ давалъ ей необходимыя свѣдѣнія о всемъ, что вызывало ея мысль, объяснялъ ей все, на что требовалъ отвѣта ея умъ; но мало ли о чемъ между ними еще и рѣчи не было, по-

тому что не было еще на то съ ея стороны запроса? Не смотря на это, при всякомъ случаѣ, ее возмущавшемъ, Вѣра старалась вызвать мысленно мнѣніе отца. Такіе случаи встрѣчались на каждомъ шагу, и она думала не разъ, что онъ съ этими подлыми не могъ бы жить, бѣшено преслѣдовалъ бы ихъ, и поставилъ бы себя съ ними въ явную вражду.

Не могло иначе случиться и съ Вѣрою. Но ее за это наказывали; часто стояла она у черной доски, стиснувъ зубы; злобная, оставалась она безъ обѣда, и, конечно, не исправляясь и не уступая. Начальницы ее гнали жестоко за упорство и грубость, а она ихъ всѣхъ терпѣть не могла, и отвѣчала имъ безпрестанно рѣзко и раздражительно.

Въ каждомъ изъ классовъ было по классной дамѣ: три изъ нихъ, m-lle Бриге, нѣмка Верманнъ и англичанка Шомъ, приходили только на время уроковъ, очередовались, по два дня въ недѣлю, въ трехъ старшихъ классахъ, и уходили съ экстернами къ обѣду домой. Въ маленькомъ классѣ была постоянно одна, жила съ пансіонерками и спала съ ними въ одномъ изъ дортуаровъ, дальняя родственница Маргариты Альбертовны, m-lle Пико, старая и болѣзненная дѣвушка, которой ничего и не платили за ея уроки и дежурство, денное и ночное, ограничиваясь тѣмъ, что содержатъ ее и кормятъ. Возмутительнѣе всего было для Вѣры то давленіе, которому, однакожъ, все подчинялось въ пансіонѣ, которое не возмущало подругъ,—то преслѣдованіе въ мелочахъ и бездѣлицахъ, какое раздражаетъ до крайности, заставляетъ смотрѣть на воспитательницу, какъ на личнаго врага, и придумывать противъ нея всевозможныя

маленькія пакости. Сколько разъ, бывало, глухая и несчастная Пико, слыша въ одномъ изъ классовъ отчаянные крики, бѣжитъ въ испугѣ, полагая, что, по крайней мѣрѣ, одной изъ малютокъ шею свернули,—прибѣгаетъ, и видитъ, что все смирно, всѣ заняты или играютъ.

— Это, mademoiselle, вамъ такъ послышалось! отвѣчаютъ ей на ея тревожные распросы.

Миссъ Шомъ, сухая и кислая педантка, разъ десять въ утро, вытрясаетъ изъ своего ридикюля, гдѣ лежитъ ея работа, песокъ, всыпанный туда цѣлыми пригоршнями. И злится, и шипитъ она, кричитъ: „for shame, ladies!“ (стыдно, барышни!); но едва отвернулась, ридикюль снова полонъ, и она никакъ не можетъ уловить преступницу. Верманнъ, добрая и глупая, безпрестанно что нибудь приказываетъ, волнуется, ее никто не слушаетъ, всѣ съ нею зубъ-за-зубъ, и цѣлуютъ ее, и бѣсятъ, и потъ съ нея катитъ градомъ къ концу утренняго дежурства. Дѣйствительно, тяжелое дежурство, когда смотришь, взглядами всѣхъ этихъ воспитательницъ, на дѣтей, какъ на шайку злодѣевъ, которыхъ такъ и перевязалъ бы по рукамъ и по ногамъ! Бриге всѣ эти маленькія злодѣйки до такой степени ненавидѣли, что, кромѣ самыхъ необходимыхъ вопросовъ, никогда съ нею не говорили. Были, однакожъ, исключенія, о которыхъ мы скажемъ ниже. Всѣхъ штукъ, какія дѣлались маленькими злодѣйками врагамъ своимъ, разумѣется, не перечислить. Самый же опасный изъ этихъ враговъ была, безъ сомнѣнія, Бриге: она была умна, хитра и злобна; она замѣчала что дѣтямъ наиболѣе пріятно, и того именно она и лишала ихъ, подстерегая минуту, когда онѣ только что войдутъ во вкусъ, отдадутся вполнѣ какой нибудь,

разумѣется, безгрѣшной забавѣ, и на минуту забудутъ о ней: тутъ-то она ихъ и прихлопнетъ!

— Vipère! (змѣя!), ворчатъ на нее про себя дѣвочки, но громко сказать не смѣютъ, потому что она страшная: она какъ будто правая рука и Маргариты Альбертовны, и лектора И.

Урокъ Закона Божія, уроки французскаго языка, чистописанія и рисованія (три послѣдніе давала таже Бриге) проходили въ утомительной, подавлявшей дѣвочекъ тишинѣ: за каждый вопросъ она посылала провинившуюся стоять у черной доски. Въ классѣ русскаго учителя шалили и шушукались: онъ имѣлъ обыкновеніе поправлять всегда одну тетрадь перевода, и та изъ дѣвочекъ, чью тетрадь онъ поправлялъ, стояла подлѣ него; другія же вырѣзывали чортиковъ и передавали ихъ другъ другу въ тетрадкахъ. Въ нѣмецкій классъ всѣ спрягали, склоняли во всѣхъ видахъ, наклоненіяхъ, числахъ и падежахъ и притомъ круглый годъ, что крайне надоѣдало. Англійскіе уроки начинались въ третьемъ и четвертомъ классахъ, во второмъ лишь читали съ миссъ Шомъ два раза въ недѣлю.

Стала Вѣра читать съ Сонею свои первыя тетрадки и диктовки, взятыя изъ дома... Мало по малу, около нея собрался кружокъ, сначала большой, потомъ убавился, болѣе чѣмъ на половину: остались лишь усердныя; заберутся, бывало, дѣвочки въ уголокъ, подальше отъ фортепіано, которое дребежжитъ въ каждомъ изъ классовъ, усядутся смирненько,—ихъ оттуда гонятъ: „садитесь по скамейкамъ!“ кричатъ. А часъ этотъ ихъ, свободный. Только что онѣ разохотятся слушать что Вѣра

имъ разсказываетъ о Наполеонѣ или о Кановѣ вдругъ Бриге командуетъ: „молчать!“

Вообразите себѣ, что велятъ молчать дѣвочкѣ, когда ей ужасно хочется говорить, хочется хоть то слово кончить, которое команда прервала на половинѣ! И почему? зачѣмъ молчать? нѣтъ вѣдь на то никакой причины: это просто произволъ француженки, что же это за насиліе? что за система одуренія шестидесяти личностей? и что за личности, которыя ей безусловно подчиняются? Между тѣмъ есть въ классахъ дѣвушки 16—20 лѣтъ, и онѣ безгласны? что за чудо? думала Вѣра.

Такая команда слышалась преимущественно въ дни дежурства Бриге: она сама воспитывалась, на родинѣ, въ одномъ изъ католическихъ монастырей, гдѣ сламывается по методѣ, признанной за лучшую, всякое проявленіе человѣческой воли, а всякая самостоятельная мысль называется гордостью духа, и наказывается, во имя Христа, ношеніемъ воды, спаньемъ на голой доскѣ, извѣстнымъ количествомъ заданныхъ молитвъ, но гдѣ отъ наказанія можно и откупиться—шпіонствомъ, подъ видомъ ежедневной исповѣди. Лишь до нѣкоторой степени имѣла Бриге возможность ввести эту систему въ варварскій край, куда пріѣхала наживаться, и Маргарита Альбертовна, еслибы только смѣла, допустила бы ее и до пропаганды; но ее въ этомъ отношеніи тоже, какъ кажется, стѣсняла какая-то исторія въ прошломъ, кончившаяся взятою съ нея подпискою... Команда молчанія была вывезена именно изъ того монастыря, въ Бретани, гдѣ Бриге выучилась злобствовать, а шпіонство она развивала въ дѣвочкахъ, какъ

долгъ, относительно начальства. Наибольшее вліяніе она имѣла, конечно, на маленькихъ католичекъ.

Въ первый разъ какъ послѣдовало такое необъяснимое для Вѣры приказаніе замолчать, всѣ въ классѣ вдругъ затихли и смирно сѣли за работу; подлѣ Вѣры сидѣла Магетта, она воздержала ее, заинтересовавъ хорошенькимъ point рукодѣлья, которое только что начала, и объясняя его Вѣрѣ знаками и иголкою. Молчаніе длилось четверть часа; потомъ француженка разрѣшила говорить, и классъ зашумѣлъ по прежнему.

Въ слѣдующее же дежурство Бриге, Вѣра читала наизусть „Кавказскаго Плѣнника“; нѣсколько головокъ, стѣснившись вокругъ нея, слушали внимательно; кругомъ играли; бренчало фортепіано; вдругъ все стихло. Сама Бриге, скомандовавшая этотъ залпъ молчанія, начала показывать жестами, чтобы тише разсаживались, не шумѣли, не возились, приготовляясь къ работѣ.

Вѣра на минуту остановилась; потомъ продолжала.... Бриге погрозила ей и встала съ мѣста.

— Дайте кончить, сказала Вѣра, повидимому спокойно, но уже злясь.

Бриге подбѣжала къ Вѣрѣ, молча схватила ее за руку и отвела къ черной доскѣ.

— Я хочу кончить! я кончу! закричала Вѣра въ гнѣвѣ, котораго не могла уже сдержать никакая бретанка.

Стоя у доски, Вѣра продолжала кричать; среди глубокой тишины, голосъ ея раздавался одинъ; Бриге повернула ее лицомъ къ доскѣ. Вѣра вдругъ прекратила свои крики и принялась продолжать „Кавказскаго Плѣнника“. Подруги, переглядываясь между собою и улы-

баясь робко, должны были дѣлать видъ, что ее не слышатъ, когда онѣ ее слушали. Вѣру увели въ кабинетъ начальницы: Маргарита Альбертовна на нее бросилась; лицо дѣвочки опухло отъ слезъ, волоса у ней растрепались. Маргарита Альбертовна велѣла ихъ остричь подъ гребенку.

— Horrible bâtarde! визжала она, дергая, тормоша и пихая Вѣру, пока ее стригла горничная, которая вслѣдствіе такихъ пинковъ, конечно, колола ее ножницами.

Освободившись отъ истязанія, Вѣра кинулась къ лексикону: „Bâtard—незаконнорожденный, прижитый внѣ брака“, прочитала она. А, змѣя!.... А у самой волчата ростутъ! „тетенькою“ называютъ! фу, мерзкая!

Дня два спустя, Вѣра услышала, въ маленькомъ классѣ, какъ одна изъ дѣвочекъ, бранившаяся съ Сонею, обозвала ее словами Маргариты Альбертовны: Horrible bâtarde! Вѣра, не помня себя, вбѣжала въ классъ, пустила еще отъ двери книгу въ голову этой злобной дѣвочки, налетѣла на нее, повалила на полъ, принялась ее бить и душить. Крики раздались неистовые: ихъ окружили, розняли, и Вѣру опять увели къ черной доскѣ; но она, стоя на колѣняхъ, въ злобѣ, громко кричала:

— Я буду стоять, но еще и еще разъ побью ту, которая осмѣлится назвать Соню батардкою. Подлая, кто это говоритъ! Но если и подлая, то не смѣй говорить... Молчи! побью... Мнѣ не подвертывайся...

Обиженная Соня украдкою утирала слезы: видя гнѣвъ сестры, она догадалась, что это тотъ же ублюдокъ на сценѣ, которымъ уже ихъ величали у бабушки.

Вѣру оставили безъ обѣда. Но, по окончаніи стола, Соня, Магетта, Полина, нѣсколько дѣвочекъ изъ класса Вѣры и изъ другихъ, притащили въ карманахъ хлѣба, мяса, картофеля, послали за орѣхами, изюмомъ, и Вѣра все это торжественно съѣдала на классномъ столѣ, въ присутствіи Пико, которая отвернулась, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ, — по слабости характера, изъ сознанія невозможности избѣжать сцены, еслибы вздумала протестовать.

Злючку, обозвавшую Соню, отпихнули лучшія изъ подругъ, и долго не хотѣли говорить съ нею: батардокъ вообще полюбили въ школѣ.

Ну... нынче день такой, завтра повторятся сцены такія же: опять Вѣру къ доскѣ, на колѣна, опять ее пихать и тискать, чуть не бить—какой же исходъ? Вѣра озлится, обругаетъ, какъ только умѣетъ хуже, и наплачется до истерики. А все-таки она ничего измѣнить не въ состояніи.... Человѣкъ, самый неразсудительный, и тотъ понялъ бы, что хоть изгрызи онъ наконецъ такія удила, — лишь новыя заведутъ. Поняла и Вѣра, что нужно подчиниться наружно, на видъ, и избѣгать стычекъ съ врагомъ. Такъ и дѣлали лучшія изъ дѣвочекъ. Инстинктивная борьба дѣтей съ такимъ гнуснымъ начальствомъ была весьма печальнымъ зрѣлищемъ. Но еще печальнѣе было то, что далеко не всѣ и боролись, и въ этой лживой, снаружи накрахмаленной, средѣ, вязли, какъ въ тинѣ, прекрасныя, добрыя натуры. Замѣчательно и то, что даже самыя худшія изъ нихъ, самыя уже испорченныя, не любили ни одну изъ начальницъ потому, что безсознательно ихъ презирали. И все дѣлалось тайкомъ въ пансіонѣ, и дурное и хорошее все скрыва-

лось, некому было, рѣшительно, ничего сказать. И худшія, и лучшія изъ воспитанницъ сходились лишь въ одномъ: какъ бы какую пакость посильнѣе устроить начальству!

Осмотрѣвшись нѣсколько, поддавшись наружно, Вѣра стала дѣйствовать изподтишка на кружокъ, который около нея составился, изъ дѣвочекъ преимущественно двухъ старшихъ классовъ; помогая имъ въ урокахъ, занимая ихъ разсказами, она заставляла ихъ невольно усвоивать свой взглядъ и уступать своему вліянію. Прежде всего, она объяснила имъ положеніе незаконнорожденнаго ребенка, объяснила словами отца, т. е., что рожденный отъ отца и матери, несвязанныхъ бракомъ, не наслѣдуетъ ни имени ихъ, ни состоянія. „Онъ несчастный, онъ терпитъ безвинно, заключили неизуродованныя еще сердечки; и какова же подлость тѣхъ, кто кидаетъ въ него камнемъ!“ Повела Вѣра рѣчь о правдѣ, и о приложеніи ея къ жизни: въ этихъ стѣнахъ какъ-то дико было объ этомъ слышать! „И въ этихъ стѣнахъ можно такъ жить, заключили, наконецъ, слушательницы: по возможности обходить ихъ, смотрѣть за собою“.

— Нѣтъ! и это вѣдь не честно, кипятилась Вѣра, не честно дѣлать изподтишка то, что мы можемъ дѣлать явно. Надо ихъ заставить уступить намъ въ томъ, что не вредно ни намъ, ни имъ. Для примѣра возьмемъ завтраки Начнемъ хоть съ завтраковъ.

Экстерны всегда приносили съ собою каждое утро завтракъ; пансіонерки потихоньку посылали покупать чего нибудь своихъ горничныхъ (богатенькія отдавались въ пансіонъ большею частію съ своими горничными); но покупать съѣстное строго воспрещалось: завтракъ,

по условію, всѣмъ имъ должны были давать въ пансіонѣ. Давали же лишь сухой и черный хлѣбъ, какой далеко не всѣ дѣвочки ѣли у себя дома. Вѣра съ Сонею всегда, въ 12 часовъ, уходили завтракать въ кабинетъ Маргариты Альбертовны: Софья Ѳедоровна, знавшая обычаи заведенія, назначила изъ денегъ, присылаемыхъ отцомъ для издержекъ собственно дочерей, небольшую сумму на нѣкоторыя привилегіи противъ постановленій пансіона. И Вѣрѣ съ Сонею давалась обыкновенно на завтракъ бѣлая булка и кусокъ сыра или холоднаго жаренаго. Узнавъ что завтракаютъ подруги, рѣшивъ цѣлымъ кружкомъ протестовать противъ тайныхъ покупокъ и запасовъ, Вѣра стала приходить съ своимъ завтракомъ въ классы; ее выгоняли, она приходила опять, показывая на дѣлѣ, что то, что запрещается всему пансіону, не только разрѣшается ей, но и получается ею отъ самой начальницы.

И вотъ, въ одно прекрасное утро, выложили дѣвочки втораго класса изъ своихъ мѣшковъ весь провіантъ, принесенный изъ дома или купленный тайкомъ, кто котлету, кто колбасу или рябчика съ булкою, и принялись завтракать. Дежурная нѣмка испугалась, и заявила, что она вынуждена пожаловаться Маргаритѣ Альбертовнѣ. Ей никто не препятствовалъ. Во всѣхъ трехъ классахъ зашумѣли съ полными ртами: и тамъ дѣти отстаивали право свое завтракать, что имъ хочется, и изъ всѣхъ классовъ дежурныя побѣжали жаловаться начальницѣ.

Начальница прошла молча мимо старшихъ, соображая, вѣроятно, что старшимъ позволить можно было бы. Во второмъ же классѣ, она приказала обоимъ отдѣле-

ніямъ сложить свои запасы на большой подносъ, стоявшій съ чернымъ хлѣбомъ.

— И мнѣ? спросила Вѣра, глодавшая тутъ же кость жареной говядины.

— И тебѣ! крикнула Маргарита Альбертовна.

— Отчего же это я до сихъ поръ завтракала въ 12 часовъ, а нынче буду только смотрѣть, какъ мой завтракъ лежитъ на подносѣ?

Спрашивая это, она продолжала ѣсть.

Три-четыре дѣвочки встали и заявили начальницѣ, что „мама отпустила ихъ съ завтракомъ и приказала все скушать, чтобы не голодать до обѣда“. Пять-шесть другихъ, изъ заднихъ рядовъ, заговорили: „Мы у васъ ничего не просимъ на завтракъ; не мѣшайте же намъ свое ѣсть.

— Ѣшьте, обжоры! соизволила начальница, повернулась и хлопнула за собою дверь.

Такое милостивое соизволеніе разъ навсегда разрѣшало явный завтракъ.

Враги инстинктивно сознавали тайное вліяніе на духъ классовъ, и высматривали, выслушивали изъ засады и чрезъ шпіоновъ.

Въ другой разъ предполагался захватъ всѣхъ аспидныхъ досокъ у экстерновъ.

Одна изъ маленькихъ Вольфъ, которую Бриге особенно любила за подарки, получаемые отъ г. Луи, обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Можно экстернамъ не уносить съ собою грифельныхъ досокъ на вечеръ?

Маленькія пансіонерки, играя вечеромъ, устроивали себѣ изъ досокъ и стульевъ домики, въ которые раз-

ставляли кухонную посуду, разсаживали куколъ и пр. Экстерновъ всѣхъ было человѣкъ сорокъ, слѣдовательно, изъ такого количества аспидныхъ досокъ можно было выстроить цѣлую улицу домиковъ въ большомъ классѣ.

— Можно, отвѣчала Бриге, и отдала приказъ экстернамъ оставлять доски на вечеръ въ шкафу.

Онѣ ихъ оставили.

Но на другой день стали говорить, что вчера нужна была вечеромъ доска: и задачи сдѣлать и маленькому брату порисовать было не на чѣмъ, всего одна у нихъ доска.

Вѣра рѣшила отстаивать право на доски. Передъ обѣдомъ, когда дѣти уходили, укладывая доски въ мѣшочки, маленькія Вольфъ побѣжали жаловаться на это Бриге.

Бриге попробовала было запретить: но экстерны зашумѣли:

— Моя это, моя доска. Она мнѣ нужна!

За ними зашумѣли и пансіонерки; Бриге отступилась.

Экстерны убѣжали съ своими уложенными мѣшочками.

Такъ и право на аспидныя доски отстояли.

Классная дама Верманнъ была, на сколько могла быть, хороша къ Вѣрѣ: она ее и укрощала, и часто кормила феферкухенами, которыхъ у нея былъ постоянно насыпанъ полный карманъ. Одну изъ дѣвочекъ, хитрую и злую, звали Redlich. Нѣмка сказала однажды Полинѣ про Вѣру:

— Этой слѣдовало бы называться Redlich (честная).

Такимъ образомъ, что было естественнымъ въ домѣ отца, стало здѣсь реліефнымъ свойствомъ, за которое однѣ гнали, наказывали, бранили и злились, а другія превозносили, и ставили Вѣрѣ въ заслугу то, что ни-

какой похвалы не заслуживало, потому что именно такъ, а не иначе, должно было и быть. Явное ея презрѣніе къ нимъ вооружили противъ нея воспитательницъ, всѣмъ запасомъ ихъ бездушной нравственности и грубыхъ рѣшеній; но тѣмъ отчаяннѣе держалась дѣвочка того неяснаго идеала, какой носила въ себѣ, тѣмъ упорнѣе становилась ея внутренняя борьба съ такою средою. Порою, въ минуты одинокаго, тяжелаго раздумья, она пугалась этого одиночества на сторонѣ дорогаго ей идеала; но хоть обломки прежняго рѣшалась удержать, уберечь, спасти въ себѣ отъ насилій этой шайки.

А сколько силъ на это потратилось, которыя могли бы быть потрачены на лучшее!

Вѣра устала отъ буйства.

Утомилась она и бездѣйствіемъ въ этомъ безвыходномъ кругу пустяковъ и стиховъ, и мысль ея устала отъ безцѣльнаго, мучительнаго для нея сравненія между былымъ и настоящимъ. Вѣра принялась читать.

Въ старшемъ классѣ, она въ первый разъ услышала названіе „livre défendu“ (запрещенная книга).

— Какъ запрещена? кѣмъ? какая она? распрашивала Вѣра. Ей показали романъ Сулье, „Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait.“

— Собственно эту книгу Маргарита Альбертовна запрещаетъ читать?

— Эту и другія, которыя называются романами.

— Этого же автора?

— Нѣтъ, все равно какого. Мы здѣсь должны учиться, а читать намъ не позволяютъ; т. е. и не то чтобы не позволяли, а запрещенными книгами у насъ считаются всѣ книги неклассныя.

У отца запрещенныхъ книгъ для Вѣры не было: убѣжденіе, выработывавшее въ ней собственный взглядъ и собственную волю, довѣріе и уваженіе къ ея маленькой личности, было для нея, конечно, дѣйствительнѣе всякаго запрещенія Маргариты Альбертовны. Всѣ книги, принадлежавшія отцу, Вѣра могла брать и читать; никогда она не слыхала: „этой не тронь.“

Однажды она взяла „Les confessions“ (Руссо); онъ спросилъ:

— Нравится тебѣ, что ты читаешь?

— Я не очень понимаю, но стараюсь понять, отвѣчала Вѣра.

— Зачѣмъ же? не нужно, милая: поймешь со временемъ, сказалъ онъ ей; а теперь читай, что тебѣ нравится, т. е. что понимаешь.

Объ исторіи Карла I, онъ ей тоже одинъ разъ замѣтилъ:

— Это надо читать со смысломъ, при полномъ курсѣ исторіи: мы прочтемъ это позже, и прочтемъ вмѣстѣ.

Но вотъ она теперь принимается за запрещенныя книги. Шарль, старшій сынъ Маргариты Альбертовны, любезничалъ съ дѣвицами, между прочимъ и тѣмъ, что приносилъ каждый вечеръ кожаный мѣшокъ, полный романовъ изъ книжной лавки, гдѣ былъ прикащикомъ, обмѣнивалъ вчерашній романъ на новый, въ темномъ коридорѣ, подстерегая минуту, когда воспитанницы возвращались съ вечерняго чая, или шли спать въ дортуары; эта тайна обмѣниванія имѣла для нихъ всю прелесть запрещеннаго плода. Шарль при этомъ не забывалъ и отсутствующихъ; въ мѣшкѣ его былъ запасъ про всѣхъ:

— Вотъ эту передайте Матильдѣ, она просила по-

страшнѣе чего нибудь, вотъ эту Коваленской, она надъ нею наплачется, и т. д.

— Душечка, Шарль! миленькій, merci, merci! слышалось шопотомъ.

Вообще душечка Шарль былъ чрезвычайно любезенъ и услужливъ: многимъ изъ дѣвицъ старшаго класса онъ вѣчно имѣлъ нѣчто сказать, передать записочку, коробку конфектъ, иногда и браслетъ... Вѣчно онъ съ одною изъ нихъ шептался... При такомъ пансіонѣ роль его была самая естественная.

Вѣра принялась читать. Первая книга, которую она проглотила (по выраженію пансіона), была „Les Martyrs“, Шатобріана. Вѣра не поняла, почему она ее читала тайкомъ, почему не поговорить о ней. Впрочемъ съ кѣмъ же? развѣ только съ подругами?.. Такъ она и сдѣлала.

И, вслѣдъ за нею, весь классъ принялся за запрещенныя книги. За Шатобріаномъ послѣдовало множество романовъ Феваля, Дюма, Сю и компаніи, баснословныхъ, но увлекавшихъ Вѣру: она такъ обрадовалась, что существовало что нибудь, овладѣвавшее совершенно ея вниманіемъ, что отдалась вся чтенію, и ненасытно мѣняла одну книгу на другую. Какое кому до этого было дѣло? она читала въ классахъ, читала въ рекреацію, въ часы молчанія, читала по ночамъ: Шарль продолжалъ любезничать, т. е. замѣнять Ж. Занда Ламартиномъ, и т. д.

И зачѣмъ дѣвицы старшаго класса называли чтеніе запрещеннымъ плодомъ?.. Классныя дамы проходили мимо, видѣли, что Вѣра читаетъ, и иногда ограничивались замѣчаніемъ:

— Смотрите, урока не будете знать.

— Буду, я вамъ обѣщаю, что получу 5, отвѣчала она, не отрываясь отъ книги.

И, увидѣвъ, что она дѣйствительно получала обѣщанный ею баллъ, онѣ перестали говорить и это: тѣмъ лучше, что читаетъ, говорили онѣ; она стала гораздо смирнѣе.

Два раза, въ продолженіе пятилѣтняго ея пребыванія въ пансіонѣ Маргарита Альбертовна, замѣтивъ, что всѣ встали, когда она вошла, а Вѣра такъ углубилась въ чтеніе, что не видала и не слыхала ее, спросила, что она дѣлаетъ, и кто ей далъ книгу. Она отвѣчала: Monsieur Шарль.

Въ третій разъ она была не въ духѣ, и, на отвѣтъ Вѣры: мосье Шарль, вырвала у нея книгу изъ рукъ, прочитала заглавіе: „Silvio Pellico“, и закричала: „Вы, кромѣ чтенія, ничѣмъ не занимаетесь! это не подходитъ къ моей системѣ воспитанія.“

Потомъ велѣла ей поправить пелеринку, и идти пригладить волоса.

Чрезъ полчаса, Магетта, увидѣвъ книгу на столѣ у матери, спросила: можно ее отдать Вѣрѣ?

— Отдай, отвѣчала Маргарита Альбертовна равнодушно, и думая, можетъ быть, совсѣмъ о другомъ.

Когда Магетта принесла Пеллико въ четвертый классъ, гдѣ сидѣла Вѣра, въ присутствіи Полины, Вѣра замѣтила: „система сдѣлалась податливѣе, прошло полчаса, и чтеніе уже вошло въ нее“.

Дѣвицы засмѣялись, и принялись разсуждать о ничѣмъ необъяснимыхъ запрещеніяхъ и разрѣшеніяхъ. Полина, въ такихъ случаяхъ, дѣлала видъ, что не слышитъ, и сидѣла, грустно потупясь. Очень нерѣдко при

ней говорилось на зло, но многія изъ класса, любя ее, молчали сами, или заставляли молчать другихъ. Вѣра слыхала толки эти и разсужденія такъ часто, что новаго ничего не могла изъ нихъ узнать, и опять ушла въ новую жизнь, себѣ созданную, которая скоро отдалила отъ нея и прошлое и настоящее. Ей было какъ-то странно хорошо такъ жить: никого и ничего не было ей жаль, кромѣ своихъ героевъ; каждый день предметъ участія смѣнялся для нея новымъ, она стала привыкать дробить впечатлѣнія и чувство, стала увлекаться натянутостью встрѣчъ и положеній, и завела тетрадки для выписокъ изъ страницъ самыхъ страстныхъ, на которыхъ любовь высказывалась лишь словами, какъ во всѣхъ французскихъ романахъ.

Почиталъ бы эти тетрадки Павелъ Ѳедоровичъ!

Павелъ Ѳедоровичъ писалъ, до наступленія каникулъ, къ Маргаритѣ Альбертовнѣ, при присылкѣ денегъ, и велѣлъ начать обѣихъ дочерей учить музыкѣ, къ которой у Сони оказались большія способности. Она принялась по цѣлымъ днямъ пѣть, прося себѣ аккомпанировать, и точно также никто не слѣдилъ за этимъ, какъ не слѣдили и за чтеніями Вѣры: что за бѣда, что грудь, утомленная у ребенка, будетъ всю жизнь болѣть у женщины?

Соня очень росла; хорошенькая, нервная, впечатлительная дѣвочка, она исключительно любила стихи и музыку; впечатлѣнія у нея были не глубоки: романы и романсы скоро должны были ее выкроить на парижскій ладъ. Къ безсмысленному деспотизму пансіона ей было легче подладиться: она была и меньше, и дома не прошла такой школы, какъ Вѣра.

На каникулы, въ половинѣ іюня, Маргарита Альбертовна съ семействомъ и тѣми изъ пансіонерокъ, которыхъ не брали домой, уѣзжала обыкновенно за Петровскій паркъ, на дачу купца, дочка котораго вяло и тупо училась давно уже въ младшихъ классахъ. Дача эта была, конечно, данью уваженія къ Маргаритѣ Альбертовнѣ. Вѣра чрезвычайно была рада этому переселенію: она тутъ очутилась сравнительно наединѣ, потому что m-lle Пико, по болѣзненности, предоставляла имъ полную свободу; отъ Маргариты Альбертовны онѣ были помѣщены почти особо; имъ былъ отданъ весь верхъ, съ отдѣльнымъ крыльцомъ, и дѣти бѣгали вольно, однѣ, даже по окрестнымъ полямъ. Набѣгавшись съ самаго ранняго утра, выкупавшись въ гниломъ прудѣ, вывалявшись въ густой травѣ, облитой росою, онѣ безпрепятственно пробѣгали на свой верхъ или устроивались въ аллеѣ, въ дальнемъ углу сада. Вѣра начинала заниматься съ Сонею: читая по тетрадкамъ, привезеннымъ изъ дома, она стала передавать ей разсказы, какіе слышала отъ отца, и припоминаніе ихъ было для нея и мученіемъ и отрадою. Магетта и Полина всегда присутствовали тутъ же, въ аллеѣ, гдѣ устроивались сестры съ своими завѣтными тетрадками; сидя съ крючкомъ или съ иголкою, онѣ слушали Вѣру, какъ оракула: никогда въ жизни имъ не случалось слышать ничего подобнаго, и крошечныя свѣдѣнія Вѣры казались имъ громадными. Соня, страстная къ музыкѣ, безпрестанно принималась играть или пѣть. Вѣра достала ей невысокіе солфеджи, и наблюдала надъ тѣмъ, чтобы Соня, хотя не долго, но каждый день работала серьозно: голосъ у нея развивался великолѣпный,—мягкій, нѣжный, вѣрный, какъ струна.

„Отъ него наслѣдство“, думала Вѣра, ухаживая съ любовью за дорогимъ этимъ наслѣдствомъ.

Вѣрѣ самой дѣлать было нечего: въ хорошенькія тетрадки все по классу было переписано, и она, въ свободное отъ занятій своихъ время, рылась въ землѣ, читала, лежа, романы, или думала горькую свою думу.

Послѣ каникулъ, въ классахъ продолжалась выше разсказанная исторія, а Вѣра продолжала читать романы. Стихи принялись задавать усиленными дозами, такъ какъ къ экзамену и акту каждая изъ дѣвочекъ должна была знать по стихотворенію, на случай, если вдругъ вызоветъ и спроситъ инспекторъ. И вотъ стало уже приближаться время экзаменовъ, бывавшихъ ежегодно въ первыхъ числахъ декабря.

Порядокъ классныхъ часовъ нарушенъ. Зубрятъ и по вечерамъ, и въ часы рекреацій; учителя приходятъ репетировать. Такой миніатюрный курсъ внушаетъ еще страхъ и въ преподавателяхъ, и въ учащихся! Это потому, какъ слышитъ Вѣра, что будетъ слушать начальство, и дѣвочки могутъ внушить самое выгодное или невыгодное понятіе о педагогахъ своихъ въ умѣ инспектора. Маргарита же Альбертовна желаетъ, чтобы онъ ее поблагодарилъ за ея труды на пользу Россіи, что онъ ежегодно дѣлаетъ, и однажды милостиво ей сообщилъ даже, что, въ отчетахъ своихъ, ея пансіонъ представилъ образцовымъ; всѣ силы пансіона направлены, разумѣется, къ поддержанію этого титула на экзаменахъ.

Вечеръ. На дворѣ мятель, какъ большею частью бываетъ зимою въ Москвѣ; классныя дамы дежурятъ и по вечерамъ, потому что множество полупансіонерокъ приходятъ послѣ обѣда, на часы репетицій. Дежурная—

Бриге. Въ большомъ классѣ не жарко, а удушливо и смрадно; копоть и вонь отъ маслянныхъ лампъ едва выносима; мѣлу накрошено не только вокругъ черныхъ досокъ, но и на столахъ, на скамейкахъ; имъ же измазаны и форменныя платья дѣвочекъ. Ихъ тутъ душъ сорокъ, изъ всѣхъ классовъ, потому что одинъ только большой классъ и разрѣшается освѣщать. Вѣра, согнувшись, уткнула носъ въ большую книгу: книга эта „Новая Элоиза". Бриге, въ пяти шагахъ отъ нея, качается въ креслѣ, которое, для пущаго услажденія своего сверхштатнаго дежурства, прикатила изъ большой гостиной. Она, какъ кажется, полудремлетъ, но это только такъ кажется; напротивъ, она чрезвычайно внимательна къ тому, что дѣлаетъ въ настоящую минуту: припадая на полъ къ ея колѣнамъ, одна смѣняя другую, приходятъ къ ней маленькія католички, исповѣдывать ей „проступки свои за недѣлю".

Бриге, въ самомъ дѣлѣ, выслушиваетъ ихъ еженедѣльно, и чаще, если какой нибудь особенный грѣхъ тяготитъ душу дѣвочки.

— Я не могла не сгрубить ей... слышитъ Вѣра исповѣдь Элеоноры: она такая придирчивая и несправедливая!

— Три Pater и три Credo („Отче нашъ" и „Вѣрую"), въ продолженіе цѣлой недѣли, дитя мое, за ваше строгое сужденіе. Всякая власть отъ Бога! речетъ исповѣдница.

Дѣвочка цѣлуетъ у нея руку, встаетъ и уходитъ.

Ее смѣняетъ Матильда.

— Онѣ вчера говорили о какомъ-то господинѣ, который въ Бога не вѣритъ, все философію читаетъ, а я

тутъ же перекрестилась и про себя протитала за него три Ave (молитва Богородицѣ). Потомъ, говорили о какой то concubine du grand Louis *), а Лидія приэтомъ назвала Маргариту Альбертовну concubine du gros Louis **). И всѣ захохотали. Но я, увѣряю васъ, не понимаю, что онѣ хотѣли сказать, и надъ чѣмъ всѣ вдругъ засмѣялись.

— Лидія? Ширяева это сказала? для большей точности переспрашиваетъ Бриге.

— Да, Ширяева.

— Хорошо, дитя мое, да благословитъ васъ Богъ.

Дѣвочка цѣлуетъ у нея руку, встаетъ и уходитъ.

Вѣра это слышитъ, и не возмущается; она это слышала много уже разъ, и прислушалась. Слава Богу еще и за то, что сердце ея полно ненависти къ подлымъ, изъ которыхъ она первою считаетъ Бриге.

Къ Бриге, между тѣмъ, припадаетъ Селина.

— Затѣвается складчина, наушничаетъ она: Вѣра не хочетъ, чтобы отдавали въ воспитательный домъ ребенка, который родится у Даши...

Вѣра обмерла. По ея внушенію 4—5 дѣвочекъ дѣйствительно это замышляли, и вотъ уже пронюхали шпіонки. Хорошо, что она это слышитъ; надо будетъ принять мѣры предосторожности. Ахъ, подлыя!

Но, думая это, она головы не поднимаетъ отъ книги. Она и не удивляется: она знаетъ, что такимъ образомъ выигрываются у начальства разныя милости. Теперь же раздача наградъ близка.

---

*) Наложница великаго Лудовика XIV.

**) Наложница толстаго Луи.

Съ одной стороны продолжается исповѣдь. Съ другой, она слышитъ голоса дѣвицъ:

— Катя! а, Катя! я въ отчаяніи, я желала бы до экзамена умереть; какъ я себѣ представлю, что меня ожидаетъ; вдругъ выдти на средину съ этою палочкою въ рукѣ, начать водить ею по берегамъ, и тыкать, что вотъ изъ Кюришгафа и Фришгафа мы выѣзжаемъ въ это — какое бишь это море?... Опять забыла. Это ужасно! я не переживу этой минуты: всѣ глаза на тебя смотрятъ, всѣ тебя слушаютъ! а у меня тутъ какъ разъ пелеринка перевернется! Охъ, Господи!

— Не трещи, Варя! дай кончить, немного осталось, отвѣчаетъ Катя, затыкая себѣ пальцами уши.

— La coupe de mes jours s'est brisée encore pleine.
Ma vie en longs soupirs s'enfuit à chaque haleine*),

декламируетъ красоточка съ розовыми щеками, принимая самую отчаянную позу.

— „Откуда ты? откуда ты? откуда ты, эфира житель?“ зубритъ ея сосѣдка.

Для акта готовится и арія, которую разучиваютъ на одномъ изъ фортепіанъ:

Quanto rapida и пр.

За другимъ повторяется хоръ, въ которомъ поетъ и Соня:

La trompette guerrière
Vient de retentir **) и пр.

---

*) Чаша жизни моей разбилась еще полная. Въ долгихъ воздыханіяхъ испаряется моя жизнь. (Стих. Ламартина).

**) Воинская труба
Вотъ прогремѣла.

Сыгрывается тріо, и віолончелистъ кричитъ на Лину, крошечную и щедушную дѣвушку, за то, что она никакъ не можетъ взять чисто аккорда.

Двѣ дѣвочки, съ полотенцами на шеѣ (вмѣсто шарфовъ), повторяютъ легкое па.

Въ этомъ же углу гремятъ паръ пять кастаньетовъ.

Отъ послѣдней группы отдѣляется Елена Фришъ, дѣвушка лѣтъ 20, но которой даютъ 17, жеманная, надменная и съ губами бѣлыми, какъ мѣлъ. Она садится за столъ, и принимается сочинять стихи: она должна ихъ импровизировать на актѣ на тему, которую ей задастъ тогда учитель.

— «Да, мнѣ знакома ты, о лира,
«И вдохновенья сладкій гласъ»,

повторяетъ она безпрестанно, перебирая пальцами, то правой, то лѣвой руки. Ну, дальше: mesdames, дайте риѳму на слово лира!

— Міра.

— Пальмира.

— Царя персидскаго, Кира! кричатъ ей нѣсколько голосовъ.

— Дурищи! тупицы! еще врать смѣютъ, когда въ стихосложеніи шага не ступятъ! огрызается Елена. Ахъ, какъ тошно! ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось родиться геніемъ! Когда я была маленькая, меня всѣ звали бѣленькимъ геніемъ. Это, впрочемъ, все пустяки, внѣшность.

— „Боже, Боже мой! Коль множицею Тебѣ плоть моя, въ земли пустѣ и непроходнѣ, и безводнѣ...“

— „Яко отъ тука и масти да исполнится душа моя и устнами радости восхвалятъ Тя уста моя...“

— „Прильпе душа моя по Тебѣ, мене же пріятъ десница Твоя...“ зубрятъ въ одномъ изъ угловъ шестипсалміе.

— Dans la noble carrière.
Il faut vaincre ou mourir.
Vaincre!
Vaincre!
Vain—cre ou mou—rir! *)

восклицаетъ хоръ, гремя басовыми аккордами.

— Mesdames! mesdames! Вѣра-то, посмотрите, заснула надъ книгою! Вотъ счастливая! и зубрить-то ей нечего!

Вѣра уронила голову на фоліантъ „Новой Элоизы“. Весь этотъ гулъ, безсмысленный, весь хаосъ, вокругъ ея царившій, слились въ головѣ ея въ одинъ мучительный, уже почти годъ терзающій ее, вопросъ:

„Зачѣмъ я здѣсь? зачѣмъ я здѣсь? о, Павелъ Ѳедоровичъ!...“

— Mesdames! экстерны по домамъ! младшій классъ на верхъ! кричатъ благимъ матомъ: малышей спать велѣно посылать.

— Душка, еще попроси съ полчасика! Mademoiselle, позвольте еще посидѣть, закричали дѣвочки, обращаясь къ француженкѣ, но та спала блаженнѣйшимъ сномъ, раскачиваясь на креслѣ.

— „Auch ich war in Arcadien geboren!“ **) еще

---

*) На благородномъ поприщѣ
Надо побѣдить или умереть,
Побѣдить!
Побѣдить!
Побѣдить или умереть.

**) И я родился въ Аркадіи. (Стих. Шиллера).

ожесточеннѣе принимается пилить Вѣрина сосѣдка, слыша, что приказано уже расходиться.

— Ахъ! какъ бы я хотѣла путешествовать! прерываетъ ее Елена Фришъ.

— Да не болтай ты, ради Бога; всего минутъ пять осталось; маленькія уже ушли; сейчасъ и насъ всѣхъ погонятъ. Crésus, roi de Lydie...

— Перестань; оставь до завтра. Вѣдь еще съ недѣлю до экзамена. Поболтаемъ: побывать бы въ Греціи, въ Турціи...

— Ахъ, какъ я люблю классъ географіи! Душка Оля, не правда ли, какъ весело съ картою знакомиться!...

— Да не трещите надъ ушами, mesdames!

— Нѣтъ, будетъ тебѣ, пойдемте домой. Пришли ли за нами?

— Пришли, полна передняя провожатыхъ.

— Уйдемте потихоньку: оставимъ Бриге спать здѣсь до утра.

— Второй классъ на верхъ! опять во все горло кричитъ дежурная.

Поднимаются всѣ дѣвицы, отыскиваютъ и укладываютъ свои вещи; шумъ, говоръ, грохотъ... Бриге спитъ. Дежурная закрываетъ фортепіано, собираетъ куски мѣла и губки.

— M-lle Briguet! M-lle Briguet! расталкиваетъ она ее.

Собираются во внутреннихъ дверяхъ; второй классъ идетъ спать на верхъ. Идетъ съ нимъ и Вѣра.

Шарль сторожитъ въ углу.

— M-lle Вѣра! я вамъ принесъ „Le siège la Rochelle“,—прехорошенькая штучка!

— Merci, m-r Charles, но я и „Элоизу“ еще не кончила: позвольте еще на день оставить.

— Оставьте! оставьте! Да что это у васъ такой усталый видъ?

— Я очень устала. Прощайте.

Устала Вѣра. Да. И завтра будетъ тоже самое, что сегодня было, опять все одно и тоже ей придется увидѣть и услышать. И много много еще лѣтъ впереди, въ продолженіе которыхъ она будетъ и видѣть и слышать все тоже самое!..

Экзамены въ пансіонѣ вообще были великолѣпные, т. е. дѣвицы безъ запинки отвѣчали затверженные билеты; декламировали множество стиховъ на четырехъ языкахъ; на актѣ играли съ аккомпаниментомъ и безъ аккомпанимента віолончеля и скрипки; танцовали изящно характерные танцы почти всѣхъ европейскихъ націй; въ огромной залѣ разложены были среди колоннъ рисунки всевозможныхъ головокъ, сдѣланные учителемъ, разные образцы чистописанія, огромный коверъ, изображавшій цѣлую жардиніерку цвѣтовъ, и вышитый къ празднику для Маргариты Альбертовны; раздавались дѣвицамъ похвальные листы и книги съ золотымъ обрѣзомъ... И инспекторъ всегда оставался доволенъ; и маменьки съ папеньками спекулировали на будущее, любуясь граціозными дочками, и будущіе супруги тутъ же, изъ за рѣшетки, смотрѣли во всѣ глаза подъ воздушные шарфы этихъ балеринъ.

Вѣра перешла въ первое отдѣленіе третьяго класса. Дали ей на актѣ французскую книжечку стиховъ, съ золотымъ обрѣзомъ и съ подписями всѣхъ педагоговъ заведенія. Маргарита Альбертовна похвалила ее за экза-

менъ, но замѣтила, что она вообще слишкомъ смѣла, и что, когда ее инспекторъ вызываетъ къ столу, она не краснѣетъ.

— Отчего же мнѣ краснѣть? сказала Вѣра; я не конфужусь и не боюсь; я знаю, о чемъ онъ меня спрашиваетъ.

— Что же такое, что знаешь? всѣ приготовлялись, и всѣ знаютъ, однакожъ, когда подходятъ отвѣчать, робѣютъ, и краска выступаетъ на ихъ щеки, et c'est charmant à voir! (и это премило!) А ты одна, какъ мужичка необтесанная, смотришь г. инспектору или г. лектору прямо въ глаза, и такъ и ломишь. Si hardie! dégoûtant! (Такъ смѣла! отвратительно!)

Вѣра, въ продолженіе всего года, не достигла еще того, чтобы усвоить себѣ напускную стыдливость, или тотъ ложный страхъ, который развивали въ пансіонѣ, и, слѣдуетъ признаться, развивали съ полнымъ успѣхомъ: дѣвицы до такой степени были запуганы сознаніемъ, что на нихъ смотрятъ и услышатъ ихъ голосъ, когда онѣ будутъ говорить, что, бывало, отвѣтить просто да, взять стулъ, принести книгу, при комъ нибудь постороннемъ, стоило имъ неимовѣрныхъ усилій. И потому выходить отвѣчать на экзаменѣ составляло истинный подвигъ, который обходился дѣвочкѣ сильнѣйшимъ нервнымъ потрясеніемъ; по благополучномъ совершеніи этой побѣды надъ собою, воспитанницы краснѣли, робѣли, терялись, но за то слышали не разъ самый лестный о себѣ отзывъ: Elle est délicieuse: si timide! (Она очаровательна: такая застѣнчивая).

Эту застѣнчивость развивали усиленно. Вѣра, привыкшая говорить просто, ходить прямо и не конфузясь,

безпрестанно была обзываема нахалкою. Вообще въ репертуарѣ ругательствъ Маргариты Альбертовны было множество словъ и русскихъ, а французскихъ — даже далеко непечатныхъ.

Такого рода робость сущее несчастіе въ жизни. Она вообще происходитъ отъ неяснаго сознанія своего собственнаго я, отъ страха обнаружить какія бы то нн было, даже лучшія, свои стороны, отъ полнаго незнанія того, чего я хочу, и что дѣлаю. Она есть полное отсутствіе не той наглой самонадѣянности, какою отличаются люди, имѣющіе наименѣе данныхъ на успѣхъ какого-бы то ни было рода, а той законной и нормальной развитому человѣку увѣренности въ собственныхъ силахъ, безъ которой онъ, дѣйствительно, едва ли рѣшится перейти черезъ комнату, если на него смотрятъ. Такой несчастный—вполнѣ человѣкъ минуты; ничто отъ него не зависитъ: его обдало жаромъ, онъ сомлѣлъ, путаетъ слова, дрожитъ, несетъ околесную, дѣлаетъ дикости, онъ какъ въ банѣ: нотъ съ него градомъ. А отчего бы, кажется? что вы за вопросъ ему задали, отъ котораго онъ такъ упарился? Вы ничего—вы просто у него спросили: какъ онъ, примѣрно, о томъ-то думаетъ, или какъ поступить бы въ такомъ-то случаѣ? Въ другой разъ, онъ осмотрѣлся, не дичится васъ, и кажется вамъ нормальнымъ. Но дѣло въ томъ, что это вамъ такъ только кажется: вы не можете опредѣлить его нормальное состояніе, какъ бы его коротко ни знали: съ вами онъ таковъ, съ другимъ иной, все это зависитъ отъ минуты. Онъ вѣчно за что нибудь прячется; если бы можно было, онъ самъ отъ себя спрятался бы.

Бываетъ это очень часто отъ ложно возбужденнаго

въ дѣтствѣ самолюбія, отъ обиднаго сравненія съ братомъ или сестрою, которое онъ запомнилъ живо, и мало по малу сталъ уходить въ раковину. Затѣмъ рядъ неудачъ классныхъ, вслѣдствіе той же усиливающейся робости, и вотъ человѣкъ на всю жизнь искалѣченъ: нервы его страдаютъ, и возбуждаются отъ такихъ внѣшнихъ вліяній, при которыхъ всякій другой человѣкъ, сознающій себя, не страдаетъ и не возбуждается. Въ мужчинѣ, какъ и въ женщинѣ, это положительный и огромный недостатокъ, которому разумное воспитаніе никогда не дастъ развиться.

У Маргариты же Альбертовны находили charmant à ravir, когда, бывало, классная дама ни просьбами, ни увѣщаніями, ни приказаніями, ни угрозами, не вышлетъ дѣвочку къ учителю музыки, напримѣръ, когда ей неминуемо нужно пройти для того мимо Маргариты Альбертовны, разговаривающей съ гостьею: стыдно, да и только. Стоитъ дѣвочка у дверей большой гостиной и плачетъ. И бьются съ нею, и уговариваютъ, всѣ тутъ вокругъ нея столпятся, а ей стыдно мимо чужаго человѣка съ нотами пройти.

Вѣрѣ сначала все это казалось просто уму непостижимымъ.

Еще къ одному она въ теченіе всего года не могла привыкнуть: ничего, буквально ничего не дѣлать иначе, какъ спросившись и съ разрѣшенія. Относительно одежды, напримѣръ, пелеринки смѣнялись два раза въ недѣлю; кажется это всѣмъ извѣстно, даже Дашѣ, которая въ четвергъ и понедѣльникъ приготовляетъ чистыя. Нѣтъ: предъ тѣмъ какъ надѣть, слѣдовало придти къ г-жѣ Пико и сказать, по французски, разумѣется:

— Можно мнѣ надѣть чистую пелеринку?

— Можете.

За несоблюденіе этого правила, вытаскивалась изъ чернаго бѣлья ваша грязная пелеринка и надѣвалась на васъ вся уже скомканная.

Въ танцклассѣ всѣ бывали въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ, съ кушаками разныхъ цвѣтовъ, по классамъ. Ботинокъ было по двѣ пары: однѣ на ногахъ, другія въ шкафикѣ, подлѣ постели, новыя для танцкласса и на праздникъ. Кажется, тоже все извѣстно и заведено, но ни одна изъ дѣвочекъ не смѣла располагать своею собственною вещью иначе, какъ съ соизволенія ближайшаго къ ней начальства.

— Что мнѣ надѣть къ танцклассу? спрашивали.

— Бѣлое кисейное платье.

А оно уже лежитъ приготовленнымъ. Даша его уже и выгладила, и починила, если нужно.

— А кушакъ можно? А башмаки новые?

— Можете.

И такъ рѣшительно во всемъ.

— Можно мнѣ пойти наверхъ взять чистый платокъ?

— Можете.

За столомъ:

— Можно мнѣ спросить еще кусокъ хлѣба?

— Можете.

— Я письмо получила: можно мнѣ его прочитать?

— Я его прежде сама пробѣгу.

— Можно мнѣ пересѣсть сюда? Здѣсь свѣтлѣе...

— Можете.

Боже мой! что за наказанье!!!

Вѣра, конечно, не разъ оставалась въ первое время

и въ грязной пелеринкѣ и въ старыхъ башмакахъ, съ непривычки спрашиваться. Писемъ она, къ счастію или къ несчастію, отъ отца не получала; иначе она, мнѣ кажется, скорѣе проглотила бы конвертъ, чѣмъ отдала его этимъ подлымъ въ руки.

Тридцать слишкомъ человѣкъ во второмъ классѣ натискано, оба отдѣлвнія вмѣстѣ; можете судить каковъ концертъ, и до какой степени невыносимо было слышать эти отвратительные puis-je и permettez по меньшей мѣрѣ тридцать слишкомъ разъ въ секунду!

Оттого, я думаю, классныя дамы такъ и окислялись къ концу дежурства. Когда особенно желали позлить ихъ, то спрашивали:

— Могу я повернуть голову на другую сторону? или: подвинуть руку къ чернилицѣ?

За то, мало ли чего не дѣлалось за кулисами, на что разрѣшенія не спрашивалось!...

Но стоило вамъ лишь сидѣть за книгою, какою бы то ни было, васъ никто не трогалъ, и никакого замѣчанія вамъ не дѣлалъ. Развѣ Маргарита Альбертовна войдетъ: всѣ встанутъ, всѣ машинально, при видѣ ея, проведутъ ладонью по волосамъ и передернутъ пелеринку, зная, что она непремѣнно прикажетъ это сдѣлать.

И Вѣра сидѣла и читала, читала, чтобы не видать и не слыхать ничего.

Какъ она потомъ узнала, Шарлю втайнѣ разрѣшено было носить романы въ классы, такъ какъ Маргарита Альбертовна находила, что такое чтеніе развиваетъ чувствительность, и образуетъ изящную рѣчь (façonne au langage élégant).

Начальницы стали добрѣе къ Вѣрѣ, съ тѣхъ поръ

какъ она стала смирная, т. е. зачиталась. Онѣ сдѣлались даже гораздо ласковѣе, когда она, выростая и развиваясь физически, стала хорошенькою, и начали выставлять ее на показъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Дѣвочки, повысившіяся вмѣстѣ съ нею классомъ, большею частью принадлежали къ ея кружку. Однимъ изъ самыхъ сознательныхъ и законныхъ правъ ея на любовь подругъ было названіе справедливой, которое онѣ дали Вѣрѣ. Но Вѣра это достоинство роняла уже въ томъ отношеніи, что имъ гордилась, и деспотически распоряжалась судомъ и расправою, тогда какъ сама завела въ своемъ классѣ судъ общій; роняла она его именно въ томъ отношеніи, что очень часто злоупотребляла правомъ рѣшать, предоставленнымъ ей подругами.

— Батардка весь классъ ведетъ! шипѣли на нее большія, которыя, однакожъ, не разъ просили ее дѣлать за нихъ сочиненія.

— Да, батардка! возражала Вѣра, зеленѣя отъ злости, а вы и законныя, да дуры набитыя.

— А все таки выйдемъ первыми, съ аттестатами и похвальными листами: мой папенька генералъ, и мнѣ не осмѣлятся не дать награды при выпускѣ!

— Да, батардка! слышала однажды Вѣра часть разговора Полины съ своими подругами въ старшемъ классѣ, а между тѣмъ, съ тѣхъ поръ какъ она здѣсь, честность въ ея классѣ завелась: другъ у друга не крадутъ, не лгутъ, и изъ ея класса наушничать уже не пойдутъ, даромъ что есть католички; засудятъ и выживутъ совсѣмъ. Вотъ вамъ и доказательство, что и я прежде говорила, что можно быть и хорошею, и правдивою, и

дѣльною женщиною, не бывъ ни малекадэлькою, ни багошкою.

— Что это такое ты сказала? спросила Вѣра у Полины объ этихъ двухъ непонятныхъ для нея словахъ.

— Это у насъ большія дѣлятся на двѣ секты, открыла ей Полина подъ величайшимъ секретомъ. Ты не разъ мнѣ замѣчала, что нѣкоторыя изъ большихъ ходятъ съ глазами къ небу, затягиваются ужасно, почти не ѣдятъ,—это эѳирныя или малекадэльки. Онѣ потому такъ называются, что у нихъ свой законъ — отъ Малекъ-Адэля, одного турецкаго принца, который былъ влюбленъ въ сестру какого-то англійскаго короля, а она сдѣлала его христіаниномъ и идеаломъ чистоты. У малекадэльки на языкѣ только: небо, роза, ангелъ, лазурь; на все житейское она смотритъ презрительно и говоритъ: fi, quelle cochonnerie! читаетъ же она одни лишь самые возвышенные и сентиментальные романы.

— Ну, а багошка?

— Багошка — это мерзость... Ихъ у насъ немного, всего штукъ десять, изъ большихъ; ты ихъ сама можешь узнать по лицу: желтыя, съ черносиними кругами около глазъ... Онѣ читаютъ отвратительнѣйшія книги, и въ одномъ только и хороши: ненавидятъ сентиментализмъ и малекадэлекъ! Въ самомъ дѣлѣ, тошнѣе этихъ послѣднихъ, кажется, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ. Багошками онѣ называются потому, что давно уже была у насъ въ пансіонѣ одна Багошева, необыкновенно умная дѣвушка, и ради ея, послѣдовательницы дурной привычки, которою она страдала, и отъ которой умерла въ 18 лѣтъ, тотчасъ по выходѣ изъ пансіона, назвали скверную секту эту ея именемъ.

— Но ты, Полина, надѣюсь, ни малекадэлька, ни багошка?

— Въ томъ то и дѣло, что я ни то, ни другое, но я слишкомъ слаба для того чтобы создать этотъ третій разрядъ, средній между эѳирностію однѣхъ и безобразіемъ другихъ. Я, какъ ни убѣждала, какъ ни билась, ничего не подѣлала: силы во мнѣ нѣтъ; какъ подростаетъ дѣвочка, такъ ее и свертываютъ въ тотъ или въ другой законъ. На тебя я вотъ и надѣюсь: ты свой классъ такъ укрѣпи, чтобы ихъ уже большія не свернули; а потомъ онѣ повыйдутъ, а эти мало по малу сами перейдутъ въ большія, такъ бы и уничтожились эти поганыя секты. А то вѣдь инымъ просто житья нѣтъ; иногда силою посвящаютъ въ багошки. Сколько при этомъ интригъ, сплетенъ! У насъ въ большихъ точно адъ какой: скверность, ругань, другъ на друга косятся, сторонятся, точно враги. Шарль всѣ эти секреты знаетъ, такія и книги носитъ: малекадэлькамъ одного сорта, багошкамъ—другаго.

— Неужели же Бриге объ этомъ не пронюхала.

— Я не думаю. Въ большихъ ужъ законъ такой: какъ въ секту поступаетъ, такъ и клятву даетъ, что молчать будетъ, сектантки другъ на друга, даже во враждѣ, никогда не сплетничаютъ, потому поклялись. Одинъ разъ проболталась было подругѣ, въ которой не были увѣрены, одна багошка, но ее за это такъ высѣлки: убѣжали въ рекреацію подъ лѣстницу, связали ее наглухо, такъ что она чуть не задохлась, и восемь дѣвочекъ ее до крови избили. Хотя я ни той, ни другой секты, но я поклялась молчать, т. е. не доводить до

maman; и ты вотъ теперь знаешь, ты мнѣ обѣщай никому, никому не говорить.

Вѣра, ошеломленцая всѣмъ, что слышала, дала честное слово въ томъ, что станетъ молчать. Лидія Ширяева, Ольга Малышева, дѣвочки ея класса 14 — 15 лѣтъ, Полина и Вѣра, составляли между собой тѣсный, дружный кружокъ, но никому, кромѣ Вѣры, Полина не выдала этихъ грустныхъ тайнъ. Полина серьозно принимала къ сердцу несчастіе родиться и вырости въ такомъ пансіонѣ; она была очень хила здоровьемъ, и мечтала лишь о томъ, что чрезъ годъ выдержитъ экзаменъ и уйдетъ въ гувернантки. Лидія и Ольга были обѣ хорошенькія и богатыя дѣвочки, которыя учились однакожъ охотно, и съ большимъ вниманіемъ слѣдили за чтеніемъ Вѣры по ея домашнимъ тетрадкамъ. Вѣра съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе утверждала свою власть надъ классомъ, и стала вскорѣ замѣчать за собою весьма недобрыя перемѣны. Несмотря на дѣйствительную въ ней потребность прямой и рѣзкой правды, она, по необходимости конечно, въ средѣ іезуитской школы, давно уже выучилась многое не замѣчать, на многое не возражать, дѣйствовать изподтишка, изъ за другихъ. Выучилась она дѣлать все на зло, ходить какъ бы въ маскѣ, тогда какъ требовательность ея и произволъ, столько же какъ и неразвитость подругъ, ставили ее такою личностью, глазами которой смотрѣла цѣлая партія, признававшая въ ней чуть не генія. Большихъ она возненавидѣла, и онѣ выносили отъ нея и отъ ея одноклассницъ всевозможныя насмѣшки и нападки, платя ей за это оскорбленіями, которыя отталкивались отъ Вѣры, какъ отъ каменной стѣны, подъ бронею обороны

всего класса. Къ Вѣрѣ льнули и маленькія, изъ класса Сони; она многихъ изъ этого класса ласкала, учила, разсказывала имъ, шила на ихъ куколъ, но иногда дразнила малютокъ, злобно ихъ мучила, играла въ деспота, и не разъ вызывала на ихъ глазки молчаливыя, покорныя слезы. Она даже разъ схватила у одной изъ маленькихъ пальчикъ въ орѣховые щипцы, и жала его до тѣхъ поръ, пока онъ не посинѣлъ кругомъ: и такъ себѣ, ни за что, для того только, чтобы что нибудь живое пищало и билось подъ ея рукою, отъ жестокаго проявленія ея силы, оттого, конечно, что въ ней слишкомъ много накипало на сердцѣ злобы.

Всѣ эти уродливыя выходки никѣмъ, разумѣется, не контролировались, никѣмъ не замѣчались и не объяснялись.

— Та ли я дѣвочка, что росла въ Гороховкѣ? останавливалась иногда Вѣра на вопросѣ.

И, подумавъ немного, отвертывалась, махнувъ рукою, глотая вдругъ набѣгавшую слезу.

Авторитетъ ея между подругами — первой въ классѣ, ученой, справедливой, красавицы, чрезвычайно натягивалъ ее отношенія къ нимъ; она ни одной изъ нихъ не считала себѣ равною, и онѣ это признавали, разумѣется, потому что принимали охотно роль второстепенную, и во всемъ исполняли волю Вѣры. Положила она, напримѣръ, разъ навсегда, не подсказывать сосѣдкѣ невыученнаго ею урока, не дѣлать за свой классъ переводовъ, за исключеніемъ только крайнихъ и уважительныхъ случаевъ, которые и обсуждались всѣмъ классомъ; (большимъ можно было; имъ можно было даже дѣлать разнаго рода пакости), и это

съ тѣхъ поръ, какъ было Вѣрою заведено, никогда уже не нарушалось.

Авторитетъ, которымъ, по праву или нѣтъ, она пользовалась между подругами, долженъ былъ бы налагать на нее тѣмъ большую отвѣтственность, а она имъ играла, она оставалась внѣ даже отвѣтственности внѣшней. Она поднимала иногда весь классъ; сцены были бурныя; Маргарита Альбертовна задыхалась отъ злости, но Вѣра уже къ черной доскѣ не посылалась: Вѣра сидѣла смирно за пюпитромъ и читала Жоржъ Занда.

Классныя занятія и на слѣдующій годъ читать ей не мѣшали: въ ея отдѣленіи объѣзжали по окраинамъ Азію, зубрили къ экзамену половину синтаксиса и верхи исторіи начали хватать съ паденія Западной Римской Имперіи. Отчего и почему пала эта имперія никто изъ дѣвочекъ не зналъ, да и не освѣдомлялся; знали лишь одно, что къ экзамену нужно выучить половину Франціи, Германіи, Англіи и Италіи, а другую половину къ слѣдующему экзамену, т. е. черезъ годъ. О Россіи, въ началѣ тетради исторіи, была въ нѣсколькихъ словахъ замѣтка, что она начала свое существованіе съ 862 года, и вскорѣ подпала подъ власть татаръ, которые и владѣли ею до восшествія на престолъ династіи Романовыхъ. О династіи Романовыхъ зубрили уже въ четвертомъ классѣ. Между тѣмъ для исторіи Франціи назначены были еще отдѣльные, третьи часы въ недѣлю, подъ названіемъ l'heure des Gaules (часъ исторіи Галліи): давали читать для разсказа и изустныхъ извлеченій о бытѣ и обычаяхъ древнихъ галловъ, о друидахъ и жертвоприношеніяхъ ихъ; о священной омелѣ и гигантскихъ дольменахъ дѣвочки знали больше, чѣмъ о древнихъ

славянахъ, про которыхъ имъ разъ навсегда было сказано, что c'est une horde barbare, venue du fond de l'Asie, (это варварская орда, пришедшая изъ глубины Азіи).

Вѣра на зло начала разсказывать своему классу объ Ольгѣ, Олегѣ, Святославѣ, Владимірѣ, Андреѣ Боголюбскомъ и т. д., давая на каждомъ шагу замѣтить подругамъ безграмотность педагоговъ, дѣйствующихъ единственно съ цѣлью сбыть экзаменъ, и безтолковость всего того, что заставляли проходить въ пансіонѣ.

Исторія подписки для ребенка Даши, о которой нашептывала католичка, была тоже однимъ изъ секретовъ маленькаго кружка. Не задолго до экзаменовъ, Лидія узнала, что горничная Даша, взятая въ услуженіе изъ той деревеньки, гдѣ пансіонъ проводилъ каникулы, беременна, и ребенка, который родится, не хочетъ, оставлять при себѣ, а намѣрена снести въ воспитательный домъ. Вѣра сообщила что знала объ этихъ воспитательныхъ домахъ, и рѣшили спасти малютку. Вѣра, Полина, Магетта, Ольга и Лидія положили доставать по пяти рублей въ мѣсяцъ, и на эти деньги помочь Дашѣ воспитывать ребенка у тетки своей или у бабушки. Ольгѣ и Лидіи имѣть такія деньги было легко: имъ давали родители, и деньги у нихъ всегда водились. Полинѣ тоже богатая крестная мать давала по 10 р. въ мѣсяцъ, уже года съ два, и Полина охотно согласилась удѣлять изъ нихъ половину; Вѣрѣ же и Магеттѣ приходилось просить у Маргариты Альбертовны, и онѣ обѣ призадумались. Вѣрѣ давали иногда изъ денегъ, присылаемыхъ отцомъ собственно для туалета, нѣсколько мелочи на лакомства или на покупку подарка Маргаритѣ Альбертовнѣ; но вообще все нужное ей покупа-

лось самою начальницею, даже хорошенькія тетрадки, по цвѣту классовъ и проходимаго предмета. Долго думая и соображая, онѣ наконецъ извернулись. Магетта устроила подрядъ: Вѣра стала дѣлать для большихъ сочиненія, по рублю за штуку; такихъ сочиненій приходилось дѣлать гораздо болѣе десяти въ мѣсяцъ, и у Вѣры завелись деньги на ноты и на постилу, которую Соня очень любила. Она и переписывала для лѣнтяекъ по цѣлымъ хорошенькимъ тетрадкамъ, и начала дѣлать маленькое приданое для будущаго ребенка. Магетта придумала вышивать на продажу воротнички и рукава: она очень искусно владѣла иголкою, знала множество различныхъ points, и, какъ истая француженка, все дѣлала со вкусомъ: насажаетъ на батистъ разныхъ пестрыхъ горошинокъ, продернетъ въ рубецъ ленточку, обошьетъ его кружевомъ, округлить граціозно буфу на рукавѣ, и вотъ нарядная и пустоголовая княжна, изъ малекадэлекъ, приходитъ въ восторгъ отъ такой эѳирной прелести и даетъ за нее рублей пять, семь. Подруги-экстерны брали съ собою эти артистическія штучки, и выгодно продавали ихъ на сторонѣ. И складчина приростала аккуратно каждый мѣсяцъ. Собираемыя эти деньги хранились у Полины, въ шкатулкѣ, которая стояла въ комодѣ подъ замкомъ. Каждый мѣсяцъ ихъ осматривала, пересчитывала Даша, и, обливаясь слезами радости, цѣловала дѣвочекъ; ей, конечно, хотѣлось спасти малютку отъ воспитательнаго дома, потому что, говорила она, въ нашемъ селѣ такихъ казенныхъ питомцевъ много, и я знаю, какую они терпятъ долю. Во время вакацій, она обѣщала сводить Вѣру въ нѣсколько домовъ, гдѣ есть такіе питомцы, и показать ей, что это за доля ихъ.

Даша была дѣвушка лѣтъ двадцати, красивая и работящая. Вѣра спросила у нея однажды: будетъ ли отецъ заботиться о ребенкѣ? но Даша, заплакавъ, сказала, что онъ сданъ въ рекруты.

Вскорѣ послѣ экзаменовъ, Дашѣ отказали; дѣвочки, хлопотавшія о ней, знали однакожъ ея адресъ; сборъ продолжался. Дашѣ доставили на квартиру бѣлья и платьевъ, для приготовленія одѣяльцевъ и пеленокъ. И Даша спокойно сидѣла и шила, разсчитывая на обезпеченную судьбу своего малютки.

Отъ всего сердца хлопотали объ этомъ дѣвочки, и не мало было между ними въ уголкѣ толковъ объ этой беременности: онѣ не знали навѣрное, отчего можно быть беременною? Вѣра доказывала ясно, какъ дважды два, что когда мужчина и женщина живутъ вмѣстѣ, у нихъ родится дитя; когда мама жила безъ папы, говорила она, у нея не родились дѣти. Но, все-таки, отчего же у нихъ родились дѣти, когда они жили вмѣстѣ? Въ романахъ, которые онѣ читали, названія maîtresse и concubine (любовница и наложница) явно обозначали незаконную жену. Между тѣмъ, когда вся романическая исторія доходила наконецъ до словъ: te posséder, ou mourir! (обладать тобою или умереть), въ книгѣ ставилось обыкновенно нѣсколько рядовъ точекъ, и предъ глазами дѣвочекъ спускался занавѣсъ гораздо болѣе непроницаемый, чѣмъ для всякаго другаго проницательнаго читателя. Спросить бы у багошекъ: онѣ должны знать; онѣ очень много читаютъ; навѣрно должны знать... Но съ ними такъ гадко связываться!

Магетта предложила было спросить у брата, но застыдилась, и сказала: „нѣтъ, не рѣшусь.“

Лидія поѣхала въ одну изъ субботъ домой, съ твер-

дымъ намѣреніемъ выспросить у старушки няни, отчего родятся дѣти, и пріѣхать въ понедѣльникъ съ отвѣтомъ; но пріѣхала ни съ чѣмъ. На ея вопросъ, няня сказала ей:

— И—и, матушка, Господь благословитъ, да судьбу твою пошлетъ, тогда и узнаешь, какъ родить.

„Лучше всего, еслибы отецъ былъ здѣсь, думала Вѣра: онъ прямо сказалъ бы отчего, объяснилъ бы мнѣ это какъ явленіе законное, если все въ природѣ такъ, а не иначе, родится.—Да... если бы былъ... не то тогда и было бы.“

Случай помогъ разгадкѣ: въ пансіонъ поступила новенькая, высокая, взрослая дѣвушка, Евгенія Штейнъ. По лѣтамъ, она должна была бы сѣсть въ старшій классъ, но по экзамену ее посадили въ третій, даже въ младшее отдѣленіе третьяго класса. По цвѣту лица, она была багошка, желтозеленая съ черносинимъ полукругомъ подъ глазами. Кружокъ Вѣры сталъ замѣтно на нее коситься, но, до поры до времени, наблюдали молча; рѣшили: сперва разузнать доподлинно, потомъ обдумать, какъ поступить съ нею. Однажды вечеромъ, собрались въ рекреацію въ уголокъ. Евгенія начала разсказывать про два пансіона, въ которыхъ была уже; дѣвочки разговорились, слово за слово, и новенькая пустилась въ откровенности, начала ихъ просвѣщать...

Видя, что ее слушаютъ, она принялась выбалтывать все болѣе и болѣе. Евгенія говорила громко, не стѣсняясь, зная, что m-lle Пико глуха, и дремлетъ за вязаньемъ, далеко отъ ихъ угла. Маленькія Вольфъ, Соня, Клэръ и Викторъ усердно заняты были домиками и куклами.

Притихли дѣвочки, смущенныя и какъ будто обижен-

ныя. Евгенія продолжала разсказывать разныя циническія исторіи.

Клэръ, между тѣмъ, втихомолку, подъ шумокъ, выскользнула изъ класса, и минутъ черезъ десять, вся блѣдная, явилась Маргарита Альбертовна.

Пансіонерки встали, тотчасъ дернули ладонями по головѣ, и хватились за лоскутъ полотна, прикрывшій ихъ шеи. Явленіе начальницы вечеромъ въ классы было вообще дѣломъ необычайнымъ, и дѣвочки въ ту же минуту догадались, что имѣетъ произойти нѣчто необычайное.

Дѣйствительно, Маргаритѣ Альбертовнѣ было не до волосъ ихъ теперь и не до пелеринокъ. Остановившись величаво въ проходѣ между скамейками, она строго спросила:

— Гдѣ Жозефина Пико?

— Она сейчасъ сидѣла здѣсь, у столика, и на одну минуту вышла, отвѣчали дѣвочки.

— Евгенія! подойдите сюда, крикнула Маргарита Альбертовна, и рванула виновную, когда та подвигалась медленно, дрожа и млѣя отъ страха.

— Что вы тутъ говорили? повторите! приказала она. Вы думаете, что я не слышу: нѣтъ, я все слышу что здѣсь дѣлается! ну, начинайте: что вы разсказывали дѣтямъ?

Евгенія молчала.

— Я вамъ приказываю! закричала Маргарита Альбертовна, пихая ее и шлепая, по своему обыкновенію.

Послѣ долгихъ колебаній и горько плача, Евгенія проговорила что то чуть слышно.

— Ольга! Вѣра! Наташа! Maguette! Катенька! идите сюда, и говорите правду.

Но ни у одной, во первыхъ, языкъ не повернулся, голоса не хватило на то, чтобы пересказать слышанное. Во вторыхъ, какъ ни гадка показалась имъ Евгенія, но, подпавши подъ лапу Маргариты Альбертовны, она уже казалась имъ достойною съ ихъ стороны огражденія.

— Я понимаю, что она вамъ молола, негодница! вывела Маргарита Альбертовна заключеніе изъ этого молчанія. И я съ вами, погодите, справлюсь, скверная дѣвчонка!

Она дернула Евгенію, потащила ее за собою въ маленькій классъ, гдѣ привязала дѣвушку къ ножкѣ скамейки, и ушла, оставивъ ее безъ огня. Евгенія, однакожъ, нашла возможность подойти къ двери, подозвать Вѣру къ замочной скважинѣ и шепнуть ей, чтобы Вѣра изъ ея пюпитра достала книгу и сожгла, на случай обыска...

Вѣра вытащила изъ ея пюпитра „Histoire d'une prostituée", съ отвратительнѣйшими картинками.

На слѣдующее утро эта исторія имѣла продолженіе.

Наташа проснулась на другой день съ сильною головною болью, и m-lle Пико позволила ей остаться въ постели до тѣхъ поръ, пока ей не станетъ легче. Дѣвочки одѣлись и ушли къ чаю. Наташа была дочь богатыхъ родителей, высылавшихъ изъ степной деревни огромныя деньги за дочь и возы разныхъ деревенскихъ гостинцевъ къ праздникамъ. Наташа, слѣдовательно, доставляла Маргаритѣ Альбертовнѣ тысячи три въ годъ, и она явно ухаживала за дѣвочкою, дорожа ею, какъ доходною статьею. Когда случилась такая исторія, въ свѣтлой головѣ Маргариты Альбертовны возникло опасеніе, чтобы Наташа не разсказала, въ письмѣ къ ро-

дителямъ, объ этомъ скандалѣ, и она, какъ только дѣвочки ушли изъ дортуаровъ, пробралась къ Наташѣ и принялась исповѣдовать, на сколько та узнала истины. Наташа долго отнѣкивалась, какъ потомъ сама передавала подругамъ, но, наконецъ, утомленная распросами и подъ вліяніемъ, можетъ быть, начинавшейся болѣзни, созналась во всемъ. Саша Браунъ, бѣгавшая на верхъ за тетрадкою, видѣла, что Маргарита Альбертовна сидитъ на стулѣ, у кровати Наташи, а Наташа ей разсказываетъ... Лицо у Наташи красное, красное, а у Маргариты Альбертовны блѣдное, блѣдное, а глаза ея такъ и горятъ отъ злости, какъ уголья!

Дѣвочки, услышавъ это, сбѣгали въ маленькій классъ сказать Евгеніи, что Маргарита Альбертовна вѣроятно сейчасъ придетъ, и что будетъ бѣда. Экстерны всѣ собрались и сговаривались идти просить, чтобы хоть на часы учителей, Евгенія сидѣла непривязанною: причины ея опалы экстерны не знали, имъ было сказано, что Евгенія нагрубила Маргаритѣ Альбертовнѣ.

Въ эту минуту она влетѣла сама, страшная какъ Немезида, и скорымъ шагомъ подошла къ скамейкѣ, на которой была привязана виновная. Евгенія не могла встать, потому что руки ея были прикручены назадъ.

— Mesdemoiselles! всѣ ли вы въ сборѣ? начала она.

Огромная толпа дѣвочекъ всѣхъ возрастовъ ее окружила; всѣ глаза на нее устремились, и ни шороха не стало слышно среди этого сборища.

— Mesdemoiselles! сказала она, многія изъ васъ слышали вчера отъ этой гнусной дѣвчонки, что дѣти родятся отъ сожительства отца и матери, но я должна вамъ сказать, что все то, что она вамъ объ этомъ го-

ворила, есть наглая ложь, и я не хочу, чтобы такіе слухи распространялись въ моемъ заведеніи; я вамъ даю слово, что ничего подобнаго не дѣлается, que les enfants nous viennent de Dieu *). А эту безстыдницу я сейчасъ же выключаю изъ моего пансіона: ступайте на верхъ, соберите всѣ ваши вещи; я васъ сію же минуту отошлю съ письмомъ къ вашимъ роднымъ.

Она, съ этими словами, отвязала безстыдницу, вытолкнула ее изъ класса и толкала до самой лѣстницы, на которую та поспѣшила подняться.

— Что такое?.. Что такое?.. послышалось со всѣхъ сторонъ послѣ того, какъ начальница, совершивъ свое заявленіе, отправилась выгонять виновную.

Поднялся шопотъ, принялись хихикать, потомъ раздались возгласы:

— Врала бы она больше вчерашняго! Какъ же! кто же этого не знаетъ?

— Честное слово ея? ахъ, дура! кого она хочетъ надуть? подсмѣивались багошки.

И такимъ путемъ тѣ, которыя и не знали, и малютки даже, изъ младшихъ классовъ, всѣ узнали, благодаря этому честному слову, данному начальницею.

И Наташѣ, конечно, она поклялась, что ничего подобнаго никогда въ мірѣ не бываетъ.

И Магетту съ Полиною она долго исповѣдовала и разубѣждала у себя въ кабинетѣ.

Въ слѣдующую же за тѣмъ субботу, на другой день она съ полчаса шептала что-то своему г. Луи, сидя съ

---

*) Дѣтей посылаетъ намъ Богъ.

нимъ рядомъ на диванѣ, передъ обѣдомъ. Дѣти ходили тутъ же, въ ожиданіи супа. Она шептала, а г. Луи выдалъ секретъ, своимъ заключеніемъ изъ всего выслушаннаго:

— Вы дурища, я вамъ это двадцать разъ говорилъ; надо было въ тотъ же вечеръ отправить ее къ роднымъ, не говоря дѣтямъ ни слова. А теперь все это уже по Москвѣ разнесли. И это самое ваше честное слово, какъ сказку, въ настоящую минуту, въ тысячи домахъ разсказываютъ.

Дѣти это слышали и молча переглянулись.

Безстыдницу выгнали, но послѣ нея все стало для всѣхъ ясно. Вѣра, какъ улитка, стала уходить въ себя, дичась всѣхъ, брезгуя всѣми въ этомъ вертепѣ всѣхъ гнусностей. Съ холоднымъ отчаяніемъ въ сердцѣ, въ тоскѣ безпомощной, жалась она въ свой уголъ, куда льнули къ ней немногія и лучшія изъ дѣвочекъ, готовившія маленькое приданое новорожденному Даши.

Для Вѣры, послѣ этого, многое сдѣлалось яснымъ: и остракизмъ женщины со стороны общества, и ложь, къ которой она прибѣгаетъ, приписывая незаконнаго ребенка къ семьѣ мужа, и необходимость существованія воспитательныхъ домовъ; не понимала она лишь по прежнему зачѣмъ расплачивается за это невинный, зачѣмъ онъ гибнетъ, или наказывается, какъ преступникъ, когда виноваты родители?

Боже мой! вопросы роятся въ головѣ, а кому сказать ихъ? Неужели общество сочло бы Елену добродѣтельною, если бы она оставалась жить (Вѣра понимала теперь значеніе слова жить съ мужемъ) съ такою га-

диною, какую она видѣла у окна кабинета Павла Ѳедоровича, и, живя съ нимъ, имѣла бы отъ него законнорожденныхъ дѣтей? Есть люди, которыхъ прикосновеніе пятнаетъ нравственно, мужъ Елены отвратителенъ, столько же, какъ и пороченъ, и такимъ-то людямъ даются полныя права на женщину? Женщину выдаютъ имъ! да, выдаютъ, или продаютъ въ законную собственность. А женщина—лицо пассивное? Ну да, вѣроятно; которую же изъ ея подругъ нельзя будетъ выдать? развѣ двухъ-трехъ, а остальныя и сами пойдутъ на позоръ, да на горе; и станутъ въ утѣшеніе наряжаться, рыскать въ колясках, лгать, закидывать дѣтей въ воспитательные дома.... Господи! какъ же это жить-то? правды, честности, стало быть, вовсе нѣтъ? нигдѣ? Мрутъ бѣдные. Даша разсказывала, ужасъ какъ мрутъ... „Да не лучше ли это? и благо ли жизнь съ такими людьми, какихъ, напримѣръ, я знаю? думала Вѣра, уединившись среди безобразнаго гама классовъ. Я ни одного не могу, по совѣсти, исключить изъ нихъ, какъ честнаго. Охъ, какъ тяжело!..“

Ей вскорѣ долженъ былъ представиться случай пріобрѣсти новое воззрѣніе на жизнь и на всѣ ея неправды. Магетта и многія другія дѣвочки католическаго исповѣданія, въ третьемъ классѣ, готовились къ первому причащенію. У католиковъ св. тайны даются, какъ извѣстно, по экзамену въ знаніи катихизиса и главнѣйшихъ догматовъ вѣры, а потому, не ранѣе 14—16 лѣтняго возраста. Католички разучивали гимны, которые должны были пѣть при процессіи, совершаемой вокругъ церкви въ день этого перваго причащенія:

— «Quand l'eau sainte du baptême
«Coula sur nos fronts naissants и пр. *).
— «Chantons sous cette voûte antique» **).

и другіе. Въ эту обѣдню, за которой имъ давали въ первый разъ причастіе, онѣ были въ бѣлыхъ легкихъ платьяхъ, въ длинныхъ бѣлыхъ вуаляхъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и бѣлыхъ башмакахъ, какъ невѣсты; процессія шла отъ алтаря направо, образуя кругъ; всѣ эти бѣлыя дѣвушки шли со свѣчами, съ молитвенниками, и пѣли гимны при медленномъ и торжественномъ аккомпаниментѣ органа; потомъ, отъ алтаря влѣво, точно также обходили кругъ; все это было очень картинно, и бѣлыя дѣвочки плакали отъ умиленія.

Вѣра съ любопытствомъ и участіемъ слѣдила за этимъ „вступленіемъ въ лоно церкви"; она пѣла съ хоромъ гимны, разспрашивала потомъ объ исповѣди, и наконецъ сказала Маргаритѣ Альбертовнѣ, что также желала бы причащаться. Это было въ началѣ іюня. Многія изъ русскихъ дѣвочекъ ея класса захотѣли говѣть съ нею, и рѣшено было, что въ первое воскресенье петровскаго поста, передъ отъѣздомъ на дачу, онѣ будутъ причащаться и исповѣдоваться у своего законоучителя.

Вѣра никогда не причащалась, и Маргарита Альбертовна, какъ католичка, не думала объ этомъ ранѣе пятнадцатилѣтняго ея возраста. Вѣра съ какимъ-то страхомъ стала готовиться и ждать. Ей понравилась идея „разсказать всю скорбь сердца святому отцу". Подру-

*) Когда святая вода крещенія оросила наши новорожденныя лица.

**) Воспоемъ подъ этимъ древнимъ сводомъ.

гамъ своимъ она очень много говорила о Павлѣ Ѳедоровичѣ, но „скорби сердца“ не высказывала никогда. Фразу эту она вычитала, а возможность факта дѣйствовала на нее успокоительно: она ждала этой минуты какъ цѣлительнаго, спасительнаго лекарства. То время, когда любовь отца не допускала къ ея мысли ничего отвлеченнаго, заставляла провѣрять каждое слово, чтобы оно не проскользнуло въ головѣ несознаннымъ и непровѣреннымъ, казалось Вѣрѣ очень далекимъ; она даже усиленно губила въ себѣ эту потребность, и съ цѣлью читала пошлости: онѣ на нее дѣйствовали наркотически, какъ умственные пріемы опіума. Онѣ даже и вопросовъ въ ней не возбуждали; развивали онѣ лишь какой-то чадъ въ головѣ, какой-то жаръ и холодъ въ тѣлѣ, производили какую-то гаденькую смѣсь слезливости съ чувственностью; и Вѣра иногда, съ ожесточеніемъ бросая книгу, обливала слезами жесткую форменную свою подушку, вызывала, какъ спасителя, призракъ прошлаго и грудь ея дышала лихорадочно, высокою неровною волною.

Въ такомъ болѣзненномъ настроеніи, не прекращавшемся годы, она ждала исповѣди, какъ блага.

Полина, Магетта и другія католички, готовясь къ исповѣди, дѣлали examen de conscience, т. е. припоминали всѣ свои грѣхи и записывали ихъ. Замѣчательнымъ показался для Вѣры фактъ, что одна изъ католичекъ, торопясь на исповѣдь и не приготовивъ записки о состояніи своей совѣсти, вымаливала ее слѣдующими словами у подруги:

— Душка, одолжи мнѣ свои грѣхи! мнѣ идти сейчасъ исповѣдоваться, а у меня ничего не готово; поскорѣе! поскорѣе, ради Бога!

Подруга передала ей свою записку, съ которою только что вернулась отъ духовника.

Вѣра изумилась. Къ каждому новому дѣлу она подходила съ наблюдательностью, и тѣмъ большею, чѣмъ оно было для нея необъяснимѣе: въ ней еще не утратилась способность сосредоточенности вниманія, развитая въ дѣтствѣ. Потому такой цинизмъ, такая холодность и небрежность въ дѣлѣ совѣсти возмутили ее крайне.

— Трущобы непроходимыя! негодовала она: не въ состояніи онѣ и понять всю глупо-грубую сторону такого проступка!

— Tu nous traites de canaille *), пищали онѣ, подслушавъ изящное это выраженіе у Маргариты Альбертовны; а тутъ между тѣмъ нѣтъ ничего удивительнаго!

Въ самомъ дѣлѣ, это вѣроятно дѣлалось зачастую, и къ этому всѣ привыкли. Удивилась лишь Вѣра.

На исповѣдь она шла съ разстроенными нервами, съ запискою въ нѣсколько страницъ. Духовникъ записки не взялъ, а сталъ ее спрашивать по заповѣдямъ; между прочимъ спросилъ: простила ли она тѣмъ, кто ее оскорблялъ. Вѣра созналась, что далеко не простила... Исповѣдникъ долго говорилъ ей, во имя Христа, о долгѣ прощенія обидъ, терпѣнія и покорности той волѣ, безъ которой „и волосъ съ головы не падетъ“, о милосердіи, о чистотѣ жизни Христа. „Весь смыслъ Его ученія, говорилъ старикъ,—страдать и терпѣть все по волѣ Отца Небеснаго. Умъ вашъ не укажетъ вамъ путій жизни: положитесь во всемъ на волю Божію; отеческая рука всѣхъ направляетъ и каждому распредѣляетъ все по силамъ

*) Ты съ нами обходишься какъ съ канальями.

его; все предопредѣлено, и всѣ наши предположенія безсильны противъ Промысла. Въ минуты скорби, вспомните благій призывъ: „Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“.

Сильно растроганная, Вѣра всѣмъ сердцемъ приняла въ первую минуту слова своего исповѣдника; Христа она любила съ дѣтства, и рѣшилась покорно страдать, какъ и Онъ, въ мірѣ неправды.

Умилившись, она сдѣлала первый шагъ, и въ тотъ же вечеръ написала къ отцу, въ первый разъ послѣ подобной разлуки. Писать это письмо было не легко; она не разъ задумалась надъ листомъ бумаги, и высказала наконецъ только то, что очень желала бы его видѣть. Скоро пришелъ отвѣтъ отъ Павла Ѳедоровича, отвѣтъ ласковый и добрый: онъ писалъ, что прошлое лѣто прогостилъ мѣсяца два у своихъ стариковъ и, по ихъ настоятельной просьбѣ, поселился по сосѣдству отъ нихъ, поступилъ на службу въ своей губерніи и служитъ по удѣламъ; что онъ очень занятъ, но если Вѣра желаетъ его видѣть, онъ пріѣдетъ немедля недѣли на двѣ.

По полученіи этого письма, Вѣрѣ стало страшно. Ей вдругъ захотѣлось быть вполнѣ оконченнымъ, совершеннымъ какимъ нибудь master-piece (мастерскимъ произведеніемъ), или по крайней мѣрѣ показаться ему такою, чтобы дать понять, что это могло сдѣлаться и помимо его, и вопреки его желанію погубить ее въ такомъ притонѣ разврата, какъ эта школа! И захотѣлось ей скрыть все, что было прожито въ средѣ, повсюду тяжелой безъ него, съ тѣхъ поръ, какъ она слышала: „Вѣра, прости меня!“ и не простила. Порадовать его — ей ни на минуту не пришло желаніе: она судила его

еще строже со времени разсказовъ Евгеніи Штейнъ. Она приготовлялась блеснуть передъ нимъ, удивить его, отыскивая въ умѣ своемъ: чѣмъ бы?... и, не находя, металась, какъ больная. Пульсъ у нея усиленно бился. По ночамъ она едва спала. Быть въ классахъ стало еще мучительнѣе прежняго, и она, по цѣлымъ часамъ, отвернувшись отъ всѣхъ, зажавъ уши, лежала, облокотившись на окнѣ, лицомъ къ замазанному бѣлою краскою стеклу.

Между тѣмъ уже укладывали вещи для переѣзда на дачу. Воспитанницъ распускали на лѣто къ роднымъ. И исторія Даши приближалась къ концу. Деньги за май только что теперь еще были собраны. Полина вынула изъ комода свою шкатулку и пронесла ее подъ вечеръ на верхъ. Лидія, Ольга, Вѣра и Магетта проскользнули изъ класса, вслѣдъ за нею, мимо m-lle Пико. Въ радости, пересчитали онѣ новые 25 рублей. Полина отперла ящичекъ, приподняла нѣсколько лентъ и свертковъ. Конверта съ деньгами, какъ не бывало... Дѣвочки принялись перетряхивать все, что было въ шкатулкѣ, но тщетно! денегъ не оказалось. Сбирали онѣ шесть мѣсяцевъ и накопили 150 рублей. Потеря эта огорчила ихъ сильно.

— Кто взялъ? кто могъ знать? говорила Вѣра.

Полина переглянулась съ сестрою: одна и та же мысль пришла имъ одновременно.

— Да, отвѣчала Магетта на взглядъ сестры: никто иной быть не можетъ,—это мать взяла...

Полина и Магетта спали въ одной комнатѣ, рядомъ съ спальнею Маргариты Альбертовны. У нихъ обѣихъ былъ одинъ комодъ, въ нижній ящикъ котораго прята-

лась шкатулка; съ тѣхъ поръ, какъ тамъ завелось сокровище, Полина всегда носила ключъ отъ комода при себѣ, въ карманѣ.

— Да, она, блѣднѣя подтвердила Полина: она на дняхъ, когда я была уже въ постели, брала у меня ключъ, подъ предлогомъ, что прачка перемѣшала Магеттино бѣлье. Ключъ она оставила у комода, а потомъ, когда мы заснули, пришла вѣроятно и вынула деньги. За сборомъ ихъ она и Бриге слѣдили разумѣется съ тѣхъ поръ, какъ Селина снаушничала. А намъ и не вдогадъ.

— Какъ же она отперла шкатулку-то?

— О, у шкатулки ключикъ простенькій! со слезами говорила Магетта: ключъ отъ сахарницы и еще отъ моего шкафчика къ ней подходятъ.

Посторонніе три дѣвочки молчали въ уныніи, при видѣ горя полныхъ негодованія дочерей начальницы-воровки.

Прошло минутъ пять тяжелаго раздумья надъ пустою шкатулкою.

— Что же мы станемъ дѣлать? спросила наконецъ Полина. Времени остается немного: ребенокъ родится, кажется, въ концѣ этого мѣсяца.

— Надо собрать снова всю сумму сполна, сказала Вѣра. Надо достать откуда нибудь.

— Да, легко это! проворчала Магетта. Нѣтъ, я сейчасъ же пойду къ ней, назову ее воровкою, накричу, обругаю ее ея же словами и буду требовать деньги наши назадъ.

— Это чисто глупости! возразила старшая сестра; она тебя изобьетъ, и только всего, а денегъ ты ни копѣйки

не получишь. Кромѣ того, пойдутъ распросы: откуда онѣ? на что собирались? и потомъ такъ будутъ присматривать, что отнимутъ у насъ всякую возможность сдѣлать что либо для Даши.

— Это совершенно вѣрно, замѣтила Лидія. Нѣтъ, намъ надо молча, и какъ ни въ чемъ не бывало, приняться за составленіе этой суммы снова: я въ субботу, когда пойду домой, попрошу у дяди, онъ дастъ рублей пять; папа дастъ тоже; еще у одного короткаго нашего знакомаго попрошу: у мужа сестры; у двоюроднаго брата, полковника Ильина; скажу: для сиротки собираемъ; у насъ всегда бываетъ много гостей; я безъ всякой церемоніи стану попрошайничать, каждый дастъ мнѣ кто рубль, кто два. И Ольга можетъ то же самое сдѣлать.

— Ну, да, хорошо, я сдѣлаю, отвѣчала Ольга.

— Такъ и давайте собирать, согласилась Полина. И я у крестной попрошу. А эти 25 рублей я къ ней же снесу и спрячу: въ шифоньеркѣ у нея одинъ ящичекъ займу, и станемъ ихъ тамъ держать. Что дѣлать? приходится отъ своихъ воровъ оберегаться...

— Многія изъ богатенькихъ у насъ во всѣхъ классахъ дадутъ; Кожевникова, Хохлова, Игнатьева никогда не откажутъ на сиротку, говорила Ольга. Пока не разъѣхались по домамъ, да по дачамъ, надо поскорѣе сказать имъ...

— Скажи, попробуй. Смотри только, чтобы не сфискалили... О, мерзость! говорили обиженныя дочери.

— Скоро ли я отюда вырвусь? заплакала бѣдная Полина.

Вѣрѣ заработывать теперь уже было нечѣмъ: классы кончались. Она взяла подрядъ сочиненій, заданныхъ на

время ваканцій, но денегъ впередъ за нихъ получить не могла. На Маргариту Альбертовну она начала смотрѣть, какъ на необыкновенное какое-то вмѣстилище всѣхъ пороковъ; она умѣла, однакожъ, уже маскироваться, и взгляду, полному отвращенія, могла теперь придать любое выраженіе, когда этого требовалось. Лидія и Ольга, говоря о начальницѣ, стали называть ее не иначе, какъ „cette cochonne“ (эта свинья), даже при дочеряхъ ея, которыхъ никакія мерзости со стороны матери, къ несчастію, удивить уже не могли.

Переѣхалъ пансіонъ на дачу. Принялись снова дѣвочки возиться на грядкахъ и бѣгать по полямъ. Повидались онѣ тайкомъ и съ Дашею, которая со дня на день ждала новорожденнаго. На ваканціи, Лидія и Ольга уѣзжали въ деревню. Наслушавшись Дашу, Вѣра забивалась въ уголокъ аллеи, подъ липы, и писала проэктъ, который обсуждался потомъ серьозно втроемъ, съ Полиною и Магеттою.

Проэктъ этотъ назначался, разумѣется, не для представленія кому либо; составляя его, Вѣра, ни болѣе ни менѣе, какъ утоляла больную свою мечту. изливала задушевную свою мысль и сердечное сокрушеніе о незаконорожденныхъ и закинутыхъ дѣтяхъ. Она уже видѣла, какъ живутъ казенные на селѣ, и сердце ея болѣло.

— Привезутъ этихъ горькихъ, примѣрно, 25, говорила Даша; къ году помретъ 23; иногда робятокъ 70 и больше въ другую деревню привезутъ, а остается въ живыхъ человѣкъ десять *). Да какъ и не помирать-то;

*) Статистическія данныя, сообщаемыя «Московскою Медицинскою Газетою» подтверждаютъ разсказъ этотъ, относительно смертности казенныхъ дѣтей. Такъ, въ одну подгородную де-

баба въ поле уйдетъ, своего-то возьметъ съ собою, а казеннаго, съ соскою, дома оставитъ: сосѣдка придетъ, дескать, присмотритъ, а сосѣдка и думать о немъ позабыла; соска-то у него вывалится, онъ оретъ, оретъ, сердечный, охрипнетъ, посинѣетъ весь, зайдется даже! Лежитъ онъ это одинехонекъ, обгадится весь; мухи, тараканы его облѣпятъ; тряпки кругомъ его закорузлыя; вши одолѣли; весь въ шелудяхъ; а то такъ изъ зыбки-то выпадетъ, вспугнется очень, въ родимчикѣ безъ памяти и лежитъ; никому-то до него и заботы нѣтъ. А деньги за него, вѣдь, поганыя эти кормилицы изъ казны берутъ; хоть бы для себя-то порадѣли о немъ, чтобы живенькимъ сохранить. Нѣтъ, вѣдь, не хватаетъ усердія! Иной по дорогѣ еще захвораетъ, когда она его изъ города-то везетъ. Холодъ, вѣтеръ, зимою вѣдь и

ревню, къ питомцамъ, оставшимся отъ прежнихъ лѣтъ, поступило въ годъ 47; умерло питомцевъ въ этомъ же году, въ той же деревнѣ 46. На слѣдующій годъ, въ ту же деревню, поступило 54; умерло питомцевъ вообще 54. Въ другую деревню поступило въ годъ 33, умерло вообще 32. Въ третьей деревнѣ поступило въ годъ 10; умерло вообще 10. Въ томъ же году, въ одну изъ деревень поступило 47, а умерло вообще 48. — А вотъ цифры смертности казенныхъ дѣтей на первомъ году ихъ жизни. Въ одну изъ деревень поступило въ годъ казенныхъ питомцевъ 62, до истеченія года ихъ умерло 52. Въ другую поступило, за одинъ годъ, 12; изъ нихъ до истеченія года умерло 12. Есть деревни, въ которыхъ нѣтъ и остатковъ, деревни, играющія чисто роль кладбищъ. — Относительно же смертности крестьянскихъ дѣтей, сравнительно съ казенными, можемъ привести слѣдующія цифры. Въ одной изъ волостей родилось въ годъ 117; изъ нихъ умерло 35, а на слѣдующій годъ 28. Изъ поступившихъ въ ту же волость въ томъ же году 197 казенныхъ дѣтей, умерло 155; на слѣдующій годъ, къ оставшимся 42-мъ, вновь поступило 175, а умерло къ концу года 117.

въ морозы отправляютъ изъ шпитательнаго-то, такъ еле живаго домой и притащитъ. А тутъ торгъ питомцами-то пойдетъ; возьметъ она его на грудь, а въ деревнѣ за полцѣны продаетъ на соску. Извѣстно, то ли уже дѣло молоко изъ грудей, или чернаго хлѣба соску нажуютъ, нажуютъ, да и сунутъ,—ну, и помираетъ. Да тѣ, которые и вживѣ-то остались, и-и, не дай Богъ, какъ бѣдствуютъ! Когда это онъ въ зыбкѣ-то еще былъ, онъ или грыжу себѣ накричалъ, или горбъ нашибъ, и хилый такой, жалкій на ножки встаетъ, тутъ уже дѣвчонка какая нибудь махонькая его таскаетъ, которой и самой-то еще играть хочется; тутъ его, коли не съѣстъ свинья на завалинѣ или въ лужѣ, среди улицы, коли не забьютъ, чѣмъ попало, —онъ уже и въ возрастъ приходить станетъ, и, глядь, лѣтъ пяти, онъ ужь и ведра съ водою таскаетъ, и все не подъ силецку себѣ ломитъ: заставляютъ, своихъ-то берегутъ, небось; а какая у него силенка-то? съ сухаго хлѣба, съ голода, да съ колотушекъ она не прибываетъ.... И ужъ какъ-какъ ни истязаютъ, Господи милосливый! никакой, какъ есть, жалости у нихъ къ казенному нѣтъ, точно не такой же робенокъ, какъ и мы, грѣшные, ростетъ. Другихъ словъ нѣтъ, какъ: „Ну ты, за поганою кадкою тебя ощенили!...“ и такова-то ругань на него сыплется, что и не перескажешь вамъ, матушки барышни. А вотъ уже какъ они и таковую-то жизнь вытерпятъ, да подростать, да понимать станутъ, тутъ-то послушать: какъ соберутся они, да отца-мать клянуть почнутъ! такъ право, прости Господи, словно черти какіе: злющіе, худые, какъ разбойники, бѣльмами-то мечутъ, да ругань, какую себѣ слышали, всю родителямъ посылаютъ. Иныхъ, можетъ, и на

свѣтѣ уже нѣтъ, такъ и въ гробу-то, кажись, прахъ ихъ долженъ отъ такихъ проклятій повернуться. А иные, можетъ, на серебрѣ жрутъ, въ бархатъ разодѣты, а робенка, твари, закинули на такую муку адскую. И наша сестра, тоже, отъ нужды, закидываетъ: съ робенкомъ-то гдѣ и кто тебя на мѣсто возьметъ?... Ну, и отдаешь. А вѣдь и тамъ-то, матушки барышни, знаемъ тоже, какъ содержатъ: вотъ изъ нашего села бабенка овдовѣла, съ мальчишкою осталась, да въ кормилицы и пошла въ шпитательный-то. Онѣ тамъ по 5 рублей въ мѣсяцъ получаютъ, и одежу, и столъ, ужъ извѣстно казенный. Что же вы думаете: она тамъ шесть лѣтъ все съ однимъ-то молокомъ въ кормилицахъ пробыла! Какъ три мѣсяца откормила, берутъ у нея робенка и въ деревню отправляютъ, а ей другаго даютъ. Да такъ шесть лѣтъ! Подумайте сами, какое уже у нея молоко: и груди-то всѣ, какъ есть, высосаны. У нея робятокъ съ тридцать на грудяхъ-то на этихъ померло. Такъ уже самой чуть какъ бы совѣстно стало: сама вышла. А что капиталу нажила! — Да ужъ нечего говорить: нужда наша отдаетъ, а то бы и въ жизнь, кажется, не разстался!...

Слышать все это, видѣть своими глазами всю эту „муку адскую“ было для Вѣры страданіемъ тѣмъ большимъ, что она, не смотря на все свое соболѣзнованіе, ничѣмъ не могла измѣнить такого положенія.

Пока она писала проэктъ свой, на ея глазахъ гибли младенцы отъ неряшества и отсутствія всякихъ попеченій.

Но она писала:

Не для того Великая Екатерина основала воспитательные дома, чтобы богатой развратницѣ было куда

забросить нежеланнаго, нелюбимаго, новорожденнаго младенца. И не то имѣла въ виду великая женщина, чтобы крестьянки подгородныхъ деревень торговали, перепродавали и получали доходъ отъ казенныхъ дѣтей за то, что подвергаютъ ихъ всевозможнымъ истязаніямъ!— Доброе сердце ея хотѣло собственно несчастнымъ дѣтямъ этимъ оказать благодѣяніе. А что же вышло? посмотрѣла бы великая и добрая женщина, какъ цѣли ея достигаются! Пошла бы она по деревнямъ, увидѣла бы этихъ заморенныхъ голодомъ, холодомъ, недосмотромъ; посмотрѣла бы на это количество досчатыхъ гробиковъ съ посинѣвшими отъ судорогъ окаменѣлыми трупами.... Содрогнулось бы ея сердце: за что они страдаютъ? Всѣ это видятъ и равнодушно молчатъ. Такая несправедливость въ отношеніи къ нимъ невозможна. Такое положеніе ихъ невозможно!

Слѣдуетъ:

1) Не разсылать младенцевъ по деревнямъ; отъ неумѣнія ходить за ними, у крестьянокъ и собственныя дѣти мрутъ на половину. До года и долѣе, если нужно, казенное дитя слѣдуетъ держать въ воспитательномъ домѣ, при хорошей кормилицѣ и докторскомъ надзорѣ. Много ихъ очень? Мѣста не хватитъ? Еще два, три, пять домовъ пристроить: столько денегъ разсыпается по окрестнымъ деревнямъ, что на эти суммы можно достигнуть хоть того, чтобы младенцы жили, какъ предполагала великая основательница этого заведенія, а не погибали тысячами.

2) Огромное помѣщеніе для нихъ построить за городомъ, недалеко, по желѣзной дорогѣ, въ саду и на рѣкѣ; построить такое помѣщеніе вблизи каждаго боль-

шаго города; сюда привозить младенцевъ, по отнятіи ихъ отъ груди. Здѣсь дѣти остаются до десяти-лѣтняго возраста; здѣсь они ростутъ, играютъ, роются въ пескѣ, шьютъ, работаютъ въ саду, развиваются, учатся.

3) Отсюда они всѣ расходятся по гимназіямъ и прочимъ учебнымъ заведеніямъ, равноправно со всѣми другими дѣтьми. При гимназіяхъ, гдѣ они не могутъ жить, и такъ какъ у нихъ нѣтъ роднаго дома, куда бы возвращаться къ обѣду, — устроить, по близости каждой гимназіи, особыя для нихъ помѣщенія, подъ надзоромъ добрыхъ, хорошихъ людей, и содержать этихъ дѣтей до окончанія курса наукъ, на суммы общества.

4) Огромныя суммы, которыя на это потребуются, составить слѣдующимъ образомъ: каждый, какъ мужчина, такъ и женщина, какого бы то ни было сословія, во всей Россійской имперіи, по достиженіи совершеннолѣтія, долженъ вносить 50 коп. въ годъ, на содержаніе этихъ питомцевъ.

5) Учить каждаго тому, на что онъ наиболѣе способенъ. Неспособныхъ къ наукамъ—учить мастерствамъ.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, проэктъ, который писала Вѣра о преобразованіи участи незаконнорожденныхъ дѣтей. Развивая каждый отдѣлъ его подробно, Вѣра опредѣляла чуть ли не казнь за смертность младенцевъ въ первый годъ ихъ существованія. Все, что она слышала отъ отца о гигіенѣ, необходимой для жилья, о пищѣ и должномъ содержаніи человѣка, для сохраненія его здоровымъ, вошло въ этотъ первый отдѣлъ, какъ правила, за нарушеніе которыхъ смѣнялись доктора, мамки, смотрительницы, платили штрафъ и никогда впередъ ни въ какую подобную должность не опредѣлялись,

потому что, ребенокъ чужой, говорила она, его, слѣдовательно, нужно беречь, какъ чужую собственность; ребенокъ безъ отца, безъ матери, въ отношеніи къ нему, слѣдовательно, нужно быть на столько внимательнымъ, чтобы вполнѣ замѣнить ему отца и мать. Если же это не соблюдено, значитъ, люди, которые за это взялись, люди не честные, люди безъ развитой совѣсти и сердца, и потому для такой обязанности не годятся.

Въ развитіи втораго отдѣла высказалась вся любовь Вѣры къ своему дѣтству: содержать и воспитывать этихъ несчастныхъ малютокъ предписывалось такъ, какъ ее любилъ, берегъ, училъ и воспитывалъ отецъ. *) Женщина, которая взяла бы на себя воспитаніе такой огромной семьи, должна, по совѣсти, чувствовать къ тому материнское призваніе. Домъ этотъ долженъ быть теплымъ пріютомъ, роднымъ домомъ для безродныхъ, родною семьею съ огромнымъ числомъ сестеръ и братьевъ, которые всѣ ростутъ, играютъ и развиваются вмѣстѣ, любятъ одинъ другаго какъ родные,—домомъ, гдѣ рости и жить имъ было бы привольно, физически и умственно. Главною задачею при томъ слѣдуетъ себѣ, кромѣ того, поставить, чтобы сиротамъ было отрадно тутъ жить, чтобы онѣ развивались сердцемъ, и были счастливы, потому что онѣ лишены уже всякихъ другихъ ласкъ и попеченій; потому что и въ послѣдующей жизни онѣ лишены будутъ многаго, чѣмъ пользуются дѣти законныя. Женщина, которая взяла бы на себя исполненіе этой задачи, должна быть непремѣнно развита, кротка и дѣя-

*) Еслибы, когда либо, что нибудь подобное устроилось для этихъ сиротъ, то ко второму отдѣлу примѣнимѣе всего былъ бы дѣтскій садъ, по методѣ Фрёбеля.

тельна, хороша и чиста, какъ святая! она должна, подъ видомъ сиротъ этихъ, принять на себя грѣхъ міра, и искупить его тѣмъ, что изъ несчастнаго, отброшеннаго обществомъ, создастъ вполнѣ человѣка и гражданина съ развитымъ умомъ и сердцемъ; должна она, разумѣется, собрать около себя достойныхъ ея помощниковъ и помощницъ. Эти же самые помощники и помощницы расходятся въ третьемъ отдѣлѣ по отдѣленіямъ, гдѣ будутъ жить дѣти, уже посѣщающія классы училищъ, чтобы продолжать надъ ними то доброе вліяніе, какое имѣли съ дѣтства, чтобы семья не разрывалась, по возможности.

Третій этотъ отдѣлъ возбудилъ много толковъ и недоразумѣній въ уголкѣ, подъ лицами.

— Мальчики будутъ посѣщать гимназіи, говорила Полина, а дѣвочки—неужели такіе пансіоны, какъ, напримѣръ, нашъ?

— Нѣтъ, какъ можно! возражала Магетта; если мы имъ хотимъ добра, то не должны этого дѣлать, и какъ же можно учить ихъ такъ скверно на деньги общества? Нѣтъ: для дѣвочекъ надо будетъ устроить отдѣльныя школы, откуда бы онѣ выходили, ну, хоть хорошими учительницами. Еслибы устроились такія школы, то въ нихъ можно было бы собрать и настоящихъ подросточковъ, которые теперь раскиданы по разнымъ деревнямъ.

— Ахъ, нѣтъ! вступалась Вѣра, — именно не въ отдѣльной школѣ ихъ надо воспитывать, а въ числѣ всѣхъ прочихъ дѣтей, и наравнѣ со всѣми прочими дѣтьми. Лучше имъ слушать такой уродливый курсъ, какъ нашъ, даже курсъ еще хуже, все гадкое въ мірѣ даже лучше, чѣмъ, рости отдѣльно, казенными. Ты и понять не можешь, что это за штемпель на

лбу незаконнорожденность! человѣкъ, точно связанный, точно виноватый, ходитъ! Какъ можно такъ клейма класть? Я желала бы, чтобъ никто изъ нихъ и не слыхалъ объ этихъ клеймахъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ состояніи взглянуть на нихъ сознательно. Никакъ не надо допускать, чтобы у нихъ съ дѣтства сердце наболѣло. Отдѣльно! Вѣдь это точно семья парій, о которой мы читали у Делавиня. Что ужъ это за общество, которое имѣетъ парій? Безъ отвращенія объ этомъ слышать нельзя. И представь же ты себѣ: что будутъ за учительницы тѣ, которыя уже наслушались, что онѣ „за кадкою поганою ощенены“, которыхъ съ дѣтства заморили, да искалѣчили по избамъ? Вѣдь хуже нашихъ, хуже палачей, выйдутъ эти педагоги! Чтобы быть учителемъ,—знаешь ли, я теперь только понимаю всю огромную разницу между тѣмъ, что должно бы быть, и такими грошовыми учителями, какіе у насъ; учитель—это олицетворенное благодушіе, терпѣніе, умѣніе принаровиться къ тебѣ, это воплощенная любовь! я только теперь, сравнивая, могу сознать, какъ Павла Ѳедоровича ничто не утомляло; какъ бы онъ ни былъ занятъ, если ребенокъ лѣзетъ къ нему съ вопросомъ, то всегда слышитъ привѣтъ и отвѣтъ. И потомъ, какое огромное количество свѣдѣній нужно имѣть для того, чтобы отвѣчать и умѣть отвѣчать ясно для ребенка! Попробовала бы дѣвочка приставать къ Маргаритѣ Альбертовнѣ съ вопросами: „Отчего свѣча горитъ? что такое угаръ? изъ чего сдѣланъ кусокъ мѣла“? Она ей пинка дала бы, во первыхъ, чтобы не лѣзъ птенецъ, не приставалъ, когда старшіе, съ нимъ не разговариваютъ, а во вторыхъ, что ей досадно, отъ внутренняго сознанія, что она кругомъ

неучъ, и ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ не въ состоянiи ничего сказать. И, кромѣ того, никакъ нельзя опредѣлить заранѣе что выйдетъ изъ ученика: ты хочешь сдѣлать изъ него учителя, а вдругъ изъ него музыкантъ или граверъ отличный выходитъ; ариѳметика же ему въ голову не лѣзетъ, изъ географiи и исторiи онъ ни одного имени въ памяти не удерживаетъ. Вѣдь это такъ нельзя сказать: здѣсь фабрикуются учителя или учительницы. Ребенокъ уже самъ выйдетъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть по природѣ, ему надо только помогать рости на волѣ, и не мѣшать развиваться, какъ намъ, напримѣръ; а для этого нужно, чтобы вполнѣ человѣкъ велъ его съ младенчества, во второмъ этомъ отдѣленiи воспитательнаго дома. Знаешь ли отъ чего человѣкъ хорошъ бываетъ? Отъ чего Павелъ Ѳедоровичъ такъ хорошъ? Отъ того, что онъ съ пеленокъ любитъ: его ласкаютъ, милуютъ, онъ съ дѣтства добръ; въ немъ съ дѣтства развиты всѣ добрыя и нѣжныя чувства; онъ счастливъ, и въ немъ есть потребность видѣть около себя счастливыхъ. Когда онъ, впослѣдствiи, и горя натерпится, все таки способность любить въ немъ не вымираетъ: самому ему горько, а онъ тѣмъ болѣе о другихъ печется. Вотъ этого то дѣтства и нѣтъ у казенныхъ дѣтей. Такой ребенокъ никогда добраго слова не слышитъ, а между тѣмъ, хоть въ избѣ, но видитъ, что мать холитъ своихъ то: вшей имъ вычешетъ, рубашонки пошьетъ, кусокъ пирожка сунетъ; онъ же, какъ собака, только во всѣ глаза на нихъ смотритъ. Если даже его и не колотятъ,—положимъ, что семья добрая,—все таки онъ по тому уже одному болѣзный, какъ говоритъ Даша, что онъ вездѣ и всѣмъ чужой, что у него нѣтъ, сравнительно, и тѣхъ крошеч-

ныхъ радостей, какія достаются его сверстникамъ. Быть одинокимъ, быть чужимъ всякому, быть со штемпелемъ казеннаго въ этой семьѣ своихъ — вотъ въ чемъ его горе. Я такъ это за него чувствую, какъ будто каждая вошь, которая его кусаетъ, кусаетъ и меня. Такъ за него сердце болитъ, и не выразишь, право! Оно, можетъ, и не такъ уже имъ скверно жить, потому что они лучше жизни и не знавали, но имъ кажется уже очень скверно, потому что это у нихъ больное мѣсто: казеннымъ то уже очень дразнятъ. Вотъ, между нами, напримѣръ: Анюта Шахова, кривобокая и косая, посмотри, какая подозрительная: всѣ будто на нее смотрятъ, всѣ пальцемъ тычутъ. Этого далеко нѣтъ, но такъ ей кажется. А вотъ мы съ Сонею штемпельныя: я зла, какъ бѣшеная собака, а Соня нѣжная, Соня въ элегію и слезливость начинаетъ впадать. Слышу, она на дняхъ читаетъ: „La pauvre fille“, и слезы на глазахъ: „Oh, pourquoi n'ai-je pas de mère? Pourquoi ne suis-je pas semblable au jeune oiseau, Dont le nid se balance aux branches de l'ormeau? Rien ne m'appartient sur la terre!“ *), а сама слезы такъ и утираетъ. Вотъ оно что! Наши же казенные тѣмъ болѣе имѣютъ права или озлобиться, или плакать. И потому, на мой взглядъ, для нихъ никакъ нельзя устроивать отдѣльныхъ сиротскихъ классовъ: какъ только вы съ дѣтства сдѣлаете его несчастнымъ, онъ уже на всю жизнь никуда не годится. Я знала одного фельдшера, изъ сиротскихъ

---

*) Бѣдная дѣвушка. «О, отчего у меня нѣтъ матери? зачѣмъ не похожа я на птичку, гнѣздо которой колышется на вѣткахъ вяза? Ничего у меня нѣтъ въ мірѣ!»

классовъ, мученикъ и пропащій пьяница этотъ фельдшеръ. А другой, вмѣсто учителя, будетъ мучителемъ, потому—замученные: отъ нихъ и требовать ничего нельзя. А могли бы быть и хорошими, и дѣльными, если бы ихъ не загубили...

Вѣра могла говорить на эту тему безъ конца: по ея же собственному сознанію, она перестрадала за каждую вошь, которая ѣла казенныхъ. Она съ нетерпѣніемъ ждала новорожденнаго Даши, какъ спасенную ею жертву. Украденная сумма была почти пополнена, и онѣ втроемъ долго по вечерамъ разсуждали о казенныхъ, радуясь, что хоть однимъ несчастнымъ изъ незаконнорожденныхъ будетъ меньше.

Разсуждая о нихъ, онѣ однажды, въ началѣ іюля, часовъ въ пять вечера, увидѣли изъ аллеи коляску по дорогѣ изъ города; изъ коляски вышелъ съ запискою посланный отъ Павла Ѳедоровича, пріѣхавшаго въ Москву. . Вѣру вдругъ обдало и жаромъ и холодомъ. Стали одѣвать ее: тонкую талію стянули въ розовый барежъ, прозрачнымъ канзу прикрыли плечи; обвили шею чернымъ бархатцемъ; Соню всю вымыли: она была перепачкана въ глинѣ. Маргарита Альбертовна прочитала имъ нравоученіе: De se tenir droites et de ne pas trop parler, (держаться прямо и не слишкомъ много говорить); взбили имъ кудри, надѣли шляпки à la bergère, и въ такомъ видѣ привезли къ Павлу Ѳедоровичу въ гостинницу, гдѣ m-lle Пико ихъ оставила, совершивъ глубокіе реверансы.

И Соня граціозно присѣдала передъ нимъ, придерживая по бокамъ пышное платьице.

При видѣ Вѣры, Павелъ Ѳедоровичъ замѣтно изу

мился: вошла къ нему стройная, разодѣтая grande demoiselle (взрослая барышня), съ французскимъ говоромъ, изливаемымъ свободно съ самыхъ первыхъ минутъ свиданія, съ цѣлью скрыть волненіе, которое перехватывало ей горло... Неужели это его „дѣвочка?“ Поцѣловавъ ее, онъ отступилъ шага на два, и, пока она лепетала, сталъ пристально оглядывать всю ея фигуру, съ головы до ногъ: глаза его остановились внимательно на красивомъ лицѣ дѣвушки, съ правильными и тонкими чертами, скользнули по ея корсажу и складкамъ длиннаго, изящно сдѣланнаго платья. Она это замѣтила, но улыбки при этомъ на лицѣ его не видала. Онъ вскорѣ услышалъ отъ нея бойкую рѣчь о красотахъ петровскаго парка, восторги отъ воздуха полей; принялась она разсказывать кое что о пансіонской жизни; уродовъ, своихъ воспитательницъ, она почти обходила въ разсказѣ. Какъ будто не смотря на отца, она, между тѣмъ, смотрѣла: онъ постарѣлъ видимо, въ эти два года; волоса его засеребрились, борода была сбрита, и рѣзкая черта легла отвѣсно между бровями.

Соня была очень мила и много выросла; отецъ хотѣлъ посадить ее къ себѣ на колѣна, но ей былъ уже десятый годъ, и она сконфузилась. Павелъ Ѳедоровичъ носнѣшно всталъ, и вѣжливо подставилъ ей стулъ. Вѣра усадила ее за фортепіано, и дѣвочка запѣла легонькій французскій романсъ.

„Какъ я страстно желаю, чтобы пришла минута, когда онъ по старому прижметъ меня къ груди, думала Вѣра: я выскажу ему какъ томлюсь, и все, что думаю: и о нашей воровкѣ француженкѣ, и объ исповѣди, на которой мнѣ предписано было смириться духомъ и страдать, —

это мнѣ нужно провѣрить; и о Дашѣ, и о моемъ проэктѣ, все ему надо разсказать; и о томъ, что я по его тетрадкамъ учу Соню; мнѣ хотѣлось бы... мнѣ такъ хотѣлось бы все это ему передать!“

Сама она къ нему, однакожъ, не прильнула.

„А что какъ оттолкнетъ?“ пугалась она. „Вѣдь уже оттолкнулъ разъ! Нѣтъ, подожду, пока самъ придетъ.“

Она ждала напрасно: онъ не пришелъ самъ; минуты которой Вѣра ждала, между ними не было.

Онъ, по временамъ, какъ бы забывшись, любовался Вѣрою, не спускалъ съ нея глазъ, долго слѣдилъ за нею взглядомъ, потомъ, вдругъ отвернувшись, принимался смотрѣть вдаль, какъ бы со страхомъ и съ тяжелою мыслью. О службѣ своей онъ сказалъ, что дѣла у него множество, готовится милиція...

— Вы вѣдь знаете, что у насъ въ Крыму война? спросилъ онъ.

— Да, слышали, отвѣчала Вѣра.

И Соня запѣла при этомъ:

«Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ» и пр.

— А ты какъ думаешь, спросилъ онъ у Вѣры, въ состояніи ты будешь выдержать экзаменъ, и получить дипломъ?

— Если нужно, конечно: изъ нашего пансіона многія выходили съ дипломами отъ университета. И я, разумѣется, знаю не меньше другихъ: напротивъ, я первая всѣхъ учителей. И мнѣ еще остается три года курса. У насъ богатыя не держатъ экзамена, но обо мнѣ и Сонѣ я уже сказала учителямъ, что мы учимся на дипломъ

Павелъ Ѳедоровичъ усмѣхнулся.

— Ну да, вы на дипломъ учитесь, повторилъ онъ слова Вѣры.

— Хотите ѣхать въ театръ? перемѣнилъ онъ вдругъ разговоръ: мы завтра побываемъ въ театрѣ, послѣ-завтра съѣздимъ къ вашимъ дамамъ, а въ четвергъ — я и въ обратный путь, съ Богомъ...

„Какъ! уже? удивилась про себя Вѣра. А писалъ, что двѣ недѣли пробудетъ: когда же я успѣю ему все это сказать?“

Дѣйствительно, времени на это не хватило. Павелъ Ѳедоровичъ, на слѣдующее утро, повезъ ихъ въ книжныя лавки и магазины. Онъ далъ Вѣрѣ выбрать какія ей было угодно книги и она купила Шиллера, Байрона, Лермонтова. Матерій шелковыхъ и золотыхъ бездѣлокъ онъ накупилъ множество. Пріѣхавши домой, онъ разложилъ все это, смявъ складками, какъ въ магазинахъ, и принялся смотрѣть на нихъ издали сквозь очки.

— Зачѣмъ все это? куда намъ? я вѣдь не выѣзжаю еще въ свѣтъ, а Соня и подавно, сказала Вѣра.

— Не знаю. Можетъ быть, понадобится.... Ты теперь уже взрослая дѣвушка.

При этихъ словахъ онъ смотрѣлъ на нее невыносимо холодно; что то горькое въ лицѣ его, какая то обидная усмѣшка слѣдила за Вѣрою, когда она любовалась дорогими тканями: онъ уже видѣлъ передъ собою не „дѣвочку“ свою въ простомъ ситцевомъ платьѣ и бѣломъ передникѣ, какъ у Рэчель, а француженку, передъ соблазномъ нарядныхъ тряпокъ.

— Подаримъ все это нашимъ дамамъ, Соня! сказала Вѣра, уловивъ его недобрый взглядъ.

— Оставь это для себя; я сдѣлаю подарокъ Маргаритѣ—какъ бишь ее... Августовнѣ, что ли?

Соня засмѣялась и поправила его ошибку.

Вѣра начала ему читать вслухъ Лару. Онъ слушалъ сурово и промолчалъ, когда она закрыла книгу.

Она, упомянувъ вскользь, что прочитала нѣсколько романовъ, пожелала узнать: что такое онъ читалъ Еленѣ, въ послѣднее время ея жизни, о Кориннѣ и Освальдѣ, и какъ называлась эта книга?

— Такъ и называется „Corinne ou l'Italie" (Коринна или Италія), отвѣчалъ Павелъ Ѳедоровичъ. Но не слѣдовало бы тебѣ читать одной...

— Съ кѣмъ же мнѣ читать? всѣ онѣ ничего ровно не смыслятъ, сказала она рѣзко. И тутъ же, впрочемъ, раскаялась.

— Да? удивился отецъ. А я изъ нѣкоторыхъ твоихъ словъ могъ заключить, что ваши воспитательницы женщины дѣльныя, на твой взглядъ.

Вѣра промолчала.

— Я кое-что читала, и одна, продолжала Вѣра. Развѣ это меня уже испортило? спросила она съ улыбкою, которую хотѣла сдѣлать развязною, чтобы скрыть тяжелое ожиданіе, съ какимъ, полушутя, кокетливо, вызывала о себѣ его сужденіе.

Онъ долго молчалъ.

— Будемъ читать вмѣстѣ, наконецъ выговорилъ онъ; когда нибудь, со временемъ... будемъ же мы, можетъ быть, вмѣстѣ?...

— Надѣюсь, отвѣчала она, по прежнему легко.

Оба замолчали опять.

Молчаніе его, однакожъ, было для нея полно смысла.

Онъ впился глазами въ Вѣру, когда она принялась декламировать монологъ Гамлета: припоминая этотъ взглядъ въ прошломъ, она прочла въ немъ недоумѣніе, и горе, и какой-то ужасъ, котораго онъ не могъ затаить въ себѣ. Онъ какъ будто глазамъ и ушамъ своимъ не вѣрилъ...

„Сказалъ бы... сказалъ бы!“ рвалось у нея съ языка.

И между тѣмъ, цѣпенѣя подъ этимъ взглядомъ, она продолжала декламировать, но уже машинально, и голосъ ея слегка дрогнулъ и вдругъ какъ будто порвался.

Она принялась за огромныя желтыя сливы, которыя принесли въ эту минуту, и, помолчавъ немного, вдругъ спросила:

— Есть у тебя деньги?

— Есть. Тебѣ нужны? На что? вѣдь ваши собственныя деньги есть у m-me P.

— Нужно мнѣ денегъ.

Онъ вынулъ 50 рублей. Одну бумажку далъ Вѣрѣ, другую Сонѣ.

Вѣра взяла и эту бумажку у Сони.

— Я тебѣ, Соня, выплачу эти 25 рублей по частямъ, послѣ каникулъ, сказала она.

— На что тебѣ даньги? переспросилъ отецъ.

Она хотѣла ему разсказать о Дашѣ и о предстоящихъ издержкахъ, но, помолчавъ, снова повторила:

— Нужны.

— Я знаю на что! подхватила Соня. Сказать? На бѣлье для...

— Молчи, Соня, не твое дѣло! поспѣшила перебить ее сестра.

— На бѣлье?.. въ удивленіи переспросилъ Павелъ Ѳедоровичъ.

Но не получилъ отъ Вѣры никакого отвѣта.

На другой день, часа въ два, они поѣхали въ коляскѣ, съ визитомъ, къ Маргаритѣ Альбертовнѣ. Погода стояла прекрасная, солнечная и не жаркая. Соня вдругъ придумала сказать, и прекрасно сказала, Hymne au soleil (гимнъ солнцу).

У Маргариты Альбертовны гостила еще одна ея кузина. Обѣ онѣ пришли отъ Павла Ѳедоровича въ восхищенье:

— Quelles manières! Un vrai grand-seigneur! говорили онѣ, восклицая въ одинъ голосъ.

Павелъ Ѳедоровичъ разговаривалъ въ это время съ г. Луи; Шарль и Викторъ вертѣлись тутъ же, на балконѣ, заглядывая ему прямо подъ очки.

Павелъ Ѳедоровичъ былъ до чрезвычайности любезенъ и граціозенъ съ Маргаритою Альбертовною. Она упросила его остаться обѣдать, sans façons, и онъ остался; гуляя съ нимъ въ легкомъ нарядѣ по саду, передъ обѣдомъ, она безъ умолка разсказывала ему о разныхъ traits de ces chères, chères petites Вѣры и Сони, которыхъ она любитъ безъ памяти, какъ родныхъ своихъ дочерей.

— У васъ въ заведеніи отлично, какъ кажется, декламируютъ стихи? говорилъ ей, улыбаясь, Павелъ Ѳедоровичъ.

— Да, сознаться не стыдно: хорошо иныя читаютъ! отвѣчала она, въ полномъ убѣжденіи, что онъ это высоко цѣнитъ. Я на это обращаю особенное вниманіе: вы знаете, какъ важно для женщины въ свѣтѣ имѣть извѣстный тонъ, и умѣть владѣть интонаціями голоса.

— Вы, какъ кажется, обращаете на этотъ предметъ исключительное ваше вниманіе? продолжалъ улыбаться Павелъ Ѳедоровичъ.

— По истинѣ могу сказать вамъ исключительное! Въ стихахъ выражаются всегда такія тонкія поэтическія чувства, какія не могутъ не образовать чувствительнаго сердца! Et la sensibilité, comme vous ne pouvez manquer de le savoir, monsieur, c'est le plus bel attribut de la femme!

— Peut être, madame, mais la sensiblerie — c'est bien autre chose *), отвѣчалъ онъ сухо.

Маргарита Альбертовна отступила на-время отъ собственнаго правила — не выдавать никакого впечатлѣнія минуты, и выразила непритворное удивленіе непонятымъ ею словамъ.

Подъ легкимъ предлогомъ, она вспорхнула на балконъ.

Магетта, которой Павелъ Ѳедоровичъ пришелся по сердцу, тотчасъ подхватила его подъ руку, и они вмѣстѣ ушли въ глубь любимой аллеи, гдѣ обыкновенно сидѣли дѣвочки; за ними послѣдовали Вѣра, Соня и Полина. Магетта выболтала, что онѣ слушали чтеніе и разсказы Вѣры по его тетрадкамъ, и такимъ образомъ Павелъ Ѳедоровичъ узналъ отъ постороннихъ то, что такъ глубоко должно было его обрадовать: что Вѣра любитъ и помнитъ все прожитое съ нимъ.

— Je suis amoureuse, amoureuse folle de ton père! шептала Магетта вполголоса Вѣрѣ такъ, что онъ этого не могъ не слышать.

---

*) — А чувствительность, какъ вамъ, конечно, не безъизвѣстно, это лучшій даръ, какимъ обладаетъ женщина. - Можетъ быть, сударыня, но сантиментальность—это совершенно иное.

Это съ Магеттою было не диво: она безпрестанно влюблялась то въ учителя, то въ двоюроднаго брата, писала нѣжныя признанія, и, черезъ день, два, безъ всякой причины, переходила къ другому.

Она, болтая съ Павломъ Ѳедоровичемъ, начала было уже и о сборѣ въ пользу новорожденнаго, но въ эту минуту подходила по аллеѣ Клэръ—звать къ столу—и Магетта поспѣшила прибавить:

— Но объ этомъ, monsieur, теперь пока довольно: моя маленькая сестра шпіонка.

До отъѣзда Павла Ѳедоровича, случая уже не представилось къ возобновленію того же разговора, хотя, казалось, Павелъ Ѳедоровичъ желалъ этого; но имъ завладѣли Маргарита Альбертовна и г. Луи, и онъ, въ удобный для того промежутокъ разсказа объ успѣхахъ на экзаменѣ de ces chères enfants, шепнулъ Вѣрѣ, что пора домой. Избавившись отъ этого визита, онъ съ дѣвочками проѣхалъ прямо купить для Маргариты Альбертовны цвѣтовъ, которые и были отправлены къ ней въ тотъ же вечеръ.

На слѣдующее утро, передъ отъѣздомъ на желѣзную дорогу, Павелъ Ѳедоровичъ, прощаясь съ Вѣрою, сказалъ ей:

— Если тебѣ будетъ нужно еще денегъ на какое нибудь доброе дѣло, ты напиши. Я теперь ни чѣмъ не въ состояніи тебѣ помочь, — сомнѣваюсь, по крайней мѣрѣ,—но если тебѣ понадобится что бы то ни было, хотя бы и на прихоть, надѣюсь, что ты меня вспомнишь, скажешь прямо, и не обратишься ни къ кому, кромѣ меня...

Черезъ два мѣсяца послѣ того, получила она отъ него письмо. Письмо это писалось долго, съ промежут-

ками... Между строкъ, Вѣра читала его тоску о ней.... Въ письмѣ этомъ, то серьозно, то нѣжно высказывался все тотъ же любящій учитель, какого она знала въ дѣтствѣ, тотъ же другъ, отъ котораго ничто не ускользало. Отъ занятій служебныхъ онъ отрывалъ минутки и посвящалъ ихъ этому письму: это видно было столько же по выставленнымъ числамъ, сколько и по мысли, прерывавшейся на время, и по новому перу. Вѣра съ любовью прослѣдила всѣ эти признаки постоянной думы его о ней. Отъ его вниманія не укрылась ни одна мысль Вѣры, ни одно слово, маскировавшее другое, во время короткаго этого свиданія съ дочерью, и онъ вызывалъ къ жизни сѣмена, когда-то имъ брошенныя; онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы они пропали безслѣдно... „Въ твоихъ словахъ, говорилъ онъ, во всѣхъ движеніяхъ даже, сквозитъ натянутая, ненатуральная восторженность, которая вовсе нейдетъ къ твоей природѣ. Ты за нею много, ты за нею все прячешь. Прячешь отъ окружающей тебя пошлой обстановки. Я вѣдь этого не могу не видѣть. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ты вѣдь и поддаешься ей. А этого не должно быть: или брось ее, или будь сильнѣе ея: уйди въ себя, примись за трудъ. Могу ли я помочь тебѣ совѣтомъ? могу ли я считать себя въ правѣ это сдѣлать?—Абонируйся на журналы: есть въ нихъ статьи дѣльныя, на которыя я стану тебѣ указывать: пиши замѣтки по поводу этихъ статей, присылай мнѣ свои мысли, дѣлай мнѣ вопросы: я найду время отвѣчать на каждое твое требованіе...“

Но Вѣра замкнулась и молчала. Горькими слезами оплакивала она эти три дня, проведенные съ нимъ вмѣстѣ, а между тѣмъ врозь; свиданіе съ отцомъ должно

было наполнить промежутокъ отъ минуты, въ которую они разстались, до настоящей. Промежутокъ этотъ былъ, съ обѣихъ сторонъ, цѣлою пропастью, полною страданія и пережитыхъ ощущеній... И отецъ и дочь, устрашились заглянуть въ нее. И теперь Вѣра чувствовала невозможность перескочить вдругъ черезъ этотъ пробѣлъ къ новымъ, дѣловымъ, статейнымъ между ними отношеніямъ. „Дай мнѣ свои мысли!“ повторяла она слова его письма. Бездѣлица! это все мое достояніе, я всѣ ихъ выработываю сама въ этой трущобѣ, отстаиваю каждую сама въ себѣ... Онъ ничего этого не знаетъ; все, что мнѣ стоило слезъ и тяжелой думы, покажется ему пошлостью. Мы слишкомъ разошлись. Что могу я здѣсь сдѣлать путнаго? Вопросъ у меня ежеминутно на умѣ, а онъ подумаетъ: какъ! она такую глупость спрашиваетъ? Нѣтъ, лучше ничего не надо“.

Безучастно и тоскливо скиталась она по классамъ, переходя отъ проэкта своего къ роману, отъ романа къ пошлому сочиненію, дѣлаемому за цѣлковый.

„О! какъ мнѣ тошно!“ думала она.

Между тѣмъ опять подходили экзамены. Съ такою же безтолковою суетою, какъ и въ прошломъ году, къ нимъ готовились, репетировали стихи, хоры и балетные танцы.

Продекламировала Вѣра на актѣ:

«Afar in the desert I love to ride» *).

Протанцовали уже тирольское па; пропѣли La tremenda ultrice spada: золотообрѣзныя книги роздали уже въ награду за успѣхи. Вдругъ, къ тому мѣсту, гдѣ

*) Далеко въ пустыню люблю я умчаться верхомъ.

стояли Вѣра съ Сонею, прошумѣла хвостомъ Маргарита Альбертовна.

— Mes chères enfants, сказала она вполголоса: въ числѣ посѣтительницъ, одна изъ вашихъ тетокъ, une soeur à votre feue mère. Она пріѣхала послушать Нелли Козлову — это родственница ея мужа; когда Вѣра говорила стихи, она заинтересовалась ею, стала распрашивать... мы разговорились и она желаетъ съ вами познакомиться. Зовутъ ее Катериною Петровною З***. Она изъявила даже желаніе брать васъ къ себѣ по праздникамъ.

Съ этими словами, Маргарита Альбертовна подвела Вѣру и Соню къ дамѣ среднихъ лѣтъ, въ дорогихъ кружевахъ и бархатѣ. Дама, привѣтливо улыбаясь, поцѣловала ихъ, со слезами на глазахъ сказала, что недавно слышала о смерти Елены, и душевно рада случаю приласкать ея сиротокъ.

Вѣра вспомнила, что одна изъ сестеръ Елены, Катерина, была за Владиміромъ Романовичемъ З***. И она и Соня, въ искреннемъ умиленіи поцѣловали бѣлую, душистую, съ ямочками и драгоцѣнными кольцами руку тетушки. Вѣра ей обрадовалась, какъ обрадовалась бы возвращенію Елены.

На другой же день тетушка пріѣхала за ними и увезла ихъ къ себѣ на всѣ рождественскіе праздники.

— Какая отрада вырваться изъ этой трясины, и какъ все это случилось неожиданно! говорили ошеломленные этимъ событіемъ дѣвочки.

Тетенька Катерина Петровна напоминала Вѣрѣ покойную мать, лицомъ, голосомъ, походкою, за исключеніемъ того, что мирно прожитая жизнь выразилась на

лицѣ ея отпечаткомъ совершенно безмятежнаго спокойствія, выразилась отсутствіемъ почти всякаго выраженія, если можно такъ отозваться о физіономіи почтенной и сановитой женщины. Она была очень моложава на видъ, очень еще хороша собою, и чрезвычайно изящна, съ головы до ногъ: très comme il faut, отозвалась о ней Маргарита Альбертовна, обрадовавшаяся возможности спустить съ хлѣба двухъ дѣвочекъ, по крайней мѣрѣ недѣли на три.

Увидѣла Вѣра дочь тетушки, кузину свою, Машу. Повели онѣ сиротокъ по длинному раду комнатъ, залитыхъ солнцемъ, уставленныхъ рѣдкими растеніями. Дядя вышелъ изъ кабинета, сѣдой, важный, тучный господинъ, съ миніатюрною звѣздочкою на сюртукѣ и въ ослѣпительномъ бѣльѣ, слегка душистомъ: Вѣра это замѣтила, потому что онъ обнялъ и поцѣловалъ ее, улыбаясь, привѣтствовалъ ихъ обѣихъ, назвавъ „племянницами“, просилъ считать его домъ „своимъ“, просилъ полюбить его, какъ роднаго. Улыбалась и Вѣра: ее радовали и добрыя лица новыхъ родныхъ, и высокіе, благоухающіе жасмины, и солнце яркое, и попка, метавшійся въ клѣткѣ, съ громкими криками „Bien le bonjour!“

Впечатлѣніе минуты было на нее вообще самое благотворное.

Двоюродный братъ ея, Алексѣй, юноша въ аксельбантахъ, выпрыгнулъ изъ боковой двери, брякнулъ шпорами, перевернулся на каблукахъ, послѣ третьяго поворота очутился лицомъ къ лицу съ кузинами и представилъ имъ себя въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Имѣете честь, mesdemoiselles, видѣть передъ

собою воина, мѣсто котораго, должно бы, какъ говорятъ, быть въ настоящую минуту на полѣ брани, но который, благодаря богоспасаемой родительницѣ, процвѣтаетъ безмятежно подъ ея крыломъ и больше благодушествуетъ, чѣмъ служитъ отечеству.

— Шалунъ! затѣйникъ! засмѣялась мать, любуясь сыномъ.

— Ура! возгласилъ на это шалунъ и затѣйникъ.

Миша, мальчикъ лѣтъ десяти, тотчасъ подошелъ знакомиться и дружиться съ Сонею.

Маша на первыхъ порахъ, показалась Вѣрѣ дика, какъ будто сурова; въ семьѣ она не была ласкова ни съ кѣмъ; лишняго слова не молвила; отвѣчала на все очень кратко, но все, что на ней лежало, было исполнено. Маша вела хозяйство. Ей было девятнадцать лѣтъ. Ростомъ она была очень высока, съ развитымъ бюстомъ, съ смугло-пунцовыми щеками, съ густою черною косою и очень правильнымъ профилемъ, что придавало еще болѣе холодности всей ея высокой, прямой фигурѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ сестеръ, Маша брала урокъ пѣнія: сильный голосъ ея огласилъ залы: и страсть, и горе слышались въ его переливахъ, но выраженіе ея лица было, не смотря на то, мертвенно неподвижно.

Маша ѣхала на балъ въ тотъ же день, когда Вѣру съ Сонею привезли изъ пансіона, и Вѣрѣ показалось, что она ѣдетъ неохотно.

— Отчего Машѣ не хочется на балъ? спросила она у Алексѣя, когда тетка и Маша ушли одѣваться.

— Отъ того, что завтра воскресенье и она уже затеплила свою лампадку, отвѣчалъ онъ, сдѣлавшись на минуту серьознымъ.

Маша вошла разубранная, въ дорогихъ браслетахъ. Неподвижно, точно мраморное было ея лицо. Вѣра смотрѣла на нее съ любопытствомъ. Красивая, какъ статуя великолѣпная, стала Маша у камина: гирлянда лежала на ея черныхъ волосахъ; широкія кольца ихъ спускались на смуглую шею, а черные глаза смотрѣли сурово, прямо передъ собою. Она не прошлась по залѣ, не посмотрѣлась въ зеркало, и терпѣливо трудилась надъ пуговкою перчатки. Зашуршала тетенька мягкимъ шелестомъ бархатнаго платья; выскочилъ Алексѣй, звеня и гремя своими доспѣхами.

— Кузина! будь мила, закричалъ онъ: начнемъ съ тобою нынѣшній балъ. Тебѣ вѣдь еще нельзя выѣзжать, еще шестнадцати лѣтъ нѣтъ? Такъ вѣдь?

— Нѣтъ. Еще въ августѣ только минуло пятнадцать.

— На маленькія soirées, безъ цвѣтовъ, я ее буду брать, замѣтила тетка. Сегодня нельзя: bal paré.

— Мы, слѣдовательно, дома, сейчасъ же посмотримъ, какъ она танцуетъ. Играй, Соня, польку! Ты, говорятъ, важно умѣешь бренчать, скомандовалъ Алексѣй.

Онъ обхватилъ Вѣру, и они сдѣлали по залѣ тура три.

— Ничего, можно, замѣтилъ онъ, когда полька была кончена.

Онъ очень смѣшилъ Вѣру: это былъ живой контрастъ съ Машею: ни минуты онъ не сидѣлъ смирно, ни на минуту, казалось, не могъ остановить шутливой рѣчи.

Тетушка сказала Вѣрѣ, что его въ обществѣ зовутъ le charmant, и что безъ него, въ какомъ бы то ни было кружкѣ, всегда бываетъ скучно.

Они уѣхали.

„Зачѣмъ это Маша поѣхала, когда не хочетъ? Что за необходимость?“ думала Вѣра.

На другой день Вѣра проснулась рано, но лежала долго, не вставая. Маша вошла къ ней уже въ шляпкѣ.

— Какъ! ты еще не встала? А я думала, ты пойдешь со мною въ церковь.

— Лежу, Маша, и думаю... такъ мнѣ ново мое положеніе! такъ мнѣ хорошо и спокойно! такъ я обрадовалась ласкѣ!..

Суровыя брови Маши мягко дрогнули и добрая улыбка скользнула по лицу.

— Большое счастье, когда кому нибудь при васъ тепло! сказала она серьозно. Мнѣ немного рано: еще десяти нѣтъ. Вставай скорѣй, я тебя причешу пока; говорятъ, у меня рука легкая.

Какъ Вѣра узнала потомъ, чесанье это было со стороны Маши признакомъ полнаго и радушнаго гостепріимства.

— Какъ же ты такъ рано поднялась послѣ бала? спрашивала Вѣра, поспѣшно вставая. Весело тебѣ было, Маша?

— Какъ всегда, отвѣчала она уклончиво.

Она живо расплела волоса сестры, причесала ее къ лицу, и все это сдѣлала чрезвычайно ловко; во всѣхъ ея движеніяхъ не было ни шага лишняго; она сказала во все это время два, три ласковыя слова, но серьозно.

Посмотрѣвшись въ зеркало, Вѣра хотѣла поблагодарить сестру, но та слегка увернулась, обмыла руки и вышла неторопливою, прямою своею походкою.

Когда Маша уѣхала съ Мишею и Сонею, Вѣра продолжала думать о ней съ величайшею благодарностью.

„Какъ нищему кусокъ хлѣба подали, такъ и намъ ихъ привѣтъ... Какими бы они впослѣдствіи ни оказались, они добрые, прежде всего: благослови ихъ Богъ!“

Медленно одѣвалась въ хорошенькое платье Вѣра, и съ горечью думала о Павлѣ Ѳедоровичѣ, который поставилъ ее въ такое нищенское положеніе, что она, какъ милость, принимаетъ всякую протягивающуюся къ ней руку.

Маша возвратилась изъ церкви. Тетенька еще не вставала. Кофе подали въ маленькую гостиную.

Вошелъ дядя. Маша подала ему верхнюю половину вынутой просфоры, сѣла рядомъ съ нимъ и взяла евангеліе. Разскрывъ книгу на удачу, она начала читать, перекрестившись широкимъ крестомъ.

„Да не смущается сердце ваше.... Я есмь путь и истина и жизнь...“ читала Маша, полнымъ внутренняго смысла голосомъ. „Если Меня любите, соблюдите Мои заповѣди... Не оставлю васъ сиротами: пріиду къ вамъ“.

Вѣра съ трудомъ сдерживала слезы, чувствуя слишкомъ болѣзненно такое чтеніе.

Послѣ обѣда, тетушка увела Вѣру въ свою спальню.

— Послушай, я тебѣ вотъ что хотѣла сказать, начала она: ты познакомишься, сойдешься, можетъ быть, дружески съ пріятельницами Машеньки, только, я тебя прошу: никому изъ нихъ не разсказывай, что вы дѣвушки безъ имени. У насъ по воскресеньямъ jours fixes, и я васъ всѣмъ представлю какъ племянницъ моихъ, дочерей родной сестры, но не объясняя ничего въ подробности. Это будетъ возможно скрыть, потому что мы недавно сюда переѣхали — Машенька уже невѣста: ее нужно вывозить; а изъ старыхъ знакомыхъ, которые

знали бы исторію бѣдной Hélène, никого здѣсь нѣтъ: моя родня большею частію въ Петербургѣ, здѣсь же— старыя связи и родственники моего мужа. Мнѣ, слѣдовательно, совершенно возможно назвать васъ круглыми сиротами, т. е. и не упоминать о вашемъ отцѣ. Я и не знаю, впрочемъ и знать не хочу, существуетъ ли онъ.

Она еще говорила, какъ Вѣра заплакала.

— Что же ты огорчаешься, моя милая? продолжала ласковымъ голосомъ тетушка; пятна этого уже не смыть слезами. Надо только не выставлять его напоказъ. Перестань же: глаза къ вечеру красные наплачешь! Еслибы мнѣ удалось выдать тебя хорошенько замужъ, тогда бы и концы въ воду. Это вѣдь не то, что мальчикъ... Но главное—молчите: такъ и Сонѣ, строго, настрого скажи, чтобы не болтала.

Вотъ когда на Вѣру напала застѣнчивость, которую навязывали ей безъ всякой причины у Маргариты Альбертовны. Поняла и она, какъ трудно перейти чрезъ залу, когда всѣ смотрятъ на васъ, какъ на самозванку; ей стало чудиться, что вотъ, вотъ узнаютъ всѣ объ этомъ пятнѣ, и осмѣютъ ее, и обзовутъ... Какъ преступница, стала она дичиться, забиваться въ уголъ...

Когда, вечеромъ, Вѣра и Соня явились въ залу, полную гостей, тетушка представила ихъ всѣмъ, какъ милыхъ племянницъ, которыхъ отыскала случайно въ одномъ изъ лучшихъ здѣшнихъ пансіоновъ, и представила подъ именемъ мужа покойной Елены, т. е. подъ законною фамиліею двухъ ея старшихъ сыновей. Вѣра чрезвычайно сконфузилась этимъ промахомъ. „Въ одномъ и томъ же пансіонѣ учится Нелли Козлова, которая сейчасъ же, можетъ быть, пріѣдетъ и проговорится“,

подумала она. „Зачѣмъ же тетя это дѣлаетъ? у насъ теперь своя фамилія! Тетя, впрочемъ, и Нелли вѣроятно скажетъ, чтобы она молчала“.

Пріемъ со стороны барынь былъ полонъ сочувствія, притворнаго или нѣтъ, это для Вѣры было все равно, лишь бы уйти поскорѣе отъ нихъ, да подальше. Барышни, болѣе или менѣе хорошенькія, были по крайней мѣрѣ всѣ граціозны. Онѣ очень мило познакомились съ Вѣрою, очень мило прохаживались по залѣ, и очень любезно разговаривали съ молодыми людьми, любезными также. Говорили вообще всѣ по французски, даже о Севастополѣ и Балаклавѣ, произнося названіе этихъ городовъ на иностранный ладъ.

Маша и среди нарядныхъ гостей своихъ была очень дика. Строго и чинно подходила она къ нимъ, обмѣнивалась необходимыми словами, и снова уходила, спокойно, плавно. Видъ у нея былъ очень гордый.

— Царица ты моя! приласкалъ ее мимоходомъ отецъ.

Маша очень часто и внимательно посматривала въ ту сторону, гдѣ сидѣла Вѣра: было замѣтно, что она слѣдила за нею сердцемъ.

Въ это время въ Севастополѣ гремѣли пушки. Въ домахъ мирныхъ обывателей столицы щипали корпію. Панихиды по убитымъ служились все чаще и чаще. Патріотическія рѣчи произносились на чистомъ французскомъ діалектѣ, но уже начинало входить въ моду говорить по русски. Балы и вечера все рѣже и рѣже назывались по имени, а больше: réunions или jours fixes.

Въ числѣ гостей первое мѣсто, очевидно для Вѣры, занималъ Иванъ Павловичъ Ш., начальникъ брата ея,

Алексѣя. Къ нему особенно внимательны были тетенька и старикъ дядя, а онъ какъ то особенно низко сгибался передъ Машею, но и въ этомъ почтительномъ движеніи было что то высокомѣрное, на что Маша отвѣчала совершенно уже несгибаемостью. Говорилъ этотъ господинъ очень громко, какъ бы считая слова свои за авторитетъ неопровержимый; красивый и видный, онъ стоялъ картинно; съ невѣроятною самоувѣренностью играя административными идеями; кидая въ воздухъ шутя системы и имена великихъ людей. Онъ показался Вѣрѣ крайне антипатичнымъ; самый голосъ его раздражалъ ей нервы. Каждое слово его звучало, какъ бы фальшивою нотою; ей на каждое хотѣлось ему сказать: „неправда“. Такъ оно и вышло бы, потому что все, что онъ говорилъ, были одни слова, и онъ ихъ опровергалъ тотчасъ же самъ, развивая идею, совершенно противоположную той, которую только что развивалъ передъ тѣмъ. Впослѣдствіи, Вѣра встрѣчала такихъ людей десятками.

Крича о Севастополѣ, онъ ронялъ, пятналъ все и всѣхъ. Народа онъ не любилъ, и не уважалъ, не хотѣлъ вѣрить въ его силы, видѣлъ въ немъ „стадо подъяремныхъ“, какъ онъ выразился.

— Вы это почему знаете? рѣзко прервала рѣчь его Маша.

— Изъ всей его исторіи, сухо отозвался воинъ дипломатъ, смягчая между тѣмъ отвѣтъ свой улыбкою.

— Ну, да, вы это знаете по книгѣ, а я почти двадцать лѣтъ прожила съ нимъ, и знаю, что народъ нашъ безусловно добръ и хорошъ! отвернувшись отъ него, сказала Маша.

— Славно, Марья Владиміровна! такихъ вещей спускать не слѣдуетъ, похвалилъ ее почти вслухъ одинъ господинъ, отдѣлившись отъ группы, которая окружала барина оратора.

Завязался разговоръ о народѣ. Голоса въ его пользу были впрочемъ слабѣе.

— Mademoiselle Marie, сыграйте, шепнула ей одна завитая блондинка.

Маша, не сказавъ ни слова, заиграла громкій вальсъ. Въ залѣ закружились пары. Le charmant занималъ и потѣшалъ барышенъ.

Между тѣмъ представимъ читателю господина, который похвалилъ Машу: это былъ еще одинъ изъ родственниковъ Вѣры, сынъ двоюроднаго брата ея и Машиной матери, Александръ Сергѣевичъ Р. Жилъ онъ въ своемъ имѣніи, въ которомъ завелъ хозяйство, какъ говорили, образцовое, верстахъ въ трехъ отъ с—го имѣнія Катерины Петровны. Все дѣтство свое Маша провела съ нимъ вмѣстѣ.

Онъ пріѣхалъ въ тотъ же день утромъ, по какому то спорному дѣлу дяди, имѣніями котораго тоже завѣдовалъ, и остался на это время у него въ домѣ. За столомъ онъ говорилъ съ дядею по русски о какихъ то заводахъ, и ни разу не вмѣшался въ дамскій разговоръ; на дамъ, казалось, онъ смотрѣлъ какъ будто потому только, что онѣ попадались въ томъ направленіи, по которому глаза его смотрѣли на всякій другой предметъ. Загорѣлая, загрубѣлая рука его часто гладила усы, торчавшіе щеткою, и еще чаще всѣми пятью пальцами проводила борозды по сухимъ свѣтложелтымъ волосамъ, по видимому никогда не знавшимъ гребня. На

видъ онъ былъ совершеннымъ степнякомъ, но и ни мало этимъ не стѣснялся, напротивъ, какъ будто щеголялъ этимъ; фигура его была высокая, сильная; широко развитая голова, умный взглядъ, брильянтъ на рукѣ, трепавшей волоса; но невнимательность и неряшливость въ одеждѣ, роняли его въ глазахъ барышенъ: онѣ безпощадно трунили между собою надъ его растрепанностью. И Вѣра, послѣ стола, замѣтила, что не худо бы причесать его.

— Не нужно, сухо сказала Маша; ты не то о немъ скажешь, когда узнаешь его поближе. Онъ много добраго сдѣлалъ въ жизни.

За этотъ вечеръ и Маша и Вѣра получили отъ Катерины Петровны выговоръ: Маша за возраженіе Ивану Павловичу, а Вѣра за то, что часа полтора сидѣла и говорила съ однимъ юношею, по прозванію „Джальма", что́, вѣроятно, всѣмъ бросилось въ глаза, замѣтила тетенька.

Свѣтская дрессировка не допускала ни слова, ни шага, ни минуты лишней разговора съ кѣмъ бы то ни было; любезною предписывалось быть со всѣми одинаково. Всѣ цѣли круга, въ которой приняли Вѣру, были направлены къ тому, чтобы выработать отлично выдрессированныхъ барышенъ.

Тетенька не терпѣла отступленій отъ кодекса общества, не хотѣла даже и слышать, чтобы говорили о ея дочери и племянницахъ.

На другой день, послѣ кофе, тетушка прислала за Вѣрою и Сонею, и онѣ застали ее въ жаркомъ разговорѣ съ Батильдою, француженкою модисткою. Имъ уже были куплены платья, и француженка приступила къ сниманію съ нихъ мѣрокъ.

Катерина Петровна была совершенно въ своей сферѣ, занятая серьозными преніями съ француженкою, у стола, заваленнаго блондами, газомъ, цвѣтами, соображая цвѣтъ лентъ, отдѣлку, буфы или оборки, берта или кружево пойдутъ къ такому то платью, къ лифу или букетамъ, для Маши. Это составляло каждое утро предметъ глубокомысленнаго, продолжительнаго обсужденія. Вѣру и Соню предполагали одѣть очень мило, но, главное, по лѣтамъ: чтобы дисгармоніи, въ туалетѣ, по собственному отзыву тетеньки, сохрани Богъ, не было.

Съ той минуты, какъ тетушка радушно приняла сиротъ. „безъ рода и племени“, въ свой домъ, она приняла ихъ и въ доброе свое сердце, какъ дѣтей родной сестры, по ея же собственному отзыву; вмѣсто одной дочери, у нея стало ихъ три; у стола совѣщаній прибавилась ей еще пріятная забота: одна дочь, говорила она, у нея очень смуглая цвѣтомъ лица, другія очень бѣленькія,—необходимо, слѣдовательно, „combiner et coordonner bien des articles“, выражалась она пресерьозно.

Вѣра всматривалась и прислушивалась. Въ этомъ кругу все ей было ново, и она разбирала и соображала, какъ и тетушка, bien des articles... Маша никогда ни на что не возражала матери, но Вѣра замѣтила, что она ее часто и не слыхала, и не слушала.

И Вѣру начали вывозить на вечера, или réunions sans fleurs. Приходили имъ убирать на вечеръ волоса: при этомъ важномъ дѣлѣ, тетушка всегда присутствовала. Здѣсь подвить, на вискахъ приподнять, бантъ спустить пониже, слышались ея всегда кроткія приказанія.

Маша, во время ихъ исполненія, сидѣла какъ истуканъ. Вѣру это очень занимало, какъ новость.

Во все время одѣванья, тетушка давала ей совѣты относительно туалета, и прикалывала при себѣ до послѣдней нитки, что называется. Когда онѣ были готовы, она, отступя шага на три, окидывала ихъ строго-критическимъ взглядомъ.

Пріѣзжали онѣ на вечеръ: при шорохѣ легкихъ шаговъ и воздушнаго наряда, оборачивалась толпа мужчинъ, обрамлявшая залу. Совершенство дрессировки состояло въ томъ, чтобы выдерживать, безъ малѣйшаго смущенія и застѣнчивости, съ равнодушнымъ, до наглости невиннымъ и спокойнымъ, видомъ, весь этотъ перекрестный огонь взглядовъ. Вѣра отъ этого положительно страдала.

Раза два въ недѣлю онѣ практиковались въ залахъ, на réunions sans fleurs, вечера два въ театрѣ; остальные же вечера, за исключеніемъ пріемнаго воскресенья, принимали сами, самыхъ близкихъ, своихъ, въ маленькой гостиной Маши.

Вѣрѣ такая жизнь на время понравилась: какъ въ чтеніи романовъ, она въ ней нашла опіумъ. Ей показалась очень удобною система убивать время, заглушать въ себѣ голосъ вопросовъ, не быть никогда одною, не имѣть возможности задуматься, и она, съ лихорадкою увлеченія, отдалась жизни, къ которой, впрочемъ, въ совершенствѣ готовила ее Маргарита Альбертовна. Жизнь эта была такъ легка, такъ мало для нея требовалось сердца и истины, такъ она была поверхностна, такъ плавно текла отъ утренняго чая на серебрѣ и фарфорѣ до отличнаго обѣда, и отъ обѣда до поздней ночи, послѣ вечера безъ цвѣтовъ или пріема гостей, что Вѣрѣ стоило лишь поддаться ей, стоило только не думать. И

она на всѣ праздники рѣшилась поддаться и не думать; выслушивать изящную лесть ей показалось лучше, чѣмъ говорить самой; стали ей возить букеты и сюрпризы, полюбились ей гостиныя, гдѣ такъ легко живется, обстановка изъ позолоты и прочія причуды роскоши, отъ которыхъ Маша видимо отворачивалась, но подчинялась всему, что уже заведено, какъ выражалась мать ея.

Вѣра замѣчала не разъ, что тетушка и Алексѣй Владиміровичъ, когда что нибудь разсказываютъ, передаютъ не совсѣмъ вѣрно: такъ, а между тѣмъ не такъ выходитъ, какъ было. Это ей крайне непріятно было замѣтить. И вообще многое ее возмущало. Она въ такихъ случаяхъ смотрѣла на Машу: Маша молчала, и Вѣра сочла за лучшее возмущаться, чѣмъ бы то ни было, про себя. Она вообще большею частью бывала одна, или въ комнатѣ Маши.

Вставали въ домѣ поздно, потому что ложились далеко за полночь, и до обѣда барышни не успѣвали ничего сдѣлать, да и нечего было: онѣ гуляли или катались послѣ завтрака, ради здоровья, заѣзжали куда нибудь въ магазинъ, по порученію тетушки. До обѣда бывали утренніе визиты; къ обѣду пріѣзжали родные дяди или двое, трое изъ товарищей Алексѣя; вечеромъ еще другіе гости, которые садились играть въ карты, когда дядя былъ не въ клубѣ, а тетушка не на вечерѣ съ дѣтьми; словомъ, онѣ жили рѣшительно какъ всѣ, по выраженію тетушки. Жизнь, какую вели въ этомъ домѣ, можно было по справедливости назвать самою ненужною, самою лишнею въ мірѣ, въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ.

Машѣ было чрезвычайно тяжело укладываться въ эту

рамку, и она, несмотря на стѣсненіе, умѣла таки выкроить себѣ хоть немного свободнаго времени: она вставала рано, какъ привыкла въ деревнѣ, и долго читала предъ кіотомъ но старенькому молитвеннику, подаренному еще въ дѣтствѣ бабушкою, память которой Маша свято чтила; помолившись, и пока все еще спало въ домѣ, она распоряжалась обѣдомъ и хозяйствомъ; потомъ принималась работать: у нея всегда было накроено множество платьицъ, дѣтскихъ кофточекъ, нагрудничковъ и разнаго бѣлья, которое, какъ только было сшито, исчезало Богъ вѣсть куда. Послѣ полудня, услышавъ звонокъ въ спальнѣ матери, и Маша начинала одѣваться, начинала жить, какъ всѣ. И Вѣра вставала рано, и, въ продолженіе всѣхъ праздниковъ, съ большимъ вниманіемъ читала Лафатера, котораго нашла въ библіотекѣ у дяди. Съ Вѣрою, Маша была добра и ласкова, какъ съ сестрою, которую любитъ. Однакожъ, разговоровъ между ними почти никакихъ не было.

Ни съ кѣмъ не вела Маша такъ долго разговоровъ, какъ съ братомъ Александромъ Сергѣевичемъ; присутствіемъ Вѣры они не стѣснялись, и Вѣра слышала ихъ бесѣды „о нашихъ“, какъ они выражались. Поименно называла Маша дѣтей Авдотьи Кузьминой, Марка Прохорова и др. Александръ иногда записывалъ мысль, которую она ему подавала относительно ихъ, а Вѣра вслушивалась, не совсѣмъ понимая въ чемъ дѣло. При разговорахъ этихъ, Маша вся какъ будто оттаявала.

Въ маленькой гостиной, когда барышни проводили вечеръ дома, зажигался фонарикъ въ углу и большая лампа; туда же приносили и чайный сервизъ, пріѣзжала любимая внучка старика дяди, Софья Андреевна Т., мо-

лоденькая болѣзненная женщина, съ сестрою своею Нелли (подругою Вѣры) и сынкомъ Сережею. Пріѣзжалъ раньше всѣхъ принцъ Джальма, и за нимъ еще кое кто изъ товарищей Алексѣя. Величественная фигура Ивана Павловича мало по малу переселилась совсѣмъ изъ парадныхъ гостиныхъ въ маленькую, въ эти пріемные дни. Взъерошенная голова Александра торчала непремѣнно въ эти вечера тутъ же, гдѣ нибудь въ углу, за кустомъ зелени и подальше отъ круглаго стола, за которымъ всѣ сидѣли.

Маша обыкновенно располагалась за этимъ столомъ съ работою, и раздавала ее охотно, если вызывались помочь ей.

Маша чрезвычайно оберегала эту маленькую гостиную отъ вторженія въ нее свѣтскихъ барышенъ:

— Для нихъ есть пріемные дни! говорила она.

Онѣ, однакожъ, случайно врывались въ нее, и, до пріѣзда гостей, тутъ велись разговоры интимные. Ихъ то болѣе и боялась Маша.

Свѣтскія пріятельницы, какъ будто, имѣли цѣлью руководить ихъ: онѣ были, конечно, опытнѣе въ наукѣ свѣта,—Маша до сихъ поръ жила въ деревнѣ, а Вѣра и Нелли сидѣли еще на школьныхъ скамьяхъ; онѣ же съ дѣтства усвоили себѣ стѣснительные уставы, сжились съ ними какъ съ корсетомъ, и давно уже выучились пользоваться изподтишка всѣмъ, что было можно утянуть у контроля приличій. Вели онѣ легонькія интрижки, не компрометировавшія ихъ будущности, читали далеко не идеальныя повѣсти, и мило подсмѣивались надъ тѣми, которыя „заѣдены романтизмомъ,“ говорили онѣ, бросая камешки въ чужой огородъ...

Маша всегда отмалчивалась, и ни на что не возражала. Но суровѣе чѣмъ когда либо она бывала во время этихъ посѣщеній.

Молчаніе это, однакожъ, придавало духу барышнямъ. Взглядъ ихъ на бракъ выражался словомъ карьера, т. е. извѣстною цифрою дохода, которая давала бы возможность имѣть ложу, салонъ, экипажъ и прочій комфортъ обстановки, какъ необходимой рамки для красоты свѣтской женщины.

Вслѣдствіе чтенія, онѣ были подчасъ циничны: изъ хорошенькаго рта лились грязные анекдоты, цитировался Боккаччіо и другіе перлы самоуслаждающагося повѣствованіемъ разврата. Между тѣмъ, эти же самыя барышни, въ обществѣ мужчинъ, говорили о поэзіи, были воздушны, наивны, бѣлы, какъ херувимы; умѣли, даже краснѣть, - умѣли, словомъ, вполнѣ владѣть собою, какъ называли глубокую свою, въѣвшуюся въ нихъ, лживость. Ее, съ дѣтства, навязали имъ Маргариты Альбертовны и какія нибудь Бриге изъ Бретани или Нормандіи, а онѣ, по дружбѣ, брались учить ей непосвященныхъ.

Маша считала грѣхомъ ихъ слушать. „Отчего же она никогда не рѣшалась имъ это высказать“? думала Вѣра. Не рѣшалась: никогда ни однимъ словомъ не останавливала ихъ. Ей, можетъ быть, казалось, что слово грѣхъ прозвучитъ такъ странно въ этомъ обществѣ? или отъ излишняго смиренія, думала что въ иныхъ отношеніяхъ она еще хуже ихъ? или не желала она осуждать ихъ? Вѣра этого не понимала, и на вопросы свои объ этомъ молчаніи Маши, получала въ отвѣтъ—одно молчаніе.

Одинъ изъ такихъ бѣлыхъ херувимовъ вспорхнулъ въ

маленькую ихъ гостиную однажды dans l'avant-soirée, и Вѣра выслушала, не въ первый уже разъ, полный кодексъ нравоученій о цѣли жизни и о назначеніи женщины. Вѣра сидѣла съ Машею еще вдвоемъ; онѣ шили дѣтскіе переднички; Лидія Н. впорхнула буквально, и стройная фигура ея, вся въ кружевахъ, перевитыхъ листьями водяныхъ растеній, умѣстилась граціозно на козеткѣ. Воздушная, какъ нимфа, она раскрыла малиновый ротикъ, и перлы жительской мудрости полились изъ него.

— Что же вы думаете, m-lle Вѣра, или m-lle de Cardoville, — говорила она намекая на Джальму, — что можно соединить ваше нѣжное сердце съ нѣжнымъ сердцемъ вашего принца? Вы совершенно ошибаетесь; всѣ такіе господа очень милы, но они не партія: у принца множество братьевъ, и въ перспективѣ у васъ съ нимъ— хижина и сердце. Тотчасъ послѣ свадьбы пришлось бы ему выдти въ отставку, и уѣхать въ крошечный уголокъ, который, по раздѣлу, пришелся бы на его долю, а тамъ занятія извѣстныя: начнете хозяйничать, т. е. влѣзете въ широчайшій капотъ, и приметесь разводить картофель, да выводить цыплятъ. Вы, пожалуйста, не сдѣлайте глупости; не дайте воли своему сердцу: стоитъ лишь въ началѣ сдѣлать надъ нимъ маленькое усиліе, а потомъ не будетъ даже надобности ему и приказывать; оно не забьется предъ такою мелочью. Вольдемары и ему подобные могутъ влюбляться, привозить букеты, съ ними ловко танцовать, а кончать сезонъ юности слѣдуетъ...

Я позволяю себѣ не кончить ея рѣчи: она Вѣрѣ была противна, и Вѣра съ трудомъ сдерживала рѣзкое

возраженіе, подражая молчанію Маши. Когда Лидія выпорхнула, едва шелестя кружевами, Вѣра не могла не выразить сестрѣ горячаго негодованія противъ такой безнравственности.

Въ первый разъ Маша, наконецъ, предъ сестрою высказалась. Молчаніе, какъ видно, душило ее.

— Не осуждай ихъ, Вѣра, это грѣхъ. И такъ уже, что мы ни дѣлаемъ, все грѣхъ: о себѣ только мы и думаемъ, для свѣта наряжаемся мы, для него поемъ и танцуемъ; все это, Вѣра, не христіанская жизнь. Но что же дѣлать? неповиновеніе власти, надъ нами поставленной, грѣхъ еще большій: такъ покойница бабушка учила, и царство небесное, конечно, себѣ она приготовила святою своею жизнію. Намъ говорятъ: въ свѣтѣ нужно жить, какъ всѣ, не отличаться отъ другихъ никакими странностями, чтобы не дать говорить о себѣ: ну, вотъ мы такъ и живемъ, и дѣлаемъ, что всѣ дѣлаютъ, и замужъ пойдемъ, какъ и всѣ идутъ, не спросясь у сердца, съ кѣмъ бы оно хотѣло вмѣстѣ вѣкъ прожить, много бы добрыхъ дѣлъ заготовить, и вмѣстѣ къ Христу, въ Его царствіе небесное, отойти съ миромъ!... А что пользы въ томъ, что у насъ иногда мечта о такомъ счастіи пріютилась въ сердцѣ?—ей не дадутъ сбыться. И у меня была мечта, Вѣрочка, но не суждено ей отъ Господа исполниться: лучшей доли я себѣ никогда не желала какъ въ томъ домикѣ, надъ озеромъ, поселиться, который Александръ Сергѣевичъ называетъ хуторкомъ, и гдѣ собраны у него при фабрикѣ всѣ маленькія сироты изъ околодка! Миръ тамъ какой, Вѣрочка: вербы и рябины шелестятъ кругомъ; въ нихъ хоры птичекъ не умолкаютъ; подъ тѣнью ихъ дѣтскіе голоса звенятъ; а въ домикѣ,

Вѣра, душа ликуетъ: чувствуешь, что ангелы Божіи осѣняютъ крыломъ и кусты эти молодые, и эту кровлю, жилище праведника! Всѣхъ безродныхъ изъ села Александръ Сергѣевичъ около себя собралъ; ребятокъ семнадцать у него теперь; когда подростутъ, онъ хочетъ ихъ ремесламъ обучать, по паспорту ихъ отпуститъ, чтобы у нихъ у каждаго свой кусокъ хлѣба былъ. Въ кругу ихъ онъ точно отецъ родной,—и учитъ, и ласкаетъ, и возиться съ ними по лугу начнетъ—такъ, видишь ли, Вѣрочка, я кажется, съ желѣзными нервами, а право, какъ гляжу на него съ ними, умиленіе такъ и охватываетъ! И изъ ничего все это началось: съ двухъ дѣвочекъ началось, пригрѣтыхъ имъ о имени Господни. А теперь школа рядомъ съ фабрикою строится, и всѣ изъ окрестностей туда, вѣроятно, посылать дѣтей будутъ, и кто побогаче изъ сосѣдей тѣ обѣщали за бѣдныхъ вносить. Добрая мысль всегда плоды приноситъ... Все то Александръ Сергѣевичъ умѣетъ самъ сдѣлать: возьметъ топоръ, учитъ ихъ плотничать; все спорится у него въ рукахъ, все идётъ живо, и выходитъ хорошо. Трудолюбивъ онъ необыкновенно: постоянно занятъ,—то учитъ малютокъ, то неводъ свяжетъ, рыбы съ ними наловитъ, стрѣлять пойдетъ, идетъ, видно, что усталъ, а кричитъ имъ еще издали, такъ весело: „дѣтки мои, на нынѣшній день, слава Богу, я вамъ промыслилъ!“ И все то онъ съ ними подѣлитъ. Смотрѣть, такъ сердце радуется, тихою такою радостью! Каждое воскресенье и праздникъ Божій въ церковь ведетъ дѣтокъ своихъ, на клиросъ ихъ поставитъ, и цѣлый хоръ выучилъ: поютъ малютки, вытягиваютъ голосенками; онъ тутъ же стоитъ, подпѣваетъ имъ басомъ, да, скрестя руки, на мѣстный образъ

Спасителя все смотритъ, глазъ съ него не спуститъ, а что дѣти его дѣлаютъ, все замѣтитъ. Какъ теперь все это передъ мною, Вѣрочка, и вижу я, и слышу ихъ всѣхъ!... А дѣлать я должна все то, что мнѣ приказываютъ, и дѣлаю я, воля Господня на то! Если бы къ чему нибудь я была пригодна у него на хуторкѣ, то Господь меня и поселилъ бы тамъ... Но, должно быть, другой путь мнѣ указанъ...

Столько тоски и нѣжности звучало въ каждомъ словѣ ея рѣчи, столь различной по смыслу и языку съ обычнымъ говоромъ этой гостиной, что у Вѣры отходило на сердцѣ послѣ рѣчи Лидіи: она съ благоговѣніемъ слушала Машу, а взглядъ Маши смотрѣлъ куда то вдаль, на хуторокъ, быть можетъ...

— Всѣ то, Вѣрочка, продолжала она, тихимъ, ласковымъ шопотомъ, къ нему на хуторокъ этотъ идутъ: и женщины больныя, лекарствица попросить, и старики, о своихъ нуждахъ сказать; кто за совѣтомъ плетется издалека; кто съ горемъ; кто за помощью и про всѣхъ, все и всегда у него есть. „Дающаго рука не оскудѣваетъ!“ Ни одного то онъ нищаго не пропуститъ: напоитъ, накормитъ, утѣшитъ, а главное пристроитъ. Самъ своими руками флигелекъ еще поставилъ; изъ нашего села охотою, міромъ, перебивая другъ друга, ему печи смазали, дровъ навозили, тыномъ обнесли; дѣти акацій насадили; тутъ живутъ теперь три круглыя сиротки, которыхъ онъ на наперти подобралъ, и старушка убогая тутъ же съ ними поселена. Вотъ гдѣ, Вѣрочка, и мое сердце живетъ!... Еслибы не воля родительская, я бы на такой же подвигъ пошла, за бѣдными ходила бы. А мнѣ велятъ по барски жить; за мною полтораста ты-

сячъ въ приданое дадутъ, которыя мнѣ бабушка отдѣлила, обвѣшаютъ меня родовыми брилліантами, гербы на каретахъ напишутъ! Никто и не спроситъ, никому и не скажу я, что все то мое счастіе тамъ на хуторкѣ!..

Двѣ крупныя слезы сбѣжали по щекамъ Маши на дѣтскій передничекъ, назначавшійся вѣроятно для сиротъ школы.

Маша, казалось, не замѣчала и слезъ этихъ: глаза ея, погасшіе, унылые, смотрѣли пристально; чудились ей, какъ будто, дѣтскій хоръ на далекомъ клиросѣ, знакомые звуки фабрики, да голоса любимые, на берегу роднаго озера.

— Маша, прервала Вѣра ея думу, зачѣмъ же ты не говоришь отцу и матери? если тебя не отдадутъ за Александра, ты сама поди! Вѣдь ты видишь, что твое счастье съ нимъ, и не одно твое, а счастье многихъ: ты ему такъ хорошо помогать стала бы!

— Нельзя такъ, дѣвочка!.. Бабушка догадывалась, видя, что я все шью, и каждое утро хожу учить читать на хуторокъ. И говорила со мною... я и не таилась отъ нея. Она вскользь одинъ разъ и сказала сыну, — отцу моему, — что Маша какъ будто создана для жизни трудолюбивой и хлопотливой, какъ на хуторкѣ; отецъ сухо отвѣчалъ, что это ей только такъ кажется. Тѣмъ разговоръ кончился, и никогда потомъ не возобновлялся. Родители желаютъ для меня мужа сановитаго, важнаго, на видномъ мѣстѣ. Бабушка, видя мою грусть, стала мнѣ тогда указывать пути, какіе мнѣ самъ Богъ указыталъ: путь, которымъ Господь предназначилъ мнѣ идти, есть тотъ, какой укажутъ мои родители, объясняла она, и именно тотъ путь, на которомъ Онъ опредѣлилъ душевнымъ

моимъ силамъ развиваться; учила она меня смотрѣть на жизнь взглядомъ христіанина: Господь опредѣлилъ каждаго на то именно мѣсто, гдѣ жить ему, не отраднѣе, а полезнѣе; гдѣ нужнѣе онъ для брата своего о Христѣ, говорила бабушка. Я родилась богатою и именитою; мнѣ много было дано, съ меня много и спросится. И бабушка родилась и умерла именитою и богатою, — такъ она и принимала это отъ Бога: что ни одного таланта нельзя намъ въ землю зарыть, и ни одного она не зарыла. На много десятковъ верстъ кругомъ благословляли ея добрую жизнь и благія дѣла! Внушала она мнѣ безусловное повиновеніе волѣ родительской; она сама шла за немилаго, по желанію матери; во всемъ, въ каждомъ шагѣ жизни нашей, она заповѣдала мнѣ видѣть волю Божію, и все, что мнѣ предписано исполнить, я исполню свято, съ полною вѣрою въ Того, Кто направляетъ шаги мои для своихъ цѣлей. Къ тому же, Александръ никогда не любилъ меня иначе, какъ сестру. Онъ всегда говорилъ, что во мнѣ мужской складъ характера, что у меня свѣтлая голова, много честности и теплое сердце, и я была бы отличнымъ администраторомъ; но ему и въ умъ никогда не пришло, что сердце мое доступно слабости желать отъ него слова одобренія, совѣта и помощи для пути, на которомъ я хотѣла бы идти съ нимъ вмѣстѣ!

И ни слова ропота не слыхалъ никто отъ Маши: какъ будто каменная сила ее поддерживала!

Тяжелая грусть запала Вѣрѣ въ сердце, смотря на это спокойствіе, въ смыслъ котораго она теперь проникала.

Къ чаю начало собираться маленькое общество родныхъ; вернулся и Александръ, на грубую руку котораго

Вѣра посмотрѣла съ почтеніемъ... Маша, при ихъ появленіи, стала снова прежнею Машею, неподвижною и холодною; другъ ея снова усѣлся въ уголъ, откуда Ольга— еще кузина, съ которою Вѣра также недавно познакомилась,—не разъ замѣчала, что онъ не спускалъ съ Вѣры глазъ.

— Помогите, сестры, сказала Маша: надо вотъ это обшить; а вы, Вѣра съ Ольгою, сшейте по рукавчику; нынче вечеромъ необходимо кончить...

Дѣвушки устроились у лампы дошивать суконный дѣтскій кафтанчикъ. Софья Андреевна, бѣлая и нѣжная, апатично раскинувшись въ креслѣ, отложила вѣеръ, и попросила себѣ тоже работы.

— Не хочешь ли рѣзать этотъ муаръ по выкройкѣ? эта работа по тебѣ, изящная, сказала Маша, передавая ей кусокъ голубой матеріи, изъ которой устроивала швейцарскій лифъ для Ольги, къ предстоявшему имъ, черезъ день, вечеру въ костюмахъ.

Софья взяла; но ножницы и выкройка валились отъ скуки изъ ея рукъ.

Она непримѣтно зѣвнула.

Алексѣй придвинулся къ Ольгѣ. Глаза ея загорѣлись.

На столѣ лежало нѣсколько книгъ. Ольга живо открыла одну изъ нихъ и остановила свой палецъ на первыхъ строкахъ открывшейся страницы:

«И зароютъ въ сырую могилу,
Какъ пройдешь ты тяжелый свой путь,
Безполезно пропавшую силу
И ничѣмъ несогрѣтую грудь!»

открылось ей. — Неужели?.. изумилась Ольга. Глаза ея широко раскрылись.

— Не можетъ быть! рѣшила она, и быстрымъ движеніемъ отбросила назадъ кудри свои и смѣло улыбнулась. Самонадѣянность вдругъ смѣнилась, однакожъ, безотчетнымъ испугомъ, который въ чужой жизни хотѣлъ свою прочитать; но мгновенно Ольга просіяла снова. Для меня это не можетъ быть! И неужели, cousin, чья нибудь жизнь оправдала на себѣ такое страшное пророчество? спрашивала она.

— Вчера, мягкимъ голосомъ и какъ бы провѣряя свое вчера, отвѣчалъ Алексѣй, вчера, я, можетъ быть, сказалъ бы вамъ: да, бываетъ. Сегодня же... сегодня, вашъ взглядъ такъ тепло грѣетъ... понизилъ онъ голосъ, нагибаясь къ ней, и мнѣ кажется, что нѣтъ существа, для котораго не блеснулъ бы хоть разъ въ жизни лучъ солнца!

— Не можетъ быть: „Безполезно пропавшую силу!“ сказала Вѣра; есть силы, съ которыми самой, кажется, судьбѣ не сладить; онѣ безполезно пропасть не могутъ. Не правда ли, Маша?

— А можетъ быть: „Ничѣмъ не согрѣтую грудь?“ встрепенулась Софья Андреевна. Какой ужасъ въ словѣ могила! Какова бы ни была жизнь, могила еще страшнѣе.

Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ, и свернувшись какъ кошечка, прикрывшись плотнѣе своимъ бѣлымъ пардесю, въ безотчетномъ испугѣ прильнула къ Машѣ.

Машѣ предстояло предсѣдательствовать за чайнымъ столомъ и рѣзать ананасъ; Ольга вызвалась замѣнить ее: ей не шилось. Нелли прилежно работала. Маша передала Вѣрѣ чай, а Ольгѣ ананасъ. Ольга стала помогать Вѣрѣ; принцъ Джальма, Алексѣй и еще юноша со шпорами, разносили чашки и стаканы: они въ этой

маленькой гостиной хозяйничали сами. Алексѣй сталъ хлопотать съ Ольгой около ананаса; въ ихъ маленькомъ мірѣ видимо происходило что-то важное; cousin, именованный le charmant, ворковалъ ей нѣжности.

Иванъ Павловичъ вдругъ шумно и звонко предсталъ передъ ними, отговариваясь отъ карточки, которую предлагалъ ему хозяинъ дома.

— Я къ вашему обществу, mesdames, позволите, Марья Владиміровна? говорилъ, онъ, усаживаясь у столика. Маша молча поклонилась. Madame, toujours belle! привѣтствовалъ онъ Софью, которая на мгновеніе лишь встрепенулась, и потомъ снова какъ будто уснула.

Лакей внесъ въ вазѣ огромный, душистый букетъ; Иванъ Павловичъ взялъ его и поставилъ передъ Машею. Она только взглянула.

— Александръ Сергѣевичъ, подошла къ нему Вѣра, васъ не видно и не слышно тутъ въ уголкѣ. Подсядьте къ намъ, поговоримте.

— Вѣра Петровна, я вѣдь не мастеръ, сказалъ Александръ.

— Тогда я вамъ другое дѣло дамъ; я видѣла вчера вашъ рисунокъ здѣсь на столѣ, и признаю въ васъ истинный талантъ: срисуйте насъ въ группѣ.

— Группу, пожалуй, нарисую, но выраженій и лицъ не требуйте: есть между нами выраженія такія, которыя требуютъ кисти, и великой кисти.

— Какія? гдѣ? спросила Вѣра.

— Это тайна художника, отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— Я любопытна до крайности, Александръ Сергѣевичъ, настаивала Вѣра.

— M-lle Вѣра, еще два стакана, замѣтилъ ей одинъ изъ юношей.

Сережа, Соня и Миша суетились тутъ же. Сережа шумѣлъ, возился, велъ себя en enfant terrible, и, наконецъ, толкнувши матовый фонарикъ, за что Алексѣй хотѣлъ схватить его за ухо, прибѣжалъ спрятаться за мать.

— Вѣра, усади же дѣтей за чай, напомнила ей издали Маша, не переставая шить.

Сережа былъ, между тѣмъ, уже у стола, и тянулся изъ-за лампы къ машиному букету, выпрашивая одинъ изъ розовыхъ олеандровъ, изъ самой середины.

— Братъ, сказала Маша Алексѣю, не отрываясь отъ работы, пожалуйста, угоди ему, достань изъ букета цвѣтокъ, который ему хочется.

Алексѣй началъ отдѣлять отъ букета розовый цвѣтокъ. Сережа между тѣмъ приставалъ: что это за цвѣтокъ? какъ зовутъ цвѣтокъ?

— Шалунусъ мальчишкарумъ, назвалъ Алексѣй неустрашимо, какъ подобало воину, и смотря прямо въ глаза нѣжной матери Сережи.

— Неправда! не такъ! гдѣ онъ ростетъ? настаивалъ, быть можетъ, будущій ботаникъ.

— Въ герцогствѣ шлопенъ-шлопенбахскомъ, отвѣчалъ серьозно братъ Маши.

— Такого нѣтъ! вступилась энциклопедичность ученаго Миши, получившаго недавно пять за географію.

— Въ твоемъ классѣ объ этомъ еще не проходили, поддержалъ Джальма своего товарища.

Ольга звонко смѣялась. Ей, казалось, некуда было дѣвать радости, прихлынувшей къ сердцу.

Вѣра усадила будущихъ ученыхъ за чайный столъ. Александръ набрасывалъ эскиссъ картины.

Принцъ Джальма, разсказывая разныя городскія новости, между прочимъ объявилъ, что Лидія Н*** выходитъ, говорятъ, замужъ.

— За кого? Кто онъ? любопытствовала Вѣра о каррьерѣ, которую она дѣлала послѣ всего, что только что выслушала изъ ея теоріи о жизни.

Человѣкъ онъ очень сѣдой, очень богатый, вотъ все, что о немъ зналъ принцъ.

— Но это невозможно! она его вѣроятно не любитъ. Какъ же она выходитъ? дивилась все таки Вѣра.

— Потому она это дѣлаетъ, что женщинѣ необходимо выдти замужъ, отвѣчалъ Иванъ Павловичъ. Физическая и нравственная природа мужчины сильнѣе женской, потому женщинѣ и нужна поддержка.

Едва замѣтная улыбка скользнула по губамъ Маши.

— Вы самымъ тонкимъ образомъ называете насъ дѣтьми, сказала Вѣра.

— Да; но это и составляетъ прелесть въ женщинѣ! Она не должна быть самостоятельною. Иначе она не можетъ позировать въ обществѣ, какъ опираясь на руку мужчины. Это привилегія нашего пола, и мы ею особенно гордимся, прибавилъ онъ, самодовольно улыбаясь Машѣ.

— Это очень не веселая картина женской жизни! говорила Вѣра.

— А какъ же иначе? Вообще у насъ женщина существо слабое, граціозная тѣнь, нервная, часто больная...

Вѣра невольно взглянула на Софью Андреевну: она въ эту минуту олицетворяла изображеніе „граціозной тѣни“.

Маша холодно разсмѣялась.

— Александръ, возвышая голосъ, обратилась она къ нему, вы любите правду; заступитесь пожалуйста за насъ!

— Я вѣдь не здѣшній, отвѣчалъ Александръ Сергѣевичъ, не поднимая головы отъ рисунка. Я такихъ картинокъ не знаю. У насъ въ С*** губерніи женщина и имѣніемъ управляетъ, и счеты ведетъ не хуже мужчины, сама и судъ и расправу творитъ, притомъ и семью воспитываетъ, и мужа покоитъ. Можетъ быть, здѣсь, онѣ по баламъ истерлись.

— Присутствующіе, разумѣется, составляютъ исключеніе, соблаговолилъ Иванъ Павловичъ.

— А такія онѣ, пробудилась „граціозная тѣнь", потому, что вы — азіаты, а въ насъ желали бы видѣть только гаремъ, выдала Софья Андреевна, можетъ быть, тайну своей хандры и апатіи...

Иванъ Павловичъ что то шепнулъ ей на ухо: она очень немного и слабо улыбнулась.

Иванъ Павловичъ, вслѣдъ за тѣмъ, накинулся на общество, которое находитъ самостоятельность женщины неприличіемъ, а въ невыходѣ ея замужъ — даже нѣчто позорное: чтобы быть краснорѣчивымъ, ему было необходимо на что нибудь накинуться; тогда онъ могъ щегольнуть, или философическимъ взглядомъ, начитанностью, глубокомысліемъ, или ученостью, выказать силу своихъ убѣжденій и уродливость принятаго, котораго былъ самъ первый и самый покорный слуга. Говорили, что онъ уменъ, но особенно много внѣшней отдѣлки было въ этомъ умѣ; чувствовалось, что разныхъ націй гувернеры окружали его дѣтство; что общество comme il faut отшлифовало его внѣшность; что онъ изъ чтенія вы-

бралъ самыя эффектныя мѣста, удержалъ ихъ въ счастливой памяти и цитировалъ очень удачно; слышалось, что онъ всегда какъ будто говоритъ чужими словами.

Несмотря на присутствіе тетеньки, присоединившейся къ нимъ по окончаніи пульки, Вѣра не вытерпѣла, чтобы не сказать Ивану Павловичу, что онъ, какъ кажется, умнѣе всѣхъ, и вѣроятно видитъ средства помочь злу, если видитъ такъ ясно недостатки общества.

У нея на умѣ былъ вопросъ о незаконныхъ дѣтяхъ, но заговорить о нихъ въ этой маленькой гостиной тетушка сочла бы верхомъ неприличія.

Выслушать отвѣта Ивана Павловича ей не пришлось; начался дуэтъ. Ольгѣ и Алексѣю было не до важнаго спора о неблагоустройствѣ общества; они, въ продолженіе спича Ивана Павловича, сидѣли у рояля; Ольга изрѣдка наигрывала начало чего нибудь и кончала отвѣтомъ или взглядомъ: глаза ея сыпали искры, а щеки горѣли. Запѣли они потому, что въ душѣ имъ пѣлось, это слышалось въ ихъ голосѣ: какъ будто вопросы и радость отвѣта сказались въ этихъ звукахъ.

— Charmant! Charmant! закричали имъ всѣ.

— Ольга, при послѣднихъ аккордахъ послышался голосъ Маши, твой рукавчикъ не дошитъ.

— Да? сейчасъ.... Я и забыла объ немъ. Что то усталое выразилось въ отвѣтѣ Ольги, какъ будто разбудили ее не во время.

— Давай, я дошью! предложила Нелли.

— Вы кончили? покажите вашъ рисунокъ, сказала Вѣра Александру.

Молодежь обступила дѣвушку.

На большомъ листѣ, въ рамкѣ изъ колючихъ какту-

совъ, собрана была вся группа, бывшая на лицо, но не въ стѣнахъ, оклеенныхъ бѣловатыми обоями маленькой гостиной, а на первомъ планѣ, широко далеко раскинувшагося луга; скошенное сѣно лежало, собранное по мѣстамъ; на лѣвой сторонѣ пейзажа стояло нѣсколько тополей; на правой, прижавшись къ стволамъ березъ, пряталась въ вѣтвяхъ крыша хорошенькаго домика: крылечко его виднѣлось въ профиль; противъ крылечка, въ рощѣ, была качель. Всѣ лица группы разсѣяны были на этой сценѣ. По военнымъ мундирамъ юношей можно было бы предположить привалъ, если бы не было тутъ и женскихъ, и дѣтскихъ головокъ: Маша сидѣла, прислонясь къ рябинѣ; голова ея, окутанная легкимъ шарфомъ, напоминала одно изъ типическихъ лицъ библейскихъ женщинъ; Иванъ Павловичъ, хотя и лежалъ при ней на травѣ, но лежалъ граціозно и бонтонно: обычная аффектація его пріемовъ была схвачена весьма удачно. Софья Андреевна, обхвативша рукою Сережу, жалась въ нормальной своей позѣ, какъ бы уходя въ себя отъ прикосновенія чего то враждебнаго; Вѣра и Ольга качалась на качели въ вѣнкахъ изъ васильковъ; Алексѣй качалъ ихъ; Нелли, Соня и Миша валялись по сѣну; молодые люди окружали ту или другую группу.

— Какая прелесть! сказала Вѣра. Какъ свѣжимъ сѣномъ пахнетъ отъ этого ландшафта! А тамъ, вдали, должно быть, заря.... Я воображаю ту минуту, когда день догорастъ; изъ всѣхъ овражковъ слышатся звуки; птички стихаютъ; стада домой идутъ... А на арабчикѣ, къ дому, мчится ѣздокъ, съ ребенкомъ на сѣдлѣ передъ собою, досказала она про себя мысль, которою не хотѣла дѣлиться.

— А тутъ, направо, должна быть рѣчка, подхватила Ольга, и стадо журавлей съ берега на зарю полетѣло.... Какъ, помните, когда мы гуляли съ вами, обратилась она къ Алексѣю.

— Узнаете вы это мѣсто, Марья Владиміровна? спросилъ Александръ.

Маша смотрѣла на картинку влажными глазами. При вопросѣ, сдѣланномъ ей, она вмигъ овладѣла собою.

— Да, сказала она: за крышею этого флигелька фабрика, а направо берегъ озера.... Сколько мы, однакожъ, скошенной травы у васъ примяли! Когда мы всѣ уйдемъ отсюда, не забудьте приказать ее перевернуть, прибавила она, съ улыбкою и взглядомъ, полнымъ нѣжности.

Александръ улыбался тоже, глядя на этотъ уголокъ міра съ особенною любовью.

— А это какая тамъ высокая трава? это трава вѣдь, а не деревцо? спросилъ, водя пальчикомъ по рисунку, маленькій ботаникъ.

— Это все изъ того же герцогства шлопенъ-шлопенскаго, поспѣшилъ объяснить ему Алексѣй.

— Vous ne faites que le taquiner, cousin!

(Вы то и дѣло его дразните), жалостно проговорила, прижимаясь къ сыну, Софья Андреевна.

Рисунокъ, переходя изъ рукъ въ руки, удостоиваясь общаго одобренія, дошелъ снова до Вѣры.

— Это вы мнѣ нарисовали? спросила они у Александра.

— Если вамъ угодно, отвѣчалъ онъ.

— Да, только разкрасьте. Ясный горизонтъ сдѣлайте... Далекую, безоблачную синь... А тутъ гору со

спускомъ съ террасы, бурную рѣку внизу, а по камнямъ на конѣ...

— И тишь и буря, прервалъ онъ, вмѣстѣ не бываютъ. Нѣтъ, впрочемъ бываютъ... прибавилъ онъ, глядя на нее пристально; вашъ заказъ... нельзя не исполнить, если бы былъ даже еще невозможнѣе.

— Я васъ заставлю поблагодарить меня, Александръ, сказала Маша съ своимъ спокойнымъ, неулыбающимся видомъ, когда онѣ провожали послѣднихъ гостей; я доставлю вамъ хлопоты, какія вы любите.

— Давайте. Мнѣ надоѣло сидѣть здѣсь и ждать, сложа руки, исхода дѣла, которому и конца, не предвидится, отвѣчалъ онъ.

На слѣдующій день, рано утромъ, Маша и Вѣра одѣлись на скоро. Маша подняла одною рукою два большіе мѣшка, туго чѣмъ то набитые, и онѣ на цыпочкахъ прокрались мимо спальни на парадную лѣстницу. На тротуарѣ же, гдѣ встрѣтилъ ихъ Александръ, Маша чуть не побѣжала: скорѣе, скорѣе, твердила она; снѣгъ хрустѣлъ подъ ея торопливыми шагами, а малиновыя щеки пылали отъ мороза и внутренняго волненія

— Отецъ умеръ, работникъ былъ... каменьщикъ... объясняла она на бѣгу; мать больная лежитъ... мальчикъ есть лѣтъ осьми... нищета страшная, и никого то, ни души у нихъ нѣтъ... Приходила вчера одна женщина ко мнѣ, сказать о ихъ нуждѣ... надо пріискать какую нибудь прислугу къ больной. Пока сдѣлаемъ, что можно, сами...

Пробѣжали они нѣсколько улицъ, вошли во дворъ, спустились въ подвалъ: тѣло покойника лежало, едва прикрытое худенькимъ полушубкомъ; на досчатой кровати

стонала тощая, вся желтая, женщина; исхудалый мальчикъ жался на полу, въ холодный уголъ, у печки.

Вѣрѣ не привыкать было къ такимъ зрѣлищамъ: она вспомнила дѣтство и нищенскія избы, которыя посѣщала съ отцемъ. Маша живо, какъ вошла, сбросила съ себя бархатную шубку и принялась распоряжаться: вынула денегъ, поручила Александру достать дворника и дровъ; онъ вскорѣ явился и съ тѣмъ, и съ другими. Маша послала за кипяткомъ и посудою. Александръ сталъ класть дрова, растоплять печку; сестрѣ Маша велѣла разобрать что было въ мѣшкахъ: одинъ былъ наполненъ съѣстными припасами; въ другомъ, въ числѣ разнаго бѣлья, Вѣра достала полное теплое платье для мальчика. Пока она одѣвала его, Маша отыскала вѣникъ, изъ всѣхъ угловъ вымела сама соръ, повѣсила пологъ надъ больною, покрыла ее новымъ байковымъ одѣяломъ, надѣла теплые чулки. Больная, тяжело дыша, шептала молитвы. Печка затрещала, кипятокъ былъ принесенъ, Александръ заварилъ чай; мальчикъ, одѣтый и обутый въ теплое, съ кускомъ бѣлаго хлѣба въ рукахъ, смотрѣлъ на всѣхъ съ недоумѣвающею улыбкою. Вѣра стала поить его чаемъ; Александръ толковалъ съ дворникомъ о похоронахъ; Маша, приподнявъ голову больной, сама давала ей чаю съ виномъ, наливая на блюдечко. Когда онѣ собрались уходить, тепло и свѣтло стало въ подвалѣ. Маша поручила Александру привезти доктора къ больной, достать нынче же прислугу, похоронить поскорѣе умершаго.

— Когда вылечимъ, пристроимъ и ее и мальчика, говорила она. Псалтирь закажите, напоминала ему Маша, устроивая все поудобнѣе на кровати больной.

— Спаси тебя Господи, моя голубушка! шептала она Машѣ. Подай Онъ тебѣ радость, какую ты себѣ у Него просишь, прошептала бѣдная женщина.

Губы у Маши слегка дрогнули. Она отвернулась, и поспѣшно сѣла. Минуту спустя, на лицѣ ея было выраженіе покорности и терпѣнія, какъ будто она только что сказала про себя: „Да будетъ воля Господня!“

Вернулись они также бѣгомъ; ушли онѣ съ Машею къ себѣ въ комнату, и ни слова у Вѣры не нашлось для нея: такъ она глубоко чувствовала за Машу, такъ страдала съ нею, такъ ей хотѣлось заплакать и поцѣловать эти добрыя труженическія руки! Маша молча принялась кроить опять что-то дѣтское.

— Ты мнѣ давай побольше шить, могла Вѣра вымолвить, едва сдерживая слезы, при воспоминаніи о рубашечкахъ, которыя шила въ Гороховкѣ.

— Хорошо, сказала Маша спокойно.

Религія Маши была проста въ принципѣ: „чтобы какъ можно меньше было страждущихъ въ Божіемъ мірѣ!“ и въ приложеніи его Маша не разсуждала: она не бралась лечить корень зла, а просто отдавала все, что имѣла; видѣть скорбь ей было невыносимо, но именно лишь ту скорбь, которая происходитъ отъ лишеній, отъ недостатковъ матеріальныхъ, отъ утратъ видимыхъ; всякое другое недовольство жизнію, по видимому безпричинное, книжное, какъ выражалась Маша, она считала грѣхомъ, и не бралась даже разубѣждать въ такомъ горѣ. Бѣднякамъ же, застывающимъ отъ мороза и голода, Маша всею душею служила; на мраморномъ лицѣ ея не выступало и признака этого сочувствія, лишь руки

ея, незнавшія отдыха, знали всю помощь, какую имъ оказывало доброе ея сердце.

Никакого разсужденія, ни размышленія не терпѣла Маша „все это книга даетъ“, говорила она, и Вѣра, жаждущая книги, но сильно полюбившая Машу, никогда не возражала ей, хотя и не раздѣляла взгляда ея на пожертвованіе жизнію, изъ повиновенія чужой волѣ, какое допускала Маша; хотя и дивилась такой добродѣтели, какъ Машина, какъ бы изъ цѣльнаго гранита.

Для Маши всѣ скорби міра объяснялись уклоненіемъ отъ путей Господнихъ.

Когда Вѣра была грустна, Маша, не распрашивая ни о чемъ,молча брала изношенную свою книгу (всего одна книга и была въ ея библіотекѣ), откладывала тряпочки и ножницы, и начинала Благовѣстіе твердымъ, пророческимъ голосомъ:

„Да не смущается сердце ваше! Не оставлю васъ сиротами, пріиду къ вамъ!“

Вслѣдъ за этимъ приходили ихъ убирать, надѣвали легкія платья и Маша, съ покойною улыбкою, прикрывала бархатомъ и соболемъ крестъ своей одинокой любви, крестъ своей жизни не по сердцу, и несла свои святыя думы на паркетъ бальной залы...

Конечно, мать нисколько не понимала ея, да и понимала ли она кого бы то ни было?.. Мать видѣла въ Машѣ женщину практическую, дѣловую; знала Маша и умолотъ съ десятины, и время посѣва, умѣла она посадить деревья и развесть цвѣты и салатъ, и скроить бѣлье, и на кухнѣ распорядиться, о чемъ Катерина Петровна и понятія не имѣла. И откуда Маша все это знала? Вовсе не по барски вела ее покойница бабушка,

съ которою Маша проводила въ дѣтствѣ большую часть года! А для салона у Маши была совершенно барская осанка, представительная, величавая, строгая. Мать была довольна этою осанкою. Маша не накидывала на себя ничего, но сухи, рѣзки, холодны бывали ея пріемы, когда она дѣлала что либо, не любя, а лишь по долгу повиновенія, принуждала себя дѣлать то, что ей приказывали.

Отдыхала Маша лишь у себя въ молельнѣ.

Такъ проходило и быстро прошло для Вѣры время до окончанія зимнихъ ваканцій: 8-го января Маша сама отвезла сестеръ въ пансіонъ, познакомилась съ Полиною и Магеттою и обѣщала каждую субботу и наканунѣ каждаго праздника, пріѣзжать за кузинами, брать ихъ домой.

„Домой! Какая радость въ одномъ этомъ словѣ!“ думала Вѣра, цѣлуя милую сестру.

Вѣрѣ показалось, послѣ ея отъѣзда, что все радикально измѣнилось въ ея жизни. У нея явились новыя интересы, было ей гдѣ отдохнуть отъ этихъ нелюбимыхъ лицъ, и самые классы взглянули на нее сноснѣе отъ мысли, что до субботы недолго. Подруги принялись разсказывать ей, какъ проводили праздники; учителя почти не приходили еще; да и вообще они часы свои пропускали часто; Даша прибѣгала на праздникахъ къ Лидинькѣ: мальчикъ ея былъ здоровъ, кругленькій и розовенькій такой, говорила она. Вообще, Вѣра находила какъ будто меньше причинъ и злиться.

Во второмъ отдѣленіи третьяго класса, куда она перешла послѣ экзамена, кончали синтаксисъ, мореходствовали вдоль береговъ Африки и проходили вторую поло-

вину исторіи среднихъ вѣковъ. Здѣсь, кромѣ того, начинали уже дѣлать сочиненія. Вѣра знала, что такое сочиненіе въ пансіонѣ,—знала, что это именно сочиненіе, т. е., что можно написать на какую угодно тему, и не то, что особенно хотѣлось бы сказать, а такъ что нибудь. Уже болѣе года, ради Даши, она практиковалась на этомъ поприщѣ, и ей случалось иногда написать штукъ десять такихъ произведеній на одинъ и тотъ же сюжетъ, съ разными варіантами. Знала она, что за сочиненіе слѣдуетъ получить 5, это его главное достоинство; а 5 ставилось за отсутствіе орфографическихъ ошибокъ, за чисто написанную тетрадь, за болѣе или менѣе длинную рукопись; за несоблюденіе одного изъ помянутыхъ здѣсь достоинствъ, сбавлялось по баллу, даже въ старшемъ классѣ, гдѣ кажется можно было бы обратить уже вниманіе на внутреннее содержаніе труда, дѣвочки обязаны были заботиться исключительно о наружномъ видѣ того, что дѣлали. Сочиненія и подавались чисто и правильно написанныя, но за то сдѣланныя на зло: моду эту ввела Вѣра, когда начала сочинять: т. е. когда задавалось, напримѣръ, „описать красоту лѣтняго вечера“, она писала, что никакой красоты не замѣтила въ извѣстный вечеръ, а пока всѣ сидѣли на травѣ и ѣли крыжовникъ, такая сдѣлалась роса, что онѣ совсѣмъ промокли; или стадо прибѣжало и напугало ихъ и пр. „О материнской любви“ она изображала, что дѣти пищатъ, кричатъ, ихъ разсаживаютъ по угламъ, ихъ такъ много у матери, они такъ надоѣли ей, какая уже тутъ любовь, и т. д. Но все это было написано совершенно прилично. Сюжеты задаваемыхъ сочиненій были неисполнимы безъ помощи воображенія: опишите,

напримѣръ, задаютъ вамъ, картину Перуджино (которой вы не видали); вообразите себѣ воскрешеніе умершаго младенца святымъ Доминикомъ; изобразите радость матери, когда утопавшее дитя ея спасено водолазомъ; выразите чувства заключеннаго въ темницу при видѣ солнечнаго луча.

Изображала все это Вѣра, и привыкла „воображать" предметъ, писать фразы; и перестала она улыбаться надъ темами, какъ когда-то надъ вопросомъ, заданнымъ ей на вступительномъ экзаменѣ.

Воспитательницы давно уже стали ласкать Вѣру; послѣ пріѣзда Павла Ѳедоровича, онѣ ей даже льстили; когда случалось ей дѣлать замѣчаніе, онѣ это дѣлали самымъ кроткимъ образомъ и въ слѣдующей формѣ:

— Вамъ-то уже стыдно; вы у насъ первая, и пр.

Учителя ее хвалили и награждали; изъ подругъ иныя ее ненавидѣли, многія боготворили, и всѣ считали образцомъ учености. Но ей было, въ настоящую минуту, ни до кого: внутри ея происходила сильная работа, а отнестись за совѣтомъ было некуда; ей въ это время нужна была дѣйствительная помощь со стороны человѣка мыслящаго, а около нея такого не было. Письменно она могла бы совѣщаться съ отцомъ; но она его дичилась. Бѣда Вѣры была въ томъ, что она ничего не могла принять въ себя, или усвоить съ чужихъ словъ, а явленіе Маши въ ея жизни было явленіемъ значительнымъ. Вѣра живо видѣла предъ собою грандіозную фигуру, полную силъ, любви и энергіи, готовую однакожъ на самоуничтоженіе во имя идеи, которой фанатически служила. Уважая Машу за такое приложеніе силъ своихъ, какого Вѣра была свидѣтельницею, она

хотѣла, однакожъ, знать сама, знать болѣе, все знать объ источникѣ этой движущей силы, которой всецѣло повиновалась Маша. Маша разсуждать о томъ не умѣла: она просто вѣровала и свято соблюдала завѣщанное бабушкою, что вѣра безъ дѣлъ мертва. Убѣжденіе это она проводила въ жизнь: за это Вѣра ее такъ любила и цѣнила; но она не понимала, какъ можно жить вопреки и наперекоръ себѣ, жить по чужому произволу, и не рваться, не метаться, какъ, напримѣръ, Вѣра подъ когтями Маргариты Альбертовны, и покорно цѣловать руку, которая насилуетъ вашу жизнь. Причины этой силы надъ собою Вѣра не понимала.

Она попросила у Шарля книгъ религіознаго содержанія, и онъ ей выбралъ много ихъ изъ длиннаго римско-католико-мистическаго каталога, который члены западной церкви перебираютъ весь, ради спасенія души своей. Одинокая мысль Вѣры съ усиліемъ перерабатывала вопросы: какъ же „волосъ съ головы не падаетъ безъ воли Промысла?“ И Маша убѣждена въ этомъ. Къ чему же тогда наши стремленія? На что даны намъ умъ и воля, какъ не для приложенія къ труду и къ жизни? Если все предопредѣлено, за что же можно произвольно браться? Умъ мой и воля могутъ ли предвидѣть успѣхъ или неуспѣхъ, если ни въ чемъ не участвуютъ? Не лучше ли ждать, сложа руки, чтобы послышался голосъ, который, какъ когда-то патріарховъ, послалъ бы: иди туда, дѣлай то?...

Понятіе о предопредѣленіи не мирилось съ понятіями Вѣры о свободной волѣ, и голова ея работала надъ матеріалами, доставляемыми Шарлемъ.

Читала она о мистической смерти, о духовномъ

возрожденіи: „Какъ потоки со всѣхъ сторонъ стремятся къ морю, такъ и душа человѣка, по естественному склону русла, стремится къ самоуничтоженію въ Богѣ. Потоки эти текутъ, бѣгутъ... Воды въ нихъ разныя: иныя — рѣки, которыя вливаются въ другія рѣки; другія идутъ къ морю, но медленно; то рѣки судоходныя, онѣ приносятъ много пользы и добра (то души святыхъ и великихъ сподвижниковъ вѣры), есть воды быстрыя, онѣ спѣшатъ, бѣгутъ по пути къ морю... паденіе ихъ страшно; онѣ часто грязныя, иногда вовсе пропадаетъ потокъ, но вдругъ опять спѣшитъ впередъ, но далеко ему еще до конца пути, онъ разбивается о скалы и мечется, и стонетъ...“ Тутъ начиналось страшное описаніе мистической смерти: „съ души сорвали покровы (ея добродѣтели); обнаженная и обезображенная, она спѣшитъ, и пачкается... чѣмъ больше она спѣшитъ, тѣмъ больше пачкается о грязныя пучины, чрезъ которыя проходитъ... Тогда ее оставляютъ и воля, и желаніе, и сила стремленія къ добродѣтели, тогда она умираетъ (т. е. еще при жизни человѣка), но начинается тогда жизнь ея въ Богѣ. Въ жизни этой (въ самоуничтоженіи въ Богѣ) ничего нѣтъ сверхъестественнаго: ни видѣній, ни откровеній; на этомъ святомъ пути все просто, видишь въ Богѣ исключительно, какъ и Бога видишь собственными глазами.“ *)

Дѣвочка спѣшила дойти тоже до самоуничтоженія въ Богѣ... и не могла, и сомнѣвалась въ необходимости этого.

Читала она и іезуитскія проповѣди, и мысль ея бѣд-

---

*) Madame Guyon «Les Torrents», стран. 291.

ствовала: все, что она читала, предписывало ей отдѣленіе духа отъ всего земнаго; книга Ѳомы Кемпійскаго въ особенности остановила на себѣ вниманіе Вѣры; книга эта краснорѣчиво и восторженно проповѣдывала — все таки отреченіе духа отъ жизни; какъ Вѣра ни вчитывалась, инаго изъ этой книги она не извлекала; а она хотѣла знать не монашеское, а полное приложеніе жизни къ земнымъ и духовнымъ цѣлямъ. „Into the wide, wide world!“ *) грезилось ей, по привычкѣ, стихами, — гдѣ бы многое многимъ на пользу можно было сдѣлать! Какъ она ни любила Машу, она съ нею не соглашалась: она такой жизни на хуторкѣ, какая составляла идеалъ счастія Маши, ни за что въ мірѣ не взяла бы. На подвиги добра она смотрѣла какъ на долгъ, во всякой сферѣ и въ болѣе широкомъ приложеніи ихъ, а Маша считала жизненною потребностью узкій горизонтъ, обрамляющій этотъ хуторокъ. Одинокая любовь ея еще усиливала въ ней представленіе этой потребности, усиливала и дѣятельность ея любящаго сердца: Маша черпала силы изъ того, что другихъ сломило бы. Смотря съ уваженіемъ на эту дѣятельность, Вѣра, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко обдумывала вопросъ: вся ли тутъ жизнь, — въ шитье ли этихъ кофточекъ и степнякѣ мужѣ? и что иное дѣлать женщинѣ? и какъ справиться ей съ жизнію, помимо всякихъ Ивановъ Павловичей? Первоначальное воспитаніе готовило ее къ жизни самостоятельной, но въ какой формѣ это сдѣлалось бы?... Воспитаніе это такъ рано прервалось! пансіонское же, о немъ и говорить нечего, оно не давало ей ни въ чемъ ни положительной основы, ни твер-

*) Въ широкій, широкій міръ.

дыхъ вѣрованій. Ея свѣдѣнія не могли ее удовлетворять; и все заучиваемое, даже безъ теорій, основанныхъ хотя бы на понятіяхъ до крайности узкихъ, казалось ей день ото дня пошлѣе и ничтожнѣе. Умъ искалъ пищи. Вопросительныхъ знаковъ въ умѣ своемъ она наставила множество, и даже не было нити къ ихъ рѣшенію. При каждомъ изъ этихъ вопросовъ, помимо воли ея, являлась предъ нею сѣдѣющая голова отца...

— Да, онъ сказалъ бы... сознавалась она, но откладывала.

— Нѣтъ, не теперь,—со временемъ спрошу, когда его стыдиться не буду...

Кромѣ собственной мысли, мучили ее до слезъ страницы Евангелія, читаемаго Машею; мучили и вечера съ танцами, на которые ее усердно стала вывозить тетушка на масляницѣ. Все это доводило ее до состоянія нервности и такого нравственнаго раздраженія, что она точно задыхалась подъ колпакомъ безъ воздуха; порою, проносилась въ головѣ ея мысль—изъ прошлаго, ненормальная ей, мужески развитая, и гасла тутъ же въ пустой болтовнѣ или подъ бальнымъ уборомъ. Какъ пунктъ помѣшательства, преслѣдовало ее положеніе: дѣятельность женщины ничтожна въ сравненіи съ силами, какія есть въ женщинѣ; все ее окружавшее ей это доказывало. Положеніе это томило ее: какъ изъ него выдти? мысль, не переходящая въ дѣло, не переступающая предѣловъ отвлеченнаго міра, мысль, идущая въ разрѣзъ съ жизнію, не управляющая ею,—не есть ли мука, и безплодная мука? разсуждала она съ собою, избѣгая и Маши и Нелли, и Магетты и Полины. Но что же станешь дѣлать? женщина имѣетъ значеніе лишь опираясь на мужа,—слы-

шу я, и вижу. Сама по себѣ она никакого значенія не имѣетъ; сама управлять своею жизнію, она не можетъ, говоритъ авторитетъ салоновъ, Иванъ Павловичъ, и за нимъ десятки такихъ же авторитетовъ.

— Afar in the desert! говорила однажды, скучая, Нелли, возвратившись съ бала ночевать къ Катеринѣ Петровнѣ, которая брала ее съ собою. Тоска такая, что ужасъ!

Анатолій Д***, одинъ изъ прелестнѣйшихъ танцоровъ, только что исчезъ съ ея горизонта: „пустъ и скученъ!“ произнесла она надъ нимъ безапелляціонный приговоръ.

— Христосъ съ тобою, моя миленькая! тихо молвила Маша. Мало ты помнишь слово Его: „Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ; не такъ какъ міръ даетъ, Я миръ даю вамъ.“ Откуда это у васъ, зачѣмъ вамъ вопросы и стремленія какія то? они даютъ лишь недовольство жизнію и ропотъ. Вѣры въ васъ нѣтъ: миръ Его любили бы, и покорная душа знала бы покой.

— Ну, какъ же быть, Маша? душа жизни проситъ. А кого любить? вѣдь—некого!

— Кого любить? отвѣчала Вѣра за сестру. Такого, какъ Карлъ Мооръ, Максъ Пикколомини... Можно любить трибуна, съ смѣлымъ голосомъ за несчастнаго, великана мыслью и жизнью, честнаго и чистаго, выстрадавшаго свое величіе! Погоди, Нелли, такого еще встрѣтишь въ числѣ танцоровъ, подсмѣивалась она съ горечью.

Маша грустно улыбалась, поправляя свою лампадку.

Свѣчи гасли. Бальный букетъ выдыхалъ послѣдніе ароматы. Яркій огонекъ лампады теплился надъ голо-

вою Маши, у лика Спасителя, стоявшаго на колѣняхъ передъ чашею скорби; смуглая голова Маши покоилась безмятежно, „подъ кровомъ молитвы этой за грѣхи міра“, говорила она, глубоко убѣжденная.

И Вѣра засыпала, рядомъ съ Нелли, повторяя въ себѣ неумирявшіеся вопросы, радуясь за Машу идеѣ, дававшей ей такой покой, какимъ она жила, дивясь ему, не раздѣляя его.

На слѣдующее утро, Нелли спала еще, а Маша съ Вѣрою были уже на чердакѣ, въ квартирѣ бѣдняка: сердце Вѣры, помимо всѣхъ умствованій, кромѣ того, просило жизни. Въ одно изъ такихъ путешествій по подваламъ, глаза Вѣры остановились съ любовью на ребенкѣ, котораго кормила бѣдная хозяйка этого жилья. Малютка сосалъ, отрывался отъ груди, улыбался, взглядывая то на гостей, то на мать, бился ножками, ловилъ грудь рукою и принимался питаться снова. Вѣра долго стояла, любуясь, пока Маша хлопотала около старшихъ дѣтей.

— Она богаче насъ, сказала уходя Вѣра о бѣдной этой женщинѣ: какое у нея сокровище на груди! При этомъ стоитъ ли сокрушаться о голодѣ или лохмотьяхъ?

— Какой ты, право, недѣловой человѣкъ! возражала Маша; сокровище это надо вѣдь накормить и прикрыть, чтобы оно вживыхъ осталось. Ты точно не отъ міра сего...

— Я только то хочу сказать, Маша, что легче переносить и трудъ, и бѣдность, когда есть для кого. Въ старости отца, я буду его своимъ трудомъ содержать, добавила она про себя, и счастлива буду.

По возвращеніи съ чердака, Маша ушла къ себѣ мо-

литься, а Вѣра, назябшись, прижалась на кушеткѣ въ маленькой гостиной.

— О чемъ это вы такъ грустно задумались? сказалъ вдругъ полушопотомъ, наклоняясь надъ нею, Александръ Сергѣевичъ, подкравшійся неслышно по ковру. Что такое съ вами?

— Ничего особеннаго, тяжело, отвѣчала она неохотно.

— Вамъ часто, почти всегда, тяжело, продолжалъ онъ. Развѣ я не вижу, что у васъ въ добромъ, въ хорошемъ вашемъ сердцѣ дѣлается? Но отчего же вамъ сегодня грустнѣе обыкновеннаго? Не обидѣлъ ли васъ кто нибудь?

— Нѣтъ, напротивъ. Мнѣ здѣсь, у тети, тепло пока...

— Пока? Да. А дальше что? Не всегда такъ будетъ. Выдадутъ васъ за того откупщика съ перстнями, который на пульку по вечерамъ пріѣзжаетъ, да на васъ зарится...

— Ну, чтожъ? выдадутъ и буду жить. И со мною будетъ, что съ другими; другія вѣдь живутъ же; стало быть можно.

— Нѣтъ, нельзя, Вѣра Петровна! это значитъ собою торговать, а этого честному человѣку нельзя! лучше цѣлый вѣкъ сухой хлѣбъ жевать, Вѣра Петровна, чѣмъ носить такія позорныя шали, да бриліанты.

— А что же? всѣ кричатъ „позоръ“, а никто не скажетъ, что бы слѣдовало дѣлать.

— Позвольте мнѣ вамъ посовѣтовать, Вѣра Петровна: боюсь, не будетъ только пригоденъ вамъ мой совѣтъ! Да не прикрыть ли васъ чѣмъ нибудь? здѣсь свѣжо, и вамъ какъ будто холодно.

Вѣра промолчала. И онъ бережно укрылъ ее теплою тальмою, за которою сбѣгалъ въ прихожую.

— Вотъ что я вамъ скажу, Вѣра Петровна, началъ онъ, усѣвшись поближе къ кушеткѣ; но остановился и принялся смотрѣть на нее.

— Ну? сказала она съ любопытствомъ.

— Ну, вотъ что: есть на бѣломъ свѣтѣ хуторокъ; кругомъ его вербы, нивы, луга на нѣсколько верстъ въ окружности, тишь, да благодать. Дѣла много на хуторкѣ, и дѣло это человѣка добраго хочетъ; не угодно ли вамъ будетъ приняться за это дѣло, Вѣра Петровна? Не угодно ли вамъ будетъ всѣмъ, что тамъ есть, на этомъ хуторкѣ, завѣдывать и править, начиная.... съ самого хозяина? спрашивалъ онъ съ какою-то неловко шутливою улыбкою. Вотъ я вамъ и придумалъ дѣло; не знаю только, будетъ ли на то вашъ милостивый произволъ, Вѣра Петровна?..

При первыхъ словахъ его о „хуторкѣ“, Вѣра въ испугѣ крикнула:

— Маша!

Дослушавъ эту рѣчь, за которую бѣдная Маша все бы въ мірѣ, казалось, отдала:

— Маша! Маша! закричала она въ такомъ испугѣ, какого и сообразить не могла.

Александръ Сергѣевичъ остановился въ недоумѣніи и смотрѣлъ, что будетъ.

Маша вошла спокойно съ евангеліемъ въ рукахъ и уже одѣтая. Вѣра ей ничего не сказала; и она начала читать „Нагорную Бесѣду“. Вѣра вдругъ отвернулась и зарыдала.

— Ну, да! я такъ и зналъ! вскрикнулъ Александръ,

стукнувъ кулакомъ по столу; я знаю: вѣдь переполнено сердце, а въ вальсѣ кружится, шалитъ и всякій вздоръ читаетъ для того только, чтобы тоска эта въ ней молчала.

Взъерошенная голова его упала при этомъ на столъ, на сложенныя его руки.

Въ страхѣ, отъ котораго у нея дыханіе захватывало, осмѣлилась Вѣра взглянуть на сестру: блѣднѣя болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ проникала въ смыслъ вырвавшихся у него словъ, Маша остановила широкіе, воспаленные глаза на этой головѣ, упавшей на столъ.

Сидѣли они молча. Ни за что въ мірѣ Вѣра не могла бы вымолвить ни слова.

Взъерошенная голова приподнялась.

— Вѣра Петровна, началъ онъ, когда я говорилъ съ вами о дѣлѣ, которое предлагаю вамъ, вы мнѣ не дали кончить... Я хотѣлъ просить васъ, чтобы вы дали мнѣ право взять на себя ваше сиротство. Дайте мнѣ это право: я вашу жизнь хочу оградить отъ горя: защита вамъ надежная моя рука и любящее сердце! Какой же отвѣтъ вы мнѣ даете, Вѣра Петровна, на мое горячее желаніе вамъ мира и счастія?

Вѣра молчала, не спуская взгляда съ Маши.

У Маши зеленые круги очертили глаза; она встала, отодвинула книгу и медленно, точно обиженная, пошла изъ комнаты.

Александръ ждалъ.

— Вѣдь нельзя же такъ молчать, Вѣра Петровна, наконецъ проговорилъ онъ, когда отъ одного отвѣта человѣкъ всей жизни ждетъ!..

— Оставьте меня, Бога ради, собралась Вѣра съ

силами ему вымолвить: я не могу вамъ дать никакого отвѣта.

Онъ тотчасъ же вышелъ, спутавъ себѣ волосы обѣими руками.

Вѣра кинулась къ Машѣ.

Прошло не болѣе десяти минутъ съ тѣхъ поръ, какъ Маша вышла изъ комнаты, но лицо ея было уже, сравнительно, спокойно.

— Маша, Маша! съ горемъ обняла ее сестра. Утѣшала ты всѣхъ, съ тѣхъ поръ какъ на свѣтѣ, и меня какъ родную любишь, а отъ меня же тебѣ и горе пришло. Прости ты меня! Не ожидала я.... не хотѣла я этого!

— Полно, милая, не отъ тебя это все! отвѣчала она. Не ты и крестъ этотъ на меня налагаешь; ты знаешь, какъ я его принимаю... Тяжела была первая минута, но горя не по силамъ Господь не посылаетъ. Ясно, что иначе и не могло случиться; не тебя, такъ другую полюбилъ бы; онъ видѣлъ во мнѣ не женщину, не сестру даже, а брата, помощника, сотрудника себѣ. Ты одинокая, милая и умная, должна была занять его душу, такую теплую и добрую! Онъ тебя можетъ оградить, уберечь отъ горя, и этимъ будетъ счастливъ! Для меня же въ этомъ отношеніи онъ ничего не можетъ...

— Но, Маша, я не вижу рѣшительно возможности отвѣчать на его привязанность: что я съ нимъ буду дѣлать? Я не хочу запирать всѣ свои силы и стремленія въ пріютѣ для ребятъ! Отъ чего меня ограждать? я ничего не боюсь; напротивъ, я жду-не дождусь жизни дѣятельной, чтобы испробовать себя; не можетъ быть, чтобы вся жизнь была пошла и глупа, какъ теперь

наша: я когда нибудь изъ нея выбьюсь. Я уважаю Александра, но нисколько не сознаю надобности въ его защитѣ. Скажи ты ему это отъ меня: я, можетъ быть, выражу мою мысль слишкомъ рѣзко и обижу его...

— Ребенокъ! и странный ты ребенокъ! холодно сказала Маша.

Ребенокъ же этотъ ждалъ-не дождался, когда начнется для нея жизнь дѣятельной любви, подъ кровлей Павла Ѳедоровича...

И вотъ, проглянуло уже весеннее солнце. На вѣтвяхъ бульваровъ распустились молоденькіе глянцовитые листья. Въ классахъ Маргариты Альбертовны выставили окна.

Въ третій классъ, въ одно послѣобѣда съ неистовымъ крикомъ вбѣжала дежурная:

— Вѣра! Соня! скорѣе въ пріемную: къ вамъ дядя вашъ, Левъ Ѳедоровичъ В., пріѣхалъ!

Левъ Ѳедоровичъ забѣжалъ всего на минуту: онъ спѣшилъ въ Петербургъ, хлопотать за брата Павла...

— Что съ нимъ такое? замерло на языкѣ у Вѣры.

Павелъ Ѳедоровичъ попалъ подъ судъ... Шло ополченіе. Павелъ Ѳедоровичъ наскоро подрядилъ сдѣлать новый мостъ; вступать въ переписку, ожидать разрѣшенія на эту постройку времени не было; онъ распорядился самъ, не дожидаясь его, но о такомъ его распоряженіи тотчасъ же возникло дѣло. У Павла Ѳедоровича давно уже начались разногласія съ непосредственнымъ его начальствомъ: онъ не хотѣлъ допускать многаго; считалъ злоупотребленіемъ то, что вошло съ незапамятныхъ временъ въ обычай, и къ нему немедля придрались за упущеніе по поводу этого моста.

Левъ Ѳедоровичъ, сообщая обо всемъ этомъ, былъ сильно разстроенъ: онъ горячо любилъ брата, и какъ только началось его дѣло, онъ тотчасъ поѣхалъ въ Петербургъ, сдѣлать все, что было возможно, въ пользу Павла Ѳедоровича.

Увѣренность, что отецъ, совершенно правый, пошелъ подъ судъ, убѣжденіе въ извѣстной Вѣрѣ честности и прямотѣ его намѣреній, вмигъ охватили ее могучею силою прежней нѣжности. Какъ на яву, предсталъ онъ передъ нею такимъ, какимъ она его видѣла при послѣднемъ свиданіи: съ сѣдѣвшею головою, какъ бы съ упрекомъ, съ кроткою жалобою, на ея холодность и молчаніе! Въ Вѣрѣ мгновенно проснулось то страстное пониманіе отца, какимъ она жила въ дѣтствѣ; страхъ. ужасный страхъ потерять его, какимъ бы то ни было образомъ, овладѣлъ ею, и она съ трудомъ заглушила на плечѣ дяди громкій плачъ, крикъ горя и раскаянія!

— Дядя! дядя! рыдала она, говорятъ, въ такихъ случаяхъ нужно много денегъ, что всѣхъ можно закупить: возьми имѣніе, продай, отецъ считаетъ его нашимъ... возьми, продай поскорѣе, и деньгами этими закупи! заплати всѣмъ, кому нужно, но не дай отца замучить!... его, можетъ, въ тюрьму посадятъ! Господи! дядя! никакой вѣдь мостъ не стоитъ его жизни!..

Левъ Ѳедоровичъ крѣпко сжалъ ея руку, которую держалъ.

Во-первыхъ, другъ мой, имѣніе въ опекѣ, пока производится слѣдствіе, отвѣчалъ онъ. Во вторыхъ, на сколько я знаю отъ Павла, покойница мать твоя, распорядилась крайне непрактично, покупая это имѣніе: она почти промѣняла великолѣпное родовое свое имѣніе

на этотъ ничтожный клочекъ земли, — на дачу, можно сказать, лишь ради усадьбы, въ которой хотѣла поскорѣе устроиться, до возвращенія Павла изъ Грузіи. Въ придачу она взяла незначительный вексель, по которому покупщикъ выплатилъ частями, и все, что Павелъ высылаетъ денегъ сюда, за васъ и для васъ, онъ это самъ выработываетъ: и служитъ, и пишетъ по ночамъ статистику... Вы объ этомъ вѣроятно ничего не знали.

— Дядя! молила Вѣра, задыхаясь отъ слезъ, по крайней мѣрѣ возьми меня съ собою, къ нему, когда поѣдешь назадъ. Я не могу здѣсь сидѣть спокойно, зная все это. Ради Бога, возьми!

— Я этого не могу сдѣлать безъ его разрѣшенія, отвѣчалъ Левъ Ѳедоровичъ. Ты должна кончить курсъ, на который такъ много уже затрачено. Онъ этимъ будетъ не доволенъ, можетъ быть, разстроится. Онъ и такъ не совсѣмъ былъ здоровъ, когда я поѣхалъ: къ вечеру у него дѣлаются сильные приливы къ сердцу и начинается жаръ; къ утру—опять полегче...

— Тѣмъ болѣе! тѣмъ болѣе! говорила она: кто его прибережетъ? кто успокоитъ?

— Я напишу къ нему нынче же, тотчасъ же напишу, какъ вернусь домой: пока я въ Петербургѣ, отвѣтъ придетъ, и я, если онъ будетъ согласенъ, захвачу тебя съ собою, проѣздомъ, успокоивалъ ее Левъ Ѳедоровичъ.

Простившись нѣжно, онъ уѣхалъ.

Вѣра начала готовиться; ждала она возвращенія дяди, весь день въ тоскѣ, ее сокрушавшей, всю ночь безъ сна; рвалась она мысленно въ тотъ домикъ, гдѣ отецъ работалъ для нея, а теперь, можетъ быть, лежитъ больной.

„Безъ маски, всѣмъ своимъ сердцемъ прильну я къ нему!“ думала она; „любовью и слезами сотру я слѣды тѣхъ жестокихъ трехъ дней, которые онъ провелъ здѣсь со мною!... Какъ медлитъ отвѣтъ этотъ!..“

Отвѣтъ пришелъ наконецъ: то было письмо отъ Софьи Ѳедоровны, письмо за черною печатью. Всего только нѣсколько дней онъ былъ боленъ въ нервной горячкѣ, и все ждалъ, все звалъ брата Льва... Въ бреду и безпамятствѣ, онъ все разговарилъ съ Вѣрою, все ждалъ ея пріѣзда съ братомъ—и не дождался.

Затѣмъ слѣдовали нѣсколько строкъ отъ дяди Василія: дѣдушка, дяди и тетки берутъ на себя вносить въ пансіонъ за Вѣру и Соню, до окончанія ихъ курса наукъ, послѣ чего каждый изъ семейства предлагаетъ имъ домъ и покровительство, и примутъ ихъ, куда онѣ пожелаютъ возвратиться...

И только. Все сказано въ немногихъ словахъ; между тѣмъ какъ у Вѣры отъ ужаса духъ захватило, руки опустились, и застыла безплодная слеза!...

Дядя Левъ Ѳедоровичъ черезъ день послѣ того пріѣхалъ. Не дождавшись отвѣта, онъ хотѣлъ взять на себя увезти Вѣру, хоть побывать только дома. Вѣра лежала въ постели. Она подала ему письмо... Зачѣмъ теперь? къ кому ѣхать?...

— Нѣтъ его! не стало его! въ цѣломъ мірѣ жила для нея лишь единственно эта мысль. Что со мною безъ него будетъ? думала она въ короткіе промежутки отчаянія, когда могла о чемъ бы то ни было думать. Теперь сказывалось ей ясно, что всю эту жизнь она выносила лишь ради безсознательной надежды, что это состояніе переходное, послѣ котораго она, какъ послѣ тюрьмы,

увидитъ свѣтъ! и вдругъ темнѣе ночи, безъисходнѣе всякой ночи, стала эта тюрьма.

Не стало Павла Ѳедоровича въ началѣ мая. Тетушка Катерина Петровна переѣзжала на дачу; Маша пріѣхала, и бережно увезла съ собою обезсилѣвшую Вѣру. Блѣдное личико Сони, въ глубокомъ траурѣ, мучило ее до крайности. Съ нею безпрестанно дѣлались обмороки. Приводили ее въ чувство, принималась она за портфель, присланный дядею Львомъ, и снова впадала въ безпамятство. Въ минуты сознанія, она страшно боялась заболѣть горячкою.

— Спаси меня отъ горячки, Маша, просила она: видѣнія одолѣютъ!

Видѣнія сознательныя, но мучительныя тѣмъ болѣе, не покидали ее; все настоящее, и пансіонъ, и домъ тетки уходили изъ памяти, а живыми призраками являлись передъ нею лица, жившія въ Гороховкѣ: черная атлетическая фигура вставала въ ея глазахъ, уносила ее въ рощу, толковала Плутарха, пѣла дикую пѣснь замученнаго негра, увозила съ собою на сѣдлѣ, и вдругъ къ нему перепрыгивала на арабчика Nathalie... Проходила блѣдная тѣнь Елены съ кровавымъ кашлемъ... Ворчала недовольная Милка...

„Все лучше... Всѣ эти страданія лучше вынести бы снова, чѣмъ мысль, что я уже никогда его не увижу!“ металась она.

И вотъ опять сначала, съ самаго перваго дня прибытія въ Гороховку, является эта фигура: разрѣзываетъ по контурамъ губерній карту Россіи, разбиваетъ колышками и веревкою для нея садикъ, учитъ пересаживать въ грунтъ яблонки и вишни, которыя она выростила въ

горшкахъ, ходитъ по комнатѣ, пока она пишетъ подъ его диктовку... Боже мой! какая мука!.. какъ живой, онъ тутъ съ нею неотсупно, а между тѣмъ отъ него осталось только то, что въ портфелѣ...

Никогда ни слова изъ этого прошлаго она не сказала ни Машѣ, ни Александру. „Они добры, хороши, они любятъ меня, но они понимаютъ лишь мое физическое страданіе, лишь видимую для нихъ потерю мою. Широкій идеалъ Павла Ѳедоровича испугалъ бы ихъ. А что за идеалъ это былъ? кто мнѣ теперь скажетъ? Онъ ушелъ, не досказавши... Кто же домолвитъ за него остальное?“ тосковала Вѣра.

Помощь хорошихъ докторовъ, заботливый уходъ Маши и Александра спасли ее отъ горячки; но она долго не вставала, отъ совершеннаго упадка силъ.

Когда она лежала съ открытыми глазами, переживая дѣтство, Маша не разъ пыталась заговорить съ нею, но Вѣра часто и не слыхала ее.

Вслушалась она однажды, что Маша шепчетъ ей:

— Помолись, помолись... Господь тебя утѣшитъ!

— Боже мой! отвѣчала она, въ раздраженіи, есть ли такія силы на землѣ и на небѣ, которыя могли бы избавить меня отъ страданія, т. е. отъ моей собственной мысли? т. е. сдѣлать такъ, чтобы у меня не было того дѣтства, какое я прожила, чтобы въ жизни моей не было Павла Ѳедоровича, котораго я оскорбила и огорчила, можетъ быть, смертельно? Какія силы, какая молитва можетъ устранить факты? Когда ты читаешь мнѣ Евангеліе, я плачу: это для меня не успокоеніе, а терзаніе. Я человѣкъ измученный, у меня такія страданія, какихъ нѣтъ въ твоей жизни, потому на меня и не дѣйствуетъ

то, что тебя спасаетъ. Ты, напримѣръ, не видишь, а я вижу, среди бала или на лугу, гробики закинутыхъ незаконныхъ младенцевъ съ замученными, страдальческими лицами. Никому они не чудятся: всѣ гуляютъ, или танцуютъ, а мнѣ они грезятся, какъ призраки. Это все нашихъ сестеръ и братьевъ забитыхъ равнодушно кладутъ въ землю, на глазахъ у всѣхъ сносятъ ихъ тысячами, десятками тысячъ, на кладбища, и всѣ на это любуются. Вотъ Маша, вопіющій къ тебѣ грѣхъ міра, олицетворенный и воплощенный грѣхъ, и жертвы, которыя ему приносятся, человѣческія жертвы, невинныя и кровавыя! И мою скорбъ объ этихъ жертвахъ развѣ прекратитъ молитва? пока я буду лить безплодныя слезы, гробики все будутъ сносить и сносить въ землю, и ничья рука, ничье сердце не предпримутъ подвига спасенія этихъ младенцевъ. Точно также и другихъ причинъ моего страданія не удалить ничѣмъ, потому что ихъ изъ жизни не вырвать...

Маша слушала ее въ глубокомъ удивленіи: ей, дѣйствительно, никогда не приходилось и думать, не только страдать за фактъ существованія такихъ гробиковъ.

Александръ молча утиралъ слезы: его мягкое сердце не доумѣвало, какъ подступиться къ этому горю, которое онъ предлагалъ „взять на себя“.

Уйдите: я читать хочу! говорила, отвертываясь отъ нихъ Вѣра.

Читала она и перечитывала все тотъ же листъ почтовой бумаги, недописанный и неподписанный, который прислалъ ей дядя Левъ Ѳедоровичъ: по возвращеніи изъ Петербурга, онъ въ бумагахъ брата нашелъ нѣсколько неконченныхъ статей, начатое письмо къ Вѣрѣ, сложилъ

все это въ старенькій портфель Павла Өедоровича, и поспѣшилъ отправить къ племянницѣ.

„Милая моя, родная моя! писалъ Павелъ Өедоровичъ, за нѣсколько дней до смерти, братъ передалъ мнѣ, въ письмѣ изъ Москвы, твое желаніе вернуться съ нимъ ко мнѣ. Ничто, положительно ничто въ жизни меня не радовала такъ глубоко, какъ это письмо его! Еслибы ты выразила это желаніе ранѣе, мы давно были бы вмѣстѣ. Я такъ счастливъ! Я тотчасъ же отвѣчалъ Льву, въ Москву, разумѣется, согласіемъ и просьбою поскорѣе привезти на все лѣто васъ обѣихъ“.

Письмо продолжалось на другой страницѣ... почти другимъ почеркомъ... рука Павла Өедоровича видимо уже слабѣла и дрожала... Въ жару, можетъ быть, въ бреду, не покидала его мысль о „дѣвочкѣ“, которую онъ уже чувствовалъ, что не увидитъ. Указывая еще разъ на необходимость заняться дѣльнымъ чтеніемъ, онъ продолжалъ:

„Прошу тебя, дѣвочка, не читать романовъ; привычка къ чтенію увлекательныхъ пустяковъ лишаетъ умъ способности сосредоточиваться на всякомъ другомъ, болѣе дѣльномъ, занятіи. Это и есть именно злое послѣдствіе чтенія романовъ. Прошу тебя читать серьозно, и читать съ системою. Кто то тебѣ ее укажетъ?... Ты, въ сущности, ничего еще не знаешь; по правдѣ сказать, твое образованіе и не начиналось. Если бы я былъ не тѣмъ раскидывающимся человѣкомъ, какимъ, къ сожалѣнію, оказался, ты вышла бы женщиною образованною, съ серьознымъ направленіемъ и убѣжденіями; ты вышла бы женщиною совершенною, потому что при такомъ развитіи ума, какое я предполагалъ, я знаю, что сохранилъ бы

твое правдивое, честное, любящее сердце. У тебя не сердце, а сокровище! постарайся не утратить его среди горя, лишеній, бѣдъ, которыя ждутъ тебя, моя дѣвочка. Дитя мое дорогое! единственная моя радость и,—какое сокрушеніе! Поставь крестъ на все, что было... Еще разъ прощай, еще разъ прости меня!.. Лева не ѣдетъ. Охъ, какъ онъ меня мучитъ! Я желалъ бы...“

Послѣднее это желаніе осталось невысказаннымъ.

Понятно, что постоянное чтеніе этого письма поддерживало живую рану въ наболѣвшемъ сердцѣ Вѣры; по Александръ напрасно пытался удалить портфель: Вѣра сердилась и волновалась еще болѣе.

На столикѣ, подлѣ нея, лежала „Лелія“, которую она читала еще до пріѣзда дяди Льва, и отложила, вслѣдствіе встревожившихъ ее извѣстій объ отцѣ.

— Александръ, возьмите отъ меня „Лелію“, разъ навсегда, сказала она ему. Я больше не стану читать романовъ. Но что же я стану читать? Кто мнѣ это скажетъ?

Мало по малу, она начала выходить въ садъ. Александръ и Маша медленно водили ее по аллеямъ, или усаживали подъ тѣнь въ солнечное, теплое время. Соня и Миша пріѣхали на ваканціи. Несмотря на трауръ, который носили оба (дядя ихъ, генералъ С***, былъ убитъ подъ Инкерманомъ), веселые голоса ихъ звенѣли по аллеямъ. Сережа часто гостилъ съ матерью и съ Нелли. Домъ почти всегда былъ полонъ, какъ и въ городѣ.

Однажды утромъ, когда тетушка не выходила еще изъ спальни, Александръ пріѣхалъ съ молодымъ человѣкомъ, котораго привелъ прямо къ Вѣрѣ: это былъ одинъ изъ законныхъ сыновей Елены, младшій изъ двухъ

братьевъ Вѣры, Николай Дмитріевичъ М***. Александръ, въ сокрушеніи сердечномъ за Вѣру, отыскалъ его, и привезъ къ ней.

Оба мальчика были совершенно брошены послѣ отъѣзда Елены съ Павломъ Ѳедоровичемъ. Въ уѣздномъ городкѣ, гдѣ отецъ ихъ отдался вполнѣ разнымъ торговымъ спекуляціямъ, мальчики, безъ всякаго призора, начали шататься съ кѣмъ попало, не разъ бывали за то биты раздраженнымъ отцомъ, но постоянно возвращались въ уличное общество, отъ котораго заимствовали скоро всевозможные грязные привычки и пороки. Старшій умеръ рано, въ состояніи идіотизма, вслѣдствіе застарѣлой, наслѣдственной и запущенной болѣзни. Отецъ отдалъ ихъ въ корпусъ. Мать умерла, не видавшись съ ними. Вышелъ Николай изъ корпуса въ армейскій полкъ. Послѣ смерти отца его (нѣсколько мѣсяцевъ лишь послѣ пріѣзда его къ Павлу Ѳедоровичу), имѣніе поступило въ опеку къ одному изъ дядей, который въ два, три года съумѣлъ раззорить его, и обогатиться самъ. Слишкомъ слабый здоровьемъ для продолженія военной службы, Николай тотчасъ же вышелъ въ отставку, пріѣхалъ въ имѣніе, продалъ брату свою часть, женился въ деревнѣ на дочери бѣдной вдовы, и поступилъ въ Москвѣ на гражданскую службу. Александръ Сергѣевичъ узналъ о томъ, и, придумывая, что бы такое сдѣлать для облегченія горя Вѣры, счелъ за лучшее розыскать ея брата. Когда онъ пріѣхалъ съ Николаемъ, Вѣра, обрадовавшись брату, обѣими руками сжала руку Александра.

Разсчитывая на эту сравнительную радость, Александръ не могъ угадать того, что прибавляетъ еще горя къ жизни Вѣры. Вслѣдствіе дѣтства, одинокаго и уединив-

шагося, Николай физически и нравственно могъ считаться человѣкомъ погибшимъ. Среди буйнаго гула кадетскаго лагеря, онъ морилъ себя постомъ и голодомъ, готовился къ монастырю, но женился, увлекшись состраданіемъ. Здоровье его было въ крайней степени истощено, съ нимъ безпрестанно дѣлались сильнѣйшія головныя боли съ продолжительными обмороками, но ничтожное жалованье, получаемое на службѣ, неаккуратная уплата долга братомъ, купившимъ часть его имѣнія, не позволяли Николаю не работать, и онъ работалъ, насилуя себя, хворая, страдая во всѣхъ отношеніяхъ: жена его была человѣкъ неразвитый; сварливая, недовольная ни мужемъ, ни судьбою, она постоянно срывала негодованіе свое на Николаѣ. Маленькій сынокъ ихъ былъ блѣденъ, худъ, невеселъ. Непріятно и грустно стало Вѣрѣ въ квартиркѣ Николая.

— Я цѣлый день работаю, сказалъ онъ сестрѣ, когда она была у него.

— Что же ты работаешь? спрашивала она.

— На службѣ до пяти часовъ, и по вечерамъ еще работу на домъ беру.

— Боже мой! съ такимъ здоровьемъ, и цѣлый день надъ бумагами! говорила Вѣра брату Алексѣю. Тебѣ хорошо: ты вотъ все только порхаешь!

— Ты не безпокойся за нихъ, отвѣчалъ онъ небрежно; они къ празднику награды получаютъ, потому они такъ и работаютъ.

Нѣтъ, совсѣмъ не потому, думала Вѣра; это только Иванъ Павловичи умѣютъ кричать, что все у насъ скверно: дороги, суды, фабрики, почты, флотъ, оружіе — все отвратительно! это должно быть и правда; и отецъ

то же самое говорилъ, но это потому, что онъ видѣлъ лучшія учрежденія. А чиновники, какъ Николай, вѣроятно, пробуютъ сдѣлатъ, чтобы не было такъ скверно. Бѣдный Николай, и онъ можетъ загибнуть, какъ Павелъ Ѳедоровичъ.

Удалось ей списать кое-что для брата: изъ пріобрѣтеннаго въ пансіонѣ хоть каллиграфія ей пригодилась. Далъ онъ ей перевести брошюрку съ англійскаго: „О положеніи плѣнныхъ въ Россіи“. Переводъ вышелъ порядочный. Николай благодарилъ ее, и сталъ ей давать переписывать то, что составлялъ начерно.

И Маша всхлопоталась:

— Надо одѣть мальчика Николая: жена его, какъ кажется, одна изъ тѣхъ, которыя не умѣютъ ни къ чему рукъ приложить?

И въ горѣ своемъ, Маша тотчасъ узрѣвала въ чемъ была нужда ближняго.

— Я уже думала объ этомъ, говорила Вѣра. Думала даже перешить ему кое-что изъ моего бѣлья и платья, но не осмѣлилась: все это не мое, а тетенькино!

— Какъ тебѣ не стыдно такъ думать? обижалась Маша; пока у меня есть хоть копѣйка, Вѣра, — она твоя. Съѣздимъ, купимъ, что нужно, снимемъ съ Гриши мѣрки, и сейчасъ же сядемъ за работу.

Маша, болѣе чѣмъ когда либо, шила, молчала и молилась. Алексѣй, при первомъ удобномъ случаѣ, подтрунивалъ и надъ нею и надъ Вѣрою.

— Какой мерзкій нашъ братецъ Алексѣй! le charmant! горячилась однажды Вѣра въ разговорѣ съ Машею, когда Александръ вошелъ къ нимъ поутру.

Онъ не спросилъ въ честь чего давались брату такіе

лестные эпитеты, потому что зналъ: прислуга съ утра шушукала, чтобы не довести до свѣдѣнія барыни и не растревожить ее, что у хорошенькой судомойки, привезенной изъ деревни прошлымъ лѣтомъ, родилась отъ Алексѣя Владиміровича дѣвочка, которую тотчасъ же отправили въ воспитательный домъ.

— Вотъ какъ вы умѣете казнить! замѣтилъ Александръ, усаживаясь чертить на листѣ бумагѣ, который обыкновенно подготовляла ему Маша, сберегавшая всѣ его рисунки. И какъ вы строги, Вѣра Петровна, въ вашихъ сужденіяхъ! „Кто васъ поставилъ судіею“, надъ кѣмъ бы то ни было?

Вѣра вспыхнула.

— Гдѣ же граница, скажите пожалуйста, между законнымъ обличеніемъ подлаго поступка, даже не обличеніемъ, а оцѣнкою его, и тѣмъ снисходительнымъ молчаніемъ, которое очень близко къ равнодушію, чтобы не сказать болѣе? Въ силу чего я должна молчать? вашъ доводъ меня не убѣждаетъ. Мерзость такъ и называется по имени мерзостью. А вы ее какъ назовете?

— Я ее назову зломъ необходимымъ. Вы все смотрите, Вѣра Петровна, съ той точки, какъ должно бы быть, а не съ той, что есть. У кого же нѣтъ незаконныхъ дѣтей? кто не отправлялъ ихъ въ воспитательные дома?

— И вы? злилась Вѣра.

— И я, и дядя нашъ, и Алексѣй, и его товарищи, и пр, и пр.; это, какъ я вамъ говорю, зло неизбѣжное.

— Фу, гадкіе! говорила она.

Маша молчала.

— Какъ ты молчишь, я не понимаю, накинулась она

на Машу. Развѣ ты считаешь, что не обязаны отецъ и мать заботиться о ребенкѣ, пока онъ малъ и слабъ? ты, вотъ, исполняешь свою обязанность въ отношеніи всего, что считаешь долгомъ, а всѣ они могутъ не исполнять, могутъ дѣлать подлости, и ты считаешь, какъ и Александръ, тяжкимъ грѣхомъ возмущаться этими подлостями?

— Возмущаться вы можете, отвѣчалъ Александръ Сергѣевичъ за Машу, только вѣдь это совершенно безплодно, Вѣра Петровна: пока общество не перестанетъ видѣть въ этомъ зло позволительное, оно будетъ существовать.

— Общество! да вѣдь это вы, я, она; и мы, т. е. общество, станемъ молчать? а вы знаете ли, что этихъ дѣтей кидаютъ на смерть? Между тѣмъ, еслибы самъ отецъ или мать уморили новорожденнаго, что бы имъ за это было?

— Ихъ бы за это въ Сибирь. Но, отдавая дитя въ воспитательный домъ, они не разсчитываютъ уморить его.

— Да, они только слагаютъ съ себя всякую отвѣтственность: за это одно ихъ нужно въ Сибирь!

Александръ засмѣялся.

— Господи Боже мой! сколько бы скованныхъ-то пошло!

— Я удивляюсь, какъ вы можете смѣяться! негодовала Вѣра.

— Я смѣюсь надъ тѣмъ, что вы такъ кипятитесь, такъ горячо принимаете къ сердцу такое дѣло, въ которомъ все ваше участіе помочь не въ силахъ. Между тѣмъ, дѣло болѣе близкое къ вамъ и болѣе исполнимое вамъ предлагается, а вы за него браться не хотите,

сказалъ онъ съ грустью. Тамъ, на хуторкѣ, тоже дѣти, и дѣти сироты вамъ предлагаются, какъ я уже говорилъ вамъ.

— Не могу, Александръ Сергѣевичъ, потому и не берусь! я знаю, что есть въ жизни другіе вопросы, другіе интересы, кромѣ жизни на вашемъ хуторкѣ. Умъ мой до сихъ поръ не жилъ: я хочу работать, хочу учиться; вы мнѣ этой жизни не дадите; вы хотите меня пристроить, — очень благодарна за вашу заботу обо мнѣ, но никакъ я не могу всю широту жизни, какую предполагаю, вмѣстить въ рамку домика, гдѣ воспитываются дюжины двѣ сиротъ. Я хочу усиленнаго труда, хочу прежде учиться, чтобы быть въ состояніи приняться за трудъ. Я не знаю ни какъ, ни кто мнѣ въ этомъ поможетъ, укажетъ на средства къ достиженію моей цѣли; я знаю только, что не вы; но такой человѣкъ найдется, я въ это твердо вѣрю. Былъ, да не стало.... прибавила она съ тоскою. Я знаю и то, что избираю путь не легкій: придется мнѣ, можетъ быть, ошибаться, ушибаться, но я этого не пугаюсь.

— Я вамъ вотъ что скажу, Вѣра Петровна: гордость въ васъ горе еще не сломило! отвѣчалъ Александръ, потому и не хотите вы простаго, мирнаго, обыденнаго счастія, къ которому вамъ стоитъ только руку протянуть. А знаете ли вы, какую бѣду себѣ готовите? Съ какими это силами вы собрались въ такой многотрудный путь? Вы довѣрчивы, потому что не знаете жизни: вы броситесь на все, что манитъ васъ фиктивно, вы увлечетесь идеею до фанатизма, вы можете дойти до того, что міръ мысли сдѣлается для васъ дѣйствительностью, дѣйствительность — призракомъ, что же вы при этомъ

кушать-то будете? вѣдь мы не на лунѣ живемъ!... У васъ еще, кромѣ того, на сердце горе сиротства, Вѣра Петровна, съ которымъ, какъ съ пудовою гирею, идти не легко. Какъ же вы пойдете? А ну, какъ ослабѣете? Я больше всего боюсь для васъ вопросовъ насущныхъ: они бываютъ первою преградою для человѣка, до такой степени, какъ вы, незнающаго жизни практической. Вы хотите трудиться, но вы вѣдь еще не испытали себя: есть ли у васъ на то запасъ здоровья? Пока вы станете пріобрѣтать необходимые для труда матеріалы, что вы станете дѣлать? Ну, хорошо! допустимъ, пожалуй, самое лучшее: цѣною многихъ трудовъ, лишеній, безсонныхъ ночей, отравленныхъ работою, положимъ, достигнете вы... чего? Вѣра Петровна, чего предположили вы достигнуть?

Она раздражалась до крайности, пока онъ думалъ, что убѣждалъ ее.

„Мнѣ не говорится съ нимъ; мысль моя не просится дать отвѣтъ на его умствованія—значитъ не тотъ человѣкъ; и все это, впрочемъ, общія мѣста“... думала Вѣра, ходя по комнатѣ, пока Маша безмолвно слѣдила за нею глазами, отложивъ въ сторону дѣтскія выкройки.

— Чего? отвѣчала она Александру; я вамъ это скажу, когда достигну. А пока, я хочу много знать, чтобы имѣть возможность много сдѣлать.

— Какъ мнѣ видно, у васъ нѣтъ даже опредѣленной цѣли. Такъ я вамъ скажу, что дѣла такого нѣтъ, въ которомъ могла бы принимать участіе женщина съ высокимъ развитіемъ. У насъ именно такія есть женщины, какія намъ требуются. Скинія женщины подъ кровомъ семьи и дома мужа, а не на професорской каѳедрѣ, не за

конторкою бухгалтера. Вы до этого, со временемъ, и сами дойдете. Не забывайте, однакожъ, — я вамъ еще разъ напоминаю, — что доходить до этого возможно лишь тогда, когда въ комнатѣ тепло и на кухнѣ варится обѣдъ. Ну, положимъ, вы дойдете до послѣдняго слова того, что искали, думаете ли вы, что сохраните способность остаться сильною духомъ, для полнаго приложенія всѣхъ вашихъ силъ къ достигнутой, наконецъ, сферѣ? Нѣтъ: вы ихъ растратите по дорогѣ. Одинокая, трудовая жизнь и на мужчинѣ оставляетъ тяжелый отпечатокъ; для женщины, она пока и невозможна. Когда же останется у васъ въ наличности сухая и голая сущность, въ видѣ разбитаго здоровья и растраченнаго по вѣтру безплоднаго труда собиранія матеріаловъ, когда вы истощите всю философію вопросовъ науки и жизни, тогда то придетъ минута, и минута горькая: вы въ отчаяніи обернетесь назадъ, спрашивая себя—тѣмъ ли вы путемъ шли? А никто на это не отзовется! Или, среди полей, среди красотъ и благъ, за которыя простое сердце въ умиленіи благодаритъ Творца, вамъ покажется тяжело и душно; ваша мысль, отравленная прошлымъ, скажетъ: и не здѣсь жизнь... и тамъ не то... и вездѣ далеко не то! И весь вашъ вѣкъ будетъ не то, Вѣра Петровна. И ни здѣсь, ни тамъ, и нигдѣ!

— Все это очень хорошо у васъ выходитъ, только какъ то слишкомъ далеко отъ дѣла. Я пойму ваши слова вѣроятно тогда только, когда по вашему же выраженію, много пройду тяжелой дороги, и мнѣ придется „въ отчаяніи обернуться назадъ“. Вы мнѣ теперь вотъ что скажите: вы обертывались? вы это на себѣ испытали? вы это мнѣ свою біографію умствен-

ную говорите? спрашивала Вѣра. Мнѣ кажется, что одинъ только дуракъ можетъ не обертываться и не провѣрять прожитаго. И съ вами это, конечно, было, но только безъ отчаянія: вы довольны и положеніемъ своимъ, и дѣятельностью, и жизнію, вообще. А я цѣною полжизни выкупила бы, еслибъ могла, нѣсколько дней изъ прошлаго, чтобы вознаградить за нихъ во всю остальную мою полжизнь. И потому, какъ видите, простое, мирное созерцаніе и наслажденіе благами міра для меня уже и невозможно, Александръ. По одному этому уже я не считаю себя въ нравѣ навязывать мою личность такому доктору, которому я ничѣмъ не въ состояніи заплатить за его заботы обо мнѣ. Докторъ этотъ человѣкъ нормально спокойный, потому у меня и нѣтъ съ нимъ ничего общаго.

— Но встрѣтится вамъ человѣкъ, горячо продолжалъ Александръ,—надломленный и измученный.!. да, какъ вы сами! къ его-то судьбѣ вы и прильнете; съ полною искренностью вы сдѣлаетесь жертвою собственныхъ и его софизмовъ! пойдете вы за нимъ, закрывъ глаза! но, тогда вы уже окончательно погибли. Боже мой!.. Да, вы правы; я доволенъ и судьбою, и узкою рамкою моей дѣятельности! это потому, Вѣра Петровна, что идеалы мои, на университетской еще скамьѣ, искали себѣ самаго простаго приложенія силъ къ жизни. Великій нашъ Грановскій развиваетъ честность и любовь; тревожность духа, вопросы, анализъ, не мыслимы для человѣка, сложившагося подъ его мягкимъ, полнымъ мира и вѣры, вліяніемъ. Съ тѣмъ, что я отъ него принялъ въ свое сердце, я, что бы ни дѣлалъ, за что бы ни принялся въ жизни, я знаю, что я честенъ, хорошъ, что цѣли мои добрыя:

вотъ вамъ и разгадка того, что я спокоенъ и доволенъ своею судьбою и дѣятельностью. Оглядывался и я, но не счелъ необходимымъ вернуться: путь мой хорошъ, мнѣ не нужны, какъ вамъ, широкія сферы, для удовлетворенія потребностей моего духа. Я нашелъ это удовлетвореніе — въ чемъ и какъ — пусть подробно разскажетъ вамъ сестра, Марья Владиміровна. Я не жалѣю пройденнаго; нѣтъ у меня такихъ дней, которые я желалъ бы вернуть: всѣ дни моей жизни были дни полезные и честные, и я, за каждый изъ нихъ, сказалъ: „слава Богу“! А вотъ этого то и нѣтъ у васъ!

Маша, давно желавшая окончательнаго объясненія между Вѣрою и любимымъ ею человѣкомъ, чтобы отнять у себя поскорѣе послѣднюю надежду, плакала, не скрывая слезъ.

„Честность и любовь“, подумала Вѣра, странно: и Павелъ Ѳедоровичъ хотѣлъ того же. Отчего же такая разница между ученикомъ Грановскаго и Павломъ Ѳедоровичемъ? — этотъ однихъ дѣтей закидываетъ, другихъ спасаетъ, и уже какъ доволенъ собою! по его собственнымъ словамъ, онъ чуть не праведникъ...

— Я вамъ очень благодарна за все, Александръ, начала Вѣра, садясь въ утомленіи, но...

— Но не сочувствуете, прервалъ онъ ее, вотъ этимъ слезамъ, которыя надъ вами льются.

Вѣра молча вышла изъ комнаты.

— Только сердцемъ и живетъ женщина! чего тебѣ еще? говорила Нелли, начитавшаяся уже французскихъ томиковъ.

— На что же ей тогда голова? спрашивала Вѣра. На то, чтобы прежде всего понять человѣка; потомъ

уже я къ нему привязываюсь. А когда поймешь, да окажется Иванъ Павловичъ, тутъ уже и толковать нечего.

Маша не вступала ни въ какія разъясненія вопросовъ. Она такъ тосковала, что на нее было больно смотрѣть, а между тѣмъ, она находила еще возможность горевать за Александра, молиться за него по ночамъ, но никогда не сказала Вѣрѣ ни слова въ его пользу.

Какъ тяжело, однакожъ, для нея присутствіе Александра! ей видимо пора бы отдохнуть отъ непрерывности этого тяжелаго сожалѣнія.

Но вотъ наступаютъ для Маши дни еще болѣе тяжелые: Алексѣй Владиміровичъ нашалилъ что то въ полку... Есть люди, которые гнусность какую нибудь, въ родѣ непереданнаго конверта съ деньгами, называли во время-оно шалостью. Но это время давно прошедшее—не правда ли, мой снисходительный читатель? Положимъ, что въ настоящее время, когда и пр. и пр. это уже можно назвать давнопрошедшимъ! Въ то слѣдовательно давнопрошедшее время, когда Алексѣй Владиміровичъ нашалилъ въ полку, Иванъ Павловичъ пріѣхалъ объясняться... Катерина Петровна плакала; старикъ отецъ сказалъ сыну: „опозорилъ ты нашу старость!..“ Но сынъ, le charmant, нимало не имѣлъ пристыженнаго вида, — напротивъ, онъ какъ будто дулся, какъ будто считалъ себя обиженнымъ родителями. Начальникъ его еще разъ пріѣхалъ дня черезъ два утромъ, для переговоровъ съ родителями; Вѣра и Маша слышали, что онъ говорилъ сначала крайне рѣзко; но мало по малу, дѣло, вѣроятно, стало улаживаться: тонъ его

смягчался. Мать, въ слезахъ, вызвала Машу въ кабинетъ... было сказано всего слова два, три и... Маша стала невѣстою Ивана Павловича.

Такъ это все просто обошлось! Мать боялась возраженій, упорства со стороны Маши: не бывало ли такъ часто, что она, ради свѣтскихъ приличій, едва сдерживала видимую антипатію Маши къ Ивану Павловичу? Но, къ ея крайнему изумленію, никакого протеста со стороны дочери не оказалось: не все ли равно было для Маши что съ собою сдѣлать теперь? Относительно Александра, она уже знала навѣрное, что любви къ ней въ немъ нѣтъ; къ этому горю, въ которомъ никто и ничто не могло ее утѣшить, кромѣ молитвы, присоединялось для Маши предписываемое пятою заповѣдью; проступокъ брата почти вызывалъ ее на самопожертвованіе.

Сказано было ею рѣшительное да. Маша вышла, и спокойно объявила объ этомъ кузинамъ. Вѣра съ Ольгою, въ отчаяніи, убѣжали въ рощу, подальше отъдома. Александръ ходилъ недовольный, засунувъ руки въ карманы, и, время отъ времени, ерошилъ себѣ волосы: онъ терпѣть не могъ Ивана Павловича. Къ обѣду пріѣхалъ женихъ, и офиціально поцѣловалъ руку Маши, на которую надѣлъ браслетъ. Пили шампанское. Начали пріѣзжать съ поздравленіями. Все въ домѣ, казалось, ликовало.

Когда Иванъ Павловичъ сталъ бывать каждый день, съ обѣда до поздней ночи, на невѣсту и сестеръ ея тяжело обрушилась вся его внутренняя личность. Онъ съ какимъ то наслажденіемъ толковалъ дѣвочкамъ о неудовлетворительности всѣхъ существующихъ порядковъ, зная, что онѣ въ этомъ дѣлѣ не могутъ быть судьями, и возражать ему не станутъ; указывалъ на злоупотребленія

которыя открывались въ Крыму (Севастополь былъ уже взятъ непріятелемъ), наводя слушателей невольно на мысль, что тотъ, кто изъ личныхъ интересовъ покрываетъ грязное дѣло, произвелъ бы въ Крыму такой же грабежъ, какой и былъ тамъ сдѣланъ. По цѣлымъ вечерамъ, бывало, онъ ругается и плюется: отвращеніе къ нему доходило у дѣвочекъ до тошноты. Маша, слушая его, молчала и шила, но Вѣра знала, до какой степени она возмущалась...

— Отчего же это было все такъ въ Россіи? И было ли въ дѣйствительности такъ, какъ онъ говорилъ? спрашивала Вѣра. Въ классахъ своихъ она слышала только патріотическія пѣсни; здѣсь же, со всѣхъ сторонъ, она начинала теперь слышать одно и то же: не одинъ уже Иванъ Павловичъ плевался, за нимъ и десятки другихъ, какъ будто въ моду это вошло!

— Другъ мой, не слушай ты ихъ! отвѣчалъ ей старикъ дядя: все прежнее, видишь ли, негодно стало; все новое понадобилось; вездѣ потребовались усовершенствованія! Мы около пятидесяти лѣтъ прожили припѣваючи, и ничего корить не думали. А теперь мода на улучшенія; главныя же — мы только въ томъ пока и видимъ, что у мундировъ фалды подстригли! Князь Матвѣй, съ сороковую бочку въ объемѣ, вдругъ является въ какой то курточкѣ: по новой формѣ, говоритъ.

Тетушка находила, что даже неприлично въ такой „кургузкѣ“ являться въ дамское общество, а молодые люди, говорила она, точно въ халатахъ сидятъ, согнулись, изломались: aucune tenue! c'est une horreur! *).

---

*) Разучились держать себя! Отвращеніе!

И Иванъ Павловичъ, не смотря на громадные размѣры своего стана, щеголялъ въ „кургузкѣ“, бранясь и находя вмѣстѣ съ тѣмъ, что она къ нему очень идетъ: какъ будто молодитъ его.

Маша, бывало, и смотритъ на него, и отвертывается, отыскивая, чѣмъ бы пріостановить потокъ его словоизверженій.

— Полноте браниться! кротко говоритъ она, усаживая его за свой столикъ.

И кузины, ради Маши, сколько разъ пытались вовлечь его въ разговоръ посторонній. Вѣра однажды, не вытерпѣвъ, сказала, что чѣмъ выше человѣкъ надъ всѣми, тѣмъ онъ снисходительнѣе... И, Боже мой! какъ накинулся на это мнѣніе Иванъ Павловичъ! Отъ обличенія фактовъ, правда, онъ кинулся въ сторону, но кинулся въ фразы: „лишь узкость взгляда, лишь робость женщины, лишь мелкая натура можетъ мириться съ неудовлетворяющею обстановкою! заговорилъ онъ. Еслибы каждый смотрѣлъ его глазами, то общее дѣло, быстро пошло бы впередъ: что онъ почиталъ бы себя безчестнымъ человѣкомъ, еслибы берегъ про себя то, что считалъ своимъ долгомъ высказывать“ и пр. и пр. И много, и сильно, и хорошо декламировалъ онъ дѣвочкамъ въ назиданіе, объ убѣжденіяхъ, объ обязанностяхъ, и т. д.

А дѣвочки, какъ юны ни были, чувствовали, что отъ такого обличенія никому ни тепло, ни холодно. И тутъ же шептались, чтобы Маша не слыхала, что женихъ ея началъ ругаться гораздо тише, когда ему къ свадьбѣ пожаловали денегъ и крестъ, за исполненіе какого то порученія.

Братъ Алексѣй, послѣ бѣды, отъ которой спасала его предполагавшаяся свадьба, не давалъ никому и заикнуться про своего будущаго брата.

— Въ немъ много противорѣчій, это правда, говорилъ онъ, но это потому, что онъ нервенъ; противорѣчія эти происходятъ отъ неровности настроенія духа.

— Нѣтъ, братъ, тутъ поглубже бери причину, возражалъ Александръ: убѣжденія не мѣняются съ настроеніемъ духа. Да и что онъ за моралистъ такой? — проповѣдуетъ, что мы „кругомъ обгажены“,—parlez pour vous, mon cher! *) То онъ либералъ, то деспотъ по принципу; то артистъ и воплощенная идиллія, то сарказмъ его ничего не щадитъ... А еслибы сарказмъ этотъ на простыя слова разложить, то и вышло бы, что „на счетъ другихъ намъ хочется быть побѣлѣе“.

— Ты не такъ толкуешь, братъ: натура эта исключительная, ее судить нельзя, на основаніи общихъ правилъ.

Въ исключительности этой Алексѣй попытался однажды, безъ всякаго на то запроса, убѣдить Машу. Но она остановила первую его попытку такимъ суровымъ взглядомъ, что рѣчь брата такъ и понынѣ осталась еще недосказанною.

Несмотря на явную невозможность отмѣнить рѣшенное, Вѣра пыталась высказать свое мнѣніе Машѣ; она говорила съ нею прямо и серьозно, что дѣлала лишь съ тѣми, кого любила.

— За то я и уважаю тебя, Маша, говорила она однажды, вскорѣ послѣ помолвки ея съ Иваномъ Павло-

---

*) Не лучше ли на себя, кума, оборотиться?

вичемъ, за то и люблю и уважаю, что нѣтъ въ тебѣ ни лжи ни фразъ; ты прилагаешь убѣжденіе къ жизни, живешь имъ, вопреки всему, что жить имъ тебѣ мѣшаетъ, а это очень трудно. Для чего же ты хочешь измѣнить себѣ теперь? Зачѣмъ солжешь ты въ эту рѣшительную минуту своей жизни? ты убѣждена, что духъ святой освящаетъ таинство брака, благословляетъ взаимную любовь жены и мужа на христіанское воспитаніе ихъ дѣтей; предъ лицомъ церкви ты услышишь вопросъ: любишь ли ты этого человѣка? и скажешь да, не любя его. Зачѣмъ ты, Маша, это сдѣлаешь? Алексѣй, право, того не стоитъ. Солжешь ты, Маша, и идеалу своему: у тебя нѣтъ ничего общаго съ Иваномъ Павловичемъ. Если Александръ не съумѣлъ оцѣнить твоей привязанности, если тебѣ никогда не быть его женою, развѣ ты не можешь провести всю жизнь одна, въ селѣ, сосѣднемъ съ нимъ, помогать ему своимъ трудомъ и участіемъ, быть ему сестрою вполнѣ? Зачѣмъ же, Маша, ты не такъ дѣлаешь?

— Я разогорчила бы отца и мать отказомъ Ивану Павловичу. Я погубила бы брата, и внесла вѣчное бы горе въ мою семью. Я, кромѣ того, ты знаешь, выше всего въ мірѣ ставлю „преданія старцевъ“,—поученія бабушки: въ какой бы то ни было сферѣ, полезная ближнему жизнь возможна, говорила она. Лично же мнѣ, все равно съ кѣмъ жить, если не съ Александромъ.

— Ты отдаешь себя всѣмъ,—что же ты внесешь въ свою семью?

— Миръ и добрыя дѣла. Можетъ быть и христіанское вліяніе на мужа, если Господь укрѣпитъ меня.

— А въ смыслѣ своихъ убѣжденій—ничего? Гдѣ

это „слитіе двухъ личностей въ союзѣ сердца и вѣрованій“, о которомъ ты мнѣ говорила, когда говорила о жизни съ Александромъ? Гдѣ эта полная любовь „въ образѣ Христа и Церкви, самоотверженная до смерти, смерти же крестныя?“ Что будетъ твоя жизнь съ Иваномъ Павловичемъ? Наружное исполненіе долга, исполненіе его по закону? Но вѣдь это пусто, мертво, и не имѣетъ смысла безъ любви. И твои добрыя дѣла будутъ со дня на день лишь болѣе обрядомъ, долгомъ, чѣмъ внутреннею необходимостью, Маша! На мой взглядъ, человѣкъ не имѣетъ права ступать на ту дорогу, гдѣ его убѣжденія не найдутъ себѣ отзыва. Какая тебѣ необходимость въ нежеланномъ бракѣ? Не отдадутъ вѣдь тебя силою?

— Послушаніе, Вѣра... бабушка учила: послушаніе выработываетъ смиреніе...

— Маша, представь же ты себѣ покорное смиреніе передъ такимъ человѣкомъ, котораго ты ни уважаешь, ни любишь, даже слышать его не можешь! Вѣдь это ужасъ! это камень на шею! Понятно мнѣ полное, безусловное подчиненіе, но мною самою, свободно и отъ всего сердца данное! Я такое знала съ дѣтства, но личность того стоила. Фразы же, тобою усвоенныя, навязываютъ тебѣ жизнь, не ладящую съ твоими потребностями, — для чего же тебѣ впрягаться въ такую жизнь? и такъ уже усложнили ее пошлостями, да приличіями, до такой степени, что она едва выносима!...

Какъ будто всего этого не знала Маша?... День свадьбы, однакожъ, приближался. Родители ликовали. Приданое дѣлалось Машѣ великолѣпное; за нѣсколько дней до свадьбы, все оно разложено было на показъ

въ нѣсколькихъ залахъ, и весь beau monde столицы съѣхался любоваться имъ. Какъ жалка была Маша въ этотъ день! Все, что она ненавидѣла, на нее вѣшалось, и примѣривалось; опутали ее страшно цѣнныя нитки жемчуга; сверкали передъ нею на столахъ, при свѣтѣ огней, драгоцѣнные каменья, дразнили ее, тяготили ее, какъ принципъ тяжелаго долга, который она себѣ навязывала, измѣняя другому! Какъ то тупо, безъ мысли, какъ бы безсознательно, смотрѣла на все это Маша. Такъ же тупо и какъ бы безсознательно встрѣтила она и день свадьбы.

Въ угрюмый осенній день, праздничный поѣздъ доставилъ ее къ олтарю. Тутъ, на минуту, сломилась Маша, не выдержала: нѣсколько слезъ пробѣжало по ея окаменѣлому лицу.

„Чего же плакать? думала, конечно, мать, смотрѣвшая, какъ всѣ великосвѣтскія матери, на судьбу дитяти своего сквозь призму личныхъ выгодъ; съ какой стороны ни взгляни на будущаго зятя, желать лучше рѣшительно нечего: и богатъ, и не старъ еще, а уже въ какихъ чинахъ! и знатенъ, и уменъ: какъ говоритъ то! просто—ораторъ! Что же Маша плачетъ?...“ О, маменьки! Наготовятъ невѣстѣ по двѣнадцати дюжинъ шалей, платьевъ и пр., обошьютъ кружевами простыни... обвѣшаютъ дитя свое брилліантами прабабушекъ и—выпихнутъ... Слава Богу, пристроили! А зять — куда ни поверните, кругомъ дуракъ, но какой ловкій! звонъ отъ его доспѣховъ на полквартала, какъ отъ пустой бочки Крылова! О маменьки! хоть чрезъ нѣсколько поколѣній не прочихаетесь ли вы?...

Маша это понимала; понимала она и родителей сво-

ихъ, и мужа, съ которымъ себя на вѣкъ связала. Кромѣ горя обиженной любви своей, было еще у Маши горе какого то инстинкта, внушавшаго ей безошибочный взглядъ на человѣка. Не изъ науки и книги выработалось у Маши это безотрадное прозрѣніе; напротивъ, изъ свѣжей, нетронутой способности видѣть предметъ просто, не осматривать его съ разныхъ сторонъ, не провѣрять особенностей его существованія никакими психическими законами. Видѣла она всѣ его несовершенства, но примѣняла къ нимъ какое то покорное, апатичное снисхожденіе, считая, что поступаетъ такъ по смыслу великой книги, съ которою не разставалась.

И Ивана Павловича Маша давно видѣла такимъ, какимъ онъ былъ на дѣлѣ, т. е. современно свѣтскимъ героемъ, — т. е. человѣкомъ любезнымъ лишь въ гостиной, съ энциклопедически поверхностнымъ образованіемъ и громкою фразою, маскирующею бездушіе, — человѣкомъ безъ силъ для труда, безъ убѣжденій, безъ чести, безъ энергіи, движимаго лишь какимъ то отвратительнымъ, напускнымъ джентльменствомъ, для поддержанія котораго нужны англійская упряжь, французскіе духи, италіянское far-niente, и непосильные оброки съ родовыхъ вотчинъ! человѣка вполнѣ, однимъ словомъ, безличнаго, зловреднаго попугая, какіе тщательно разводились у насъ, въ продолженіе многаго множества поколѣній.

Могла ли примириться со всѣмъ этимъ честная, простая во вкусахъ, трудолюбивая Маша, идеаломъ которой была трудовая жизнь, посвященная безпріютнымъ сиротамъ? Не могла Маша не спрашивать себя: что она станетъ дѣлать съ Иваномъ Павловичемъ, даже съ точки зрѣнія ежедневной своей жизни; даже въ виду рѣ-

шимости повиновенія и спасенія брата отъ позора, даже въ виду необходимости покончить разомъ съ неосуществившимся ожиданіемъ всей своей жизни?

Что она себѣ говорила про Ивана Павловича? кто знаетъ? Маша заперлась отъ всѣхъ въ своемъ sancta sanctorum. Маша и послѣ брака стала, повидимому, жить жизнію всѣхъ, жить какъ всѣ, по выраженію ея матери, и лишь время, остававшееся свободнымъ отъ выѣздовъ, обѣдовъ и пріема гостей, посвящала работѣ для прикрытія наготы большаго своего семейства.

Пунцовыя ея щеки вскорѣ стерлись, стали смугло блѣдными; черные глаза то гасли, то горѣли лихорадкою; суровѣе чѣмъ когда либо сдѣлались ея черты; нѣжнѣе, чѣмъ когда либо, она ластила и голубила Вѣру.

Семью свою она всегда встрѣчала и провожала улыбкою.

— Можно поручиться за Машу, говорилъ Александръ Сергѣевичъ; счастіе такихъ людей полно само въ себѣ. Довольство жизнію дается натурѣ сильной, ненадломленной анализомъ, натурѣ доброй, съ привѣтливымъ взглядомъ на людей и жизнь; въ такой душѣ убѣжденія крѣпки, не въ состояніи пошатнуть ихъ ни внутреннія бѣды, ни обстоятельства внѣшнія; вѣра въ ней цѣльная, ей и немыслима борьба съ долгомъ исполненія воли Господней. Машина жизнь всегда и вездѣ полна: книги ей не нужно, весь ея міръ въ ея простой душѣ. Вамъ далеко не такъ легко, на бѣду! говорилъ онъ Вѣрѣ.

— Въ Машѣ еще то достоинство, что она никого не разубѣждаетъ, отвѣчала Вѣра: „каждый идетъ, какъ Господь ему указываетъ“, говоритъ она; я совѣтовала

бы и вамъ проникнуться, до нѣкоторой степени, ея терпимостью.

. . . . . .

Вѣра, мѣсяца два послѣ этой свадьбы, сидѣла однажды въ квартирѣ Маши за вечернимъ самоваромъ. Гостей было много, и карточныхъ, и не карточныхъ. Изъ числа послѣднихъ, N., бывшій профессоромъ въ ....мъ университетѣ, подсѣлъ съ стаканомъ къ чайному столу, за которымъ распоряжалась Вѣра. Вѣра увидѣла сѣдую голову, широкій лобъ, съ отвѣсною складкою между бровями и правильныя очертанія умнаго лица.

Она поклонилась, когда Иванъ Павловичъ представилъ ей эту личность, подъ именемъ родственника, котораго онъ съ величайшимъ трудомъ вытащилъ изъ берлоги, затѣмъ, чтобы дать ему полюбоваться своею молодою женою и новою обстановкою.

Взглядъ Вѣры приковался къ этому лицу: если не самъ Павелъ Ѳедоровичъ садился въ эту минуту съ боку стола, если не братъ его Левъ, очень на него похожій, то по крайней мѣрѣ братъ его Александръ или Василій, имѣвшіе съ нимъ много родственнаго сходства!... Черты были не такъ правильны, голова бѣлѣе, чѣмъ у Павла Ѳедоровича, но выраженіе лба и глазъ поражали Вѣру какимъ-то радостнымъ и вмѣстѣ горькимъ напоминаніемъ. Она всматривалась, не отрывая глазъ отъ этого лица. N замѣтилъ ея странное вниманіе. Онъ принялъ отъ нея еще стаканъ чая и въ свою очередь посмотрѣлъ на нее съ любопытствомъ.

— Вы не родственникъ В-мъ, рѣшилась она спросить.

— Нѣтъ. У меня нѣтъ родственниковъ, кромѣ старушки незамужней сестры.

— Необыкновенное сходство! проговорила Вѣра.

— Я вамъ напоминаю кого нибудь изъ близкихъ или отсутствующихъ?

— Да, отца. Онъ умеръ.

— Вѣроятно недавно? Вы въ траурѣ.

— Очень недавно.

Но подумавъ, она прибавила:

— Да неужели уже седьмой мѣсяцъ?... точно вчера это было!...

Она отвѣчала съ трудомъ, стараясь, чтобы голосъ ея не задрожалъ. N. смотрѣлъ на нее; умные его глаза выражали участіе.

N. пользовался репутаціею чрезвычайно ученаго человѣка. Вѣра уже знала о немъ многое, и чувствовала ту неловкость, какую мы ощущаемъ въ юности, приближаясь къ одному изъ проблематическихъ для насъ свѣтилъ,—неловкость, которая проходитъ мало по малу, по мѣрѣ того, какъ юность убѣждается, что свѣтило опаляетъ не сильно.

— Вы, вѣроятно, кончили курсъ въ одномъ изъ институтовъ? спросилъ ее N.

— Я еще не кончила, я въ пансіонѣ; на дняхъ у насъ были экзамены и я перешла въ старшій классъ; сестра Марья Владиміровна беретъ меня на праздники, а иногда и среди недѣли увозитъ къ себѣ послѣ классовъ, до слѣдующаго утра: мы съ нею дружны.

— Пансіонъ вашъ, конечно, французскій?

Вѣра засмѣялась.

— Французскій. Да. Но почему же конечно, вы сказали?

— А таковъ обычай: у насъ безъ француженки женщина не воспитывается.

Застѣнчивость Вѣры проходила: ей говорилось. Сидѣвшіе за чайнымъ столомъ мало по малу ушли. Наливать стакановъ и чашекъ требовалось менѣе и менѣе.

— Почему вы отстранили бы француженку отъ воспитанія женщины? спрашивала она, желая слышать объясненіе своей собственной мысли.

— А вы довольны вашими француженками?

Она разсказала ему подробно исторію курса у Маргариты Альбертовны, разсказала кое-что о ней самой и о системахъ управленія, введенныхъ въ заведеніе. Но вдругъ прервала разсказъ и спросила: не надоѣлъ ли ему такой длинный перечень школьныхъ порядковъ?

— Напротивъ, отвѣчалъ онъ. Вотъ видите: вашъ очеркъ ведетъ прямо къ подтвержденію того, что я хотѣлъ сказать о причинѣ бѣды, о корнѣ зла въ воспитаніи.

— Что вы называете зломъ? Какіе могли бы быть результаты другой системы воспитанія? спрашивала она.

— Что я называю зломъ? А вы сами же дадите на это отвѣтъ: готовитъ ли васъ это воспитаніе къ извѣстной, къ какой бы то ни было формѣ, жизни? Если бы вамъ пришлось заработывать себѣ хлѣбъ, за какой трудъ вы могли бы приняться? Дипломъ, который вы получите, дастъ ли вамъ право взяться, по совѣсти, за дѣло воспитанія дѣтей? Не говоря уже о свѣдѣніяхъ, болѣе чѣмъ поверхностныхъ, съ которыми, какъ вы сами знаете, васъ выпустятъ, воспитываютъ ли вашъ характеръ, разумную твердость воли, даютъ ли вамъ самостоятельный взглядъ на что бы то ни было? есть ли у

васъ убѣжденіе въ необходимости и желаніе трудиться? Кромѣ образованія, кто тамъ заботится о вашемъ нравственномъ воспитаніи? Кто изъ нихъ въ состояніи направить васъ, по крайней мѣрѣ, на путь самовоспитанія? и направилъ ли васъ кто? Согласитесь, что если кто это и сдѣлалъ, то уже конечно не воспитательницы, на которыхъ оно обязательно возложено?

— Отецъ! вырвалось у Вѣры... Мой первый и единственный воспитатель.

И съ отрадою, и забывъ вовсе о репутаціи учености N., она унеслась мысленно въ этотъ далекій оазисъ, и высказалось тутъ все, тепло и живо, о томъ, какъ пять лѣтъ она съ нимъ училась; клеила лото, читала и переводила статейки обозначаемыя нумерами; какъ онъ поѣхалъ на Кавказъ, и какъ она ждала его, ждала.... какъ потомъ схоронили мать, и наконецъ, какъ онъ, по обстоятельствамъ, долженъ былъ передать ихъ обѣихъ, съ сестрою, бабушкѣ... а оттуда отвезли ихъ въ пансіонъ. Такъ и осталось все неконченнымъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать...

— Одно что во мнѣ сохранилось отъ этого періода моей жизни, заключила она,—это потребность правды, которую онъ добросовѣстно воспитывалъ, и сознаніе въ томъ, что жизнь должна соотвѣтствовать убѣжденіямъ. Но изъ жизни моей съ француженками, какъ и изъ здѣшней, я не выношу никакихъ убѣжденій; я чувствую лишь глубокое отвращеніе ко всему, потому что все ложь, въ какой бы то ни было формѣ — все ложь жестокая, и сама я лгу безпрестанно, потому что сношу молча, или даже съ улыбкою, все, что въ душѣ мнѣ противно, и говорю большею частію не то, что хотѣла бы сказать.

Жизнь къ тому пріучаетъ. Но, Боже мой, какъ это тяжело! И, видите, я въ траурѣ... единственнаго воспитателя своего я схоронила...

Глубокое вниманіе, съ какимъ ее слушалъ N., милая ей сфера дѣтства, въ которую она перенеслась при разсказѣ, заставили ее отдѣлиться вполнѣ отъ всего окружавшаго. Чай передъ нею давно убрали. Изъ залы слышались оперные мотивы. Вѣра глубоко перевела духъ: грудь у нея стѣснило; сѣрые глаза стали черными; щеки горѣли.

Когда она остановилась, N. молчалъ минутъ пять.

— Чего вы удостоили меня! сказалъ онъ наконецъ. Какой исповѣди и какого запроса! Какъ рѣдко, даже при моихъ бѣлыхъ волосахъ, доводилось мнѣ слышать такое сердечно-сознательное требованіе со стороны женщины! Требованіе ваше не высказано, но оно ясно: „Кругомъ меня все пусто и лживо; мнѣ не съ кѣмъ слова сказать; единственнаго моего друга у меня не стало; вы мнѣ внушаете довѣріе: вы много жили, вѣроятно много думали и наблюдали, помогите мнѣ чѣмъ можете!“ Такъ вѣдь?

— Такъ. Помогите, сказала она, улыбаясь и краснѣя. Дайте совѣтъ: вы въ состояніи его дать; я о васъ слыхала уже отъ многихъ. И спасибо вамъ!

Говоря это, она вдругъ подала ему руку, которую N. крѣпко пожалъ.

По уставу гостиныхъ, она сошлась съ нимъ слишкомъ откровенно, выразила свое сочувствіе слишкомъ тепло, подала слишкомъ скоро руку такому человѣку, съ которымъ только что встрѣтилась; не смотря на настроеніе минуты, которому она, казалось, отдалась всецѣло, —

мысль эта промелькнула въ ея умѣ и она тотчасъ же оглянулась. Но въ столовой не было никого, кромѣ Алексѣя и Александра Сергѣевича, игравшихъ въ шахматы на угольномъ диванѣ.

Точно свѣтъ, и свѣтъ яркій блеснулъ ей на пути впередъ. Онъ укажетъ, онъ научитъ, онъ,—какъ отецъ могъ бы—можетъ спасти отъ этой жизни! что-то говорило ей; и она кинулась къ нему и сердцемъ и умомъ, и всѣми задушевными своими помыслами, которые какъ-то связывали прошлое съ настоящею этою минутою, кинулась она къ этому незнакомцу, какъ къ родному...

— Вы вотъ растравили прошлое, сказалъ N, видя, что она на нѣсколько минутъ задумалась. Это такой звѣрь, котораго будить опасно...

— А вы знаете, что этого звѣря будить опасно? отвѣчала Вѣра вопросомъ на вопросъ. Помогъ ли вамъ кто нибудь въ жизни, какъ мнѣ помогаетъ ваше участіе?

— Я еще только предполагаю помочь, на сколько умѣнья хватитъ, обѣщалъ N. — Знаю ли я о звѣрѣ? да, какъ вамъ сказать? я уже сжился съ нимъ: онъ со мною постоянно въ берлогѣ, и будить его, вообще, скверно.

N. посмотрѣлъ на нее съ минуту молча; потомъ, какъ бы продолжая вслухъ начатую мысль, сказалъ:

— Вамъ, по возможности, нужно слѣдовать его программѣ, нужно непремѣнно стать на тотъ путь, на который онъ, т. е. вашъ отецъ, хотѣлъ васъ поставить.

— Я не знаю, чего онъ хотѣлъ достигнуть начатымъ воспитаніемъ, говорила Вѣра. По небольшому конспекту занятій, который, къ несчастію, не сохранился у

меня, я припоминаю только о томъ,—какія науки онъ желалъ, чтобы вошли въ составъ моего курса, а въ мои лѣта, еслибы я шла систематически по его программѣ, я была бы, можетъ быть, уже въ состояніи заняться исключительно однимъ изъ пройденныхъ, и основательно пройденныхъ предметовъ. Въ настоящую же минуту, ни одного такого предмета нѣтъ. Я знаю такъ мало, и все, что мы проходимъ, мнѣ до такой степени непріятно, даже по формѣ, что я не могу указать ни на одну изъ отраслей науки, которою желала бы особенно заняться.

N. задумывался.

— Знаете ли, сказалъ онъ, послѣ того, какъ Вѣра изложила ему вкратцѣ все, что припоминала о системѣ курса Павла Ѳедоровича, — я затрудняюсь допустить мысль, чтобы я могъ замѣнить для васъ такого учителя.

— Но его нѣтъ! вскрикнула Вѣра. И никого кругомъ нѣтъ въ параллель съ нимъ или съ вами! У меня, стало быть, и выбора нѣтъ. Вы мнѣ хоть укажите на тѣ статьи, о которыхъ онъ говорилъ въ послѣднее время; укажите на книги, которыя помогли бы мнѣ развиться.

— Въ настоящее время, въ этомъ выборѣ все для васъ.

— Послушайте, настаивала Вѣра, студентъ, по окончаніи гимназическаго курса, поступаетъ на одинъ изъ факультетовъ, и слушаетъ науки, которыя излагаетъ профессоръ. Отчего же профессоръ не стѣсняется, въ отношеніи слушателя, никакимъ разсужденіемъ, которое останавливаетъ васъ?

— Профессоры, другъ мой, излагаютъ каждый одинъ изъ предметовъ извѣстнаго курса, а курсъ этотъ, замѣтьте, имѣетъ цѣлью приготовить слушателя къ извѣст-

ному, избранному имъ пути или занятію въ жизни, къ какому онъ чувствуетъ наиболѣе призванія. Профессоровъ при этомъ не стѣсняетъ никакая личная отвѣтственность за нѣсколько сотъ жизней; они имъ не даютъ направленія; они имѣютъ единственною цѣлью изложить свой предметъ, и излагаютъ его болѣе или менѣе добросовѣстно. Я же одинъ долженъ для васъ замѣнить всѣхъ профессоровъ факультета; и вы, вслѣдствіе моихъ лекцій, вслѣдствіе чтеній, мною указанныхъ, пріобрѣтете мой взглядъ на науку и жизнь. Это и будетъ навязанный вамъ мною взглядъ, а онъ вашу жизнь, можетъ быть, испортитъ. Я это и называю личною для себя отвѣтственностью, то что вы выработаете въ себѣ посредствомъ моего вліянія...

— О, я этого не боюсь, во первыхъ, потому... потому, что я готова вѣрить, что вліяніе это хорошее! скоро и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ застѣнчивостью рѣшила она. Во вторыхъ, — я кажется, не способна принимать слѣпо что бы то ни было: вы дайте мнѣ возможность провѣрять одну книгу другою, а вы—выводы мои повѣряйте. Ну, да? такъ? идетъ? волновалась она.

N. не могъ сдержать добродушной улыбки.

— На какой же мы факультетъ поступаемъ? спросилъ онъ. Любите ли вы науки положительныя? Начнемъ съ математики—это мой любимый предметъ,

— Нѣтъ ли такого факультета, на которомъ объяснялись бы причины воли, ума, мысли? спрашивала Вѣра. Я хочу знать что такое человѣкъ? какія отношенія его духа къ тѣлу? Потомъ, я хочу знать исторію человѣческихъ обществъ; я желала бы знать, какими путями шло общество, и какъ могло оно дойти до того, что

стало такъ лживо, мелочно и безсердечно? Вотъ вы мнѣ что скажите!

— Читайте и дѣлайте выписки: я вамъ дамъ книгъ, согласился наконецъ N.

— Пытаясь уяснить себѣ связь между духомъ и тѣломъ, говорила Вѣра, я прочитала много книгъ духовнаго содержанія, но мнѣ, къ сожалѣнію, все попадались книги людей, отпѣтыхъ заживо, со взглядами которыхъ у меня, разумѣется, не можетъ быть ничего общаго. Припоминая и то, что я могла слышать по этому поводу отъ отца, я припоминаю немногое, потому что онъ тогда не могъ, говоря съ ребенкомъ, углубляться въ такой предметъ. Какъ мнѣ теперь кажется, онъ былъ человѣкомъ истинно религіознымъ, потому что глубоко чтилъ слово евангельское, и смотрѣлъ на ближняго взглядомъ Христа. Но я лишь недавно стала членомъ церкви: онъ вѣроятно, имѣлъ въ виду болѣе сознательное мое присоединеніе къ ней, когда я приду въ возрастъ. Это впрочемъ, одно предположеніе; мнѣнія его объ этомъ предметѣ я не слыхала.

— Нужно вамъ прочитать, отвѣчалъ N., все, что высказано у древнихъ объ усовершенствованіи духа, объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на насъ званіемъ человѣка, о крайней степени высоты, до которой онъ можетъ подняться. Вопросъ этотъ разработывается нѣсколько тысячелѣтій. Сократъ, Платонъ и другіе ученые, пытались создать культъ истинный. Въ Римѣ, философы стремились къ просвѣщенію народа истиннымъ и высокимъ пониманіемъ вѣры, потому что человѣкъ, съ давнихъ уже временъ, старается заплатить копѣйками за внутреннюю свою испорченность. Надо познакомиться вамъ

и съ классическими мудрецами, и съ новѣйшими трансценденталистами. Школы среднихъ вѣковъ и нѣмецкіе идеалисты пустились въ метафизическія тонкости, вступили между собою въ безъисходный споръ, и нѣсколько затемнили вопросъ; тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ прочитать, и тѣхъ и другихъ: составьте себѣ изъ всего прочитаннаго свое понятіе о душѣ, очистите въ умѣ вашемъ философію и психологію отъ метафизическихъ гипотезъ; выработайте изъ всѣхъ этихъ теорій свой собственый взглядъ.

— Вы сами этимъ путемъ шли, и дошли до истины? спросила она.

— Я, лично, дошелъ, вслѣдствіе долгаго многолѣтняго изученія этого вопроса, лишь до того убѣжденія, что,—для возможнаго приближенія къ предположенному идеалу, человѣкъ долженъ какъ можно болѣе жить внутри себя, держаться міра внѣшняго лишь на столько, на сколько это необходимо для его физической природы; онъ долженъ стоять одинъ: онъ тогда спокойнѣе, сосредоточеннѣе, ближе къ принятію въ себя тѣхъ свѣтлыхъ истинъ, которыя наука лишь уступаетъ, какъ бы съ бою.

— Неужели? сказала Вѣра. Но это вѣдь такое же монашество, какое предписываетъ и Ѳома Кемпійскій?... Я вовсе не понимаю самоотреченія во имя идеи; я о немъ думала много и глубоко, по поводу одного случая, — слишкомъ для меня тяжелаго!... прибавила она, вспомнивъ о Машѣ; и я положительно не могу сочувствовать такому самоотреченію. Если и существуетъ во мнѣ стремленіе къ самоусовершенствованію, то оно во мнѣ, я это навѣрное знаю, имѣетъ цѣлью именно бла-

го ближняго. Иначе я не понимаю и желанія его достигнуть: на что же сдѣлаться вполнѣ добрымъ, хорошимъ, и — уединиться? Я, напротивъ, желала бы отъ человѣка гораздо болѣе сочувствія къ вопросамъ общимъ, вопросамъ жизни; я желала бы отъ него гораздо болѣе теплоты, чѣмъ онъ даетъ всѣмъ тѣмъ, для кого жизнь нехороша. Я, со временемъ, выскажу вамъ мою мысль подробнѣе. А теперь желаю, по возможности ясно, передать вамъ мои вопросы, чтобы вы могли видѣть, какія мнѣ нужны книги. Я, прежде всего, хочу знать: что такое человѣкъ? какія общія черты его природы? какія были издавна его нравственныя, общественныя и политическія требованія? вслѣдствіе чего сложился существующій порядокъ? отчего бываетъ разногласіе между пониманіемъ и дѣломъ, вслѣдствіе котораго жизнь должна быть совершенно сбивчивою и безцѣльною? Думаютъ, напримѣръ, такъ, а поступаютъ иначе! Есть ли это зло неизбѣжное, или можно какъ нибудь устранить его? Я знаю лишь кругъ людей танцующихъ и играющихъ въ карты, другой кругъ — людей, наживающихъ деньги, какими бы то ни было средствами; есть же, вѣроятно, люди выше этихъ: скажите мнѣ что они дѣлаютъ? покажите мнѣ трудъ, направленный къ одной общей для народа и общества цѣли; доставьте мнѣ возможность быть лицомъ дѣйствующимъ, въ средѣ этого общаго труда. Объясните что мнѣ возможно дѣлать; какую часть избрать; поставьте меня на путь къ достиженію этого. Вотъ чего я прошу у васъ. Я вѣрю потому уже въ то, что вы въ состояніи дать мнѣ отвѣтъ,— что вы единственная личность изъ окружающихъ меня, которой прямо и полно высказываются вопросы, тяготившіе мою

голову столько лѣтъ и — безплодно! Вы укажете на средства къ пріобрѣтенію того, что мнѣ дорого; въ результатахъ же—вы не властны, и отвѣчать за нихъ не должны.

Пока Вѣра говорила, N. раза два махнулъ рукою; что то унылое, потомъ горькое и сухое выразилось попеременно на его лицѣ.

— Великъ вашъ запросъ, другъ мой! сказалъ онъ, когда она остановилась. — Давайте читать и учиться: чего я вамъ не скажу, то вы сами увидите.

— Мнѣ очень пріятно, замѣтила Вѣра, что вы, вотъ уже два раза, назвали меня своимъ другомъ; вѣрно ли вы выразились? Мы еще не знаемъ, сходимся ли во всемъ. Съ однимъ высказаннымъ вами взглядомъ я уже не согласна. Но, во всякомъ случаѣ, антагонизмъ нашъ не можетъ быть равенъ по силамъ. Я теперь — признательная ваша ученица, и вы должны мнѣ давать самыя точныя на все опредѣленія! говорила она, и ея раскраснѣвшееся лицо улыбалось отъ радости говорить такъ долго, такъ искренно, говорить какъ будто за всѣ годы тяжелаго молчанія!

Улыбался и N., смотря на нее.

— Другъ! повторилъ онъ: въ сущности опредѣленіе вѣрно,—вы это сами сознаете, если я единственная здѣсь личность, по вашимъ словамъ, съ которою вамъ думается вслухъ. Если же оно и не совсѣмъ вѣрно, разрѣшите мнѣ только эту, единственно эту, неточность въ опредѣленіяхъ! Ни малѣйшей въ васъ уступки — провѣрка мысли даже или выраженія, тѣмъ болѣе явленія и факта—знаете ли, какая эта драгоцѣнная черта!

Вы говорите объ уровнѣ между нами: у васъ предъ мною множество преимуществъ...

— Драгоцѣнная черта проявляется во мнѣ лишь относительно тѣхъ, которые много могутъ дать, шутила Вѣра: отъ полькера и требовать нечего.

Вѣра встала. Уже было поздно. Пульки кончались. Накрывали ужинъ. Александръ сидѣлъ одинъ на угольномъ диванѣ, свѣсивъ голову надъ шахматною доскою.

Вѣрѣ показалось, что огромный промежутокъ времени отдѣлилъ ее отъ Маши, отъ Ивана Павловича, отъ Полины съ Магеттою, что какое то событіе вдругъ выдвинуло ее изъ ихъ среды, и поставило одну. Она оглянулась. Большіе глаза ея тревожно и пытливо какъ будто спрашивали что то; тонкій станъ ея наклонился передъ собою; вся ея поза выразила страстное желаніе идти впередъ, во что бы то ни стало. N. стоялъ въ трехъ шагахъ и смотрѣлъ на нее. И ей вдругъ стало легко и спокойно; и она ему такъ ласково улыбнулась!

За ужиномъ, рѣчь зашла объ одномъ лицѣ, добровольно выѣхавшемъ изъ родины, и поселившемся съ семействомъ въ Америкѣ; двое изъ его соотечественниковъ, бывшіе тутъ же, за столомъ, отозвались о немъ крайне рѣзко за то, что онъ не съумѣлъ остаться патріотомъ. N. на это замѣтилъ, что зналъ лично этого добровольнаго изгнанника. Переселенецъ этотъ убѣжденъ, что для его родины никогда не наступитъ такое время, о которомъ онъ могъ бы мечтать, и поѣхалъ искать себѣ другое отечество, что и понятно. То же самое сдѣлаютъ и сдѣлали уже многіе другіе, говорилъ N.,—нашли себѣ родину, которой у нихъ не стало... N. не спорилъ; во-

кругъ него цѣлый кружокъ пытался перекричать собесѣдника; N. сказалъ свое мнѣніе о добровольномъ этомъ отщепенцѣ отъ роднаго края, немногосложно, тихо, и возраженія прекратились. Въ рѣчи его слышалось убѣжденіе, а не фраза; его умъ и ученость, сознаніе истинъ, выстраданныхъ долгою жизнію, ставили его, помимо всякаго съ его стороны желанія, выше какого бы то ни было кружка. Вѣра смотрѣла на него, стараясь опредѣлить то спокойствіе, какое характеризовало его физіономію: выражаетъ ли оно философски рѣшенные вопросы? пріобрѣтается ли оно въ отшельническомъ уединеніи, какое N. считаетъ необходимымъ для служенія наукѣ съ цѣлью самоусовершенствованія? и не то ли это спокойствіе, которое можно назвать равнодушіемъ ко всему живущему безъ радостей? Всматриваясь еще, но всматриваясь сквозь призму собственной теплоты сердца, Вѣра рѣшила, что усмотрѣла на этомъ лицѣ выраженіе благодушія, и ей опять стало легко на сердцѣ: она уже боялась не найти въ N. сочувственной ей черты любви къ ближнему!

По указаніямъ N., она стала брать изъ абонемента книги; начала читать ихъ съ увлеченіемъ. Первую книгу, данную имъ (An outline of the necessary laws of thought, a treatise on pure and applied logic, by W. Thompson) *), она почти знала наизусть съ втораго чтенія, которое ей показалось необходимымъ для составленія выписокъ. Среди шума пансіона, она уединилась такъ, что не слыхала его. Классныя занятія и

*) Изложеніе необходимыхъ законовъ мышленія,—чистая логика и приложеніе ея, составленное В. Томсономъ.

въ старшемъ отдѣленіи не могли ей мѣшать работать. Лекторъ П... началъ имъ диктовать изъ французской литературы о фигурахъ и тропахъ: изъ множества стиховъ, которые знали его ученицы, имъ слѣдовало выбирать примѣры для опредѣленія фигуръ этими же стихами, какъ-то:

„L'hypotypose peint l'objet avec des couleurs si vives et des images si vraies qu'elle le met en quelque sorte sous les yeux. Exemple:

Un poignard à la main, l'implacable Athalie.

Au carnage animait ses barbares soldats *).

L'antonomase prend un nom propre pour un nom commun. Exemple: Un Néron, pour dire un prince cruel et sans pitié.

La métaphore, l'allégorie, etc. **).

Изученіе недостатковъ слога (phébus, néologisme, enflure) ***) и достоинствъ его (clarté, convenance, ornements) ****), не могли, конечно, выучить Вѣру писать. Просмотрѣвъ полную тетрадь литературы, она увидѣла, что и здѣсь хлопочутъ единственно о внѣшней отдѣлкѣ литературнаго труда, и стала заготовлять то, что требовалось для класса, единственно въ виду экза-

---

*) Ипотипоза представляетъ предметъ такъ живо и наглядно, что ставитъ его, какъ будто, предъ глазами. Пр. Неумолимая Гофолія, съ кинжаломъ въ рукахъ, побуждала къ рѣзнѣ своихъ дикихъ воиновъ.

**) Антономазія употребляетъ имя собственное на мѣсто нарицательнаго. Пр. Нерономъ называютъ государя жестокаго и безжалостнаго.

Метафора, аллегорія и т. д.

***) Туманность, неологизмъ, напыщенность.

****) Ясность, приличіе, украшенія.

меновъ; все же свободное время, и очень часто по ночамъ, занималась по программѣ, которую составилъ N. Она работала одна: Полина, выдержавъ экзаменъ, ушла въ гувернантки, выдержавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и множество грубыхъ сценъ и упрековъ. Магетта, Ольга и Лидинька, повертѣвъ ея книги, нашли, что это слишкомъ ученая матерія, и стали оберегать, по возможности, Вѣру, чтобы никто не помѣшалъ ей.

У Вѣры, въ два мѣсяца, накопились цѣлыя тетради выписокъ. N. ихъ тщательно просматривалъ. Онъ съ самыхъ первыхъ тетрадей замѣтилъ, что она хорошо составляетъ выборку, и далъ ей составить кое что для себя въ сокращенномъ видѣ. Вѣра послѣ курса логики, познакомилась съ школами эпохъ, когда умъ человѣка, стремясь къ тому, чтобы выбиться изъ колей дѣтскаго пониманія о духовномъ совершенствѣ, выработывалъ убѣжденіе, что все видимое есть продуктъ вещественныхъ силъ, естественныхъ законовъ, въ существованіи которыхъ не участвуютъ силы сверхъестественныя. По системѣ, N. расположилъ курсъ Вѣры на „теоріи, которыя все хотятъ вывести изъ отвлеченнаго мышленія“, и прописалъ ей Платона, Гегеля, Спинозу, Фихте, Шопенгауэра; съ другой стороны, взялъ „теоріи, которыя все основываютъ на физіологическомъ опытѣ“ — Демокрита, Гольбаха, Кондильяка и пр. Переваривши и тѣ и другія, Вѣра, по его мнѣнію, должна была составить себѣ изъ этой микстуры квинтэссенцію личнаго вывода.

Мозгъ Вѣры, какъ ей казалось, буквально трещалъ, когда она всаживала въ него этихъ мудрецовъ, но ей, вмѣстѣ съ тѣмъ, было очень совѣстно сознаться въ этомъ

передъ своимъ учителемъ: ей казалось, что это не можетъ происходить ни отъ чего инаго, какъ отъ ограниченности ея способностей. Выписки изъ логики, психологіи и метафизики перемѣшивались въ ея тетрадкахъ съ цѣлыми страницами изъ Космоса и Лафатера, съ мыслями изъ Гейне и Мицкевича. N. читалъ со вниманіемъ эти tutti frutti. Что онъ при этомъ думалъ? почему онъ никогда не высказывалъ Вѣрѣ своего мнѣнія? Онъ думалъ: „ничего, пусть развивается мысль...“

Но мысль въ хаосѣ гипотезъ, на которыя голова Вѣры менѣе всего была способна, бродила ощупью. Вѣра сомнѣвалась въ своихъ силахъ и страдала отъ этого сомнѣнія. Вѣря учителю, что именно этимъ путемъ достигается знаніе, она уже седьмой мѣсяцъ проводила надъ творѐніями деистовъ, пантеистовъ, атеистовъ... Ей эти мѣсяцы показались цѣлыми годами. Чтеніе это такъ ее утомляло, въ такомъ туманѣ она жила съ тѣхъ поръ, какъ углублялась въ этихъ мыслителей, что иногда, просто въ отчаяніи, Вѣра собирала всѣ эти томы, запирала ихъ въ ящикъ, бросала все недѣли на двѣ и, презирая себя (по выраженію пансіона), съ наслажденіемъ отправлялась бѣгать съ дѣтьми по саду. Но вскорѣ снова принималась напрягать, насиловать свой мозгъ, тѣмъ болѣе, что изъ этихъ томовъ она многое переводила для N.; переводъ этотъ былъ ей далеко не по силамъ; онъ еще болѣе заставлялъ ее вдумываться въ текстъ и разработывать его для того, чтобы передать мысль по русски своими словами.

Домучилась она наконецъ до слѣдующаго объясненія съ своимъ наставникомъ:

— Довольны вы моимъ переводомъ о „безконечномъ?“

спросила она у N., когда онъ пріѣхалъ однажды къ Машѣ на дачу, во время лѣтнихъ ваканцій.

— Нѣтъ, не очень. Переводъ вѣренъ, т. е. буквален, но видно, что вы не понимаете предмета.

— Вовсе не понимаю.

— Потому что вы не знаете алгебры: изъ нея только видно, что безконечное есть само по себѣ, какъ дѣйствительная величина, дающая въ вычисленіи положительныя величины. Безконечность ни представить себѣ, ни понять, ни осязать—нельзя; но она управляетъ движеніемъ тѣлъ, а въ мірѣ все движется.

Вѣра обрадовалась и этой путеводной нити.

— Дайте же мнѣ алгебру, сказала она. Я въ ней найду объясненіе идеи безконечнаго? Да? И какъ найду? съ точки ли зрѣнія матеріализма или трансцендентальной философіи? Это мнѣ все равно, лишь бы тѣ или другіе объяснили мнѣ ее положительно. Но едва ли это возможно будетъ! заключила она, уже считая себя тупицею.

— Безконечнаго не отвергаетъ ни матеріализмъ, ни трансцендентальная философія. Идея эта, — недоступная пониманію и столь реальная, что безъ нея необъяснимо ни одно явленіе,—можетъ доказать вамъ, что внѣ человѣческаго пониманія недоступное для него есть нѣчто, чему непониманіе человѣка не мѣшаетъ быть и дѣйствовать.

Вѣра опять повѣсила голову; самый языкъ этотъ она не понимала. „Тупа что ли я въ самомъ дѣлѣ?“ спрашивала она себя въ недоумѣніи.

— Видите что, рѣшилась она сказать: перевожу я буквально, потому что боюсь измѣнить малѣйшее выраженіе, притронуться къ единому слову, до такой степени смыслъ всего этого для меня теменъ. Даже когда

вы объясняете мнѣ,—я не понимаю. И потому мнѣ кажется, что... я не доросла до этихъ ученыхъ. Вы говорите, что для пониманія идеи о безконечномъ нужна алгебра, я, слѣдовательно, должна начать съ алгебры; если и алгебра мнѣ еще недоступна, я должна, можетъ быть, взять то, что мнѣ нужно еще ранѣе алгебры, а можетъ быть еще и еще ранѣе. Я не знаю собственно что, но знаю, что вотъ эта книга о безконечномъ есть послѣднее слово, выводъ изъ множества наукъ, о которыхъ я не имѣю понятія, и потому она мнѣ не только не доступна, но и цѣны для меня не имѣетъ, вслѣдствіе того, что я не могу провѣрить, правду ли говоритъ авторъ или бредитъ. Точно такой же смыслъ имѣютъ для меня и теоріи матеріалистическія: я вижу, что онѣ выведены изъ огромнаго числа наукъ, которыя доказываютъ ясно, какъ 2×2, что иной теоріи авторъ не могъ создать себѣ, на основаніи ихъ, но для меня опять эта теорія не имѣетъ смысла, потому что она — какъ бы заключеніе книги, которой я не прочитала.

— Другъ мой, я вамъ даю авторитетовъ науки! сказалъ N. почти съ ужасомъ.

— Не для меня, — поймите меня; неужели я выражаюсь такъ неясно? не для меня они авторитеты! Для васъ — да: вы можете сравнивать и сказать утвердительно: это вѣрно, потому-то и потому-то! и многіе ученые за вами скажутъ: „это такъ“. Если даже другіе ученые скажутъ: „нѣтъ, не такъ“,—это опять будетъ признакъ знанія предмета, потому что отрицаніе это происходитъ отъ знанія фактовъ; и такое отрицаніе, мнѣ кажется, именно должно привести къ положительному знанію. А во мнѣ—лишь недовѣріе и, безплодное,

неосновательное: недовѣріе къ несомнѣнному, можетъ быть, а между тѣмъ я не въ состояніи ничего провѣрить, потому что не знаю азбуки и мучусь тѣмъ, что, можетъ быть, все это и такъ, но эти мыслители говорятъ при мнѣ какъ будто по китайски.

— Не унывайте, другъ мой! успокоивалъ ее N.; это недовѣріе есть само по себѣ уже признакъ дѣятельной мысли.

— Но мысль эта меня измучила! говорила Вѣра.

— Послѣ многихъ трудовъ, мы и ученыхъ выведемъ на свѣжую воду! обѣщалъ ей N.

Вѣра успокоилась однакожъ тогда только, когда N. къ прежнимъ книгамъ прибавилъ ей физику и химію. Но, вертя ихъ одна, безъ подготовки математическихъ данныхъ, она надъ ними лишь грустила, и изрѣдка просила объясненій у Николая, когда онъ пріѣзжалъ на воскресенье, подышать чистымъ воздухомъ, съ женою своею и маленькимъ Гришею.

Лѣто сіяло во всей красѣ, а Вѣра томилась надъ книгами. Отъ чрезмѣрнаго напряженія мысли, она начинала переходить къ вопросамъ: Къ чему же все это? На что эти физика и химія? на какую потребу эти пантеисты и пр.? Какое приложеніе сдѣлаю я изъ всей этой учености къ моей жизни? На что трудились надъ такою премудростью столько умныхъ головъ? И не былъ ли человѣкъ счастливѣе въ первобытномъ невѣжествѣ?...

— Какъ огорчился бы N., еслибы узналъ, надъ какимъ бредомъ останавливается моя мысль! смущалась она, принимаясь снова за премудрые свои томы.

Вдругъ точно электрическая искра пробѣжала по обществу, и оно вздрогнуло на мгновеніе.... Вздрогнуло

оно и задумалось: „Вопросы жизни“ *) сказались.... Кто тогда, прочитавши ихъ, не ушелъ на минуту въ себя — провѣрить и сознать истину, что надъ дѣтскою его природою дѣйствительно произведено было насиліе? что данное воспитаніе не соотвѣтствовало ни склонностямъ его, ни даже темпераменту? что, по окончаніи учебнаго курса, воспитаніе это стало въ прямой разладъ съ дѣйствительностью, встрѣтившеюся въ жизни?

Николай прочувствовалъ болѣзненно эти „Вопросы“.

Сѣдые мужи всѣхъ вѣдомствъ и категорій, никогда до тѣхъ поръ не думавшіе, никогда не имѣвшіе и позволенія думать, на минуту это сознали. Многіе вспомнили время, когда, по окончаніи учебнаго курса, придавленная воля ихъ устрашилась борьбы, которую передъ собою почувствовала, и они рѣшились идти, какъ всѣ, по нечестной рутинѣ, поплелись „безсознательно по силѣ инерціи, по толчку, данному въ извѣстномъ направленіи...“

Иванъ Павловичъ даже углубился въ „Вопросы“. Очнувшись отъ нихъ, онъ какъ будто воспрянулъ, т. е. отъ самоопленанія вдругъ разразился самыми радужными предсказаніями о славѣ и будущности Россіи.

— Велика нація, которая сознаетъ свою общую бѣду! говорилъ онъ. Эта нація опередитъ быстрыми шагами гнилой Западъ, и скоро станетъ первою среди цивилизованныхъ, но отживающихъ свой вѣкъ, народовъ.

Говоря о Франціи, онъ прибавлялъ: „Твой славный вѣкъ ты отжила!“ И тутъ же пытался передѣлать этотъ стихъ на французскій ладъ.

---

*) Пирогова.

N. только улыбался, глядя на него.

— На ваши запросы сама жизнь сказывается, говорилъ онъ Вѣрѣ; вы только вслушивайтесь, жизнь лучшая академія въ мірѣ.

Маша, постоянно лежавшая теперь — ни больная, ни здоровая — на диванчикѣ, слушала молча что вокругъ нея говорилось. Все ждало чего то въ будущемъ; для нея же ждать уже было нечего.

Братъ Николай съ одушевленіемъ читалъ ей эти „Вопросы“, юмористически допытывавшіеся смысла школы въ приложеніи къ школѣ житейской. Всѣ усилія человѣка подладиться къ послѣдней тщетны... „Вы ищете, а жизнь между тѣмъ приближается въ закату. Вопросы жизни еще далеко не всѣ разрѣшены для васъ. Вамъ такъ хотѣлось бы снова начать ее; но что однажды кончилось, тому уже продолженія впредь—нѣтъ“, кончалъ братъ, въ двадцатый уже разъ, можетъ быть, сличая въ этомъ очеркѣ собственную участь, съ момента мундирнаго воротника, надѣтаго на восьмилѣтняго ребенка, до настоящей минуты,—минуты борьбы и труда, къ которымъ онъ не былъ приготовленъ, а привыкалъ лишь теперь, съ разбитыми силами.

Люди мыслящіе, безъ сомнѣнія, сознавали уродливость школьныхъ системъ и до появленія „Вопросовъ жизни“; для массы же, пріученной, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, дѣйствовать не разсуждая, идти куда прикажутъ, „Вопросы“ эти были явленіемъ новымъ. Понадобились вдругъ убѣжденія, а ни у кого ихъ не было. Самая горечь этихъ „Вопросовъ“ возбуждала странную, непонятную какую-то отраду, тѣмъ болѣе, что когда прогремѣли „Вопросы жизни“, гремѣли уже торжества

коронаціи... Возникали неопредѣленныя надежды... Откуда-то повѣяло живымъ, свѣжимъ, какъ бы обновлявшимся, воздухомъ; мысль попыталась высказаться; обличенія, даже злоупотребленія гласности, многимъ показались цѣнными, ради новизны своей.

Время шло. Раны заживали: снимался трауръ по героямъ, падшимъ на бастіонахъ Севастополя; лишь тѣ бродили, какъ черныя тѣни, которымъ

«Не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей». *)

Новая жизнь быстро шла. Возвращались ссыльные. Неслись откуда-то, парили въ воздухѣ, звуча отрадно, благоухая какъ весна, крылатыя вѣсти о цѣляхъ любви и блага...

N. на все это угрюмо покачивалъ головою, отмалчиваясь.

Въ одно воскресенье, Александръ посовѣтовалъ Вѣрѣ обратить особенное вниманіе на политико-экономическую статью московскаго публициста, которую Николай привезъ съ собою, и намѣревался почитать имъ вслухъ.

Послѣ завтрака, онъ дѣйствительно прочиталъ ее: статья была замѣчательна въ томъ отношеніи, что подтверждала мысль, которою Александръ постоянно грозилъ Вѣрѣ, что умственный трудъ лишь тогда возможенъ, когда устранены и обезпечены прочіе матеріальные вопросы.

Вѣра въ этомъ убѣждалась все болѣе и болѣе, смотря на Николая.

---

*) Некрасовъ.

— Но что же дѣлать? спрашивала она у N., ходя съ нимъ въ тотъ вечеръ по саду. Укажите мнѣ на возможную для меня дѣятельность. У меня никакихъ средствъ нѣтъ. Когда я кончу мой пансіонскій курсъ, который меня готовитъ лишь къ салону, чѣмъ я буду выработывать себѣ насущное пропитаніе? Для того, чтобы идти въ гувернантки, я слишкомъ мало знаю.

— Какъ! у васъ собственно ничего нѣтъ, а вы носите такія прекрасныя платья, и пріучаетесь къ такому комфорту? удивился N. Я не понимаю, какъ вы можете это позволять себѣ!

— Иначе я не могу сдѣлать, убѣждала его Вѣра: тетенька не захочетъ одѣвать своихъ племянницъ проще потому уже, что это ея племянницы. Какъ она Машу одѣвала такъ и меня, — всегда одинаково. А бывать мнѣ больше негдѣ: у меня здѣсь никого родныхъ нѣтъ.

— Надо поскорѣе учиться и пріобрѣтать побольше свѣдѣній: вы могли бы переводить для печати, вы переводите недурно, и отчего бы вамъ не жить съ братомъ? вы найдете чѣмъ помочь ему, при женѣ, которая, какъ кажется, не слишкомъ на это способна.

— Николай желаетъ, чтобы я, по окончаніи курса, переѣхала къ нему; онъ мнѣ говорилъ объ этомъ. Но онъ бѣденъ, и я должна умѣть хоть что нибудь дѣлать, прежде чѣмъ рѣшусь стѣснить его собою.

— Давайте побольше переводить, совѣтовалъ N. Я, въ концѣ ноября, буду въ Петербургѣ, и поговорю о васъ: спрошу что нибудь для перевода у одного знакомаго мнѣ литератора и редактора журнала. Онъ теперь устарѣлъ, и почти оставилъ литературу, но его вліяніе на изданіе, имъ основанное, не прекратилось, и

онъ, по моей просьбѣ, вѣроятно дастъ вамъ работу. И брату вы станете помогать, какъ помогаете мнѣ, мой добрый другъ, и мальчикомъ его займетесь: пріучите къ себѣ и начнете его образованіе.

„Это очень дѣльно, что онъ мнѣ совѣтуетъ!“ думала Вѣра, усаживаясь послѣ каникулъ, усерднѣе чѣмъ когда либо, за ученыя свои книги и переводы. „Бѣдный Николай! неужели я буду въ состояніи облегчить его работу? и Гришею займусь отъ всего сердца!“

Въ началѣ ноября, пріѣхала Вѣра въ одну изъ субботъ, по обыкновенію, къ Машѣ. Маша совсѣмъ лежала. Иванъ Павловичъ собирался везти ее въ Петербургъ, на консультацію съ лучшими докторами. Александръ ходилъ взъерошенный.

— Что съ вами? Маша очень больна? спросила встревоженная Вѣра.

— Ничего. Не знаю, отвѣчалъ онъ. Нѣтъ, кажется, не очень: нервная лихорадка не проходитъ.

Когда Вѣра пришла спать, она нашла на столикѣ, у постели своей, толстое письмо — отъ Александра.

Удивившись, она его живо распечатала.

„Нельзя, чтобы въ мірѣ не было соблазна, писалъ Александръ, но горе тому, чрезъ кого соблазнъ входитъ въ міръ! Нѣтъ роли выше роли учителя, но нѣтъ и отвѣтственности тяжелѣе. Какъ же смотрѣть безъ ироніи, желчи и злобы, безъ смертельной тоски и боли въ сердцѣ, на глубокую безнравственность дѣятельности N., если онъ сознаетъ свою губительную, въ отношеніи васъ роль! Полуаскетъ, полуфанатикъ износившійся, чортъ знаетъ по какимъ дорогамъ, изсохшій (отъ науки или страстей — это все равно), раздавленный прожитымъ, какое

право у ного имѣть на васъ вліяніе? въ какой онъ міръ васъ вдвинетъ? Что общаго между этимъ старикомъ и чистою дѣвушкою, прекрасною сердцемъ, умомъ и стремленіями? Во имя какого то отвлеченнаго развитія, не разбирая попавшагося ему подъ руку психологическаго матеріала, даетъ ли себѣ отчетъ этотъ трансцендентально безсознательный критикъ, что онъ дѣлаетъ опыты? спросилъ ли онъ себя, какія взялъ на душу обязанности? какіе вопросы и чувства пробудилъ уже въ молодомъ, отдавшемся ему, созданіи? понимаетъ ли онъ какое сокровище ему ввѣрилось?!... Вѣра Петровна, что это вы надъ собою дѣлаете? Никто изъ нашихъ и вниманія не обращаетъ на вашу внутреннюю жизнь; никому до этого и дѣла нѣтъ. Никто не скажетъ вамъ, что надъ вами систематически совершается такъ давно, уже цѣлый годъ, невозможное, вопіющее преступленіе! Слѣдя за вами день за день, просматривая выписки и вопросительные крючки на безтолковыхъ вашихъ книгахъ,—я, наконецъ, не могу молчать! Васъ возмутитъ моя нескромность, нечестность, скажете вы, но. можетъ быть, хоть одно слово изъ этого письма обратитъ на себя ваше вниманіе, и спасетъ васъ на краю гибели!.. Ради Христа, молю васъ, до конца прочитайте все, что во мнѣ вызвала моя скорбь о васъ!

„Вы ждали высшей разумности отъ N., полнаго пониманія вашихъ духовныхъ требованій и безошибочнаго ихъ направленія. Скажите сами: что слѣдовало ему дѣлать? Быть искреннимъ и безпристрастнымъ къ себѣ, не такъ ли? уклониться, если считалъ задачу не по силамъ; забыть себя, настоящіе свои взгляды, спуститься до васъ,

до вашихъ лѣтъ, до вашего пониманія, если взялся за ея рѣшеніе. А онъ?..

„Навязывая вопросы, изъ которыхъ, какъ видно, самъ не вышелъ, давая пріемы мышленія, для которыхъ содержанія еще не приготовилъ, слагая чужую мысль по своимъ, а не по ея убѣжденіямъ, своимъ вліяніемъ направляя чужую иниціативу, N. поступаетъ какъ обезьяна, которой попался въ руки часовой механизмъ. Перепуталъ всѣ колеса, натянулъ всѣ пружины, заиграла репетиція, забили часы—онъ и радъ! А что, какъ отъ такой потѣхи пострадаютъ пружины, Вѣра Петровна? Еще дѣло то впереди: намъ, простымъ смертнымъ, достанется только посмотрѣть, сложа руки, какъ обойдутся эти несчастныя пружины: не тяжело ли имъ больно будетъ?...

„Если мы допустимъ, что N. не вѣдаетъ что творитъ, то тутъ невѣдѣніе преступно. Вы можете мнѣ сказать, что вы не ребенокъ, и сами отвѣчаете за свои рѣшенія. И да, и нѣтъ, Вѣра Петровна. Вы не ребенокъ, потому что живете умственно на своей собственной отвѣтственности. Бремя великой ошибки вамъ придется нести одной, одной до дна выпивать какую бы то ни было чашу. При такой безпомощности, вы имѣете всю довѣрчивость ребенка: вы дали ему право читать всѣ ваши думы; что же прочелъ глубокомысленный ученый? А ничего. Развѣ онъ не видалъ, съ первой встрѣчи съ вами, что онъ для васъ не человѣкъ, какъ прочіе, а олицетворенная наука? что всякое его слово будетъ вами принято, какъ ея непогрѣшительный выводъ? Скажи онъ вамъ, что сперва надо изучить факты — исторію, математику, естественныя науки—и ваша мысль, получивши положительную пользу, развѣ тогда только вернулась бы къ отвлеченнымъ во-

просамъ, къ синтезу, когда родилась бы въ ней эта потребность, вслѣдствіе богатства фактовъ. Но тогда теорія необходима и не опасна. N. долженъ былъ знать, что теорія, какъ основа знаній (не какъ выводъ), приводитъ только къ безсилію ума, и долженъ былъ удалить васъ съ пути, на которомъ предстоятъ лишь туманъ и путаница, а не увлекать васъ на него. Онъ, видите ли, себя тѣшитъ, а ему вѣрятъ на слово. Мысль, которая пробуждается лишь отъ чужаго вліянія, будетъ лишь какъ будто работать, а въ сущности—повторять чужія рѣчи.

„И чтобы разбудить эту и такъ уже тревожную мысль, что онъ дѣлаетъ и чѣмъ рискуетъ? Что дѣлаетъ? говорите вы: только учитъ.

„Нѣтъ: онъ насилуетъ чужія убѣжденія, употребляя свое вліяніе во зло.

„N. будитъ мысль. Какъ будто мысль, въ которой, не смотря на воспитаніе, получаемое отъ Маргариты Альбертовны, не смотря на пустую свѣтскую среду, живетъ потребность умственнаго труда и вопроса,—мысль, которая и изъ этой среды извлекаетъ смыслъ, и ищетъ иныхъ цѣлей, — которая сама доработалась до вопросовъ, полныхъ значенія, — какъ будто мысль эта нуждается въ пробужденіи! Неужели не понялъ педагогъ, что вамъ недостаетъ не умственной дѣятельности, а матеріаловъ для умственной работы? надобны вамъ факты, а онъ, на всемъ огромномъ полѣ положительныхъ свѣдѣній, выбралъ самый темный уголокъ, гдѣ фактовъ всего менѣе, а всего болѣе произвола и гипотезъ, гдѣ даже не распутаешь того, что есть, отъ того—что кажется!

„Онъ будитъ этимъ мысль!

„Вы какъ-то на дняхъ назвали его аскетомъ и фанатикомъ въ дѣлѣ науки. Это не совсѣмъ справедливо; въ основѣ аскетизма—исключительно любовь къ идеалу, деспотически захватывающая всего человѣка и все повергающая на служеніе этому идеалу, а что ему не служитъ, пусть заглохнетъ или погибнетъ. Предметъ аскетизма—самъ человѣкъ, его собственный духовный міръ. я не думаю, что N. на столько силенъ, чтобы имѣть такой всепоглощающій идеалъ. Въ отношеніяхъ къ другимъ, онъ скорѣе фанатикъ умственнаго развитія, или вѣрнѣе, трансцендентальной критики.

„То и другое—пріемъ мышленія, а не положительная доктрина. Этимъ-то современные фанатики философы и отличаются отъ фанатиковъ религіи.

„Основа фанатизма—неуваженіе къ чужимъ убѣжденіямъ и готовность на насиліе, чтобы дать торжество своимъ. Понятенъ фанатизмъ, когда человѣкъ въ извѣстной доктринѣ (въ ея наружномъ исповѣданіи) видитъ единственный путь къ спасенію. Подобный взглядъ доказываетъ узкое пониманіе—это правда, и не извинителенъ. Но, по крайней мѣрѣ, предметъ фанатизма—доктрина положительная, вполнѣ удовлетворяющая самого фанатика, въ его глазамъ божественная.

„Не таковъ фанатизмъ умственнаго развитія. О содержаніи этого развитія менѣе думаютъ, чѣмъ о его формѣ, и на первый планъ выдвигается умственная гимнастика, игра въ отрицаніе авторитетовъ. Игра? Да! потому что авторитеты могутъ рушиться не по отвлеченному принципу, что они вредны, а тогда только, когда для ума стала понятна фактическая или логиче-

ская несостоятельность ихъ. Однимъ словомъ: отрицаніе, выводимое изъ фактическаго знанія; разрѣшается бо́льшимъ знаніемъ и ведетъ къ нему. Но не къ тому ведутъ фанатики умственнаго развитія: у нихъ отрицаніе, само по себѣ, есть цѣль, какъ признакъ дѣятельной мысли!

„Тѣмъ же оно и въ глазахъ N. И вотъ почему я считаю его дѣятельность не честною.

„Вашъ умъ, жаждущій знаній, ждалъ отъ науки разрѣшенія всѣхъ сомнѣній, и съ этою цѣлью обратились вы къ N. Онъ видѣлъ это, и не сказалъ вамъ, что нѣтъ рѣшенія тамъ, куда васъ направляетъ, хотя знаетъ это, знаетъ также и разъѣдающую силу всего вамъ навязываемаго!

„Вотъ почему я считаю его дѣятельность и не честною, и безнравственною.

„Вы довѣрчиво подставляете невинную голову; но я, видя какъ въ теченіе года, производится на глазахъ моихъ такое преступленіе, считая себя въ немъ участникомъ, пока стану молчать, могу ли я молчать и только смотрѣть на это? скажите сами! Въ правѣ ли я молчать и смотрѣть долѣе? Я этого, по совѣсти, не полагаю.

„Молю васъ объ одномъ, Вѣра Петровна, позвольте мнѣ поговорить съ вашимъ учителемъ: я постараюсь это сдѣлать какъ можно положительнѣе и спокойнѣе, не смотря на чувство отвращенія, какое естественно онъ мнѣ внушаетъ. Позвольте, хоть стороною, высказать ему мой взглядъ на тѣ преимущественно чтенія, которыя, экзальтируя не воображеніе, а умъ вашъ, должны дать ненормальное направленіе цѣлямъ жизненной вашей дѣятельности, и поставить васъ, слѣдовательно, съ первыхъ

шаговъ вашихъ на ложную дорогу. Разрѣшите мнѣ это, Бога ради, прошу васъ!

„Забудьте на время, Вѣра Петровна, что я отъ всей души предлагалъ и предлагаю вамъ все, чѣмъ располагаю въ жизни, какъ и всю жизнь мою: поставьте вопросъ между нами такъ, что я просто, какъ человѣкъ посторонній, но какъ христіанинъ, вижу вредъ, методически наносимый ближнему, и не могу, по долгу совѣсти, видѣть это, умывая себѣ руки. Забудьте пока, что я осмѣлился въ васъ видѣть свѣтлую надежду моей жизни, и позвольте, просто какъ о человѣкѣ, о васъ позаботиться.

„Простите мнѣ мое наблюденіе надъ вами, Вѣра Петровна; хоть ради того простите, что я за васъ безконечно, невыразимо страдаю: всѣ великіе дары, которыми Господь надѣлилъ васъ, вижу я въ рукахъ человѣка, который васъ убиваетъ въ будущемъ! Эти изломанные... всегда съумѣютъ разбить жизнь, а возстановить, спасти... не ихъ дѣло! Боже мой, какимъ бы фактомъ, яснымъ какъ день, доказать мнѣ вамъ, что въ отрицаніи, которое онъ вамъ навязываетъ, нѣтъ ни жизни, ни правды! Какъ бы достигнуть, чтобы вы убѣдились въ этомъ не вслѣдствіе горькихъ испытаній, не выстрадали бы эту истину собственнымъ тяжелымъ опытомъ?... Господи! какъ болитъ за васъ, Вѣра, и какъ молится за васъ душа моя!

„И чего вы ищете? Что вы разработываете идеалъ? На нѣсколькихъ листахъ вамъ все высказано: въ образѣ Христа, духъ Божій сошелъ на человѣка, и не оставилъ насъ; Богъ въ безсмертной душѣ вашей напечатлѣлъ свое подобіе, слѣдовательно необходимо въ жизни

сохранить это подобіе, т. е. жизнію уподобиться Христу. „Будьте совершенны, какъ совершенъ отецъ вашъ“, говоритъ онъ. Ради Христа! чего же вы еще хотите?... Никакая философія, кромѣ ученія евангельскаго, не приведетъ васъ къ пониманію идеала!..

„Съ тѣхъ поръ, какъ я, прикованный къ вамъ, не могу вырваться отсюда, и оставилъ такъ надолго всѣ занятія, которыя донынѣ составляли мою жизнь, я передумалъ на эту тему болѣе, можетъ быть, чѣмъ во всѣ прежнія двадцать пять лѣтъ моей предыдущей жизни, и убѣжденія мои, по провѣркѣ, утверждаются еще сильнѣе. Повѣрьте мнѣ: этотъ путь единственно истинный.

„И въ отношеніи васъ, результатъ моихъ думъ—простите—все тотъ же: жизнь мою отдаю вамъ; вы себѣ представить не можете, Вѣра Петровна...“

„Ну, довольно!“ и пр. и пр. говорила про себя Вѣра, пробѣгая остальное наскоро глазами, и возвращаясь снова къ страницамъ, на которыхъ рѣчь шла объ N. — Какъ важенъ для него вопросъ о прекращеніи философскихъ моихъ чтеній? Тотъ же самый это фанатизмъ, противъ котораго онъ вооружается... Каждый изъ насъ фанатикъ, кто убѣжденъ искренно... Какъ же могу я разрѣшить Александру обсудить вмѣстѣ съ N. вопросъ о чтеніи философовъ! что за стачка противъ N.? Никогда!

Она принялась перечитывать страницы, его касавшіяся, и руки ея дрожали. Возмущенная нескромностью, съ которою недоброжелательный для ея учителя взглядъ слѣдилъ такъ давно за ея занятіями, Вѣра, между тѣмъ, почти прощала ее Александру, ради того, что онъ такъ вѣрно указывалъ на то самое, что она инстинктивно сознавала; на что пыталась указать N.; и изъ чего все-

таки не могла выбиться. Удивило ее, что Александръ въ состояніи такимъ образомъ обсудить дѣло: онъ въ первый разъ говорилъ съ нею толкомъ и не откидываясь далеко отъ предмета; удивила ее и смѣлость такого рѣзкаго съ его стороны отзыва объ N.

Самую же огромную услугу оказало ей его письмо въ томъ отношеніи, что открыло ей глаза на самого N., на значеніе его въ ея жизни, на свойство ея привязанности къ нему.

— Да, онъ ошибается, рѣшила она, послѣ долгаго раздумья надъ письмомъ. Александръ правъ; я сознавала давно, что N. ошибается, т. е. не то мнѣ даетъ читать, что бы слѣдовало; но уже конечно не мнѣ винить его!... Взглядъ его, можетъ быть, не вѣренъ; но онъ старъ, онъ много трудился... онъ и теперь работаетъ не по силамъ, и не смотря на то, находитъ возможность удѣлять для меня столько времени! Надо мнѣ дойти до того, поскорѣе, чтобы имѣть возможность помогать ему.

Въ результатѣ думъ ея оказалось, что если бы N. не внесъ этого элемента въ ея жизнь, она жить не могла бы: сравнила она жизнь свою до N. и настоящую, и увидѣла, что N. сдѣлался для нея всѣмъ, сталъ исключительною ея привязанностью. Любящимъ сердцемъ рѣшила она вопросъ, что возьметъ на себя все тяжелое въ его жизни. Какъ? При какихъ условіяхъ? Ей это было все равно. Рѣшила она учиться помимо N., учиться съ знакомымъ студентомъ, братомъ одной изъ ея пансіонскихъ подругъ, и подготовляясь съ нимъ, продолжать между тѣмъ чтенія по указаніямъ N. Эта мысль ее обрадовала и успокоила. „Въ его глазахъ, все, что я вы-

работаю но ночамъ, помимо его, будетъ результатомъ его труда“, думала она. Большая часть ночи прошла между тѣмъ въ рѣшеніи вопроса о необходимости этого „добросовѣстнаго обмана“, какъ она назвала свой проэктъ; Вѣра заснула лишь къ утру, и проспала часъ утренняго своего урока съ N. Когда, въ теченіе дня, пришло отъ него письмо съ вопросомъ о ея здоровьѣ и о причинѣ, по которой онъ не видалъ ее поутру, она написала къ нему, что съ нею ничего,—она и здорова и счастлива,—что нынче вечеромъ ѣдетъ на балъ съ тетушкою и часу въ десятомъ, проситъ его къ ней заѣхать.

Рано причесанная и одѣтая, она наскоро прикалывала кушакъ, когда ей доложили о пріѣздѣ N. Побѣжала она къ нему черезъ длинный рядъ комнатъ, вся сіяющая любовью, краснѣющая и радостная. Еще издали протягивала она, подходя къ нему, обѣ свои ласковыя руки:

— Другъ мой... другъ мой, говорила она, и смущенная, и полная внутренней силы,—есть дни, которые дѣлаются въ жизни эпохами... Дни такіе, въ которые, повидимому, ничего особеннаго не случилось, а человѣкъ сталъ не тотъ, что былъ вчера... Не правда ли? Да? Бываютъ?

Говоря это, она его усаживала въ покойное кресло; сама стала противъ него, смотря ему прямо въ глаза, въ старческое лицо, на которомъ выраженіе любви ея разглаживало суровыя складки.

— Дитя мое, отвѣчалъ онъ, былъ у меня такой день, былъ давно уже, съ тѣхъ поръ какъ я узналъ васъ.... Для меня съ тѣхъ поръ было много уже такихъ дней...

Она наложила руку свою на его бѣлые усы, закрывая ему ротъ, останавливая его рѣчь... ей стало вдругъ страшно слышать это родное для нея имя: дитя мое!

Но въ то же мгновеніе она отняла руку.

— Ну... говорите! скажите все, рѣшилась она.

— Все? всего це скажешь, шепнулъ онъ, улыбаясь.

— И у меня отъ васъ есть секретъ пока... Но я сейчасъ уѣду: скажите мнѣ хоть что нибудь на нынѣшній, вечеръ...

— А вотъ... заѣхали вы какъ-то поутру съ Марьею Владиміровною... сѣли вы у окна, на мой жесткій стулъ, положили ножки на кучу моихъ книгъ, говорилъ онъ, любуясь ею; солнышко проглянуло, и освѣтило вашу головку, ваше бѣлое, такое бѣлое платьице... Съ тѣхъ поръ, вы такъ и остались при мнѣ, въ мысли, такою бѣленькою, въ пыли моей берлоги. Я помню все, что вы сказали въ то утро; съ какимъ вниманіемъ вы дотрогивались до книгъ моихъ и рукописей, когда я говорилъ съ вашею сестрою... Дитя мое, сколько отрады вы внесли въ мою жизнь!

„Дитя“, слушая его, задыхалось: міръ, казалось, едва ли не былъ тѣсенъ для того, чтобы вмѣстить такое огромное чувство радости, какое наполнило ея сердце при послѣднихъ словахъ ея учителя!

— Вотъ что удостоилась я слышать, говорила она. Теперь, стало быть, есть цѣль въ жизни! Много дѣла вы мнѣ дадите? Да? Много я намѣрена взять на себя: силъ у меня множество! всю жизнь вашу я на себя беру, чтобы тепло вамъ было!

Она говорила это, почти стоя на колѣняхъ, опираясь

обѣими руками на ручки его кресла. Когда она замолчала, лицо его вдругъ стало сумрачнымъ.

— Ну, что такое? что за тѣнь набѣжала? вскрикнула она, въ испугѣ.

Онъ вмѣсто отвѣта, крѣпко сжалъ ея руку.

— Всѣ вмѣстѣ въ Петербургъ поѣдемъ на праздники! говорила она, какъ бы стараясь его успокоить. Машу везутъ, а Маша безъ меня не поѣдетъ.

Она выбѣжала. N. всталъ тоже и вышелъ въ залу.

Лакей уже стоялъ въ дверяхъ съ шубкою Вѣры; тетушка сказала N. нѣсколько любезныхъ словъ; Алексѣй красовался—опять въ новой формѣ. Александръ болѣе мрачнымъ взглядомъ, чѣмъ когда либо, посмотрѣлъ на Вѣру. Она уѣхала, бросивъ послѣдній, ласковый и любящій взглядъ своему учителю.

На слѣдующее утро, Александръ просилъ хоть одного только слова въ отвѣтъ о разрѣшеніи ему переговорить съ N.

— Зачѣмъ? я учусь, учусь по вашей системѣ, осчастливила она его, пробѣгая мимо.

N. въ концѣ ноября ѣхалъ непремѣнно въ Петербургъ. Вѣра упросила его подождать недѣли двѣ, пока она, послѣ пансіонскихъ экзаменовъ, пріѣдетъ на всѣ праздники къ Машѣ. Иванъ Павловичъ бралъ отпускъ, съ цѣлью везти Машу полечиться: Маша не жаловалась ни на что особенно, но съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе слабѣла нервами. Мать, подъ предлогомъ безпокойства за Машу, собиралась съ нею же; дядя не хотѣлъ оставаться безъ жены; дѣтей нельзя было оставить въ домѣ однихъ; у Александра нашлись въ Петербургѣ неотлагаемыя дѣла; ѣхала и Ольга, на праздники къ

своей бабушкѣ; словомъ, вся семья собиралась въ Петербургъ въ началѣ декабря.

— И я поѣду! вы этого хотите? спрашивала Вѣра у своего учителя.

— Хочу ли? спрашиваетъ... Дитя моё милое! отвѣчалъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Поѣдемъ всѣ вмѣстѣ! О, какая я счастливая! радовалась она.

— Нѣтъ, поѣдемъ то не вмѣстѣ: вы всѣ въ первомъ классѣ, а я въ третьемъ.

— Это зачѣмъ?

— Я не въ состояніи платить такъ дорого за этотъ переѣздъ.

— Боже мой, да Маша для меня ничего не жалѣетъ: она мнѣ дастъ денегъ на первый классъ для васъ.

— Нѣтъ, другъ мой: я трачу только то, что самъ выработываю, сказалъ онъ серьозно.

Она огорчилась: въ этихъ словахъ ей послышался намекъ на нее.

— И мнѣ слѣдовало бы ѣхать въ третьемъ классѣ, и даже не слѣдовало бы совсѣмъ ѣхать, потому что я и на третій классъ не выработываю! сказала она.

— Ваша работа впереди! утѣшилъ ее N., разставаясь съ нею у воротъ Маргариты Альбертовны.

Экзамены въ пансіонѣ начались. Въ этотъ годъ старшее отдѣленіе писало уже, въ присутствіи экзаменаторовъ, сочиненія à la minute; инспекторъ вынулъ одинъ изъ билетиковъ съ готовыми темами, и передалъ его чрезъ русскаго учителя тому отдѣленію, въ которомъ была Вѣра. Отдѣленіе это прочитало знакомую уже

тему: „Жизнь — сонъ; смерть — пробужденіе“, и принялось писать.

Вѣра начала съ того, что если жизнь сонъ, то сонъ этотъ лучше всякой дѣйствительности: наука, искусство, всѣ сферы человѣческой дѣятельности доставляютъ намъ высшія наслажденія, до пониманія которыхъ надо доходить многостороннимъ трудомъ, а не спать; труды философовъ выработываютъ нашъ взглядъ на религію; симпатіи и привязанности указываютъ цѣль нашимъ стремленіямъ; жизнь, однимъ словомъ, есть цѣлая система благъ, которыя слѣдуетъ лишь умѣть соединить между собою.

Уже младшія по списку, вставая по очереди, вслухъ читали написанное, когда С. Н., русскій учитель, подошелъ къ Вѣрѣ, пробѣжалъ исписанный ею листъ, и, казалось, остался недовольнымъ.

— Вы не выдержали темы, замѣтилъ онъ.

— Я выдержала ее по своему, отвѣчала Вѣра сухо.

Когда она стала читать, то замѣтила, что С. Н. пыхтѣлъ, краснѣлъ и кусалъ себѣ ногти.

Когда же инспекторъ поклонился ей, съ выраженіемъ искренней похвалы, когда онъ обратился къ лектору П. съ замѣчаніемъ, что это сочиненіе доказываетъ самостоятельный взглядъ и разнообразіе свѣдѣній, которыя молодая дѣвушка успѣла уже пріобрѣсти, С. Н., обращаясь къ Вѣрѣ, воскликнулъ: „Прекрасно! прекрасно!“ потомъ, заговоривъ съ англійскимъ учителемъ, такъ чтобы Вѣра его слышала, распространился въ похвалахъ рѣчи, слогу, чувству прочитаннаго, на что англичанинъ отвѣчалъ: Yes, indeed! и very well! *) понимая по

*) Да, въ самомъ дѣлѣ! очень хорошо!

русски очень мало; а Вѣра съ усмѣшкою отвернулась въ другую сторону.

Но — въ Петербургъ! въ Петербургъ! Это не люди, а какой то хламъ, до котораго Вѣрѣ нѣтъ никакого дѣла.

N. уѣхалъ впередъ, нѣсколькими днями ранѣе.

Семейство дяди и тетушки, по пріѣздѣ въ Петербургъ, заняло полъ этажа въ одномъ изъ лучшихъ отелей. N. въ тотъ же вечеръ видѣлся съ Вѣрою, а на другой день молодежь собралась осматривать эрмитажъ. N. очутился въ числѣ молодежи. На вечеръ дядя далъ ложу въ оперѣ. Вѣрѣ было очень весело: она почти не разлучалась съ N. Александръ на нее какъ будто дулся, и едва говорилъ съ нею. Смотрѣлъ онъ на нее, то со слезами, то съ глубокимъ негодованіемъ.

Спустя недѣлю по пріѣздѣ, дядя былъ въ клубѣ; тетушки не было дома; Вѣра ждала N. къ вечернему чаю. Вошла Ольга, потомъ Александръ.

Вѣра налила чаю имъ и дѣтямъ, все посматривая не идетъ ли N.

— Знаешь что сдѣлаемъ, сказала Ольга, отведя ее въ сторону: поѣдемъ къ моей belle soeur, Зинѣ. Она не пропускаетъ ни одного маскерада: отправимся съ нею; она ѣдетъ сегодня, и говоритъ, что тамъ прелесть какъ весело!

— Пожалуй, сказала Вѣра. Но подождемъ еще немного.

— Да, только не долго, а то догадаются куда мы такъ поздно поѣхали.

Александръ молчалъ, хмурился, и, какъ нарочно, думалъ долго надъ своимъ стаканомъ.

— Вѣроятно, его задержалъ кто нибудь, сказала Вѣра на ухо Ольгѣ. Ты налей за меня Александру второй стаканъ; я пока одѣнусь.

Александръ вслушался.

— Развѣ вы нынѣшній вечеръ не дома? спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Насъ звала Зина. Вы скажите, пожалуйста, чтобы за мною не пріѣзжала карета, говорила Вѣра: насъ привезутъ, вмѣстѣ съ Ольгою.

— Вы ѣдете съ Ольгою Дмитріевною къ Зинаидѣ Ивановнѣ? переспросилъ положительно Александръ.

— Да... да, отвѣчала за нее Ольга.

Александръ недовѣрчиво всматривался.

— Конечно черное шелковое... шепнула Ольга, когда Вѣра уходила одѣваться.

Она скоро была готова, и обѣ шалуньи, усѣвшись въ карету, весело засмѣялись: ушли онѣ отъ Александра! а впереди — маски, незнакомая толпа, въ которой ихъ никто не узнаетъ!

Зинаида Ивановна, къ которой онѣ пріѣхали, ожидала только одну спутницу, но очень обрадовалась нечаяннымъ и пріятнымъ хлопотамъ, и для Вѣры живо достали маску и домино.

— Воздуха мало, дышать трудно, сказала она, примѣряя маску.

— Ничего. Вы надѣвайте ее почаще, и привыкнете, увѣряла ее Зинаида Ивановна. Всѣ будутъ вамъ говорить ты: вы нынче не женщина, а маска, приготовляла она Вѣру. И принялась ее учить, какъ подойти къ знакомому, заинтриговать его, разсказывала множество маскерадныхъ случаевъ, какіе съ нею были, и время прошло незамѣтно.

*

Било одиннадцать.

По пріѣздѣ въ маскерадъ, Вѣра оробѣла.

— Меня узнаютъ и скажутъ тетѣ. Не страшно это, а скучно: сколько лекцій придется выслушать! А узнаютъ навѣрное, подумала она. И доказательство этого тотчасъ явилось на лицо.

Первый, встрѣтившійся съ ними у входа въ залу, былъ Александръ Сергѣевичъ. Вѣра хотѣла пройти мимо, будто не узнала его, но, по непривычкѣ къ маскѣ, чтобы избѣжать Александра, она слегка отвернулась, какъ это дѣлаютъ на улицѣ, когда не хотятъ замѣтить того, кто вамъ кланяется.

Александръ, улыбнувшись, подошелъ прямо къ Вѣрѣ, и подалъ ей руку.

— Стоитъ того пріѣзжать въ маскерадъ за тѣмъ, чтобы видѣть все то же лицо, которое видишь дома съ утра до ночи, и слушать все то же, что вы мнѣ и говорите и пишете! сказала она ему съ досадою.

— Я вамъ только покажу залы, отвѣчалъ Александръ кротко.

— Догадался, противный! шепнула ей Ольга, подходя къ нимъ, съ цѣлью указать на ту колонну, у которой она будетъ сидѣть часа черезъ два, когда Вѣра захочетъ, можетъ быть, ѣхать домой.

Вѣра пошла съ „противнымъ“. Залы уже наполнялись престранною, какъ ей показалось, толпою: черныя фигуры двигались, и быстро, и плавно, и неутомимо, и сидѣли по угламъ, и мелькали между колоннъ объ руку съ мундиромъ или фракомъ. Попались Вѣрѣ Алексѣй, Иванъ Павловичъ и много знакомыхъ, которыхъ она видала въ домѣ у дяди. Но подойти къ кому нибудь

изъ нихъ она не чувствовала ни малѣйшаго желанія. Ей хотѣлось слушать и наблюдать: раздавались около нея отрывки разговоровъ, кончики отвѣтовъ, бойкій смѣхъ, бряцаніе сабель и шпоръ.

Она въ сущности была рада, что очутилась не одна въ этой толпѣ, и сѣла съ Александромъ въ уголокъ, на одну изъ скамеекъ залы.

— Позволь мнѣ воспользоваться одною изъ привилегій маскерада? спросилъ онъ ее.

Она взглянула на него такъ близко, какъ никогда не смотрѣла, и нѣсколько удивилась; у него былъ чрезвычайно утомленный видъ, и глаза горѣли подъ воспаленными вѣками, какъ будто онъ не спалъ нѣсколько ночей. Отъ него сильно пахло виномъ; но Вѣра этого не замѣтила.

— Говорить мнѣ ты? спросила она. Зачѣмъ это, Александръ Сергѣевичъ? Вы, кромѣ сегоднишняго вечера, никогда въ жизни мнѣ ты не скажете. Это, стало быть, себя только временно тѣшить.

— Хоть одинъ этотъ вечеръ въ жизни будетъ мой! говорилъ онъ. Въ этой чужой для тебя толпѣ я одинъ у тебя.. одинъ тебя охраняю и люблю... Я догадался куда ты собиралась съ Ольгою, и рѣшился ѣхать за тобою слѣдомъ, ѣхать поберечь тебя, не обидься: ты этого не любишь, самостоятельный человѣкъ! Не обидься и тѣмъ, что я хочу услышать отъ тебя хоть одно слово на ты! хочу сказать тебѣ его хоть разъ въ жизни.

— Вотъ ребячество! отвѣчала она. Ну, хорошо съ условіемъ: вы никогда не станете впередъ дотрогиваться до моихъ тетрадей. Видите, какъ я къ вамъ милостива.

— Я, со времени моего письма, и не нахожу ихъ въ вашемъ бюварѣ.

— Я запираю ихъ подальше: я не люблю нескромныхъ глазъ, которые читаютъ то, что я пишу для другаго.

— Но меня обижаетъ, что вы заперли тетрадки свои подъ ключъ: я бы могъ вамъ дать слово не смотрѣть ихъ, и сдержалъ бы его, конечно.

Его покорный тонъ и усталый видъ трогали Вѣру, потому она и говорила съ нимъ кротко.

— Я ихъ по прежнему буду класть въ бюваръ, но вы мнѣ дадите это слово. Еще условіе: вы больше не станете говорить мнѣ о себѣ; я никогда не буду вашею женою; не будете говорить и обо мнѣ съ N., ни, говоря со мною о немъ, выражаться такъ, какъ вы осмѣлились это сдѣлать въ своемъ письмѣ.

— Нынѣшній вечеръ не въ счетъ? да? Мнѣнія моего о немъ, относительно тебя, я измѣнить не могу! говорилъ Александръ, придвигаясь къ Вѣрѣ, и заглядывая ей въ глаза, которые на него не смотрѣли, а слѣдили за движеніемъ, происходившимъ въ залѣ.

— Нѣтъ, оставимъ рѣчь объ N. Нельзя здѣсь говорить о немъ: этотъ разговоръ слишкомъ серьозенъ для настоящей минуты... Мысль эта такъ велика, что... невмѣстима, пожалуй, въ эту залу, Александръ Сергѣевичъ!

— Велика? О, Господи, открой Ты ей очи! Ты не можешь себѣ представить, какъ бы ты иначе взглянула на всю эту грандіозность, еслибы посмотрѣла на нее не изъ за книги, и не изъ залъ, дорогая моя Вѣра! говорилъ Александръ.

— Что же, залы или книги не даютъ мнѣ видѣть вѣрно? Мнѣ, впрочемъ, до этого опредѣленія нѣтъ ни-

какого дѣла. Вы мнѣ вотъ что рѣшите: я отъ васъ сегодня должно быть ничего новаго не услышу? спросила Вѣра. Я, когда сюда ѣхала, предполагала, что нынѣшній вечеръ ничуть не будетъ похожъ на всѣ прошлые. Между тѣмъ мы съ вами все зады повторяемъ, какъ выражаются невѣжи въ нашемъ пансіонѣ. Но если бы вы знали, Александръ, какъ мнѣ непріятно слышать каждое ваше нѣжное слово! Право, точно я чужую собственность у кого нибудь похищаю!

Онъ вспыхнулъ, и рѣзкимъ жестомъ почти сбросилъ съ головы своей шляпу.

— Хочешь услышать что нибудь новое? спросилъ онъ. Хорошо: я хочу напиться, и тебя напоить. Хочешь шампанскаго?

— Хочу. Я его очень люблю, но не знаю много ли могу выпить. Можно ли столько выпить, чтобы всю прошлую жизнь забыть до настоящей минуты?

— Можно, на время. Напьешься, и мертвымъ сномъ заснешь, а когда проснишься, — конечно опять будетъ тоже самое. Я предлагаю тебѣ забыться на время: чудесная это вещь, дорогая и милая ты моя! Прелесть моя и радость!

— Вы опять съ вашими нѣжными рѣчами! Ахъ, какъ онѣ надоѣли! Вы скажите себѣ разъ навсегда: вы не можете ничего мнѣ дать, кромѣ шампанскаго.

— Ну, хорошо. Больше огорчить меня ты ничѣмъ ужъ кажется, не можешь. Пойдемъ же пить.

Поднялись на лѣсенку; онъ налилъ Вѣрѣ бокалъ, который она выпила вмигъ. Въ эту минуту, смотря на нее, Александръ нимало не оправдывалъ прозвища „медвѣдь“, которое ему давали шалуньи барышни: онъ по-

ходилъ скорѣе на звѣря, гораздо болѣе смѣлаго и кровожаднаго: широко раскрывшіеся глаза его остановились на кузинѣ, ноздри и губы раздвинулись, и окаменѣли на минуту, подъ вліяніемъ рѣшительной или отчаянной мысли. Онъ стоялъ съ бокаломъ, дико смотрѣлъ на Вѣру, и не пилъ. Ей показалось, что ему въ эту минуту какъ будто пришло желаніе убить ее, въ отмщеніе за ея нелюбовь: до такой степени свирѣпо стало выраженіе его лица.

Она подала ему свой пустой бокалъ.

— Еще! сказала она. Да что же вы сами не пьете?

Онъ налилъ. Горячими, безумными стали его глаза...

— Выпей за мысль, которая пришла мнѣ въ голову! сказалъ онъ.

— Я ее не знаю, отвѣчала Вѣра.

— Довѣрься мнѣ: выпьемъ, потомъ возьмемъ тройку, поѣдемъ за городъ—воздухомъ подышать. У меня голова горитъ. Заѣдемъ потомъ куда нибудь поужинать...

Вѣра молчала, смотря на него въ недоумѣніи.

Онъ подошелъ къ ней еще ближе, отвелъ къ окну, и загородилъ собою отъ толпы, которая и тутъ двигалась.

— Что ты молчишь, Вѣра? шепталъ онъ ей. Скажи слово... объяснись... ты не вѣришь мнѣ? Дай мнѣ это доказательство твоего уваженія ко мнѣ, — поѣдемъ кататься. Пей, Вѣра, изъ моего бокала пей, дорогая моя! выпей всѣ тревоги, всю любовь со дна души моей... Дай мнѣ унести тебя на рукахъ, на сердцѣ! да не молчи же ты такъ со мною, Вѣра. Я всегда хотѣлъ, безконечно хотѣлъ тебѣ добра! а ты со мною ни раза путемъ не поговорила. Самаго важнаго въ твоей жизни никогда мнѣ не довѣрила. И я на дняхъ чуть съ ума

не сошелъ, чуть не застрѣлился! Скажи хоть слово, Вѣра, успокой меня!

Дыханіе его обдавало Вѣру жаромъ. Она смотрѣла на него, дрожа отъ испуга.

— Ну, не говори ничего, молилъ онъ: хоть только ручку дай въ знакъ согласія. Ну, дай же! Поѣдемъ ужинать!

Тонъ его голоса мало по малу перешелъ изъ настоятельнаго въ грозный.

— Скажешь? крикнулъ онъ. Да что у васъ на мѣстѣ сердца, Вѣра Петровна? Я, съ тѣхъ поръ, какъ писалъ къ вамъ, муки адскія выстрадалъ!..

Онъ схватилъ ее за обѣ руки.

Вѣра рванулась, и, поставивъ расплескавшійся бокалъ свой, бросилась одна къ лѣсенкѣ. Огромная фигура знакомаго офицера загородила ей дорогу внизъ; первою ея мыслью было взять его подъ руку, но офицеръ былъ съ маскою.

— Bon soir, M-r L., сказала Вѣра, стараясь чѣмъ нибудь отвлечь свою мысль отъ пугавшаго ее Александра. Что васъ такъ давно не видать? Que devenez-vous?

— Ce que je deviens? je me vautre dans les bouges des bouges de la grrrande Babylone! *) отвѣчалъ онъ, протаскивая свою маску сквозь толпу.

Вѣра отшатнулась отъ него и сошла внизъ.

Скамейка, на которой она сидѣла прежде, была до половины занята въ ея отсутствіе. Въ залѣ становилось невыносимо душно!

---

*) Что со мною дѣлается? Я таскаюсь по вертепамъ изъ вертеповъ великаго Вавилона.

Александръ очутился у скамейки, болѣе взъерошенный еще, чѣмъ былъ въ началѣ вечера.

— Не хочешь ли мороженаго? спросилъ онъ у Вѣры.

Вѣра согласилась, чтобы дать ему занятіе. Она сѣла на край скамейки, рядомъ съ господиномъ, который усердно толковалъ что то худенькой маскѣ, почти ребенку на видъ. Господинъ этотъ былъ сухой, желчный, рябоватый старикъ, но съ кокетливо завитыми волосами; очень дурная физіономія его была очень умна; улыбка ея была до крайности непріятна: и холодна, и приторна вмѣстѣ. Когда Вѣра садилась, онъ придвинулся къ своей маскѣ, уступая Вѣрѣ побольше мѣста, и посмотрѣлъ ей при этомъ прямо въ глаза. Потомъ сталъ продолжать разговоръ свой съ сосѣдкою, громко, и повертываясь къ Вѣрѣ, съ явною цѣлью, чтобы и она его слышала: онъ увѣрялъ худенькую маску, что съ маскерада можно уѣхать на часъ, другой и вернуться въ залу, — пожалуй, на прежнее же мѣсто — такъ что никакой аргусъ не спохватится объ этой отлучкѣ. Худенькая маска, его слушавшая, отвѣчала, что и изъ всякаго другаго мѣста можно одинаково уѣхать. Онъ возражалъ, что это далеко не одно и тоже: здѣсь васъ наэлектризуетъ и атмосфера, и любопытство, и бесѣда изъ подъ маски и пр. и пр., и отсюда уѣзжать гораздо пріятнѣе.

Подошелъ къ нему знакомый.

— А, Осипъ Ивановичъ! Что вы подѣлываете хорошенькаго? спросилъ онъ у стараго любезника.

— J'endoctrine une innocence. (Поучаю невинность), отвѣчалъ Осипъ Ивановичъ серьозно, какъ будто занимался важнымъ дѣломъ.

Знакомый его нагнулся прямо къ глазамъ худенькой маски. Она, въ замѣшательствѣ, отвернулась.

— Une innocence, en effet! (И въ самомъ дѣлѣ невинность!) замѣтилъ онъ, отходя отъ нихъ спокойно, какъ будто убѣдившись въ несомнѣнности того, что ему крайне необходимо было изслѣдовать.

И тонъ и разговоры эти возмущали Вѣру, но она поняла, что здѣсь иначе поступать было бы нельзя уже потому, что и надъ нею могли подтрунить, какъ осмѣяли замѣшательство маленькой сосѣдки Осипа Ивановича.

— И ты вѣдь, маска, меня слушала? Что же? правду ли я говорю объ удобствахъ, какія представляетъ маскерадъ? обратился къ Вѣрѣ Осипъ Ивановичъ, заговаривая съ нею по французски.

— Я этого не знаю. Но постараюсь воспользоваться вашими совѣтами, отвѣчала она, смѣясь.

— Въ самомъ дѣлѣ? Да ты премилая! послушайся меня, попробуй, и увидишь, какъ это тебѣ полюбится.

Вѣра ѣла мороженое. Александръ стоялъ подлѣ нея: для него вовсе не было мѣста на скамейкѣ.

— Тебѣ жарко? спрашивалъ Осипъ Ивановичъ, всматриваясь, съ тѣмъ вмѣстѣ, пристально въ физіономію Александра, который, въ какомъ-то отупѣніи, остановилъ глаза на блюдечкѣ Вѣры. Невозможно, чтобы тебя такъ разгорячилъ твой кавалеръ, шепталъ ей Осипъ Ивановичъ на ухо: tu es trop raffinée, et lui trop... chose—trop buffle pour te plaire.

Александръ вышелъ изъ отупѣнія.

— Пора домой! сказалъ онъ рѣзко, замѣтивъ, что сосѣдъ Вѣры говоритъ съ нею шопотомъ.

— Почему вы знаете? можетъ быть и онъ, отвѣчала Вѣра Осипу Ивановичу, не обращая никакого вниманія на Алексадра.

— Да нѣтъ же: я и его, и тебя насквозь вижу. Любить его ты не въ состояніи. Ты замужемъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ выходи за него, и пріѣзжай сюда; здѣсь тебѣ растолкуютъ, куда поѣхать; а зачѣмъ — ты уже сама будешь знать.

— А почему вамъ кажется, что я его не могу любить? вы заключаете по его физіономіи? вы читали Лафатера?

— Ce radoteur-là? je n'ai absolument rien à faire à des drôles de cette espèce. Est-ce que vous avez flairé du Lavater, par hasard? Voyez vous, mademoiselle, quand on fait une étude, on taille dans le bloc,— on ne se laisse pas entortiller dans des toiles d'araignées... comme il le fait! отвѣчалъ Осипъ Ивановичъ. Говорилъ онъ вообще тихо и вяло, но лишь коснулся вопроса, на которомъ мысль его остановилась, голосъ его оживился, и лицо потеряло то циничное выраженіе, какое, въ особенности, придавала ему улыбка.

— Вы называете „паутиною“ систему, спрашивала Вѣра, по которой Лафатеръ въ физическомъ образѣ человѣка отыскиваетъ слѣдъ образа Божія?

— Паутина! махнулъ рукою Осипъ Ивановичъ, — изъ которой никогда не выпутаешься логично.

Александръ, между тѣмъ, отыскалъ Ольгу, и вернулся съ нею подъ руку.

— Я еще немного побуду здѣсь, и уѣду съ Зиною, сказала Ольга. Ты можешь вернуться съ нимъ, указала она на Александра.

— Я съ нимъ не поѣду, Ольга. Пожалуйста, вернемся вмѣстѣ; я лучше подожду тебя: ты приходи, когда захочешь. Я думаю, черезъ полчаса пора будетъ.

Александръ проворчалъ что то, и рѣзко отвернулся.

— Ну, хорошо, говорила Ольга, мнѣ льготы полчаса. Такъ я и буду знать. А вотъ ты удивишься тому, что я тебѣ скажу! Тетушка Катерина Петровна здѣсь: вонъ она съ морякомъ, у колонны. Я ее очень ясно слышала— я сидѣла сзади, и узнала ее по запаху вербены, который она всегда съ собою носитъ; узнала ее, кромѣ того, по отдѣлкѣ ея moire antique платья; я все слышала, что они шептали... Ахъ, что я слышала!.. И уѣзжала она съ нимъ куда то, и вернулась, потому что поѣдетъ назадъ вмѣстѣ съ тою маскою... съ малиновымъ бантомъ.

— Histoire de rire! (Потѣшная исторія)' злобно подсмѣивался Осипъ Ивановичъ, вслушавшись въ разговоръ. Прочитайте, mesdames, „Les mémoires du diable“— и вы узнаете, что башмакъ этого существа слишкомъ часто служитъ гасильникомъ... (Намекъ на эпизодъ изъ романа„ Записки чорта“, Сулье).

Вѣра, дѣйствительно, удивилась крайне: „дядя ее такъ любитъ...“, подумала она. Осипъ Ивановичъ началъ подтрунивать надъ тѣмъ, что она задумалась и опечалилась при извѣстіи, что тетушка развратничаетъ, и принялся утѣшать ее, нашептывая циническую, ѣдкую мораль, вынесенную имъ изъ опыта житейскаго, или изъ знанія салоновъ, какъ онъ выразился.

Ольга наконецъ пришла, и Вѣра стала собираться.

Александръ самъ захотѣлъ надѣть ей теплыя ботинки.

— Дай! позволь! просилъ онъ.

— Ну, надѣвай! разрѣшила она, отвертываясь.

— Какъ ты сказала? надѣвай!... Я цѣлый вечеръ прислушивался, а ты вотъ только когда удостоила! шепнулъ онъ ей.

Вѣра спѣшила выдти.

Пріѣхали они уже часу въ третьемъ ночи. Тетушки, дѣйствительно, не было дома, какъ и Алексѣя и Ивана Павловича. Дядя возвратился изъ клуба тотчасъ послѣ племянницъ.

— Вы что, дѣти? еще не ложились? спросилъ онъ, входя въ гостиную, гдѣ Ольга завивала волоса, въ ожиданіи ужина.

— Мы только что вернулись отъ Зины, солгала она на половину. Ольга входила во вкусъ, по выраженію Зины: ей начали нравиться разныя закулисныя продѣлки. Страсть ея къ Алексѣю Владиміровичу прошла послѣ шалости его, за которую такъ дорого поплатилась Маша.

— Catherine моя что-то засидѣлась у С—хъ, сказалъ дядя: вѣроятно пулька затянулась.

Такъ безъ сомнѣнія и сказала ему „Catherine“ по пріѣздѣ домой. Вѣра вспомнила, что она и въ Москвѣ не разъ слышала отъ тетушки такое объясненіе, проведеннаго далеко за полночь вечера, — или пулька затянулась, или она заслушалась пріѣзжаго артиста.

— Потѣшная исторія! вспомнила она Осипа Ивановича, пробираясь осторожно къ комнатѣ Маши.

Лампадка горѣла ярко. Грустное лице Маши покоилось мирно въ глубокомъ снѣ.

— Милая моя! голубушка Маша! думала Вѣра, уда-

ляясь тихо, чтобы не разбудить ее. Никогда не слыхала и не услышитъ Маша такихъ безцеремонно грязныхъ рѣчей, какихъ и мать ея, и сестры наслушались въ эту ночь. Войдетъ Маша во всѣ эти „bouges des bouges“ великаго Вавилона, но войдетъ лишь затѣмъ, чтобы внести туда помощь и отраду.... Бѣдная моя Маша! но, Боже мой, какъ она могла до такой степени любить эту гадость? вспомнила она про Александра.... И рѣшилась не упоминать ничего о нынѣшнемъ вечерѣ въ разговорѣ съ N., потому что пришлось бы разсказать и сцену съ Александромъ. „А они и такъ уже не очень-то привѣтливо другъ на друга смотрятъ“, заключила она.

Часа черезъ два услышала Вѣра въ полуснѣ возвращеніе тетушки.

— Потѣшная исторія! вспомнилось ей еще разъ.

Она въ этотъ вечеръ, изъ подъ маски, увидѣла закулисную сторону уличныхъ нравовъ нашей молодежи, и тяжело ей стало: „трудно сквозь эту грязную толпу пробиваться женщинѣ одной“, подумала она.

На слѣдующее утро рано пріѣхалъ N.

— Я вчера никакъ не могъ у васъ быть, какъ обѣщалъ, къ чаю, сказалъ онъ, но все таки потому, что хлопоталъ по вашимъ дѣламъ. Я былъ у барона Б., литератора и редактора, о которомъ вамъ говорилъ когда-то, и просидѣлъ у него до половины двѣнадцатаго. Потомъ, такъ какъ уже поздно было, проѣхалъ прямо къ себѣ. Говорилъ о васъ, и просилъ для васъ перевода въ журналъ, изданіе котораго онъ уже передалъ. Когда баронъ мой узналъ, что переводъ назначается для дѣвушки, да еще молоденькой и хорошень-

кой, онъ пожелалъ ее видѣть самъ, и просилъ его вамъ представить.

Вѣра засмѣялась.

— Выиграетъ ли переводъ отъ двухъ прилагательныхъ, которыми вы обрисовали ему дѣвушку? спросила она.

N. улыбнулся также.

— Что же съ нимъ дѣлать? продолжалъ онъ. Мой баронъ—старый любѣзникъ, который имѣетъ претензію вовсе не казаться старымъ, и когда-то, въ свое время, былъ очень опасенъ для репутаціи женщинъ.

— Согласится ли принять его тетушка? можетъ быть она найдетъ такое знакомство компрометирующимъ репутацію ея дома? Она такъ нравственна—моя тетушка! ѣдко засмѣялась Вѣра.

— О, это ей нисколько не покажется предосудительнымъ: баронъ Б. человѣкъ европейской извѣстности. Онъ чрезвычайно уменъ и ученъ. Произведеніями его Катерина Петровна, вѣроятно, не разъ услаждала свои досуги.

Когда на слѣдующее утро N., съ разрѣшенія тетушки, пріѣхалъ съ барономъ Б., когда оба они входили въ гостиную, Вѣра еще издали, еще не разсмотрѣвъ вполнѣ новаго знакомаго, узнала, между тѣмъ, лицо, недавно ею видѣнное.

Вставъ и подходя къ нимъ, она вдругъ покраснѣла и растерялась. — Баронъ Б., литераторъ и редакторъ, ея будущій руководитель на литературномъ поприщѣ былъ никто иной, какъ сухой, желтый, подвитой, рябоватый сосѣдъ ея на скамейкѣ маскерадной залы, сосѣдъ, шептавшій ей на ухо совѣты и наставленія... поучавшій невинность...

— Осипъ Ивановичъ С..., представилъ его Вѣрѣ сѣдой ея другъ.

Подавая ему руку, она благодарила его, говорила что-то несвязное.... N. посмотрѣлъ на нее и любуясь и улыбаясь.

Въ началѣ разговора, Вѣрѣ вдругъ припомнились рѣчи его на скамейкѣ въ собраніи, и ее одолѣлъ едва удержимый смѣхъ... На бѣду вошелъ Александръ, и когда глаза Осипа Ивановича остановились на его огромной головѣ: „trop... chose, trop buffle“, прозвенѣло у Вѣры въ ушахъ, и она окончательно не выдержала: засмѣялась смѣхомъ самымъ школьническимъ и de mauvais ton, какъ выражалась ея тетенька. Ольга, видя такое небывалое въ ней настроеніе, и смекнувъ въ чемъ дѣло, поспѣшила ее выручить, подшутивъ что-то по обыкновенію очень мило и серьозно. Вѣра съ трудомъ овладѣла собою, стараясь отдалить воспоминаніе о томъ Осипѣ Ивановичѣ, котораго видѣла и который сидѣлъ въ настоящую минуту съ ними — такимъ умникомъ, такимъ чиннымъ и смирнымъ! Тогдашней сахарной его улыбки и признака теперь не было.

Осипъ Ивановичъ какъ то особенно всматривался въ Александра; казалось онъ старался припомнить, гдѣ онъ встрѣчалъ его, и Вѣра очень боялась, что онъ это вспомнитъ!

Александръ же его не вспомнилъ и не примѣтилъ: ему въ тотъ вечеръ не до него было.

N. навелъ разговоръ на Востокъ. Баронъ много путешествовалъ; разсказъ его привелъ слушателей къ Тиверіадскому озеру. Зной на берегахъ его палящій, говорилъ онъ. Деревья вымерли. Озеро лежитъ въ глубо-

кой рамѣ изъ обожженныхъ жаромъ утесовъ; на немъ ни лодочки; лишь носятся стаями морскія птицы; небольшіе заливы поросли цвѣтами и терновникомъ; на горизонтѣ снѣжныя или опаленныя солнцемъ горы; кругомъ пустыня; каменистая тропинка ведетъ отъ озера къ долинѣ Генесаретской. При видѣ этой тропинки, мысли набѣгаютъ толпою: по ней ходилъ Человѣкъ, слово котораго пережило столѣтія.

N. зналъ, что Осипа Ивановича надо было пустить въ разговоръ, вызвать его и заставить забыться; тогда онъ начиналъ говорить охотно, тихимъ голосомъ, парадоксально, отчетливымъ слогомъ, и не останавливаясь для выслушанія вопроса или возраженія. Тогда все кругомъ его замолкало, и онъ говорилъ, точно читалъ лекцію.

Зина набросала, пока онъ говорилъ, картину — видъ Палестины. Осипъ Ивановичъ оживилъ картину эту внутреннимъ смысломъ:

— Умъ, жаждущій изслѣдованій и провѣрки созданнаго себѣ заранѣе впечатлѣнія, спѣшитъ туда, говорилъ Осипъ Ивановичъ, и на первыхъ же шагахъ встрѣчается съ разочарованіемъ: всѣ слѣды прошлаго исчезли, все продажа и торгъ, все облито кощунствомъ, изувѣрствомъ, затоптано грязью и развратомъ!... Баронъ оживился, увлекся: аудиторія его прошла съ нимъ по Сиріи, мелькнули передъ нею города Китая, узкоглазыя женщины съ спеленутыми ногами. Перенеслись въ міръ древнихъ: встали передъ слушателями пирамиды, грандіозныя и уродливыя, зазвенѣли золотыя украшенія, которыя женщины носили въ видѣ ожерелья,—съ изображеніями разныхъ членовъ человѣческаго тѣла. Въ Нубіи баронъ

лечился — бралъ солнечныя ванны; болѣе пяти минутъ, сказалъ онъ, нельзя пролежать на одномъ боку, и скорѣе перевертываешься на другой,—иначе сгоришь; голова, во все продолженіе этой ванны, закрыта огромною скорлупою.

Всѣ сидѣли и слушали съ любопытствомъ: въ странномъ мірѣ побывали они въ продолженіе часовъ двухъ, пока совершался ежедневный процессъ питья кофе; баронъ пилъ его безъ сахара и сливокъ, какъ пьютъ на Востокѣ; и въ странный міръ мыслей, въ полный міръ язычества, вступили они, слѣдя за мелькавшею какъ комета мыслью Осипа Ивановича.

Когда онъ уѣхалъ, Маша перекрестилась.

— Духъ ли Господень на немъ? проговорила она.

Зина и Иванъ Павловичъ были отъ него въ восторгѣ.

Александръ, взъерошивъ себѣ волосы рукою съ брилліантомъ, пошелъ бродить по залѣ.

Тетушка нашла, что Осипъ Ивановичъ выражается неприлично, называя все по имени.

— Разсказывая все то, что вы слышали, онъ нисколько не имѣетъ въ виду конфузить васъ, сказалъ N. Вѣрѣ; онъ говоритъ языкомъ ученаго. Но говоря съ точки зрѣнія науки, онъ даже долженъ забывать, что между слушателями его есть женщины; этого нельзя ставить ему въ порокъ. Нельзя коснуться науки только кончиками пальцевъ. Мало ли вы что еще отъ него услышите: онъ васъ засыплетъ учеными доводами, которые на другой же день, самымъ ученымъ образомъ и опровергнетъ. Привыкайте слушать и переработывать въ себѣ все, что слышите и видите, дитя мое. Я не удивлюсь, если онъ вамъ посовѣтуетъ основательное изученіе физіологіи: ну, что же? организмъ человѣка не дол-

женъ имѣть для насъ тайнъ, какъ въ духовномъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ. И я не допускаю, чтобы бесѣды съ Осипомъ Ивановичемъ могли имѣть на васъ вредное вліяніе: вы ограждены отъ него, — я за это вамъ ручаюсь; вы отъ него какъ бы чѣмъ-то завѣшены, чего ему никогда не сорвать съ васъ. Это что-то далеко не у всѣхъ женщинъ есть; вы пройдете мимо грязи такъ близко, что задѣнете за нея краемъ платья и не запачкаетесь: у васъ направленіе серьозно; вы на грязи остановитесь на минуту, но никогда не завязнете.

Вѣра слушала его всѣмъ сердцемъ.

„Вѣра и любовь моя къ N. такъ глубоки и сильны во мнѣ, думала она, что хоть сейчасъ за нимъ пойти бы на край свѣта, переплывать съ нимъ въ крошечной лодочкѣ стремнины потоковъ, покоить его, ограждать отъ бѣдъ, стать между имъ и бурею, лишь бы слышать, лишь бы слышать это ласковое, дитя мое... Какъ же это сдѣлать? Какъ мнѣ пойти за нимъ? Легче жить среди звѣрей, въ одномъ изъ дѣвственныхъ лѣсовъ, чѣмъ перейти, въ Петербургѣ, изъ гостиной тетушки въ пятый этажъ къ этому старику отшельнику!... А этого послѣдняго все во мнѣ требуетъ! Какъ же отдаться брату Николаю, когда N. меня любитъ, когда N., развивающій мои силы, самъ N. въ моей мысли, начало и конецъ моей жизненной работы. Онъ и не усомнился въ сочувствіи моемъ демократизму и внѣшней нищетѣ, въ сочувствіи тому направленію, какое онъ дастъ моей жизни; онъ знаетъ, что я каждый день могу выдти замужъ за одного изъ пустыхъ джентльменовъ, увивающихся за мною въ гостиной тетушки,—объ этомъ и во снѣ, и на яву грезитъ Катерина Петровна,—онъ это знаетъ, и съ

тѣмъ вмѣстѣ такъ знаетъ меня, что вводитъ смѣло въ міръ идеала, ставитъ меня лицомъ къ лицу съ добровольнымъ трудомъ, на основаніи убѣжденія, что это необходимое средство для самоусовершенствованія. Я сознаю, что борьба ожидаетъ меня сильная, но съ радостью, съ полною готовностью, иду на новую дорогу. Лишь бы идти съ нимъ и за нимъ! Одно его присутствіе поддержитъ", сознавала она.

Трудъ ея начался черезъ день: баронъ Б., не медля, привезъ ей переводъ: „Путешествіе на одинъ изъ островокъ Атлантическаго Океана"; текстъ былъ передѣланъ въ книгѣ на половину: многое было вычеркнуто, еще больше приписано самимъ барономъ по русски и по англійски на поляхъ экземпляра; нѣкоторыя слова и иные обороты были переведены подстрочно, „какъ для новичка", подумала Вѣра. Когда N. пріѣхалъ, она съ удивленіемъ показала ему исписанную барономъ статью въ книгѣ.

— Отъ мыслей автора не осталось и половины, замѣтила она.

— Это его замашка, отвѣчалъ N. Онъ совершенно безцеремонно обращается и съ книгами и съ чужими рукописями. Вашу ожидаетъ та же участь: пока покоримся ей.

Братъ Николай очень обрадовался началу дѣятельности Вѣры. Она написала ему объ этомъ, и скоро получила отвѣтъ.

„Я готовлюсь перейти въ Петербургъ, писалъ онъ, гдѣ мнѣ предлагаютъ службу выгоднѣе. Когда кончишь пансіонскій курсъ, поѣдемъ вмѣстѣ. Вотъ бы рай то былъ у меня въ домѣ!"

„Если ежедневнымъ гостемъ тамъ будетъ N.“, досказала Вѣра мысленно.

Переводъ ея въ три дня былъ готовъ, и баронъ пожелалъ его прослушать. Она прочитала. Онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, которыя живо остались въ ея памяти, такъ какъ въ началѣ знакомства каждый парадоксъ его ей казался новымъ; между прочимъ, онъ далъ ей совѣтъ выбрасывать какъ можно больше мѣстоименій, выбрасывать ихъ вездѣ, гдѣ они не необходимы для ясности смысла. „Во французскомъ текстѣ въ особенности очень много тѣхъ son, ses, leur *), которыя можно на половину выкинуть въ переводѣ, говорилъ онъ, и, открывъ на удачу лежавшую на столѣ книгу, баронъ прочиталъ: il verse son eau vivifiante... Если вы переведете: „онъ льетъ живоносную воду“, смыслъ останется тотъ же, и мѣстоименіе свою вамъ окажется ненужнымъ“.

Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ употреблено было выраженіе дѣвственный, баронъ совѣтовалъ всегда избѣгать его, и замѣнять словами: цѣлый, непочатый.

— Потому что дѣвственнаго собственно ничего нѣтъ, пояснялъ онъ этотъ совѣтъ: коль скоро возникло въ васъ представленіе о дѣвственности, вы, въ идеѣ, уже ее утратили.

Вѣра возражала:

— Мнѣ кажется couleur vierge *) нельзя сказать какъ говорятъ французы, и можно перевести это названіемъ краски цѣльной, несмѣшанной; но въ собствен-

---

*) Его, свое, ихъ.

*) Дѣвственный цвѣтъ.

номъ значеніи слова, когда я хочу опредѣлить фактъ, свойственный названному предмету...

Напрасно она впрочемъ сунулась разсуждать о такомъ скользкомъ предметѣ... она вскорѣ остановилась, потому что Иванъ Павловичъ подхватилъ:

— Браво, Вѣра...

Мужчины принялись провѣрять парадоксъ Осипа Ивановича о дѣвственности; но такъ какъ каждый изъ нихъ и до сихъ поръ, быть можетъ, провѣряетъ его, толкуя о степени его важности, то мы и оставимъ ихъ за этимъ длиннымъ споромъ, кончившимся, какъ и большая часть споровъ...

Напечатанную статейку Вѣры редакція сама ей прислала, въ Москву уже, въ послѣднемъ номерѣ журнала, по распоряженію, вѣроятно, Осипа Ивановича, съ запискою отъ него и съ деньгами: съ англійскаго, объяснилъ ей N., журналъ платитъ за переводный листъ 20 р., съ французскаго 15 р. Перевода Вѣры оказалось листа три съ небольшимъ и, — „вообразите, мой другъ, сколько у меня очутилось денегъ!“ показывала она ихъ своему старому учителю. Братъ Николай замѣтилъ, что такъ легко и такъ любезно процессъ расплаты происходитъ не во всѣхъ редакціяхъ, и что въ это дѣло видимо замѣшались „твои прекрасные глаза“, сказалъ онъ сестрѣ.

Въ запискѣ, присоединенной къ номеру журнала, Осипъ Ивановичъ говорилъ слѣдующее:

„Le censeur — qui le croirait! — a trouvé moyen d'abimer même votre inoffensif et charmant récit sur Ténériffe, mademoiselle! C'est un vrai turc—pire que

cela, un anglais, un français, un Napoléon III, un baschi-bozouk, un Palmerston, un Dundas, un ôgre! On me prie de vous faire parvenir l'envoi ci-joint et de vous prévenir qu'on aura besoin de la traduction du roman anglais que vous avez entreprise pour le 3 ou le 4 du mois prochain. Mes respects à vos dames. Toujours dévoué et prêt à vous servir, S.“ *).

(„Ценсоръ — кто бы это могъ подумать! — нашелъ возможнымъ подгадить даже ваше невинное и прелестное описаніе Тенерифа! настоящій онъ турокъ! нѣтъ, хуже: англичанинъ, французъ, Наполеонъ III, баши-бузукъ, Пальмерстонъ, Дундасъ, или людоѣдъ! Меня просятъ передать вамъ прилагаемую посылку, и предупредить васъ о томъ, что начатый вами переводъ англійскаго романа понадобится къ третьему или четвертому числу будущаго мѣсяца. Мое почтеніе вашимъ.

Всегда преданный и готовый служить вамъ, С.“).

Новая эра, начавшаяся для дѣвушки, дѣлала ее счастливою выше всякаго выраженія! Въ теченіе классной недѣли, она работала для брата, дѣлала выписки и переводы для N., подготовляла свою статью для редакціи, жила такимъ образомъ въ совершенно отдѣльномъ мірѣ отъ подругъ и классовъ, для которыхъ тоже надо было сдѣлать нѣсколько сочиненій въ недѣлю. Суббота подходила незамѣтно. Въ субботу, къ обѣду, спѣшилъ къ Машѣ N.; все воскресенье, съ утра, онъ проводилъ съ Вѣрою. Какъ радостно стало жить Вѣрѣ! Она до такой степени не привыкла къ счастію, что порою чувствовала какъ бы упреки совѣсти, укоряла себя

*) Автографъ.

въ томъ, что забыла Павла Өедоровича, что счастлива, когда его уже не стало и счастлива не имъ.

„О, нѣтъ! все имъ же, говорила она, вдумываясь съ глубокою благодарностью въ свое новое положеніе: если бы его у меня не было въ прошломъ, я въ этой трущобѣ сейчасъ стала бы малекадэлькою или багошкою; не было бы у меня потребности выбиться изъ этой трясины, не обрадовалась бы я знакомству съ N., который одинъ изъ всѣхъ кого я знала, могъ вывести меня на дорогу“.

N. былъ какъ бы продолженіемъ, или пополненіемъ любви этой къ отцу. Не сознавая неестественности любви своей къ N., любви безъ молодыхъ восторговъ, аскетической, старческой и ненормальной, она жила тихимъ внутреннимъ счастіемъ... Дитя мое! звучало ей откуда то, издали... изъ предсмертнаго письма, столько разъ облитаго ея слезами... и изъ ласкающаго взгляда этой дорогой головы, бѣлой, какъ была бы теперь голова отца...

Слѣдующая работа Вѣры для редакціи былъ англійскій романъ въ двухъ частяхъ, который баронъ Б. одинаково предполагалъ на половину передѣлать.

Работа эта была распредѣлена на четыре мѣсяца, къ каждому номеру журнала по полукнигѣ. И N. и Николай говорили, что это очень важно, что это именно и цѣнно въ работѣ: имѣть ее постоянно, имѣть заказъ на каждый мѣсяцъ.

— Такъ это и будетъ, писалъ баронъ. Я вижу, что у насъ пойдетъ, и Вѣрѣ Петровнѣ можно дать весь переводный отдѣлъ журнала.

N., передавая это, улыбался и радовался. Бѣдный

Павелъ Ѳедоровичъ! не болѣе какъ на переводы романовъ пригодились его труды для дѣтства Вѣры...

Наступало лѣто, радостное такое, солнечное!

Александръ уѣхалъ наконецъ къ себѣ на хуторокъ, едва простившись съ Вѣрою.

Маша хирѣла, и не жаловалась; она все, что могла, продолжала дѣлать, но всѣ ея движенія были какъ бы автоматическія; жизнь тяготила Машу. Она взяла на себя подвигъ не по силамъ, и лишь теперь, съ ужасомъ, начинала это сознавать.

Иванъ Павловичъ уговорилъ N, провести лѣто съ его семействомъ на дачѣ. Онъ согласился, „лишь ради Вѣры“, сказалъ онъ ей.

На ваканціи пріѣхала и Вѣра, улыбающаяся, счастливая.

Поцѣловавъ Машу, она побѣжала прямо къ флигельку въ саду, гдѣ жилъ N. Взбѣжала она на три ступеньки этого флигелька и остановилась... начала подкрадываться. Тихо обошла въ другую дверь, которая была отворена изъ кабинета, гдѣ N. сидѣлъ надъ книгою.

— Вотъ и я! вскрикнула она, ликуя.

— А! улыбнулся онъ, любуясь ея румянымъ личикомъ и яркою радостью въ глазахъ.

— Вотъ теперь-то я начну здѣсь деспотствовать! продолжала она, живо оглядывая комнатку: книгъ на полу больше не будетъ! пыли на нихъ не заведется! еще столъ сюда нужно, подъ руку, для этихъ томовъ, которые теперь у ногъ вашихъ лежатъ. Нужно шкафъ: платье все разбросано. На окнахъ цвѣты каждый день буду мѣнять. Ставень хлопаетъ—пойду прикрѣплю... Совсѣмъ

то вы у меня безъ призора живете! Но... дайте, срокъ, я все это къ рукамъ приберу.

— Птичка райская прилетѣла, и запѣла, защебетала тутъ, вокругъ меня! ласкалъ онъ ее, цѣлуя руки.

— Птичка! хороша! нѣтъ: хозяйка, строгая и взыскательная, которая порядки заведетъ ненарушимые! Вотъ тутъ, у окна, я свой столъ поставлю: тутъ и писать подъ вашу диктовку буду, и свои переводы дѣлать, и къ экзамену готовиться: у меня въ началѣ августа университетскій экзаменъ, сдамъ его, тогда я уже и вольная птица! здѣсь мы и проэктъ одинъ обсудимъ — я вамъ о немъ еще не говорила—ну, да у меня еще много кое чего про васъ впереди... Боже мой, а здѣсь въ спальнѣ сторы не спущены, солнце такъ и печетъ. Ахъ, какъ хорошо можетъ человѣку быть въ крошечномъ такомъ уголкѣ, сажени въ три квадратныя!.. Цѣлый міръ можетъ для него быть въ такомъ уголкѣ! Да?

— Цѣлый міръ и есть въ этомъ уголкѣ, сажени въ три квадратныя! сказалъ онъ серьозно.

. . . . . .

„Какъ это невѣрно я его изобразила!“ думала Вѣра, разбирая свои бумаги и всматриваясь въ карточку N., на оборотной сторонѣ которой сдѣлала прошлою зимою надпись:

«Идетъ ко мнѣ онъ въ силѣ власти,
Весь въ холодъ правды облеченъ;
Въ груди молчатъ людскія страсти,
Въ груди живетъ одинъ законъ!
Его ничто не возмущаетъ:
Какъ жрецъ, безъ внутреннихъ тревогъ...

— вотъ и неправда: и возмущается онъ, и любитъ, и

„внутреннія тревоги“ живутъ въ немъ. Какъ часто, когда я занята, и онъ не можетъ говорить со мною, онъ ходитъ, сердится и волнуется!.. шагъ его я знаю, когда онъ неспокоенъ—звонкій и рѣзкій, какъ его шагъ, бывало... во всѣхъ движеніяхъ болѣзненная нетерпѣливость... потомъ, когда наговорится досыта о томъ, что его тревожило, лицо становится спокойнымъ такимъ! отдохнулъ, говоритъ и этимъ мнѣ обязанъ! Какъ я люблю, когда онъ это скажетъ! такъ хорошо, какъ будто я отъ него дипломъ получила. Да, я нужна ему: онъ живетъ мною, сказалъ онъ не разъ. Какая я счастливая: мнѣ дано возвысить на нѣсколько градусовъ температуру его холоднаго, неріютнаго жилья, согнать съ лица его, изгнать изъ внутренняго его міра, хоть до нѣкоторой степени, горькіе слѣды прожитаго... Онъ одинокъ. Онъ слабъ и болѣзненъ: его порою безпокоитъ вѣтеръ изъ широко растворенной двери, безпокоитъ рѣзкій возгласъ въ сосѣдней комнатѣ или болѣе обыкновеннаго громкій говоръ... А сколько диссонансовъ потрясаютъ его на каждомъ шагу въ такой средѣ, какъ наша! Онъ однакожъ, ради меня, переноситъ ее... Чѣмъ же, какъ не цѣлою жизнію, воздать мнѣ ему за это?

Она готовилась, она ждала минуты, когда онъ призоветъ ее. „Lectures on Metaphysics“, ей казалось, вели прямою дорогою къ нему.

„Какъ же онъ это скажетъ? думала она. „Такъ прямо неужели и скажетъ: „Будете ли вы моею женою, дитя мое?“ Какъ странно: дитя мое и жена! Нѣтъ, зачѣмъ же мнѣ быть его женою? Я могу съ нимъ цѣлый вѣкъ какъ съ отцомъ прожить. А тетя не пуститъ — неприлично, скажетъ. Хорошо, что и теперь, только под-

смѣивается надъ моею „страстью къ наукѣ“, потому что не предполагаетъ любви за этою страстью. А иначе были бы сцены, которыя его измучили бы болѣе, чѣмъ меня. Вопросъ этотъ, впрочемъ, — вопросъ незначительный: лишь бы существовалъ фактъ, что онъ безъ меня не можетъ жить... а фактъ этотъ существуетъ!—счастливая я! заручаясь этимъ фактомъ, я противъ какой бы то ни было оппозиціи несокрушимо-сильна“.

И она смѣло шла на подвигъ: ему молодую свою жизнь отдать, наполнить его жизнь своею нѣжностью и все приносящею въ жертву любовью,—при какихъ отношеніяхъ и обстановкѣ — мысль ея на этомъ болѣе не останавливалась.—Онъ отдохнетъ; онъ скажетъ ей „спасибо!“ было для нея аргументомъ неотразимымъ. Страннымъ ей, порою, казалось то, что жизнь ея какъ будто продолжается съ той минуты, какъ она видѣла Павла Ѳедоровича съ сѣдиною на головѣ; и пробѣла, въ который послѣдовала смерть его, точно въ ея прошломъ не было: вся боль и горечь прожитаго исчезли, а жили лишь однѣ отрадныя, мирныя мысли о возможности успокоенія старческихъ дней...

2 іюля. „Послѣ обѣда, иногда (писала Вѣра въ одной изъ завѣтныхъ своихъ тетрадокъ), въ то время, какъ Маша засыпаетъ, дядя и Иванъ Павловичъ съ гостями, а тетя играетъ на балконѣ въ карты, мы уходимъ съ N. сидѣть на крылечко его флигеля. Солнце тогда уже за высокими деревьями, подъ которыми намъ и тепло и тѣнисто. — Будетъ съ меня чтенія философовъ, сказала я, сегодня. Мнѣ, право, никакого нѣтъ до того дѣла, признаютъ-ли ихъ теоріи мѣриломъ бытія человѣческое пониманіе, или ощущеніе нерва! Не все ли это равно?

Толки матеріалистовъ и трансценденталистовъ о безконечномъ мнѣ страхъ какъ надоѣли!—N. удивился и огорчился. Чтобы доставить ему удовольствіе, я продолжала начатый разговоръ, но въ послѣдній разъ, сказала ему: „есть для меня вопросы жизни, гораздо болѣе живые.“

— Я собственно не знаю ни одного вопроса, достойнаго болѣе глубокаго вниманія и значенія, отвѣчалъ онъ: безконечное сознаетъ себя только въ человѣкѣ.

— Это гипотеза совершенно произвольная, возражала я, такъ какъ доказано, что безконечное есть фактъ, а не представленіе нашего ума. Умъ нашъ сознаетъ понятія только подъ условіемъ ихъ ограниченія, различенія ихъ другъ отъ друга. Онъ сознаетъ, что есть безконечное, но не знаетъ его. Силы ума не соизмѣримы съ понятіемъ о безконечномъ: какъ же можетъ безусловное и безконечное сознавать себя въ человѣкѣ? Или оно не сознаетъ себя вовсе и сознаетъ себя само, внѣ человѣка, абсолютно, не человѣческими пріемами сознанія. Оно не сознаетъ себя вовсе, говоритъ матеріалистъ. Духа нѣтъ; онъ отправленіе извѣстной организаціи матеріи, съ извѣстными свойствами дѣйствія, которыя называются силами. Конца нѣтъ этой матеріи, конца нѣтъ этому дѣйствію силъ ея, изъ котораго истекаютъ всѣ явленія существующаго, въ силу необходимости. Но есть ли матерія? Если силы—ея свойства, и сами по себѣ не болѣе, какъ отвлеченіе нашего ума, то и матерія не тоже ли? Мы знаемъ простыя тѣла, ихъ химическія и органическія соединенія, а матеріи вообще не знаемъ, какъ не знаемъ силы вообще. Почему же отвлеченіе наше должно остановиться на идеѣ матеріи? Причинъ не вижу. Всѣ эти тѣла и соединенія ограничены, слѣдовательно безконечное не въ нихъ. Оно въ

ихъ соединенiи? и то нѣтъ: соединенiе имѣетъ начало, имѣетъ конецъ, такъ какъ и то и другое есть въ первомъ и въ послѣднемъ элементѣ соединенiя. Прибавляйте мысленно мирiады предметовъ къ ихъ биллiонамъ, и все безконечнаго не будетъ. А вычисленiе доказываетъ, что оно есть. Слѣдовательно, матерiя (какъ совокупность всѣхъ своихъ соединенiй) въ немъ, а не оно въ матерiи, и несоизмѣримо съ нею. Нѣкоторыя матерiальныя соединенiя (люди) сознаютъ присутствiе и существованiе этого безконечнаго, и изъ этого сознанiя почерпаютъ развитiе своей мыслящей дѣятельности, которому не предвидится предѣловъ. Слѣдовательно, въ конечномъ есть сознанiе; разумѣется, когда сознающiй спитъ, онъ не сознаетъ, а живетъ, и у него при этомъ происходятъ многiя физiологическiя и химическiя отправленiя. Сознаетъ же онъ только тогда, когда дѣйствуетъ то самое отправленiе его натуры, которымъ онъ открываетъ существованiе безконечнаго.—Я вѣрю, положимъ, одному опыту, однимъ ощущенiямъ, но чтобы отрицать существованiе непонятнаго для меня, чтобы примирить фактъ существованiя безконечнаго съ моими теорiями, я очевидно должна отступить отъ собственнаго научнаго метода, и приходишь, волею, неволею, къ убѣжденiю, что наука даетъ доказательство бытiя безконечнаго, но не раскрываетъ его сущности. Сущность эта недоступна наукѣ, или проистекаетъ, какъ мнѣ кажется, изъ ограниченности человѣческой природы и недостаточности развитiя нашихъ прiемовъ мышленiя; или въ моемъ знанiи есть множество скачковъ и пробѣловъ, которые слѣдуетъ наполнить еще долгимъ изученiемъ предмета?

N. крайне огорчился тѣмъ, что я, послѣ такого дол-

гаго занятія этимъ предметомъ, поднесла ему такой сумбуръ. Но я до сихъ поръ не знаю, какой выводъ и онъ сдѣлалъ: онъ для меня въ этомъ отношеніи столько же непонятенъ, какъ и книги философовъ.

Въ отношеніи меня онъ правъ: если онъ вѣритъ только объяснимому, онъ, именемъ науки, не считалъ себя въ правѣ допустить одну эту исключительную вѣру, въ выборѣ чтеній, который для меня сдѣлалъ. Но, за неимѣніемъ данныхъ для провѣрки той или другой теоріи, я пришла къ выводу, что намъ доступны лишь ощущенія о предметахъ, а не сущность ихъ, и что степень достовѣрности большинства нашихъ даже положительныхъ свѣдѣній должна быть еще далеко не опредѣлена.

За неимѣніемъ данныхъ для провѣрки противоположныхъ одна другой теорій, во мнѣ выработался положительно лишь одинъ взглядъ на нихъ, это—сомнѣніе въ ихъ истинности. Но какъ обидно оно для меня—я этого ему никогда не выскажу: оно, какъ будто, продуктъ чужаго мышленія; оно живетъ во мнѣ отдѣльно отъ всякихъ другихъ, постороннихъ ему, выводовъ; оно допускаетъ существованіе рядомъ взглядовъ и убѣжденій, самыхъ противорѣчащихъ другъ другу, не допуская между ними никакой внутренней связи. Наконецъ, въ головѣ моей происходитъ между ними борьба, мучительная, но увы,—безплодная; такъ какъ критикѣ во мнѣ опереться не на чемъ... нечѣмъ рѣшить ихъ споръ въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ! Выработавшееся это сомнѣніе подвергаетъ во мнѣ критикѣ готовые выводы, но не подвергнуто ей само; такой внутренній разладъ отзывается болѣзненно на моей мысли; она выводитъ на смотръ и свѣдѣнія и вѣрованія, старается согласить одно

съ другимъ, но при этомъ запасъ положительнаго знанія не прибавляется,—вмѣсто него, всѣ силы ума идутъ на отвлеченность, на умничанье. Умъ, сильно закаленный, нашелъ бы себѣ, можетъ быть, дорогу и здѣсь, но мой—устанетъ. Онъ уже и теперь усталъ. Онъ не допускаетъ въ себѣ жить вмѣстѣ понятіямъ, логически несогласимымъ, не удовлетворяется онъ и видимымъ примиреніемъ, не удовлетворяется фразою. А исхода нѣтъ...

— Что могу я извлечь, для приложенія къ моей жизни, изъ вѣковыхъ сомнѣній блуждающаго ума? Узнала я, что Локкъ и Кантъ смотрятъ на врожденныя способности человѣка какъ на психическія единицы, дѣйствующія индивидуально; Гербартъ и Бенеке признаютъ ощущеніе первоначальною психическою величиною, изъ которой развивается вся сложность душевной жизни; Фихте и Гегель приносятъ ощущеніе въ жертву чистому разуму; изъ психологіи Вольфа, изъ метафизики и протестантской теологіи Лейбница, изъ физіологіи Мюллера и Вебера узнала я и идеалистическія системы, и законы, которымъ слѣдуетъ жизнь человѣка. Одни изъ метафизики выводятъ психологію, другіе изъ математики; иные стремятся доказать, что науку о душѣ можно подвести подъ одинъ уровень съ наукою о растеніи, камнѣ и животномъ. И приходится отложить въ сторону всѣ толкованія науки о душѣ, о происхожденіи ея, отношеніи къ тѣлу и грядущихъ ея судьбахъ; ученіе Христа для меня цѣннѣе всякихъ умствованій и пререканій всевозможныхъ школъ,—его можно приложить къ жизни; на немъ можно построить всю жизнь. Христосъ для меня живая личность, а не отвлеченное понятіе. Онъ лицо, которое говоритъ языкомъ для меня понятнымъ; прило-

женіе Его ученія къ жизни я видѣла еще въ дѣтствѣ, видѣла теплый и энергическій протестъ со стороны Павла Ѳедоровича противъ всего, что насилуетъ и давитъ жизнь ближняго!

10 Іюля. „Мнѣ давно уже была тяжела пустая и роскошная жизнь въ этомъ знатномъ кругу; теперь же, она мнѣ невыносимо-отвратительна! На этомъ крылечкѣ, я слышу отъ N. задушевнѣйшія мысли, имѣющія глубокій соціальный смыслъ; слышу о бѣдствіяхъ класса, работающаго на насъ... Въ дѣтствѣ, я это бѣдствіе едва видѣла: Павелъ Ѳедоровичъ, на сколько могъ, облегчалъ его; но видѣла и помню; теперь же, въ связи съ исторіею, вижу и понимаю смыслъ его.

Вижу я, съ одной стороны, тяжелый, насильственный трудъ: чрезъ всю исторію проходятъ предо мной милліоны несчастныхъ, подъ именами рабовъ, илотовъ, плебеевъ, вассаловъ, крѣпостныхъ, негровъ,—проходятъ съ веревкою на шеѣ, безкровные, ограбленные, забитые, опозоренные какъ человѣкъ. Въ глухихъ деревняхъ, въ снѣжныхъ сугробахъ, въ дымныхъ лачугахъ, въ чащахъ лѣсныхъ, или подъ солнцемъ палящимъ на страдѣ, жила и живетъ вѣковая кручина народа. Въ нашихъ салонахъ сложилась про нее сантиментальная пѣсенка. Отъ этой пѣсенки сердце стонетъ—не у помѣщиковъ...

Съ другой стороны вижу я древнихъ патриціевъ, феодаловъ, властелиновъ, плантаторовъ, бояръ; вижу великолѣпіе ихъ, сады при дворцахъ со статуями и фонтанами, праздники и пиры продолжающіеся по недѣлямъ; вижу обѣдъ нашъ на серебрѣ, наши брилліанты, перья и уборы, добытые не на трудовую копѣйку... Наши братья или на рысистыхъ скачкахъ, или шалѣютъ за

картами, просиживая ночи, проигрывая деньги, доставляемыя кровавымъ трудомъ холопа, или у него же крадутъ жену и дочь, младенца которой закидываютъ на вѣроятную смерть.

Вѣками ведутся эти, такъ называемые, порядки; и не слышно голоса, возмущающагося такою жизнію на счетъ бѣднаго. И въ этомъ вопросѣ, какъ и во множествѣ другихъ, ясны эгоизмъ и равнодушіе общества къ страданію ближняго. Что за дѣло магнату до того, что истощаются силы милліоновъ людей, доставляющихъ ему возможность удовлетворенія порочнымъ страстямъ? Онъ считаетъ себя породою высшею! Какъ будто Христосъ раздѣлилъ на породы людей, которыхъ заповѣдалъ считать братьями?

Возмутительнѣе всего то, что никто ни на минуту не останавливается мыслью на вопіющей несправедливости такого положенія: какъ будто иначе и быть не должно Потому то наши Иванъ-Павловичи такъ счастливы, такъ неизмѣримо-спокойны. Между тѣмъ, вслѣдствіе неестественнаго этого положенія, сами эти Иванъ-Павловичи, заѣдающіе чужую жизнь, во всѣ фазы исторіи были, въ свою очередь, эксплуатируемы всякаго рода общественными сдѣлками, лишавшими ихъ и чести и самостоятельности,—чего они, впрочемъ, въ тупой и пошлой гордости, никогда не сознавали. При такомъ, потворствующемъ тунеядству и распущенности, принципѣ преобладанія человѣка надъ человѣкомъ зрѣлость какихъ бы то ни было тенденцій въ Иванѣ Павловичѣ невозможна. И внутреннее безсиліе характеризуетъ его во всемъ...“

22 іюля. „Неужели же, въ средѣ нашего эгоистическаго общества нѣтъ ни одной доброй души, нѣтъ ни

*

одной личности, любящей Христа, которыя обратили бы вниманіе на жалкое положеніе незаконнорожденныхъ казенныхъ питомцевъ? Отчего это происходитъ, что вопросъ о ихъ существованіи не представляется даже вопросомъ для счастливыхъ міра? Они вѣдь не могутъ не знать страшнаго факта, какъ несчастныя эти дѣти стираются съ лица земли. Или этотъ фактъ слишкомъ ничтоженъ, незначителенъ для того, чтобы стать дѣломъ общественнымъ? Еслибы какое нибудь лицо, власть имѣющее, снизошло до того, что посѣтило бы казеннаго младенца въ смрадной избѣ, гдѣ его воспитываютъ, тратя на это огромныя деньги, то оно увидѣло бы, что такое воспитаніе есть дѣло крайней жестокости, что младенецъ этотъ умираетъ большею частью, не доживъ до года; или выростаетъ безъ всякихъ задатковъ къ тому, чтобы быть полезнымъ членомъ общества, безъ всякихъ нравственныхъ средствъ на то, чтобы образовался изъ него человѣкъ, полный любви къ ближнему, будущій отецъ и мужъ, будущая учительница, быть можетъ?“ говорила я сидя на нашемъ крылечкѣ.

— Кто же въ состояніи измѣнить такое положеніе? отвѣчалъ N. Намъ приходится только смотрѣть, и разсуждать о немъ. Общество безнравственно: оно играетъ въ карты, волочится и наряжается, — какихъ же добрыхъ дѣлъ отъ него ждать? оно не имѣетъ и понятія объ истинной нравственности, не понимаетъ и насущныхъ, самыхъ настоятельныхъ своихъ нуждъ. Оно пусто; какой же серьозной мысли отъ него хотѣть? Вы полагаете, можетъ быть, что обличенія, какія слышатся теперь, поведутъ къ чему бы то ни было? Нисколько: болото останется болотомъ, тѣмъ же самымъ, какъ его

описываетъ Щедринъ, за исключеніемъ того лишь, что мерзости будутъ дѣлаться изъ подъ полы. И нѣтъ имъ причинъ не дѣлаться: люди все тѣ же, обстановка ихъ, колея, по которой они до сихъ поръ ползли — все тѣ же; они лишь говорить станутъ на иной ладъ, а въ сущности имъ не отъ чего и не зачѣмъ мѣняться. Теперь, такое серьозное обличеніе, какъ несостоятельность школьныхъ системъ въ цѣломъ государствѣ, въ „Вопросахъ жизни...“ не думаете ли вы, что оно обратитъ на себя вниманіе? вызоветъ существенныя реформы? обратитъ народное образованіе въ образованіе, болѣе соотвѣтствующее требованіямъ жизни? Никогда, потому что требованія эти обществомъ не сознаны. Американецъ, напримѣръ, знаетъ, чего долженъ достигнуть обязательно, и, сообразно съ этимъ, располагаетъ и программу курса своего юношества. Намъ же чего достигать? Мы сами не знаемъ: куда идемъ? чего хотимъ? и хотимъ ли чего либо? потому у насъ и школъ нѣтъ, а лишь пародія на школы, въ родѣ вашего пансіона. У насъ школы для вида. Въ Соединенныхъ же Штатахъ, гдѣ никто не дѣлитъ общества на классы, нѣтъ ни сословныхъ, ни привилегированныхъ учебныхъ заведеній, а это чрезвычайно важный стимулъ для соревнованія: тотъ первый, кто собственнымъ трудомъ заработалъ себѣ первое мѣсто. Элементарныя училища тамъ для всѣхъ равны. И ихъ множество: каждая община имѣетъ нѣсколько школъ. Снабжены эти школы великолѣпными библіотеками, аппаратами физическими, химическими, всевозможными учебными пособіями. И все это не казна, а общество доставляетъ, потому что сознаетъ пользу истиннаго образованія. Программа курса чрезвычайно дѣльная;

она напоминаетъ нѣсколько начало вашихъ классныхъ занятій съ Павломъ Ѳедоровичемъ. Въ первой школѣ учатъ: читать, писать, считать, объясняютъ, самымъ нагляднымъ образомъ, всякое физическое явленіе изъ окружающей ребенка среды, развиваютъ его, подготовляя къ школѣ высшей. Мальчики и дѣвочки учатся вмѣстѣ, такъ какъ вліяніе ихъ другъ на друга признано на опытѣ несомнѣнно полезнымъ. Въ элементарныхъ этихъ школахъ учатъ преимущественно женщины. Изъ первой школы ребенокъ переходитъ во вторую, гдѣ знакомится серьознѣе съ законами физическими и ариѳметикою; изучаетъ языки, съ ихъ грамматикою; узнаетъ исторію своей родины и конституцію, которою она управляется. Въ третьей школѣ проходитъ алгебру, геометрію, литературу языковъ, всеобщую исторію. Таковъ курсъ общій,— образованіе, какое получаетъ каждый изъ гражданъ; всѣ граждане, безъ исключенія. Если желаютъ науки дальнѣйшей, развитія спеціальнаго,— есть много школъ высшихъ, школъ техническихъ, университетовъ: Союзъ не щадитъ ничего, никакихъ трудовъ, ни средствъ, для обезпеченія себя людьми съ солиднымъ образованіемъ. Я до сихъ поръ говорилъ вообще о школахъ платныхъ, о дѣтяхъ, за которыхъ родители платятъ обществу, правда, очень незначительныя деньги, и заботятся о томъ, чтобы дитя, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, проходило этотъ разумный и основательный курсъ. Но есть у Союза и дѣти несчастныя, участь которыхъ такъ озабочиваетъ васъ: дѣти, покинутыя матерями, дѣти, оставшіяся круглыми сиротами, такія дѣти, однимъ словомъ, за которыхъ некому вносить установленной за обученіе платы. Такія дѣти составляютъ предметъ особенной заботли-

вости со стороны общества. Оно и понятно: прочія дѣти,—счастливыя—имѣютъ о себѣ и заботу матери, и хлѣбъ, доставляемый отцомъ, и нравственный примѣръ со стороны ихъ обоихъ; дѣти же сироты ничего этого не имѣютъ. А гражданинъ Союза слишкомъ уменъ для того, чтобы допускать въ средѣ своего общества существованіе такого зла, какъ ребенокъ-страдалецъ, который дѣлается со временемъ или ненужнымъ, или вреднымъ членомъ родины. Допустить существованіе такого зла, значило бы одною рукою дѣлать все возможное для преуспѣянія этой любимой родины, а другою—раздѣлывать все, чего уже достигли. Человѣку безъ рода, безъ племени море по колѣно: никакія нравственныя силы, ни связи, не сдерживаютъ его порочныхъ наклонностей. Онъ, кромѣ того, съ дѣтства измученъ, озлобленъ; онъ врагъ всякаго существующаго порядка, онъ, слѣдовательно, для отечества своего язва; огромный процентъ преступниковъ составляютъ вообще дѣти безъ рода и племени. Поэтому несчастныхъ дѣтей общество принимаетъ на особое свое попеченіе, и дѣлаетъ это вполнѣ отечески. Пріюты для дѣтей сиротъ стоятъ ему громадныхъ суммъ! Общественныя деньги расходуются съ совершенною добросовѣстностью и пониманіемъ дѣла въ педагогическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Управляютъ этими заведеніями лица, избираемыя большинствомъ голосовъ, отъ общества, люди смыслящіе, какъ въ дѣлѣ завѣдыванія большими капиталами, такъ и въ дѣлѣ, возложенномъ на нихъ—направленія дѣтей сиротъ къ одной, всѣми сознаваемой, общей гражданской цѣли *).

---

*) Вотъ, вкратцѣ, нѣкоторыя подробности о воспитательныхъ

Есть, какъ видите, уголки міра, гдѣ безъ вины виноватымъ, какъ вы ихъ называете, живется хорошо!

„Иначе и не должно бы быть, думаю я: несчастный такой же членъ общества, какъ и Иванъ Павловичъ и прочіе счастливые міра. И какъ удивительно для меня то, что казна беретъ на себя попеченіе о незаконныхъ дѣтяхъ! Дѣти принадлежатъ конечно не ей, а подкидываются обществомъ; кому же, какъ не обществу, и воспитывать тѣхъ, кого оно забрасываетъ? Кажется, это логично".

7 августа. „Мнѣ сегодня 18 лѣтъ. Меня съ утра

домахъ, въ которыхъ Соединенные Штаты даютъ пріютъ дѣтямъ-сиротамъ на общественныя суммы:

«Дѣти пріюта, основаннаго близъ Нью-Іорка, поселены въ хорошенькихъ коттэджахъ, съ широкими окнами, паркетными полами и крытыми галереями. При заведеніи имѣется обширный садъ и отлично устроенная гимнастика. Болѣе взрослые занимаются земледѣльческими работами и ремеслами; меньшіе находятся на попеченіи нянекъ. Пріютъ имѣетъ свою школу, устроенную совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и школы для счастливыхъ дѣтей. Здѣсь учатъ и воспитываютъ такъ же хорошо, какъ и въ тѣхъ школахъ. Все пріютское начальство — женщины, врачи также исключительно избираются изъ женщинъ.

«Учрежденіе это стоитъ Нью-Іорку 500,000 долларовъ въ годъ (625,000 руб. сер.)».

«Въ пріютѣ для дѣтей-сиротъ въ Филадельфіи способы обученія и воспитанія ничѣмъ не разнятся отъ принятыхъ въ Нью-Іоркѣ; только еще болѣе обращаютъ вниманія на обученіе ремесламъ. Работа дѣтей приноситъ не малую пользу заведенію, безъ всякаго ущерба для здоровья юныхъ работниковъ. Дѣти работаютъ дѣтскія ботинки, толстые сапоги для арміи, прутики для зонтиковъ, спичечницы, щеточки и пр. Изъ мастерскихъ пріюта выходятъ массы издѣлій».

(Дѣло. № VII, 1867 г.).

засыпали подарками и обновами. И отъ старика-учителя своего я получила подарокъ,— онъ ѣстъ постное, между тѣмъ желудокъ его такъ слабъ, что отсутствія бульона не выноситъ; но N. налагаетъ на себя постъ, ради славянизма, ради народа, который такъ любитъ, для большаго единенія съ нимъ. N. вообще любитъ разнаго рода насилія надъ своею собственною природою. Сегодня же, ради нашего семейнаго праздника, я его упросила ѣсть бульонъ, и хотя бы ничего болѣе, за завтракомъ и за обѣдомъ. Вотъ ужъ и постъ. Цѣлую недѣлю N. хвораетъ, и я все ему читаю, такъ какъ самъ онъ заниматься не въ состояніи. Читали мы съ нимъ исторію, много читали объ эпохѣ рыцарей, миннезенгеровъ, трубадуровъ и cours d'amour: это мнѣ нужно для экзаменовъ въ университетѣ; чрезъ недѣлю я начну сдавать ихъ. Мнѣ кажется, я хорошо приготовилась: N. мнѣ много въ этомъ помогъ. Мы съ нимъ на дняхъ читали „Разбойниковъ"; ту сцену, когда Карлъ возвращается и говоритъ съ Амаліею, N. читалъ по своему экземпляру Шиллера, а я по своему. N. очень хорошо прочиталъ ее... Николай пріѣхалъ сегодня къ обѣду. Онъ скоро переѣзжаетъ въ Петербургъ; бѣдненькій! у него до такой степени изнуренный видъ, что жалость смотрѣть: жена и трудъ совсѣмъ заѣдятъ его. Послѣ обѣда, Маша, чтобы не заснуть, просила, чтобы ей что нибудь почитали. Иванъ Павловичъ пошелъ въ свою библіотеку, и выбралъ, съ большаго то ума, Дневникъ лишняго человѣка. И такъ, съ нѣкотораго времени, Маша все говоритъ, что она ни на что и никому не нужна, пользы никакой не приноситъ... Мы всѣ сидѣли

въ маленькой гостиной, гдѣ Маша обыкновенно лежитъ на кушеткѣ. Николай началъ читать:

— Herz, mein Herz, warum so traurig? Was bekuemmert dich so sehr?... *) У Маши набѣжали слезы, и она немного отвернулась отъ насъ. Эта исторія человѣка, „лишняго въ мірѣ, человѣка сверхштатнаго, постоянно уходящаго въ себя, человѣка съ замочкомъ внутри, пятой лошади на пристяжкѣ“, чрезвычайно ее разстроила.

N. это замѣтилъ.

— Лишняго нѣтъ въ мірѣ, обратился онъ къ Машѣ: дѣятельность каждаго на что нибудь и кому нибудь годится.

Николай, кончивъ чтеніе, выразился желчно противъ несчастной способности людей смотрѣть на жизнь и ныть, вмѣсто того, чтобы дѣлать дѣло, которое лежитъ и залеживается подъ руками.

— Въ особенности женщины наши, продолжалъ онъ, заражены этою тоскою безъ причины, желаніемъ чего то, способностью вздыхать о чемъ то, а эту способность еще болѣе развиваютъ произведенія, какъ прочитанный сейчасъ „Дневникъ“. Что, кромѣ хандры, можно вынести изъ такого чтенія? Отъ него и здоровый человѣкъ заболѣетъ. Чайльдъ-Гарольдъ и французскіе романы сдѣлали нашихъ женъ и сестеръ безполезнѣе тряпки въ практической жизни, потому что тряпка все таки хоть на что нибудь годится.

Онъ говорилъ о необходимости для женщины сдѣ-

---

*) Сердце, мое сердце, отчего ты такъ печально? что тебя такъ сильно сокрушаетъ?

латься полезнѣе для семьи и общества, и говорилъ съ горечью, потому, вѣроятно, подумала я, что имѣлъ въ виду свою пустоголовую Анну, которая ни воспитать ребенка, ни заправить щей не умѣетъ, а все читаетъ Монтекристовъ, да Фоблазовъ.

Когда Николай уѣхалъ, мы пошли съ N. походить по саду. Прошли мы мимо его флигеля: ступени нашего крылечка освѣщала холоднымъ, бѣлымъ свѣтомъ, выступавшая изъ за дома луна. N. на дняхъ перебирается въ городъ.

— Пора, сказалъ онъ мнѣ: сезонъ мой конченъ. Я думаю на зиму поѣхать въ Германію: порученіе даютъ.

— Въ Германію? спросила я, обрадовавшись мысли увидѣть вмѣстѣ съ нимъ ученый край.

— Да. Нужно ѣхать, дитя мое.

— Подождите, если порученіе терпитъ, просила я.

— Подождать — чего?

— Пока я сдамъ экзаменъ въ университетѣ. Это отниметъ у васъ не болѣе двухъ недѣль. Я вѣдь, конечно, поѣду съ вами.

N. промолчалъ.

Мы шли медленно, рука объ руку. Въ саду ни шороха; лишь шаги наши хрустѣли слегка по песку аллеи. Молчаніе моего спутника вдругъ точно оледенило меня. Тишина кругомъ показалась мнѣ тишиною ужасною, и я вздрогнула, какъ бываетъ отъ страха въ лѣсу, въ темную ночь. Я сѣла на скамью. N. остановился.

— Я разумѣется поѣду съ вами! повторила я, съ цѣлью услышать хоть голосъ его въ этой безмолвной, почему то испугавшей меня, ночи.

— Нѣтъ. Надо отвыкать отъ васъ, проговорилъ онъ наконецъ, послѣ долгаго молчанія.

— Какъ нѣтъ? крикнула я. Да развѣ это возможно? Возможно ли для меня теперь оставаться въ прежнихъ условіяхъ жизни, состоять здѣсь при бальныхъ залахъ? Вы меня уже далеко отвели отъ этого міра.

— Какъ же вы со мною поѣдете? подумайте. Вся ваша жизнь однимъ этимъ отъѣздомъ исковеркается.

— А развѣ для меня еще есть жизнь внѣ той сферы, которую вы мнѣ создали?

— Я создалъ; она, слѣдовательно, есть; въ какой бы то ни было средѣ — она внутри васъ, я вамъ завѣщаю ее! сказалъ онъ.

— Но я пойду за вами! отвѣчала я на эти слова, въ которыхъ мнѣ послышалась гордость сознанія того, что онъ сдѣлалъ.

— Дитя мое! отвѣчалъ онъ; дѣти науки безукоризненно нравственны и чисты; жизнь ихъ должна быть безупречною во всѣхъ отношеніяхъ. Я и это завѣщаю вамъ; разбейте вашу жизнь, какъ щепку, а отъ принципа не отступите ни на шагъ.

— Отъ какого? что вы говорите? отъ того ли принципа, какой для насъ княгини сдѣлали, или отъ того нравственнаго закона, который признаютъ мой умъ и сердце? Согласитесь, что послѣдній неправильнымъ не можетъ быть, потому что я сама еще не порочна. А чистота жизни дѣтей науки въ томъ болѣе всего и должна выразиться, что они во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ всегда вѣрны себѣ. Не такъ ли?

— Если они вѣрны себѣ, то они гнутъ жизнь подъ принципъ, чего бы имъ это ни стоило, какъ и я гну,

какъ и я ломаю свою жизнь. Мнѣ, какъ вы думаете, легко уѣзжать отъ васъ?

— Хоть подождите немного... если можно, сказала я.

— Чего? спросилъ опять N.

— Не знаю... Отложите, хоть не надолго!

Руки у меня опускались.

N. тихо пошелъ къ флигелю.

Я встала и пошла за нимъ.

— Надо отвыкать отъ васъ, повторилъ онъ.

— Зачѣмъ? спросила я.

Но онъ пожалъ мою руку и взошелъ на крылечко.

Я собиралась, но такъ и не рѣшилась высказать ему, что безъ него я жизни не понимаю... что безъ него мнѣ нѣтъ и цѣли жить...

Дверь изъ сѣней за нимъ захлопнулась. Голуби на крышѣ вдругъ проснулись, встревожившись, и заворковали.

Я ушла опять въ садъ, въ ту же аллею, гдѣ мы сейчасъ ходили. Страхъ мой прошелъ. Не фиктивная, а дѣйствительная пустыня, ночь одиночества, безмолвіе полное, ждали меня на дняхъ. Я какъ будто Павла Ѳедоровича еще разъ хоронила и переживала.

Холодъ ночи дохнулъ мнѣ въ лицо. Холодъ и свѣтъ обдали горѣвшую мою голову. Въ окрестной тиши простонали гдѣ то ласковыя слова: дитя мое... и какъ бы не тѣ, что, четверть часа тому назадъ, сказалъ N., а... какъ будто тѣнь мелькнула предъ мною, тѣнь Павла Ѳедоровича... и я сдѣлала шагъ впередъ, протянула руки, хотѣла прильнуть къ ней, въ ужасѣ, съ тоскою и любовью... и вздрогнула безъ всякой причины, потому что кругомъ ни звука не слышалось, ни шелестъ вѣтерка не

колыхнулъ листьевъ... Ночь эта прошла, ужасная ночь! она меня измучила“.

Поздно уже пришла Вѣра изъ сада къ себѣ въ комнату, утомленная и продрогшая. Положила она руки на столъ, а голову на руки, и продолжала думать, конечно все объ N. Вспомнила она, какъ онъ часто цѣловалъ эти руки „дитяти“; стала она припоминать все, что знала и слышала о немъ прежде, стараясь отдѣлить въ анализѣ своемъ всякое личное и настоящее впечатлѣніе. Дрожь ее охватывала, а щеки горѣли, какъ въ огнѣ. Строго спрашивала она себя, имѣетъ ли основаніе признавать за N. право стоять на такой высотѣ, на какой онъ стоялъ до сихъ поръ въ ея глазахъ? И не могла не сознаться, что́ онъ на высотѣ этой стоялъ, въ общемъ мнѣніи, еще задолго до встрѣчи съ нею. Дѣйствительно, личность его была одна изъ такихъ, что взглядъ самый поверхностный, не могъ бы на ней не остановиться. Слыхала она, еще до знакомства съ нимъ, что N., получивъ наслѣдство отъ дальняго родственника, не успѣвшаго сдѣлать завѣщаніе, предоставилъ это богатство прямому наслѣднику, который не имѣлъ на него по закону права. Вѣра подумала, узнавъ объ этомъ, что иначе и поступить бы не могъ человѣкъ истинно честный, но знала уже, что далеко не всѣ такъ поступили бы въ кругу, гдѣ она жила; и нравилось ей то, что онъ не по принципу только стоикъ, но и въ жизни добровольно бѣденъ. Казалось ей часто, что онъ, закрывшись книгою, ничего въ мірѣ изъ за нея не видитъ, но когда онъ сталъ къ ней ближе, она убѣдилась, что онъ, „измученный и замученный“, по выраженію Александра, и въ книгу эту бѣжалъ собственно отъ жизни; она сказала

себѣ тогда, что потому, можетъ быть, въ немъ столько горечи, и потому именно онъ одинъ изъ тѣхъ, съ которымъ она наиболѣе имѣетъ общаго, къ которому она готова прильнуть съ сознательнымъ уваженіемъ и теплымъ чувствомъ преданности. Знала она, что онъ живетъ очень бѣдно, во флигелѣ одного большаго двора, въ верхнемъ этажѣ; случилось однажды, что она съ Машею подвезла его къ этой квартирѣ, и онѣ зашли къ нему: въ двухъ комнатахъ, составлявшихъ его квартиру, было холодно, неуютно, пыльно и темно... Онъ здѣсь работаетъ, пишетъ ученыя статьи: только этими средствами онъ и жилъ.

Да, N. былъ для нея олицетворенною наукою, но до тѣхъ поръ пока ей не открылся въ немъ человѣкъ, къ которому она день за день все болѣе привязывалась уже сознавая его ошибку относительно себя; а когда сознала въ себѣ эту привязанность, значеніе его уже было для нея такъ сильно, что ей и въ мысль не приходило отступить.

Она перебирала въ умѣ своемъ, съ самыхъ первыхъ дней знакомства съ N., всѣ ихъ разговоры и уроки въ маленькомъ кабинетѣ Маши. Объясняя ей философовъ, переносясь мыслью въ древность, имъ современную, онъ, проникнутый ихъ духомъ, рѣзко указывалъ на всякое уклоненіе отъ пути, достойнаго человѣка. Она слушала и слѣдила зорко, и въ ней не разъ шевельнулся неумолимый вопросъ:

— А такъ ли въ жизни его?

— Такъ, казалось ей: отшельникъ онъ, отдавшійся вполнѣ труду и нищетѣ, почти аскетической; онъ — стоицизмъ олицетворенный, врагъ всего общепринятаго, уставнаго, врагъ всѣхъ системъ, отъ которыхъ людямъ

душно; она одѣвала его мысленно въ дырявое рубище Діогена, и это ей не представлялось аномаліею. Такимъ она, мало по малу, узнавала его и конечно сочувствовала ему одному въ этомъ пошломъ кружкѣ.

Въ воспоминаніи ея прошли дни, въ которые N. дѣлился съ нею великими мечтами о радикальныхъ преобразованіяхъ всего существующаго; когда онъ желчно указывалъ на апатичность, на бездарность, тупѣющую отъ разврата и нѣги, уживающуюся безмятежно съ условіями быта невозможными; указывалъ съ сочувствіемъ на личности, создавшія себѣ болѣе человѣчный идеалъ общественнаго блага и павшія жертвами за дѣло истины, свободы и любви братской. Его презрѣніе и его симпатіи переливались ей въ сердце этою рѣчью шопотомъ... Шепталъ онъ ей любовно о силахъ народа, которыя, наконецъ, обновятъ обветшалое. Шепталъ о вѣковомъ гнетѣ, какой давилъ умы передовые... И неоцѣненно дорогъ ей былъ этотъ голосъ,—голосъ протеста, которому въ ней все искренно вторило.

И какъ любила она то, что, передавая ей свой взглядъ, создавая ей пониманія по своимъ, онъ видѣлъ въ ней не дитя, которое можно тѣшить и ласкать, а человѣка и стоика, себѣ равнаго, которому онъ съ любовью отдавалъ лучшіе свои помыслы!

Все, чѣмъ она стала среди вліяній подлаго своего пансіона и знатнаго дома дяди, она тѣмъ ему обязана. Всѣ возникавшія въ ней мысли, все новое, создаваемое имъ въ ней, она берегла для него же: она знала, что онъ любитъ работу ея мысли; что онъ ею живетъ, ею отдыхаетъ. Ей онъ единственно улыбается, — она это давно видѣла. И давно уже, когда она еще и не созна-

вала этого, жилъ съ нею неразлучно его образъ, то спокойно-сдержанный, съ рѣзкими, суровыми очертаніями, какимъ онъ былъ для всѣхъ, кромѣ ея; то вдохновенный, страшный отъ выраженія ненависти, страданія и энергіи, при сѣдинѣ этихъ грозныхъ бровей и желчнаго взгляда; то ласкающій ее мыслью, которую она читала въ мягкой улыбкѣ, ласкающій ее, какъ ребенка, какъ „дитя“, какъ самое дорогое, что у него осталось отъ жизни...

„Голова на столько работающая, нервность на столько болѣзненная—это такія условія, при которыхъ человѣкъ переживаетъ жизнь въ двадцать разъ болѣе другаго! думала Вѣра. И не долженъ онъ переживать ее одинъ. Это невозможно, рѣшила она. Его, вѣроятно, стѣсняетъ вопросъ денежный; но какъ будто я могу стоить ему хоть копѣйку? Четыре листа въ мѣсяцъ перевода англійскаго романа, — по двадцати рублей — это цѣлое состояніе! Николай получаетъ меньше этого. Я, кромѣ того, возьму съ собою свой дипломъ, и гдѣ бы мы ни были съ нимъ, стану давать уроки, жить своими средствами; еще и ему буду помогать... Выводы у насъ съ нимъ, можетъ быть, не одни. Но я на свое сердце надѣюсь сильно!.. Лишь бы вмѣстѣ быть: оно разубѣдитъ его“.

Въ виду этого, Вѣра рѣшила какъ можно болѣе торопиться съ экзаменомъ, и на слѣдующее же утро, еще до завтрака, не видавшись съ N., уѣхала въ пансіонъ— узнать и переговорить о днѣ, въ который можно будетъ отправиться въ университетъ. Оказалось, что чрезъ нѣсколько дней, въ первую же субботу; изъ ея подругъ въ старшемъ классѣ ѣхали, вмѣстѣ съ нею, Магетта и еще одна, Людмилла Герасимова. Онѣ дрожали заранѣе

при мысли объ экзаменѣ: въ самомъ дѣлѣ, какъ ни мало требовалось отъ будущей воспитательницы, по увѣренію всѣхъ, — дѣвочки знали вообще такъ мало и все такъ поверхностно!.. Наставники ободряли ихъ, убѣждали въ томъ, что никакого сомнѣнія быть не можетъ въ блестящемъ окончаніи такого удачнаго курса наукъ, что изъ ихъ пансіона не бывало и примѣра неуспѣха! И вотъ съ замираніемъ сердца встрѣтили извѣстную субботу кандидатки на ученую степень.

Магетту, Вѣру и Людмиллу, одѣтыхъ въ новыя форменныя платья, причесанныхъ къ лицу и въ косу, отправляли съ Жозефиною Пико; сама Маргарита Альбертовна провожала ихъ, благословляла, совѣтовала только не робѣть предъ торжественною минутою (en face du grand moment, du moment solennel)! Подруги бѣжали за ними, ахали, крестили. Усадили ихъ въ карету, завезли къ Иверской, отслужили молебенъ, и всѣ эти приготовленія подѣйствовали такъ, что, при входѣ въ одну изъ залъ университета, имъ сдѣлалось почти дурно. Лекторъ П. встрѣтилъ ихъ, взглянулъ на бумаги, прошенія и метрики, и провелъ въ залу, гдѣ, въ концѣ длиннаго стола, покрытаго краснымъ сукномъ, сидѣлъ ректоръ, къ которому П. и направилъ ихъ съ бумагами. Онѣ подходили одна за другою, подавая ему свои свидѣтельства; онъ просматривалъ ихъ и откладывалъ въ сторону. Вмѣстѣ съ ними, подходило много другихъ, мужчинъ и дамъ, и старыхъ, и очень молоденькихъ, почти дѣвочекъ, изъ пансіоновъ, какъ и онѣ, только въ мундирахъ другаго цвѣта.

Экзаменующихся было много. По правую руку рек-

тора сидѣлъ господинъ, къ которому онъ обратился съ словами:

— Вы свободны? не угодно ли вамъ заняться?

Г. спросилъ билеты... Вѣра вынула. „О Жуковскомъ“, стояло на ея билетѣ.

— Напишите сочиненіе, сказалъ онъ ей.

Всѣмъ тремъ дали билеты, и пригласили ихъ къ этому красному столу, за которымъ многіе писали также сочиненія или отвѣчали профессорамъ. Вѣра сѣла писать.

„Только то?“ думала она, „ничего нѣтъ страшнаго!“ Изъ „Жуковскаго“ она помнила Ундину, и знала нѣкоторые изъ его переводовъ, въ томъ числѣ Рыцаря Тоггенбурга. На переводахъ она и остановилась преимущественно, указывая на близость ихъ съ подлинникомъ и на вѣрность при передачѣ мысли. Ни малѣйшаго смущенія она не чувствовала: мало ли о чемъ приходилось говорить въ пансіонѣ и писать о еще менѣе знакомомъ? По совѣту Маргариты Альбертовны, слѣдовало только не робѣть!

Окончивъ сочиненіе, она не знала къ кому обратиться, потому что всѣ были заняты. П., экзаменовавшій изъ французской словесности, замѣтилъ это, и, пока кончалъ испытаніе съ другою дамою, задалъ ей сочиненіе самъ, безъ билета: „l'histoire de la littérature française, depuis les troubadours jusqu'à nos jours *).

Вѣра написала вкратцѣ,—на двухъ слишкомъ листахъ, П. прочиталъ, поставилъ нѣсколько запятыхъ, и сказалъ:

---

*) Исторію французской литературы, со временъ трубадуровъ по настоящій вѣкъ.

*

— Очень хорошо! послѣ этого о чемъ же васъ спрашивать?

Однакожъ, онъ попросилъ сказать стихи; она сказала „Осень“, Ламартина; сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ о періодѣ и предложеніи, потомъ росписался на листѣ, гдѣ означались отмѣтки; и экзаменъ изъ французскаго языка и словесности былъ конченъ! Какъ, не страшнѣе этого? „Pas plus malin que ça?“ какъ говоритъ Маргарита Альбертовна, откусывая бѣлымъ, вставнымъ зубомъ маленькій кончикъ ногтя.

П. оглянулся: кто изъ профессоровъ былъ не занятъ? и, увидѣвъ профессора математики, подвелъ Вѣру къ нему.

Какъ наука, требующая соображенія, а не воображенія, математика сильно хромала въ пансіонѣ. Ни въ одномъ изъ отдѣленій, чрезъ которыя Вѣра переходила, дѣвочки не могли съ нею ладить. Въ послѣднемъ классѣ, нѣмецъ, преподававшій ее, не позволялъ рѣшать задачи письменно: при видѣ написанной имъ самимъ на доскѣ задачи, головы цѣлаго класса поднимались къ потолку, какъ бы въ ожиданіи вдохновенія; двѣ или три головы исполнялись имъ, и отвѣчали на вопросъ; другія все еще оставались въ ожиданіи, какъ уже слѣдовала другая задача и т. д.

Вѣра была постоянно изъ числа тѣхъ, которыя долго и безплодно смотрѣли на потолокъ.... Она, однакожъ, успѣла подготовиться; ей помогъ N. въ послѣдніе лѣтніе мѣсяцы.

Ей написали нѣсколько задачъ. Она задумалась надъ листомъ, но въ эту минуту пробило два часа; ректоръ всталъ, всѣ въ залѣ также, и продолженіе экзамена отложено до будущей субботы. Вѣра успѣла списать задачи,

и спрятать ихъ въ карманъ, чтобы сдѣлать дома: ей сказали, что такъ дѣлалось.

По выходѣ изъ залы, онѣ какъ будто вдругъ выросли цѣлою головою! Дома онѣ, всѣ вмѣстѣ, начали разсказывать съ кѣмъ кончили, что написали; Людмилла слышала, какъ одинъ изъ профессоровъ отослалъ молоденькую дѣвочку домой: „подите-ка еще поучитесь, сударыня, и приходите субботы черезъ три!“ сказалъ онъ ей рѣзко. Магетта привезла съ собой русское сочиненіе, чтобы приготовить его дома съ учителемъ. Людмилла кончила экзаменъ изъ исторіи: спросили у нея современниковъ Лудовика Святаго во всѣхъ государствахъ, и она замялась. Потомъ спросили, какія самыя хлѣбородныя губерніи въ Россіи. Она назвала нѣкоторыя наудачу; ее поправляли нѣсколько разъ, и въ отзывѣ написали порядочно.

Разсказамъ и конца не предвидѣлось, еслибы не пріостановилъ ихъ пріѣздъ семейства родственниковъ Маргариты Альбертовны. М-г Луи угощалъ въ этотъ день мороженнымъ; Вѣра старалась какъ можно скорѣе все это кончить и ѣхать на дачу. Но m-r Луи, когда угощалъ, угощалъ великолѣпно, и Вѣра не могла вырваться ранѣе вечера.

Уѣзжая съ сестрою, она сказала, что Соня пріѣдетъ по обыкновенію въ понедѣльникъ утромъ; она же—станетъ готовиться дома, и будетъ въ пансіонъ лишь въ пятницу, на ночь, наканунѣ экзамена.

Это было ей разрѣшено, и она въ радости уѣхала.

N. и Маша ждали ее съ нетерпѣніемъ. Она принялась еще разъ разсказывать, какъ и что было. Дядя, тетка, Алексѣй, Иванъ Павловичъ поздравили ее, но чувствовалось, что радость ихъ была весьма умѣренною.

Вся недѣля прошла такъ, какъ будто никакого разговора о поѣздкѣ въ Германію никогда и не было между Вѣрою и ея учителемъ. Она читала ему и готовилась къ субботѣ, и никакого, ни малѣйшаго страха за будущее въ умѣ ея не существовало: N. былъ болѣе чѣмъ когда либо ласковъ и внимателенъ, и Вѣра была убѣждена, что доводы сердца одержатъ верхъ надъ какими бы то ни было препятствіями къ поѣздкѣ вмѣстѣ.

Въ слѣдующую затѣмъ субботу, Вѣра писала въ университетѣ на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе: „Ueber die Minnesaenger". *); на англійскомъ разборъ Бульвера „Night and Morning". **) Вообще, по прочтеніи сочиненія, если оно было удовлетворительно, профессоръ ограничивался нѣсколькими вопросами, и расписывался на листѣ, что свѣдѣнія оказала хорошія или очень хорошія. На русскомъ языкѣ Вѣра читала пробную лекцію! О чемъ это? какъ? что же она прочитаетъ? всполохнулись у нея въ головѣ вопросы, когда ей заявили такое требованіе. О глаголѣ, отвѣчали ей. И она разсказала о глаголѣ все, что вызубрила изъ грамматики Греча. Изъ географіи и исторіи у нея спросили о городахъ на Волгѣ, на Рейнѣ и на Сенѣ; о горахъ Сибири и Китая; о Валленштейнѣ и о причинахъ тридцатилѣтней войны, о Лудовикѣ XIV, Екатеринѣ II и Бернадоттѣ. Все это она разсказала, профессоръ подписалъ и—все кончилось! Курсъ наукъ, экзаменъ, Маргарита Альбертовна, багошки—все это уже прошлое, или почти прошлое, такъ какъ еще придется разставаться съ ними, и скорѣе, скорѣе на новую дорогу! Куда? Dahin! dahin!...

*) Миннезенгеры, пѣвцы любви.

**) Ночь и утро (тма и разсвѣтъ).

Заключили все это прошлое благодарственнымъ молебномъ Иверской Божіей Матери, за Ея заступничество въ такомъ дѣлѣ, на которое Маргарита Альбертовна отправляла буквально на авось. И получили онѣ патенты на пергаментѣ, съ гербомъ и за подписью попечителя московскаго учебнаго округа. Патенты эти гласили, что такія то дѣвицы, въ нихъ поименованныя, знаютъ очень хорошо означенные курсивомъ предметы, и бдительные родители могутъ не безпокоиться касательно дѣтей, которымъ станетъ передаваться ученость вышеписанныхъ дѣвицъ. Спасибо вамъ, Маргарита Альбертовна съ компаніею!

Маргарита Альбертовна вписала имена трехъ этихъ увѣнчанныхъ лаврами дѣвицъ въ особую книгу, въ которую вписывались исключительно такія увѣнчанныя имена. Когда это было сдѣлано, то она, обращаясь къ нимъ, начала было:

— Mes chères enfants! vous allez entrevoir ce monde qui vous est inconnu...

— (Мои милыя дѣти! вы скоро увидите свѣтъ, незнакомый вамъ...)

— Перестаньте, ради Бога! шепнулъ ей г. Луи, подавая каждой изъ нихъ по красивому ящичку съ конфектами.

Вѣра стала прощаться съ подругами, которыя, одна за другою, спѣшили написать нѣсколько строкъ въ ея альбомѣ.

— Ты уже наглухо, совсѣмъ уже прощаешься? спрашивали онѣ, цѣлуя ее.

— Какъ же можно наглухо? отвѣчала она; у меня вѣдь тутъ еще Соня. Пока я здѣсь, я каждый день буду пріѣзжать.

Опять пока я здѣсь!... Эта мысль не покидала ее.

Написала она къ тетушкѣ Софьѣ Ѳедоровнѣ и къ дядямъ, въ особенности къ дядѣ Льву, благодаря ихъ, и прося не оставлять Соню, пока она сама не будетъ въ состояніи что либо для нея сдѣлать.

Вещи ея были уже перевезены на городскую квартиру тетушки. Съ дачи всѣ переѣхали, и Маша, и N. . .

. . . . . .

Николай собирается въ Петербургъ. Мелкій осенній дождь дробится объ окошечко его тѣснаго кабинета. Николай на службѣ. Вѣра, засучивъ рукава, съ утра укладываетъ въ чемоданъ его книги и бумаги. Анна, въ грязномъ капотѣ, укладывается тоже, и не велѣла никого принимать. Гриша и младшій его братишка, Митя, играютъ съ нянькою въ дѣтской. Вѣра часа два уже какъ убираетъ книги, стираетъ съ нихъ пыль, и откладываетъ въ сторону то, что должно пойти въ сундукъ. Чемоданъ ея почти готовъ.

Раздался звонокъ. Кухарка выбѣжала и объявляетъ, что никого нѣтъ дома.

— И Вѣры Петровны нѣтъ? спрашиваетъ голосъ, который Вѣра не можетъ не узнать.

— Я дома! дома! войдите! говоритъ она весело.

Входитъ N.

— Свари поскорѣе кофе, принеси сливокъ и булочекъ, шепчетъ Вѣра наскоро Аксиньѣ, подавая ей монетку, когда кухарка уже выходитъ изъ передней въ корридоръ.

Вѣра, опроставъ уголъ дивана, спросивъ съ него кучу платья, усаживаетъ гостя. Послѣ того, она въ радости протягиваетъ ему руку.

Руку эту онъ оставилъ въ своей, и, крѣпко сжимая ее, началъ:

— Ну, вотъ, другъ мой, я и въ путь! сегодня же ѣду. Прощайте!

Онъ при этомъ опустилъ глаза, въ которые она прямо смотрѣла. Она видѣла N. наканунѣ, и объ отъѣздѣ этомъ ничего не слыхала отъ него. Выслушавъ это прощайте, Вѣра долго молчала. Взглядъ ея, не покидавшій его лица, выражалъ гнѣвное недоумѣніе.

Вынося его съ трудомъ, N. продолжалъ:

— Съ моимъ отъѣздомъ многое въ вашей жизни измѣнится, т. е. начнется жизнь почти новая, и многое вамъ тяжело будетъ, я это знаю; но знаю также и то, что вы станете продолжать свои занятія, и нѣкоторыя непріятности облегчитъ для васъ убѣжденіе, что трудъ осмысленный, съ сознательною цѣлью—трудъ единственно достойный назначенія человѣка—ставитъ васъ въ независимое отъ вашихъ родственниковъ положеніе. Отъ привычки къ комфорту надобно бы отдѣлаться: ничто такъ не возвышаетъ духа, какъ добровольное убожество. Я это знаю. Я для того многое... я все бросилъ... Ломать себя и побѣждать—первый долгъ человѣка мыслящаго. Можетъ быть вамъ, въ первыя минуты, въ минуты горечи придется сказать себѣ, что это нелѣпость, но со временемъ вы не кинете въ меня камнемъ; я и въ этомъ убѣжденъ. Я вижу васъ въ будущемъ: вы выростете такъ, что я васъ скоро и не узнаю.

Она все сдерживала и гнѣвъ свой, и душившія ея слезы. У нея срывалось съ языка:

„Я васъ не уважаю за сухость сердца. Я, какъ человѣкъ любящій, готовъ простить ошибку, но непогрѣ-

шимость ваша мнѣ противна. И ваша проповѣдь не нужна мнѣ".

Но въ мысли ея промелькнули года, которые онъ ей отдалъ, цѣлые дни труда, посвященнаго спасенію ея отъ тоски и пустоты, и она, передъ совѣстью своею, не смѣла себѣ позволить жесткихъ словъ, вызываемыхъ его поступкомъ.

— Вы что тамъ будете дѣлать? спросила она, насколько было возможно спокойнымъ голосомъ.

— Тамъ, какъ здѣсь, отвѣчалъ N., принимаясь за кофе, который подала ему Вѣра, жизнь моя будетъ все та же: перемѣнятся лишь природа, да стѣны.

— У васъ есть тамъ знакомые или друзья, кажется, вы говорили. Вы слѣдовательно не будете совсѣмъ въ одиночествѣ, продолжала она.

— И здѣсь есть и знакомые и, такъ называемые, друзья, отвѣчалъ N.; но, при всемъ этомъ, я одинъ, всегда и вездѣ.

Чрезъ минуту однакожъ тонъ его измѣнился:

— Нѣтъ, здѣсь не одинъ я былъ! и тамъ мысль, дорогая мнѣ, вашъ прекрасный обликъ, пріютится со мною въ одинокихъ стѣнахъ. Дитя мое! я долго не рѣшался понимать васъ,—мнѣ казалось невозможнымъ то, что я открывалъ въ васъ постепенно... Столько силы и столько теплоты!.. Дитя мое! — такъ я назвалъ васъ, когда почувствовалъ, что принялъ васъ всю въ свое уединившееся сердце, принялъ васъ съ горемъ и отрадою! дитя мое, что значитъ стоицизмъ, который мы считаемъ выработаннымъ и упрочившимся въ себѣ? Это тотъ же парадоксъ, которымъ мечетъ Осипъ Ивановичъ. Но не должно это такъ быть! не вините вы меня въ невѣрности

себѣ: я ли не проповѣдывалъ вамъ, и теоріею и жизнію, о необходимости отрѣшить духъ отъ всѣхъ дѣлъ, заботъ, страстей, ради служенія наукѣ? и я ли не палъ передъ собою, передъ вами, передъ суровымъ идеаломъ монашества? Но я это искупаю. Я властенъ и надъ духомъ и надъ тѣломъ моимъ! И винюсь я предъ вами въ томъ, что сѣдая голова моя, какъ голова юноши, ласкала неисполнимую мечту. Что же дѣлать? вы посѣтили меня какъ теплый лучъ солнца; явились мнѣ, какъ идеалъ, который создавался во мнѣ десятками лѣтъ, идеалъ воплотился, вы поселились въ моемъ скудномъ мірѣ и — какъ я разбогатѣлъ, тогда! Но, дитя мое, слишкомъ я богатъ сталъ; я привыкъ къ нищетѣ; вы мнѣ мѣшаете.. мѣшаете — и.. я бѣгу отъ васъ, чтобы остаться послѣдовательнымъ.

— Я вамъ не вѣрю, сказала она холодно: еслибы я дѣйствительно была дорога вамъ, какъ вы говорите, для васъ сдѣлалось бы необходимостью быть всегда со мною. Я вамъ мѣшать не могла бы. Я, видите ли, ни мало не виню васъ въ томъ, что теорія ваша опрокинулась: если это такъ случилось, значитъ, случилось по естественнымъ логическимъ законамъ. Значитъ, теорія ваша была теорія невѣрная, — и я была счастлива.. а виню я васъ единственно въ томъ, что вы уходите изъ моего міра. Вы сами міръ этотъ создали, и сами же его теперь разбиваете.

Голосъ ея задрожалъ; красныя пятна выступили на лицѣ. Но она продолжала, не спуская съ него глубоко печальныхъ глазъ:

— Жизнь, какъ она мнѣ кажется, далеко не кабинетное представленіе; она не безсмысленная наука о пу-

тяхъ и результатахъ мышленія, не сухая схоластика. Жизнь хороша, какъ обладаніе сокровищемъ. Сокровище это — тѣ силы, какія мы сознаемъ въ себѣ; въ приложеніи ихъ вся отрада жизни. Что за нужда—къ чему? лишь бы къ полезной дѣятельности! — къ десятинѣ ли земли, къ статьѣ ли для васъ... Въ самомъ процессѣ этой работы — жизнь, т. е. удовлетворяющее меня выраженіе моей идеи. Я ненавижу умствованіе, ради умствованія; но отдать всю жизнь цѣли осмысленной, кажется мнѣ великимъ благомъ. Я не аскетъ; я люблю жизнь; люблю тѣ силы, которыя мнѣ даны на примѣненіе ихъ къ тому, что умъ и сердце признаютъ своимъ! я въ васъ видѣла и цѣль и благо моей жизни... зачѣмъ вы у меня все отнимаете? Что же вы дѣлаете со мною?... Возьмите — ахъ, возьмите меня съ собою, куда бы вы ни ѣхали!.. зарыдала она.

— Не знаетъ чего проситъ дитя, отвѣчалъ N. И Вѣра почувствовала ласковое прикосновеніе его руки къ своей головѣ. Монахъ, скажутъ, вѣкъ ребенка заѣлъ... Чистую назовутъ порочною...

— Все равно заѣлъ... такъ или иначе... это уже сдѣлано. Только теперь этого никто не скажетъ. А на совѣсти у васъ все таки навсегда останется „заѣлъ“, отвѣчала она.

Рука его дрогнула на ея волосахъ. Онъ отклонилъ слегка ея голову назадъ, и взглянулъ прямо въ это лицо, облитое слезами.

— Пишите мнѣ всѣ мысли, сказалъ онъ вставая. Каждая изъ нихъ моя, по праву: ни одной никому не давайте. Да? Такъ?

Она сидѣла; онъ ласково поднималъ ее.

— Нѣтъ. Писать не буду, отвѣчала она. Нечего. Наши взгляды діаметрально расходятся. Но это то мнѣ и больно, прибавила она, рыдая еще сильнѣе.

Онъ притянулъ ее ближе, положилъ ея голову къ себѣ на грудь, обнялъ ее горячо и нѣжно.

— Дитя мое дорогое! сказалъ N. почти шопотомъ.

Голосъ его оборвался.

Вѣра быстро взглянула: изъ старческихъ глазъ его текли слезы.

Она встрепенулась отъ надежды: „что если онъ этими слезами разстается съ своею теоріею, которая ихъ разлучаетъ единственно?“ — Вся любовь одинокаго сердца, никогда ему не высказывавшаяся, все счастіе этой минутной надежды, охватили мысль Вѣры. И страстно, и довѣрчиво, и въ такомъ порывѣ отчаянія, какъ будто это былъ послѣдній моментъ дорогой ей жизни, прижалась она къ нему.

— О, не насилуйте себя! вскрикнула она. На что? зачѣмъ? во имя чего? Вѣрьте себѣ. Вѣрьте этимъ слезамъ: ихъ требованіе законное; и какъ неразумно, ни на чемъ не основано это сокрушеніе обо мнѣ, о томъ что́ скажутъ! Все равно вѣдь: всѣ помыслы мои взяли... давно уже... жизнь идетъ въ придачу. Что бы тамъ ни было, о, не ломайте себя, возьмите жизнь мою... возьмите: я безъ васъ живой мертвецъ! молила она, обнимая его, прижимаясь къ его груди.

Онъ смотрѣлъ сквозь слезы въ глаза ея, въ лицо, полное энергической рѣшимости, любви и горя... Она его просила, повторяя почти безсознательно все одни и и тѣ же слова. Вмѣсто отвѣта, N. отрицательно покачалъ головою.

— Лишь инерціи не допускайте въ душу, дитя мое! сказалъ онъ, наконецъ; лишь живымъ мертвецомъ не будьте! А то не все ли равно что бы васъ ни поднимало надъ стоячимъ уровнемъ: радость ли, ненависть ли, или такое страданіе какъ наше? успокоивалъ N. это любящее сердце.

Вѣра отшатнулась отъ него; слезы ея вдругъ высохли, и сердце сжалось... Суше онѣгинской проповѣди выразился стоицизмъ его въ минуту такой разлуки.

— И Brinvilliers и Мессалина выдвинулись надъ „стоячимъ уровнемъ"... прошептала она, отвертываясь; и при этомъ глаза ея сверкнули холоднымъ, металлическимъ отливомъ.

Рука стараго друга пожала въ это время несогнувшуюся руку Вѣры; сказала она ему, наконецъ, слово: „прощайте", казавшееся ей, еще минутъ пять назадъ, такимъ тяжелымъ; дверь за нимъ заперлась.

Снѣгъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ, застоналъ, стучась въ окно. Вѣра не слыхала его. Вихрь мыслей кружился въ ея бѣдной головѣ. Едва прикрывшись, сбѣжала она съ лѣстницы, и очутилась въ первый разъ въ ненастье и холодную вьюгу одна на городскихъ улицахъ. Извощикъ потащилъ ее безжалостно-медленно до николаевской дороги. Не смотря на все, что она ему сулила, у лошаденки его хватило физической возможности дотащить ее лишь къ тому времени, когда отъѣзжающіе или усаживались или сидѣли уже въ вагонахъ. И Вѣра, прячась за толпу, увидѣла N. въ профиль у окна кареты... И тутъ же тронулся тяжелый поѣздъ...

Когда она еще спѣшила на николаевскую дорогу, у нея промелькнуло въ мысли: зачѣмъ хочетъ она еще разъ увидѣть N? И ей почудилось, что она чего то еще не

досказала ему. И онъ, какъ будто, послѣдняго слова своего не сказалъ. Когда же пріѣхала, то это ей до такой степени показалось лишнимъ, что она поскорѣе спряталась за другихъ провожавшихъ.

Потащилась она назадъ; увидѣла у подъѣзда квартиры брата карету Ивана Павловича, и машинально пересѣла въ нее. Лицо ея такъ горѣло, что тетушка, по возвращеніи Вѣры къ обѣду, вскрикнула привѣтливо:

— Ma chère enfant, quelles belles couleurs! (Милое дитя мое, какая румяненькая!)

И потрепала ее по этой румяной щечкѣ.

Въ этотъ день Иванъ Павловичъ былъ въ радости: пріѣхалъ въ отпускъ и поселился у него одинъ изъ его родственниковъ, бывшій товарищъ по корпусу, Платонъ Ивановичъ Бубновъ. Иванъ Павловичъ былъ очень друженъ съ нимъ въ дѣтствѣ, и съ тѣхъ поръ не видался. Платонъ Ивановичъ былъ выпущенъ въ армію. Иванъ Павловичъ пошелъ блестящею дорогою въ гору. Бубновъ стоялъ съ полкомъ въ одномъ польскомъ мѣстечкѣ; братъ Николай служилъ въ этомъ же полку, и пріѣзду гостя тоже, казалось, былъ радъ. Вѣра застала его уже у Маши. Иванъ Павловичъ припоминалъ съ восхищеніемъ разныя кадетскія продѣлки. Платонъ Ивановичъ припоминалъ другія, отпуская при этомъ множество армейскихъ остротъ, иногда даже высказывая ихъ старому товарищу на ухо, какъ невыразимыя при дамахъ. Иванъ Павловичъ потѣшался ими отъ души. И Николай повеселѣлъ на время.

Маша лежала.

Иванъ Павловичъ пожаловался шутливо на хворость жены и сказалъ, что доктора посылаютъ ее на зиму на югъ Франціи.

— Поѣдемъ, если Вѣра поѣдетъ съ нами, улыбнувшись отвѣчала Маша. Я безъ нея не хочу умирать.

Вѣра промолчала. Она двигалась какъ автоматъ; голоса, хохотъ и рѣчи сливались въ ушахъ ея въ одинъ безсвязный шумъ.

Бубновъ все отпускалъ шуточки, прислуживаясь за обѣдомъ въ особенности къ Вѣрѣ. Ей казалось, что всѣ какъ-то необыкновенно громко смѣются за этимъ обѣдомъ. Въ глазахъ у нея рябило; она механически улыбалась на любезности, которыя расточалъ Платонъ Ивановичъ, и жалѣла, что не пришло ей на мысль обѣдать вдвоемъ съ Машею.

Когда она пришла къ ней послѣ обѣда, Маша взяла ее за руку и удивилась:

— У тебя жаръ, Вѣрочка,—что съ тобою?

— Очень голова болитъ, Маша, я домой поѣхала бы: мнѣ такъ тяжелъ этотъ говоръ!

Маша тотчасъ позвонила и велѣла закладывать.

Внимательно посмотрѣла она затѣмъ на Вѣру.

— N. пріѣзжалъ сегодня рано со мною проститься. Я его послала къ Николаю. Былъ онъ у тебя? спросила она.

— Былъ. Простились, отвѣчала Вѣра.

Оглянувшись, Маша вынула изъ подъ подушки толстый пакетъ съ ассигнаціями.

— Передай это Николаю, шепнула она.

— О, Маша, какъ это его сконфузитъ! замѣтила Вѣра.

— А ты сдѣлай такъ, чтобы онъ не сконфузился и принялъ. Нужда у нихъ сильная. Въ Петербургѣ еще больше будетъ... А мнѣ на что? Это мои туалетныя деньги; я все лѣто откладывала ихъ.

Вѣра исполнила это порученіе какъ только могла лучше и поспѣшила уѣхать домой. Она старалась ни о чемъ не думать: она пугалась пустоты, которая вдругъ какъ будто сдѣлалась кругомъ ея, и надѣялась скоро заснуть.

Но когда легла, голова у нея закружилась; завертѣлись въ глазахъ красные круги...

„Что это? заметалась она: вьюга? или каминъ горитъ?.. нѣтъ: это Павла Ѳедоровича хоронятъ — со святыми упокой поютъ.... День майскій.... солнце; нѣтъ, мятель. N. уѣзжаетъ... поѣздъ свиститъ... Земля мерзлая... въ ней Елена Петровна лежитъ. Степь кругомъ — ни души, ни голоса... „Не оставлю васъ сиротами: пріиду къ вамъ“, Маша читаетъ... Нѣтъ. Никого нѣтъ! Неужели же это бредъ горячки? Не хочу, не хочу!... вѣдь не умрешь“, думала она въ полусознаніи.

Она встала; безъ помощи горничной привязала себѣ къ ногамъ горчицу, покрыла голову полотенцемъ съ холодною водою, но всю ночь не могла сомкнуть глазъ. Поутру она въ жару поднялась; налила по обыкновенію чаю дядѣ и брату, и легла опять, все перемѣняя холодныя полотенца и пересиливая болѣзнь. Мысль ея остановилась на неясномъ сознаніи, что случилось съ нею что-то такое невозможное, чего она перенести не въ силахъ, и непремѣнно, непремѣнно она должна что нибудь съ собою подѣлать; оставаться же жить у тетки по прежнему и видѣть все тѣ же лица, въ присутствіи которыхъ вырабатывался этотъ процессъ побѣды стоицизма надъ человѣкомъ, ей казалось выше всякихъ нравственныхъ силъ. Она ни на чемъ не могла еще остановиться, потому что ясное сознаніе часто путалось съ

бредомъ, и передъ нею начинало мелькать холодное тѣло—ея тѣло—въ образѣ утопленницы, или представлялась глубокая, черная яма, въ которую толкалъ ее N.

Часа въ четыре, Вѣра спала глубокимъ сномъ, когда въ комнату ея вошла тетушка, веселая, миловидная, какъ всегда, и уже изящно наряженная къ обѣду.

— Ты что? нездорова? спросила она. Я уже входила, но ты спала.

— Голова что-то болитъ.

— А я къ тебѣ съ хорошею вѣстью: за тебя сватается женихъ. Платонъ Ивановичъ въ тебя по уши влюбился, и проситъ, молитъ, чтобы я поскорѣе съ тобою переговорила... Ему отпускъ недолгій, да и мясоѣда всего три недѣли осталось. Пока ты спала, онъ размечтался: какъ бы до поста и дѣло-то все уладить! Онъ, Вѣра, съ хорошимъ состояніемъ человѣкъ, и отъ полка большой имѣетъ кромѣ того доходъ. И славный онъ, Вѣра, любить какъ будетъ!

— Ну, что же... сказала Вѣра. Вотъ и яма черная, въ которую N. толкаетъ; ну, что же? пожалуй: никому я не нужна, добавила она мысленно.

— Разумѣется! живо согласилась съ нею обрадованная тетушка. Чего же тебѣ ждать? Да и какого жениха еще лучше?

И мигомъ вылетѣла изъ спальни Вѣры.

Не прошло двухъ минутъ, какъ походка ея послышалась снова, въ сопровожденіи тяжелыхъ мужскихъ шаговъ со шпорами. Но Платонъ Ивановичъ вошелъ одинъ: тетушка поручила ему самому устроивать будущую свою судьбу.

Вѣра, смутившись, привстала на диванѣ: на постелѣ,

на креслахъ разложены были юпки и платье Вѣры, разныя другія вещи лежали приготовленными для ея туалета къ обѣду. Она сама лежала въ капотѣ. Ей стало крайне непріятно, что Платона Ивановича впустили туда, куда онъ никогда входить не осмѣливался.

— Я сейчасъ пришла бы... Здѣсь ничего не убрано, слабо проговорила она.

— Ничего-съ, ничего-съ! не извольте безпокоиться! зачастилъ Платонъ Ивановичъ: свой человѣкъ-съ ха! ха! ха! свой-съ, не чужой кто вошелъ! успокоивалъ онъ ее, пригнувъ слегка голову ея опять къ подушкѣ, и взявъ ея руку въ свои обѣ. Тетушка ваша, Екатерина Петровна, мнѣ радость большую сообщила: согласіе ваше, кралечка моя, голубушка, Вѣра Петровна! Да-съ! ха! ха! ха! Какъ мнѣ благодарить то васъ? уже и не знаю, право! Богу на васъ молиться готовъ: не знаете вы меня, а довѣряете! Но, Богу вѣрьте, не раскаетесь, что осчастливить меня рѣшились: я весь тутъ какъ есть, сама прямота передъ вами, вся душа на ладонкѣ, что называется! и васъ я, кралечка вы моя, Вѣра Петровна, слету можно сказать, съ глазомѣру, съ перваго вашего словечка, что вы ступили, то я васъ и облюбовалъ, ей Богу, передъ Богомъ такъ! У меня глазъ вѣрный на этотъ счетъ... Не ошибусь я: человѣка хорошаго беру! Глазъ вѣрный у меня; это, передъ Богомъ, такъ; это уже будьте покойны. И заживемъ мы съ вами, припѣваючи, кралечка вы моя: полковою важною такою дамою будете! деревеньку я еще прикупаю. Все какъ слѣдуетъ; въ порядокъ мы жизнь свою совершенный поставимъ! Передъ Богомъ, такъ. Лошадки у меня важныя. Колясочка, домикъ славный! Дѣтокъ заведемъ...

*

хе! хе! хе! радовался онъ. Какое мнѣ благополучіе Екатерина Петровна, голубушка моя, устроила!

Вѣрѣ показался чрезвычайно страннымъ тотъ фактъ, что человѣкъ этотъ пріѣхалъ въ тотъ самый моментъ, какъ N. уѣхалъ, и фактъ этотъ, въ воспаленной головѣ ея, принялъ все значеніе внутренней между собою связи: N. его послалъ погубить меня, для того такъ и уѣхалъ вдругъ, чтобы не видѣть, какъ это будетъ приводиться въ исполненіе, промелькнуло у нея въ мозгу, и первою ея мыслью было—выгнать этого человѣка, отдалить отъ себя опасность; но для борьбы оказалось такъ мало силъ физическихъ, что она пассивно молчала: „ну, что бы ни было, не все ли мнѣ равно?“ заключила она мысленно.

И принялась разсматривать Платона Ивановича, ликовавшаго, и шумно повертывавшагося по комнатѣ. Онъ былъ невысокій, довольно тучный блондинъ. Красноватое и пухлое лице его отличалось хитрыми, узкими глазами и длиннѣйшими усами, спускавшимися на грудь. Пристукивая каблуками, перепархивалъ онъ отъ столика, на которомъ осматривалъ разныя вещицы, къ кресламъ, гдѣ развертывалъ съ наслажденіемъ разныя принадлежности туалета Вѣры.

— Мило то какъ все, Господи ты мой милостивый! Точно сама она, какъ есть игрушечка! Передъ Богомъ, такъ. Кушачекъ то, кушачекъ то! любовался онъ, на мой кулакъ не застегивается! Манишечка то, кралечка какая, съ бантикомъ съ какимъ! Накупимъ же мы это съ вами, Вѣра Петровна, голубчикъ мой, бантиковъ такихъ разныхъ, перышковъ, шляпочекъ-съ! И зажи-

вемъ же мы съ вами, передъ Богомъ, на славу и припѣваючи!

Онъ подпрыгнулъ легко, какъ резиновый мячъ, къ ея рукѣ; но Вѣра отняла ее, и, въ утомленіи, прижала ко лбу.

— Что, головка разболѣлась? птенчикъ мой прекрасный, жалѣлъ ее Платонъ Ивановичъ: не выходили бы къ столу, чтобы пуще себя не разстроить. А я, послѣ обѣда, сюда пришелъ бы къ вамъ, посидѣть, повеселить васъ. Да? такъ, моя радость?

— Нѣтъ, я встану. Нужно похозяйничать предъ обѣдомъ, сказала Вѣра, употребивъ еще усиліе надъ ослабѣвшею головою своею. Я одѣнусь и выйду, прибавила она.

Платонъ Ивановичъ собрался уходить, но на разставаніи опять схватилъ руку Вѣры, и принялся ее цѣловать, громко чмокая.

Когда онъ наконецъ ушелъ, Вѣра позвонила горничную и съ трудомъ одѣлась.

По появленіи ея въ залѣ, Алексѣй Владиміровичъ, съ мастерскими антрша, завертѣлся вокругъ сестры, поздравляя ее, подшучивая, соединяя ея руку съ рукою Платона Ивановича. Дядя и тетка ее нѣжно поцѣловали.

Тетка, улучивъ минуту, когда Вѣра приготовила саладъ, отвела ее въ сторону.

— Ma chère petite, сказала она ей съ чувствомъ, я въ душѣ благодарю Создателя, что такъ неожиданно попадается человѣкъ, вполнѣ тебя достойный! Онъ не такъ образованъ, это правда, какъ нашъ милый Жано (такъ голубила она постоянно неоцѣненнаго для нея

Ивана Павловича), но душа у него золотая. Я къ Машенькѣ и Jean послала уже записочку, съ извѣщеніемъ о нашей общей радости. Ты на столько разумна, я вижу, что будешь вполнѣ счастлива съ Платономъ Ивановичемъ. Я искренно благодарю моего Создателя за то, что Онъ мнѣ даруетъ милость заступить для тебя покойницу Елену, и уже конечно выдамъ тебя какъ родную дочь. Владиміръ Романовичъ за тобою, деньгами дастъ, а я съ завтрашняго дня отправлюсь закупать для тебя точно такое же приданое, какое мы дѣлали Машенькѣ. Ты что то блѣдна, взволнована, моя бѣдненькая! Успокойся: повѣрь мнѣ, будетъ хорошо; иначе я и не взяла бы на себя устроивать это дѣло. Repose-toi entièrement sur moi. (Положись на меня вполнѣ).

Вѣра молча поцѣловала тетку, которая притянула ее къ своей груди.

Платонъ Ивановичъ подлетѣлъ, „позавидовалъ“ поцѣлую, который засталъ, и тріумфально повелъ Вѣру къ столу.

Обѣдъ прошелъ еще шумнѣе вчерашняго. Въ срединѣ его явился Иванъ Павловичъ; за нимъ внесли корзинку великолѣпныхъ фруктовъ, и букетъ цвѣтовъ очутился передъ приборомъ Вѣры. Шампанское полилось. Вѣра выпила бокала три. Голова у нея была тяжела, какъ свинецъ; щеки разгорѣлись; она громко хохотала надъ остротами и каламбурами, какіе отпускалъ Платонъ Ивановичъ, сидѣвшій съ нею рядомъ.

Послѣ кофе, сейчасъ всѣ собрались къ Машѣ. Она послала уже за Сонею и за братомъ Николаемъ, сообщилъ Вѣрѣ Иванъ Павловичъ.

Маленькій кружокъ родныхъ собрался въ ея спальнѣ,

перегороженной пополамъ. Иванъ Павловичъ, тетушка и дядя тутъ же сѣли за карты. Около кушетки Маши размѣстились: женихъ съ невѣстою, Алексѣй, Ольга, Нелли, Николай, Соня и братъ Ивана Павловича, Викторъ, только что выпущенный правовѣдъ.

Душою этого кружка сталъ Платонъ Ивановичъ; онъ овладѣлъ колодою картъ, и началъ показывать разные кунштюки, дѣйствительно мастерскіе, и доказывавшіе, что не мало досужнаго времени было имъ потрачено на изученіе ихъ: карта, о которой задумывала Вѣра, выскакивала сама изъ колоды, каждый разъ именно та, какая была замѣчена! Монетка, положенная подъ платокъ, оказывалась вдругъ въ углу дивана... Платонъ Ивановичъ торжествовалъ.

Отъ карточныхъ фокусовъ перешли къ загадкамъ.

— А вотъ, разрѣшите, когда будочникъ бываетъ цвѣткомъ? вопросилъ Платонъ Ивановичъ.

Но какъ на этотъ мудреный вопросъ отвѣчать было чрезвычайно трудно, то Платонъ Ивановичъ помогъ самъ.

— Когда онъ не за будкою! Ха! ха! ха! не разгадали бы? А кажется, вѣдь очень просто. Ну, вотъ еще скажите: какіе бываютъ камни на днѣ морскомъ?

— Разные! сказала Соня.

— Оно такъ. Да какіе именно, все таки? А вѣдь тоже очень не трудно: всѣ мокрые! Ха! ха! ха! Вѣра Петровна, не правда ли, замысловато?

Вѣра хохотала до слезъ.

Видя, что это ее такъ занимаетъ, Платонъ Ивановичъ продолжалъ:

— Рѣшите-ка вы теперь, какое сходство между женщиною и кошкою?

Всѣ опять задумались. Правовѣдъ шепнулъ что то Алексѣю. Тотъ разразился восклицаніями:

— Да, да! Charmant!

— Скажи Алексѣй, просила Вѣра.

— Нѣтъ, нельзя, нецензурно.

— Ну, Платонъ Ивановичъ, мы не отгадываемъ; откройте тайну.

Платонъ Ивановичъ, однакожъ, прежде чѣмъ открыть ее, посовѣтовался шопотомъ съ Алексѣемъ.

Онъ опять засмѣялся и разрѣшилъ:

— Ничего, можно. Викторъ славно сказалъ; ну, да и это хорошо! Какъ вы ни умны, mesdames, а ни за что бы этой штуки не выдумали! рѣшилъ le charmant.

— Да ну, говорите скорѣе! послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Сходство въ томъ, произнесъ Платонъ Ивановичъ, что какъ женщина, такъ и кошка, въ банѣ на полкѣ, могутъ { окатиться. / окотиться.

Взрыву смѣха, раздавшагося у стола, вторили и изъ за картъ. Иванъ Павловичъ, среди раскатовъ хохота, басилъ:

— Хорошо! молодецъ Платонъ! вѣдь это онъ, клянусь честью, все самъ сочиняетъ.

— Нѣтъ, это все произведенія глубокой арміи! сказалъ Николай.

За такими удачными попытками творчества, слѣдовали другія.

— Какое сходство, напримѣръ, между женщиною и каретою?

— И та и другая притворяются и ломаются (не при васъ будь сказано), извинился Платонъ Ивановичъ. Ну, вотъ еще:

Я воду пропускаю,
Муку я очищаю,
Отъ липы я взято
Мнѣ имя — — —?

— Рѣшето! крикнула Нелли.

— Mon premier est un métal précieux,
Mon second est un habitant des cieux,
Et mon tout—un fruit délicieux, *)

задалъ Алексѣй.

Вѣра, въ видѣ отвѣта, кинула въ него апельсиномъ, который Николай подхватилъ на лету.

Платонъ Ивановичъ сдѣлалъ видъ, что понялъ, хотя по французски отъ кадетскаго курса удержалъ лишь нѣсколько тирадъ изъ вокабуловъ.

Николай пытливо и тревожно всматривался въ Вѣру: глаза ея блестѣли не нормально; смѣхъ былъ натянутый.

Машу весь этотъ хохотъ утомилъ до крайности, и Вѣра предложила маленькому обществу перейти въ залу, гдѣ велѣла готовить чай.

И тутъ Платонъ Ивановичъ не унялся: онъ продолжалъ потѣшать общество разными анекдотами изъ глубокой арміи, сыпалъ конфектами, и не разъ принимался увѣрять свою невѣсту въ томъ, что „передъ Богомъ, такъ, припѣваючи, вся наша жизнь пройдетъ!“

---

*) Мой первый (слогъ) металлъ драгоцѣнный,
Второй — обитатель небесъ,
А цѣлое (слово) прекраснаго вкуса плодъ.

Но полный букетъ своего вдохновенія онъ ей поднесъ лишь за ужиномъ.

Послѣ многочисленныхъ поздравленій, когда былъ уже порядочно на веселѣ, онъ вдругъ заговорилъ съ Вѣрою по польски, увѣряя ее, что можно выпить, ale nie tak jak ten żołnierz: napije się y krzycze: *) Гэ! (онъ при этомъ открылъ цѣлую пасть и издалъ страшный гортанный звукъ). Потомъ продолжалъ спокойно: Kiedy człowiek chce huknuć, to można że pocichutku **) (встаетъ изъ за стола, идетъ къ двери, затворяетъ ее, но тутъ же пріотворяетъ осторожно и немного, и вполголоса произноситъ: гу! Послѣ этого, возвращается снова на мѣсто): — Niech nikt nie widzie, niech nie słysze i zawsze zdrów będzie! ***)

Не умолкъ еще хохотъ, возбужденный этимъ представленіемъ въ лицахъ, какъ Платонъ Ивановичъ стоялъ уже съ бокаломъ въ рукѣ предъ своею невѣстою, и привѣтствовалъ ее произведеніемъ армейской музы:

— Вѣра Петровна!

Вы замундштучили меня,
И полнымъ вьюкомъ осѣдлали.

— Ха! ха! ха! браво! браво! прервали его. Нѣтъ, не такъ: надо спѣть, кричалъ Иванъ Павловичъ, ты вѣдь музыкантъ, Платонъ, я помню — въ пѣвчихъ у насъ былъ! Кузина Ольга, подберите-ка къ этимъ словамъ какой нибудь нетрудный голосъ. Ахъ, ты, милый чело-

---

*) Но не такъ какъ тотъ солдатъ: напьется и кричитъ: «Гэ!»

**) Когда человѣкъ хочетъ гукнуть, то можно же потихутку.

***) Такъ никто не видитъ, никто не слышитъ, и всегда будешь здоровъ.

вѣкъ! Ну ка, спой, для поддержанія, чортъ возьми, мундира!

Иванъ Павловичъ, увлекаясь другомъ, изъ бонтоннаго самъ дѣлался армейцемъ.

Перепробовавъ нѣсколько темповъ и напѣвовъ, Ольга подобрала слова армейскаго стихотворенія на голосъ пѣсни: Свѣча, чуть теплясь, догорала. Платонъ Бубновъ запѣлъ порядочно пьяненькимъ теноромъ:

Вы замундштучили меня,
И полнымъ вьюкомъ осѣдлали.
И, какъ ремонтнаго коня,
Меня къ себѣ на корду взяли.

Когда впервые на меня
Вы такъ привѣтливо взглянули,—
Вы будто дали шенкеля
И сердце шпорой мнѣ кольнули.

Съ тѣхъ поръ вашъ образъ дорогой,—
Въ конюшнѣ-ль я, иль на уборкѣ —
Я всюду вижу предъ собой,
И на тузѣ и на шестеркѣ...

. . . . . .

. . . . . .

Примите же исповѣдь мою:
Я вамъ по службѣ рапортую,
(Дѣлаетъ подъ козырекъ)
Что васъ я болѣе люблю,
Чѣмъ пуншъ и лошадь верховую.
(Падаетъ предъ Вѣрою на одно колѣно).

Пока въ залѣ стономъ стояли восторги и поздравленія, Вѣра, дичась, сторонясь, оглядывалась, къ кому бы отойти, гдѣ бы спрятаться, куда бы прижаться; но ни Маши, ни N. тутъ не было... Она хваталась за голову: ей казалось, что до сумасшествія ея всего одинъ шагъ.

Не опомнясь еще отъ всего слышаннаго, по возвращеніи домой, Вѣра заснула глубокимъ сномъ.

Ночью бредъ снова смѣшался съ дѣйствительностью, и она вскочила въ ужасѣ отъ привидѣвшагося ей, что N. съ Платономъ Ивановичемъ привязываютъ ее, какъ Мазепу, на бѣшенаго коня, котораго хотятъ угнать въ степь, и она долго не могла придти въ себя отъ испуга.

На слѣдующее же утро, припоминая все какъ въ туманѣ, она съ горечью спросила себя:

— Что же это я дѣлаю? я, кажется, слово дала? Замундштучила!.. Весь вѣкъ-то свой я буду съ нимъ потихутку гукать, да сходства разныя отгадывать? А можетъ и сама, наконецъ, на потѣху глубокой арміи, примусь загадки сочинять?...

Но, повернувшись, она увидѣла нѣсколько книгъ еще не прибранныхъ философовъ, и съ такимъ тяжелымъ чувствомъ отвела отъ этихъ книгъ глаза, что обрадовалась возможности отдохнуть отъ нихъ мысленно, при внезапномъ появленіи тетушки, вставшей, противъ обыкновенія, до чая, и вбѣжавшей съ восклицаніями:

— Plus vite, plus vite, ma chère! я уже велѣла закладывать: ѣдемъ сейчасъ же къ Аннетѣ, къ Дюбуа, и во множество другихъ мѣстъ!

Въ рукѣ у нея былъ длинный списокъ всего, что предполагалось закупить, и она, присѣвъ, пока Вѣрѣ чесали голову, принялась ласково обсуждать съ Вѣрою цвѣтъ визитнаго платья, капота du lendemain, и т. д.

Вѣра отвѣчала, что она объ этомъ ничего не знаетъ.

— Ну, тѣмъ лучше! сказала тетушка. Я переговорю о нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ съ Батильдою. А теперь прежде всего поѣдемъ на счетъ столоваго бѣлья,

полотнянаго и всего, что нужно сейчасъ же заказать шить и мѣтить.

Вѣра одѣлась, кончила разливаніе чая, и отправилась съ тетушкою. Проходя чрезъ большую залу, она какъ будто что-то увидѣла: у самой этой двери стоялъ также лакей съ шубкою, когда провожали ее грустные глаза въ тотъ день, который она назвала эпохою... И бѣлая голова N. какъ будто мелькнула сзади... Но она поскорѣе отвернулась, какъ будто въ самомъ дѣлѣ могла встрѣтить ее справа или слѣва.

Все утро она проѣздила: тетушка покупала и заказывала; съ Вѣры снимали мѣрки; заготовили уже въ одно это утро множество обновъ; заѣхали къ Машѣ, отдохнуть и напиться кофе; потомъ опять поѣхали въ другую сторону, и Вѣра обрадовалась, когда наконецъ тетушка, измученная, но чрезвычайно веселая, крикнула: домой! пока лакей укладывалъ въ карету послѣдніе свертки и картоны.

Такихъ утръ у Вѣры было не одно, а цѣлыхъ пять; такихъ вечеровъ съ женихомъ, какой мы описали выше, прошло также пять съ незначительными видоизмѣненіями. Вѣру такъ затормошили, столько въ это послѣднее время было выѣздовъ, суеты и пріемовъ, что ей ни разу не удалось поговорить ни съ Машею, ни съ Николаемъ, не только подумать минуту сама съ собою, со времени своей помолвки.

Октябрь былъ въ концѣ. Платонъ Ивановичъ нетерпѣливо желалъ, чтобы поскорѣе назначили день свадьбы, и тетушка назначила, черезъ нѣсколько дней въ слѣдующее воскресенье.

Женихомъ всѣ вообще были очень довольны, болѣе

потому, что милый Жано любилъ его какъ брата. Одинъ разъ только Вѣра слышала, подходя къ спальнѣ, проститься на ночь съ дядею и теткою, какъ Владиміръ Романовичъ сказалъ про кого-то женѣ:

— Il est commun.

— Но дѣвочка умна и, при случаѣ, подѣлится съ нимъ тактомъ, разсудила тетушка.

Вѣра догадалась о комъ шла рѣчь, но махнула рукою еще разъ: на все, что ея касалось, она махнула рукою. — „Не все ли мнѣ равно?“ говорила она.

Николай уѣхалъ за два дня до свадьбы; онъ не могъ долѣе медлить по требованіямъ службы.

— Я увѣренъ, сестра, сказалъ онъ ей прощаясь, что ты сладишь съ собою въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ; но знай, на всякій случай, что у меня есть всегда уголокъ, который будетъ ждать тебя.

Оставшись одна въ тотъ вечеръ, Вѣра задумалась и надъ положеніемъ своимъ, и надъ словами брата. Въ первый разъ тогда ея мысль остановилась на женихѣ; до сихъ поръ съ нею происходило что-то безсознательное, какъ бы вовсе ея не касающееся. Она порою чувствовала, что когда Бубновъ говоритъ, то это дѣйствуетъ на нее такъ, какъ будто скребутъ грифелемъ по аспидной доскѣ, но вокругъ нея почти всѣ скребли грифелемъ, исключая одного, котораго не стало, и она къ непріятности этого ощущенія успѣла притерпѣться. Въ первый день помолвки, она съ горечью рѣшила: „Ничего! за одно уже, разомъ въ омутъ головою!“ И съ тѣхъ поръ жила подъ этимъ впечатлѣніемъ. Но въ тотъ вечеръ, когда проводивши брата, взглянула собственно на Бубнова, она увидѣла въ немъ личность,

вооружавшуюся противъ нея неограниченными правами, и представилась ей цѣлая жизнь—жизнь, можетъ быть, долгая, — постояннаго страданія отъ близости къ такому человѣку, съ какимъ ей сблизиться нѣтъ между тѣмъ никакой возможности.

„Зачѣмъ же это дѣлать? думала она. Нѣтъ въ томъ и никакой необходимости. Но какъ же поступить теперь? Я вѣдь ему слово дала. Что это была за глупость! Какая-то минута инерціи была... какое то скверное, почти пассивное, состояніе... точно временное затмѣніе ума!“

Она съ ужасомъ вспомнила, что завтра уже пятница, а въ воскресенье ее и повѣнчаютъ.

— Да, но до воскресенья еще два дня: я ему просто скажу, что не хочу, не могу, и не пойду за него. А какъ же, онъ спроситъ, недѣлю тому назадъ, вы обѣщали? Обѣщали, да и надули? Охъ, какъ гадко! Ну, чтоже? неужели дать себя живую закапывать?..

Она знала, что на сторонѣ этого отказа Бубнову никто не будетъ, и, въ тяжеломъ раздумьѣ, рѣшилась однакожъ идти, хотя бы всѣмъ, наперекоръ.

На слѣдующій день, за часъ до обѣда, женихъ пріѣхалъ съ кольцами, на которыхъ уже были вырѣзаны заглавныя буквы именъ, число и годъ предполагавшагося событія. Сіяя и лоснясь отъ счастія, онъ надѣлъ невѣстѣ на одинъ изъ пальцевъ обручальное кольцо.

Вѣра живо сняла его, посмотрѣла внутри и удивилась.

— Зачѣмъ же вырѣзали В. М.? спросила она,—развѣ это мое имя?

— А какъ же? Вѣдь это фамилія и роднаго вашего брата!

— Да, но онъ Дмитріевичъ, а я Петровна. Мы стало быть не совсѣмъ родные братъ и сестра. Дѣйствительно, мы родные только по матери, у меня былъ другой отецъ. „Неужели же ему тетя или дядя не сказали ничего объ этомъ обстоятельствѣ?“ подумала Вѣра, „зачѣмъ они мнѣ предоставили это объясненіе?“

— А какъ же ваша фамилія? спросилъ Платонъ Ивановичъ.

— Моя? да у меня ея нѣтъ... т. е. нѣтъ, дали какую то; да развѣ вы не знаете?.. вамъ еще не говорили?

— Ничего я не знаю. Въ первый разъ слышу! Что такое? въ чемъ дѣло? я, кажется, имѣю нѣкоторое право знать, спросилъ женихъ, видимо встревожившись.

Глаза его широко раскрылись, и Вѣра видѣла, что онъ блѣднѣлъ. Сердце у нея застучало; злость начала ее схватывать; но она отвѣчала, повидимому, спокойно:

— У меня нѣтъ фамиліи никакой: моя мать не была вѣнчана съ тѣмъ, кто былъ моимъ отцомъ, и я числюсь подкидышемъ къ селу Гороховка, имѣнію жены маіора, Елены Петровны М—ой, родной сестры тетушки Катерины Петровны.

Платонъ Ивановичъ позеленѣлъ; молча принялся онъ крутить длинные усы свои, стоя молодцовато передъ Вѣрою, пристукивая ногою, и пристально смотря на невѣсту изъ подъ нахмуренныхъ бровей. Она сидѣла съ кольцомъ въ поднятой рукѣ, и насмѣшливо смотрѣла на это разстроенное лицо.

— А вамъ развѣ такъ нравится фамилія, которую вы считали моею? Все равно, я черезъ день перестала бы ее носить, подтрунивала она.

Молчаніе съ его стороны длилось; такъ оно длилось, что въ Вѣрѣ кровь закипѣла отъ злобы.

— Да, разумѣется... наконецъ проговорилъ Платонъ Ивановичъ... Но, какъ же, скажите, пожалуйста: у васъ стало быть, и наслѣдственнаго ничего нѣтъ? Мнѣ, собственно говоря, ничего и не нужно: я, какъ передъ Богомъ, человѣкъ безсребренникъ, можно сказать. А я такъ, вскользь, какъ то разговорившись, спросилъ у Ивана: какъ, молъ, на счетъ этой то статьи?.. А онъ мнѣ: „будь, братъ, благонадеженъ; родителей у нея нѣтъ, но всѣ статьи тебѣ въ наилучшемъ порядкѣ сдадимъ!“ — Какъ же это я понимать долженъ?

— У меня наслѣдственнаго ровно ничего нѣтъ: ни гроша за душою, отвѣчала Вѣра. Отецъ мой работалъ какъ волъ, для того чтобы платить въ пансіонъ за меня и за Соню; послѣ его смерти, его родные сестры и братья стали за насъ платить. Теперь меня одѣваютъ и содержатъ дядя и тетушка — изъ милости, какъ нищую. У меня ни одной нитки собственной нѣтъ. И приданаго за мною нѣтъ ни копѣйки.

Онъ опять принялся думать...

— Такъ это ставитъ весь вопросъ между нами вверхъ дномъ, сказалъ онъ хмурясь.

— Да, положительно вверхъ дномъ: вы женитесь на нищей, во первыхъ; во вторыхъ, когда у васъ спросятъ на комъ вы женились? Какъ она урожденная? вы знаете какъ это важно. А что вы на это отвѣтите? вы будете поставлены рѣшительно втупикъ. За васъ, между тѣмъ, кто нибудь отвѣтитъ: „на подкидышѣ, на мѣщанкѣ города Гороховца.“ Такъ и въ формуляръ вашъ впишутъ.

— Зачѣмъ же вы отъ меня это скрыли? рѣзко спро-

силъ онъ. Не могу же я не знать всего, что касается моей жены, тѣмъ болѣе такого важнаго обстоятельства...

— Я и не думала скрывать, отвѣчала Вѣра; мнѣ просто въ голову не пришло, чтобы это могло быть для кого либо вопросомъ: я вѣдь отъ этого обстоятельства ни лучше, ни хуже, не правда ли?

— Вы ошибаетесь! возразилъ онъ. Большая разница взять дѣвушку изъ честнаго семейства, или...

— Молчать! Отца моего нѣтъ, г. Бубновъ! онъ вамъ растолковалъ бы, въ чемъ истинная честь, и кто изъ васъ двухъ честный! крикнула Вѣра голосомъ, дрожавшимъ отъ слезъ и обиды.

Она отвернулась къ окну, чтобы не дать ему смотрѣть на ея измученное лицо.

Онъ опять долго молчалъ, соображая.

— Нѣтъ, вы не безпокойте себя, началъ онъ; я обѣщалъ, и уже конечно сдержу слово. Случаи такіе бываютъ и въ именитыхъ семействахъ, но за то...

— Въ наи-именитѣйшихъ семействахъ, на сколько мнѣ извѣстно, бываютъ, прервала она его.

— Ну, да, бываютъ, но чѣмъ нибудь и окупается жертва со стороны жениха... Ну, а между нами... Я, разумѣется, сдержу слово; тѣмъ болѣе, что дѣло зашло далеко, огласилось... Я поистратился... Но я обѣщалъ вамъ свое имя, и, какъ передъ Богомъ, дамъ его...

— А вы думаете, я приму? дрожалъ отвѣтъ. Нѣтъ покорнѣйше васъ благодарю за милость, Платонъ Ивановичъ! Жертвы съ вашей стороны, согласитесь, я не могу принять. Ваше сватовство я конечно сохраню въ памяти, какъ образчикъ сватовства изъ глубокой арміи,

и случай этотъ послужитъ мнѣ хоть на то, чтобы лучше распознаваать людей... .

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ? Еще вы же сердитесь, кажется? какое вы на это имѣете право? Я кругомъ обманутъ, и, какъ передъ Богомъ, хочу не помнить зла, поправить ваши обстоятельства, а вы... Ну, согласитесь сами, долженъ я былъ, или не долженъ, все знать заранѣе? продолжалъ онъ. Какая же невѣста скрываетъ, что бы то ни было, отъ будущаго мужа? Это стыдъ и страмъ! Это такъ не водится! Вы вотъ это обстоятельство скрыли, а мнѣ думается, что вы и еще, какъ передъ Богомъ, что нибудь отъ меня въ тайнѣ держите. Вы уже говорите, выкладывайте все за разъ: можетъ, еще есть въ чемъ признаться? спрашивалъ онъ сердито и нахально.

Вмѣсто отвѣта, Вѣра швырнула въ него обручальнымъ своимъ кольцомъ. Оно отскочило, покатилось: Платонъ Ивановичъ послѣдилъ за нимъ глазами.

— Это вашъ отвѣтъ? Учтиво! захохоталъ онъ, догоняя кольцо.

— Вонъ! сказала Вѣра, съ трудомъ переводя духъ.

Онъ ушелъ. Она кинулась къ себѣ въ комнату, выхватила дипломъ изъ стола, — какъ будто еще не видала его — начала читать и смотрѣть: правда ли все то, что она сейчасъ сама же говорила, отчего такъ остолбенѣлъ и измѣнился человѣкъ, еще наканунѣ казавшійся преданнымъ ей и влюбленнымъ! Все это была правда! правда! Дипломъ былъ выданъ „дѣвицѣ, изъ мѣщанъ, неизвѣстныхъ родителей, такой то...“ Фамилію эту чужую она должна была носить, такъ какъ она была прописана въ офиціальномъ документѣ, принадлежав-

шемъ Вѣрѣ. Въ документѣ этомъ объ имени Павла Ѳедоровича и не упоминается, какъ будто существованіе его въ жизни дочери было не фактомъ, а чѣмъ то такимъ, о чемъ ей когда то, гдѣ то, во снѣ привидѣлось...

— Ну, да... Онъ вѣдь говорилъ, когда ждали мужа мамы... Безъ рода, безъ племени я... говорилъ также, что слѣдуетъ стать выше всѣхъ... О, Павелъ Ѳедоровичъ! вскрикнула она, съ упрекомъ и въ отчаяніи. Но, въ ту же минуту, заглушила въ себѣ этотъ болѣзненный крикъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! виноватъ ли онъ въ существованіи такихъ Бубновыхъ?... Но стать выше? Какъ же! они все таки васъ притопчутъ, идіоты, придавятъ, уничтожатъ нравственно!... Нѣтъ, послѣдняго то уже они не могутъ сдѣлать!...

Тетка вдругъ влетѣла къ ней, размахнувъ дверь: на Катеринѣ Петровнѣ, какъ говорится, лица не было!

— Тетя! кинулась къ ней Вѣра, инстинктивно ища добраго слова и сочувствія; тетя, отъ Бубнова это вынести! Ужасъ и стыдъ какой!

— Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что скажи, мерзкая ты дѣвчонка, закричала тетушка, какъ ты осмѣлилась ему объ этомъ объявлять?

— Это вышло случайно: онъ вырѣзалъ на кольцѣ фамилію мамы, а я и сказала, что не имѣю на нее права. Онъ не зналъ... Зачѣмъ вы его не предупредили?

— Зачѣмъ? У тебя не спросились какъ поступить? Какова смѣлость! она сама ему объ этомъ докладываетъ! Да стоишь ли ты того только, что насъ съ Вла-

диміромъ Романовичемъ въ краску бросило; мы сгорѣли, когда онъ сказалъ: „Отучить бы Вѣру Петровну въ лицо кидать что ни попало!“ точно тебя никакимъ манерамъ не учили! точно ты три года не живешь въ самомъ порядочномъ обществѣ!... — „Что, что такое?“ — „Она, видите ли, говоритъ, у васъ незаконнорожденная, а отъ меня, который въ ней души не чаялъ, грѣхъ этотъ до послѣдней минуты скрывала!“ Неужели же ты вообразила, глупая дѣвчонка, что если отъ него это скрывали, то ждали, чтобы ты сама ему во всемъ созналась? Неужели ты воображаешь, дрянь ты этакая, что вольна распоряжаться сама собою? Что тебя оставляли за книгою, день и ночь, съ этимъ дохлымъ кащеемъ, пока ты еще экзаменъ не сдавала, такъ ты представила себѣ, что тебѣ и все позволятъ творить, какъ тебѣ вздумается? Мы отъ собственныхъ дѣтей самоуправства, да своеволія не видали, а отъ тебя и подавно не потерпимъ. Какова смѣлость! и каково безстыдство! другая бы сомлѣла при одной мысли о такомъ срамѣ! и заикнуться то не посмѣла бы! а она... Фу! какая мерзость! (тетушка при этомъ плюнула) то есть, и вообразить себѣ я не могла, что она пустится съ нимъ въ объясненія о такой мерзости! и предупреждать не думала, чтобы ты молчала...

— До которыхъ же поръ стали бы его обманывать? спросила Вѣра, стоя предъ теткою съ опущенною, какъ преступница, головою.

— Обманывать никто его и не думалъ. Дерзкая! еще смѣетъ такъ говорить! Все само собою обошлось бы, еслибы ты всего дѣла не испортила. Слушай теперь что мы хотѣли для тебя сдѣлать, и чего ты на-

всегда конечно лишилась, потому что другаго жениха ты уже отъ меня не жди! — Въ самый день твоей свадьбы, въ воскресенье, послѣ обѣденъ, привезли бы къ намъ на домъ изъ церкви книгу съ обыскомъ; глухо было бы сказано, что ты „воспитанница маіорши Елены Петровны М — ой“, росписались бы въ книгѣ и ты, и женихъ, посаженный отецъ и свидѣтели, безъ всякаго объясненія, какъ въ этихъ случаяхъ всегда дѣлается. Тутъ же Jean передалъ бы Платону Ивановичу пять т. р. сер., которые даритъ тебѣ изъ своего капитала Машенька, брилліанты и серебро, которые онъ тебѣ самъ даритъ; тутъ же Владиміръ далъ бы ему документъ въ томъ, что ты, по смерть нашу, получаешь ежегодно по шестисотъ рублей; тутъ же были бы разложены: бархатная шуба, сервисъ, шали твои и всѣ изящныя и цѣнныя вещи, которыя я всѣ до одной сама покупала... ѣздила, хлопотала, устроивала! Неблагодарная! Хотѣли отпустить тебя какъ изъ роднаго дома... Вотъ, что мы предполагали для тебя сдѣлать, и это скверное пятно сошло бы совершенно молча, незамѣтно, неслышно, такъ что онъ и слова не пикнулъ бы. А можетъ быть, въ суматохѣ, и не прочиталъ бы обыска... Теперь же, поди, лови его! А главное—весь городъ знаетъ уже объ этой свадьбѣ! Всѣхъ звали, билеты напечатаны! Господи, переживу ли я такой скандалъ!

Катерина Петровна задохнулась отъ гнѣвныхъ слезъ, и въ изнеможеніи упала на диванчикъ. Вѣра старалась ее, по возможности, успокоить.

— Тетя, сказала она, повѣрьте, что такъ лучше, какъ сдѣлалось! Помилуйте, Бубновъ какой нибудь... Еслибы

вы слышали, какъ онъ сталъ дерзокъ и грубъ, когда увидѣлъ, что его хотятъ обмануть! Онъ смѣетъ спрашивать: не скрываютъ ли за мною еще какого нибудь пятна? Онъ потомъ всю жизнь сталъ бы попрекать, что его надули...

— Ахъ, какая негодница! никакого терпѣнія съ нею не хватаетъ! волновалась тетушка. Это ты что говоришь: Бубновъ какой нибудь? Какъ это твой дерзкій языкъ повернуться смѣетъ, выражаясь такъ о человѣкѣ, котораго я выбрала? Онъ, во первыхъ, не какой нибудь, а подполковникъ Бубновъ; во вторыхъ, человѣкъ съ отличнымъ состояніемъ; въ третьихъ, лучшій другъ и родственникъ нашего Jean, который его отъ души любитъ; въ четвертыхъ, любимъ и уважаемъ въ полку, какъ отецъ родной! Теперь, ты что, посмотримъ: ты — дѣвчонка безъ званія, нищая, подкидышъ чей то! Больше ничего. Что же ты о себѣ думаешь? Что ты тамъ физикъ разныхъ начиталась—много мужу прока отъ этой дребедени! Изъ нея то ты и выучилась достойнымъ людямъ въ лицо чѣмъ попало швырять, да разсказывать какъ твоя мать безпутничала! — Ты у меня вотъ что знай: я сейчасъ пошлю къ Жано—пусть онъ улаживаетъ эту глупость, поправляетъ и замазываетъ ее, какъ знаетъ: я слышать не хочу, я представить себѣ не могу скандала разрыва и огласки!!! Если же вы не сойдетесь опять, если ты у Платона Ивановича не выпросишь прощенія, я тебя со двора сгоню. Тебѣ сказано: дѣлай какъ хочешь!

Катерина Петровна ушла, хлопнувъ дверью, въ сильнѣйшемъ раздраженіи.

— Я завтра же къ Николаю поѣду! придумала Вѣра,

схватившись въ отчаяніи за свой портмоне, въ которомъ оказалось десять рублей, изъ денегъ редакціи отъ послѣдняго мѣсяца. Она вдругъ ожила: какъ будто кто то подшепнулъ Платону Ивановичу о такой счастливой для Вѣры развязкѣ! Такъ опуститься нравственно, махнуть на себя рукою до такой степени, чтобы стать женою Бубнова преставлялось ей теперь такимъ позорнымъ дѣломъ, что она сравнительно радовалась незаконнорожденности, которая ее спасала.

— Какъ бы у нихъ дѣло опять ни ладилось, я, не говоря никому ни слова, уѣду завтра же на желѣзную дорогу... оставлю тетушкѣ письмо, съ выраженіемъ благодарности и т. п., рѣшила она.

За обѣдъ тетушка не вышла: нервы у нея разстроились, голова разболѣлась, и она легла въ постель окружившись флаконами, горничными, подушками.

Вѣра пришла къ столу, какъ опозоренная. Дядя отъ нея отвернулся. Алексѣй хихикнулъ, и показалъ ей носъ.

— Сорвалось! подтрунилъ онъ злобно надъ кѣмъ то,—вѣроятно надъ родителями.

Часовъ въ семь пріѣхалъ Иванъ Павловичъ, и сухо прошелъ мимо Вѣры, прямо въ спальню тещи, гдѣ пробылъ съ часъ. И дядя тамъ былъ на конференціи, и Алексѣй Владиміровичъ.

Вѣра заперлась въ своей комнаткѣ, подтопила печь и принялась выгребать изъ стола своего, предавая сожженію всевозможныя статьи, выписки изъ философовъ, письма N., все, все, безъ жалости. Нѣсколько книгъ, немного бѣлья, положила она въ мѣшокъ, взяла два платья, подаренныя отцомъ при послѣднемъ свиданіи... Она брала съ собою пансіонское, т. е. то, что

дѣлалось еще на деньги Павла Ѳедоровича, или его братьевъ, оставляла же все чужое, или теткино.

— Хоть и старенькое, но это мое, думала она. Пока они тамъ совѣщаются, я готова въ путь...

Потертый портфельчикъ Павла Ѳедоровича, съ своими дѣтскими тетрадками, она уложила и увязала въ особенности бережно. Едва успѣла она припрятать подъ кровать уложенный мѣшокъ, какъ Иванъ Павловичъ постучался.

— Marie поручила привезти васъ къ ней, сказалъ онъ рѣзко, отрывисто, жестко, холодно... На лицѣ его такъ и напечатано было крупнѣйшими буквами: презрѣніе и негодованіе!

— Если Платонъ Ивановичъ дома, я не желаю его видѣть, отвѣчала Вѣра.

— Не безпокойтесь: онъ вполнѣ раздѣляетъ ваше нежеланіе, отрѣзалъ Иванъ Павловичъ.

— Въ такомъ случаѣ, я поѣду, сказала она. „Поѣду проститься съ Машею“, подумала Вѣра, отправляясь къ ней въ послѣдній разъ.

Въ каретѣ, на пути къ Машѣ, Иванъ Павловичъ спросилъ строгимъ генеральскимъ голосомъ:

— Вы еще долго намѣрены, кузина, висѣть на шеѣ у своихъ родныхъ? Хотя бы изъ чувства деликатности въ отношеніи къ нимъ, вы воздержались отъ такой... pardon—отъ такой безтактной глупости, какую вы сегодня сдѣлали! Если вы всегда будете вмѣшиваться въ дѣла, которыя васъ не касаются, то мы васъ, разумѣется, не пристроимъ. А въ вашемъ положеніи, вы знаете, какъ это необходимо... И мы, по долгу родственному, готовы для васъ были даже на пожертвованія...

Онъ могъ говорить долго: Вѣра молчала, и онъ замолчалъ, отвернувшись сердито къ противоположному окну, до самаго пріѣзда домой. Вѣра была въ состояніи и не то выслушать: она такъ была измучена, начиная съ отъѣзда N. и кончая всѣмъ, что такъ быстро послѣдовало одно за другимъ нынѣшнимъ днемъ, и такъ всѣ они были ей противны, что въ ней жила одна лишь преобладающая надъ всѣми мысль — спасенія себя отъ нихъ, т. е., какъ только возможно скораго отъѣзда.

Затворившись съ Машею, она, однакожъ, не могла удержаться отъ слезъ.

— Маша! Маша! говорила она, я рада и возможности выплакать мое горе на свободѣ! Сколько я въ послѣднія пять лѣтъ, и за что, вытерпѣла горя, обидъ и попрековъ? Какъ я только подумаю, Маша, нѣтъ у меня на совѣсти ни одного постыднаго дѣла, а я несу такую тяжесть, какъ будто наказаніе за проступокъ какой! Ненавидѣть мнѣ всѣхъ ихъ хочется: мнѣ было бы легче. А во мнѣ, на бѣду мою, не выгорѣло еще отъ страданія всякое доброе чувство, и я на нихъ какъ на слѣпорожденныхъ, смотрю. Какъ у меня всякая мысль не заморилась отъ этой постылой жизни, которой я не просила, не хотѣла, и не взяла бы конечно, еслибы отъ меня зависѣло? Что мнѣ съ моею мыслью дѣлать? съ этою невыносимою жизнію куда дѣваться? — Маша, вѣдь ты любишь меня, и всегда любила, несмотря на то, что я подкидышъ и къ гороховскимъ мѣщанамъ приписана?

— Люблю, конечно; ты это знаешь. Но о послѣднемъ обстоятельствѣ я узнала недавно, лишь съ годъ назадъ. Передъ отъѣздомъ нашимъ въ Петербургъ, про-

шлою осенью, мы съ maman и съ Александромъ Сергѣевичемъ сидѣли, какъ-то вечеромъ, втроемъ, и рѣчь зашла о тетушкѣ Еленѣ Петровнѣ. И Александръ, и я, слыхали когда-то, въ дѣтствѣ, что она уѣхала, или уѣзжала отъ мужа, но подробностей никакихъ не знали. Въ тотъ же вечеръ, maman разсказала намъ, что лишь братья, Григорій и Николай, отъ законнаго мужа тетеньки, а ты и Соня—родились внѣ брака. Александръ этимъ извѣстіемъ очень смутился. Но не огорчайся, Вѣрочка: тебя всякій оцѣнитъ и полюбитъ, не смотря на такое обстоятельство. Дѣло Бубнова не такъ повели: я съ самаго начала говорила и маменькѣ, и мужу, что ему слѣдуетъ сказать объ этомъ, хоть намекнуть, а скрывать не должно. Они не хотѣли: говорили такъ лучше, какъ мы сдѣлаемъ.

— Маша! это такая гадина, говорила Вѣра, что я безъ ужаса не могу вспомнить о немъ! А тетя еще намѣрена улаживать...

— Нѣтъ. Теперь уже ничего и улаживать не будутъ: мой мужъ заходилъ ко мнѣ передъ тѣмъ, какъ ты вошла, и сказалъ, что они у maman рѣшили. Видишь ли: въ началѣ, когда Бубновъ пріѣхалъ отъ васъ къ обѣду сюда, пріѣхалъ раздраженный конечно, и разсказалъ весь твой разговоръ съ нимъ, кончившійся тѣмъ, что ты въ него пустила кольцомъ,—мой мужъ принялся, было, его уговаривать, хвалить тебя, увѣрять, что ты далеко не нищая, а лишь сама не знала что за тобою даютъ въ приданое... Но Бубновъ возразилъ, что ты въ этомъ разговорѣ выказала себя съ самой дурной стороны, наговорила ему много обиднаго и что жизнь съ тобою, была бы, какъ онъ видитъ теперь, „наказаніемъ бо-

жіимъ.“ Этотъ отвѣтъ мой мужъ и поѣхалъ передать maman послѣ обѣда. Родители мои пуще всего боятся что станутъ говорить, судить и рядить о ихѣ домѣ. И потому положили сдѣлать вотъ что: распустить слухъ, будто maman такъ заболѣла, что доктора сейчасъ же посылаютъ ее за границу, и она ѣдетъ завтра, а свадьба твоя будетъ уже у брата, въ Петербургѣ. Иванъ Павловичъ тотчасъ же, какъ привезъ тебя, поѣхалъ на минуту къ старухѣ Хлюстиной: значитъ, завтра же, вся Москва будетъ объ этомъ знать. Поѣдутъ къ maman съ визитами соболѣзнованія: принимать не будутъ. И maman проведетъ зиму въ Италіи. Стало быть, отъ огласки дѣло, по возможности, ограждено. Но теперь твое дѣло: оно этимъ далеко не кончилось, Вѣрочка! Тебѣ будетъ крайне тяжело дома, даже съ нами, потому что мой мужъ ужасно на тебя сердитъ. Подумай, что ты станешь дѣлать? Куда дѣнешься? И меня скоро повезутъ за границу на зиму. Не хочешь ли, я умиротворю, уговорю моего мужа взять тебя съ нами? Можетъ быть, старика учителя твоего встрѣтили бы. Гдѣ онъ тамъ теперь?

— Я не знаю и адреса. Нѣтъ, Маша, не хочу... Спасибо тебѣ! я поѣду работать, помогать Николаю. Но мой мозгъ такъ усталъ, что мнѣ трудно и представить себѣ, какъ это я сяду за переводъ! Мнѣ хоть дня три не думать бы, еслибы можно было, вздохнуть немножко, собраться съ мыслями. И — негдѣ! Меня не Бубновъ, конечно, разстроиваетъ: меня фактъ уничтожаетъ... Что съ нимъ подѣлаешь?

— Надо тебѣ выдти замужъ; но Вѣра, послушай ты меня, говорила Маша: трудно тебѣ будетъ, но еще

труднѣе замужемъ; сохрани тебя Богъ выходить не по сердцу! Что проку то лежать, да томиться, какъ я вотъ? И себѣ и мужу надоѣла! „Мужъ любитъ пироги горячіе, жену здоровую...“ съ грустью улыбнулась Маша,—я вотъ думала, что пересилю, а отъ нервной лихорадки не отобьешься, вѣрно. На годъ не болѣе моихъ силъ хватитъ... Не губи ты себя! Встрѣтишь... полюбишь... тогда и съ Богомъ!

Плача надъ нею, Вѣра цѣловала ея исхудалыя руки. Никакая Италія не спасетъ бѣдняжку отъ горя жизни, въ которой все сломали!—Воля Божія! говорила Маша, смотря спокойно на раннюю могилу, которую копало для нея это горе.

— Я отдала бы тебѣ деньги, которыя приготовила въ приданое, прибавила Маша, прощаясь съ сестрою, но у меня ихъ мужъ взялъ. Когда понадобятся, пиши: я стану для тебя откладывать.

— Спасибо. Не надо! отвѣчала ей Вѣра. Я, надѣюсь, выработаю!

— Господь съ тобою! перекрестила ее Маша.

На слѣдующее утро, у тетушки укладывались огромные заграничные сундуки съ переплетами. Вѣра, послѣ чая, вошла въ кабинетъ дяди. Тетушка была уже тамъ, во избѣжаніе возни и суматохи, производимыхъ ея горничными при процессѣ укладыванія. Она лежала на диванѣ, не одѣтая, и была, сравнительно, спокойна: милый Жано все устроилъ къ лучшему; но отъ Вѣры, она, разумѣется, отвернулась, когда та подошла къ ней поздороваться.

— Дядя, сказала Вѣра, братъ Николай приглашалъ

меня жить съ нимъ вмѣстѣ, я хочу поѣхать, и, если вы позволите, сегодня же.

— Поѣзжай, разумѣется. Кто же тебя станетъ удерживать? отвѣчалъ онъ. Я тебѣ только скажу, если мой совѣтъ тебѣ годится, что ты думаешь, можетъ быть, и у брата жить по собственному соизволенію, но ты ошибаешься: тебѣ этого никто не позволитъ.

— Я уже говорила тетушкѣ, что объясненіе мое съ Платономъ Ивановичемъ вышло само собою, и, мнѣ кажется, жалѣть объ этомъ нечего, такъ какъ онъ, при этомъ случаѣ, выказалъ все свое нерасположеніе къ браку съ незаконнорожденною...

— А ты полагаешь, что иначе можетъ быть? вскочила вдругъ Катерина Петровна. Каждый истинно порядочный человѣкъ такъ бы и сдѣлалъ. Незаконнорожденная—какая гадость! „Какова мать, таковы и дѣти“, каждый думаетъ... Тотъ, кто женится зазнаемое на такой дѣвушкѣ, тотъ или влюбленъ какъ шальной, или беретъ около милліона приданаго, или имѣетъ другіе какіе нибудь виды. Да вотъ тебѣ, нашъ племянникъ, Александръ Сергѣевичъ, вѣдь уже какъ, кажется, былъ влюбленъ, а не рѣшился...

— Александръ Сергѣевичъ мнѣ нѣсколько разъ предлагалъ свою руку, возразила Вѣра.

— Знаю я. Онъ со мною всегда вполнѣ откровененъ; онъ меня и уважаетъ, и любитъ. Знаю я и ученыя фанаберіи, которыми вы ему отвѣчали. Но Александръ Сергѣевичъ столько же уменъ, сколько богобоязненъ: когда узналъ, онъ не рѣшился жениться! „Дѣти несутъ наказаніе за грѣхи отцовъ до седьмаго поколѣнія“, онъ это знаетъ, — онъ отлично знаетъ Писаніе, — какъ ни

былъ влюбленъ, не рѣшился... Кому же охота брать на себя такое наслѣдственное проклятіе? Чего ему ни стоило уѣхать, онъ переломилъ себя, и уѣхалъ. Вотъ тебѣ и доказательство, какъ избѣгаютъ подобныхъ браковъ!

„А предложенія разныя дѣлать въ маскерадѣ рѣшаются?..“ подумала съ горечью Вѣра.

— Бываютъ случаи и въ порядочныхъ домахъ, продолжала тетушка, но такія доказательства безпутства женщины обыкновенно удаляютъ съ глазъ, чтобы не идти на перекоръ общественной морали.

Вѣра знала, что тетушкѣ стала извѣстна продѣлка Алексѣя, и что она сочла ее невинною шалостью.

— И, ради общественной морали, отвѣчала Вѣра, такія доказательства подальше закидываютъ,—я это тоже видѣла. Но мать мою я никогда не позволю назвать безпутною, хоть ради того, что она не закинула меня съ Сонею, добавила Вѣра спокойно серьознымъ тономъ.

— Finissez! Catherine совсѣмъ разстроена этою сценою, вмѣшался дядя. Поѣзжай въ Петербургъ: опека надъ тобою не совсѣмъ пріятна. Какъ разъ наживешь еще другую скандальную исторію.

— Не позволитъ, слышите? Да и Соня то отъ другаго отца; ты посмотри, похожа ли она на тебя? Какой тонъ возмутительный! противная дѣвчонка! не позволитъ!..

— Прощайте, тетушка, сухо прервала ее Вѣра: я вообще клевету не умѣю выслушивать равнодушно, а когда сестра позоритъ сестру—это еще возмутительнѣе.

— Ты знаешь ли что такое жена? продолжала запальчиво тетушка. Это чистота и вѣрность воплощенныя; она вноситъ миръ и любовь въ домъ мужа; она ставитъ

этотъ домъ на порядочную ногу; чрезъ нее благословеніе Божіе сходитъ на семью. А ты, разбери: кому ты женою можешь быть?

Вѣра усмѣхнулась надъ этимъ краснорѣчіемъ, пока Владиміръ Романовичъ смотрѣлъ на жену свою въ умиленіи.

— А мать твоя чѣмъ была для мужа? продолжала накидываться на нее Катерина Петровна.

Вѣра спѣшила выдти.

Прощаніе, разумѣется, было далеко не трогательное.

— Вотъ и благотвори! прошипѣла ей вслѣдъ Катерина Петровна. Fi! какая мерзость! Ну, да яблочко отъ яблонки не далеко откатится... Это я должна была знать заранѣе.

Вѣра сложила въ одну кучу на столѣ всѣ свертки, закупленныя обновки и подарки Платона Ивановича; вытащила изъ подъ кровати уложенный мѣшокъ свой, сошла съ нимъ внизъ, сѣла на извощика. Это показалось весьма дикимъ швейцару, и ей самой это показалось страннымъ: до сихъ поръ ее всегда отпускали не только въ каретѣ, но не иначе, какъ съ лакеемъ. Берегли... „Les riches se font garder, les pauvres se gardent eux mêmes“ *) вспомнила Вѣра слова Осипа Ивановича, сказанныя имъ, по поводу скандальной исторіи, случившейся годъ тому назадъ въ одной изъ барскихъ каретъ съ сторожевымъ лакеемъ.

Вѣра вздохнула свободно и спокойно, когда очутилась съ мѣшкомъ своимъ одна на тощемъ ванькѣ. Де-

---

*) Богатые заставляютъ себя оберегать, а бѣдные берегутъ себя сами.

негъ у нея было мало; богатые покровители, кидавшіе на нее еще наканунѣ болѣе десяти тысячъ, не освѣдомились даже есть ли у нея хоть что либо на дорогу,—она поѣхала въ третьемъ классѣ. Ни Алексѣй, ни Иванъ Павловичъ не проводили ее. Она съѣздила въ пансіонъ проститься съ Сонею...

„Соня! единственное доказательство существованія села Гороховки въ моей жизни“! подумала Вѣра, когда тронулся поѣздъ, увозившій ее въ Петербургъ.

. . . . . .

Много долгихъ лѣтъ прошло для Вѣры со дня этого отъѣзда. Дѣтскій проэктъ улучшенія быта казенныхъ питомцевъ лежитъ у нея съ тѣхъ поръ въ старенькомъ портфелѣ Павла Ѳедоровича, вмѣстѣ съ завѣтными дѣтскими тетрадками. Въ продолженіе этихъ долгихъ лѣтъ гробики несчастныхъ все сносили, сносили, и все сносятъ еще на кладбища. Несчастные все еще ждутъ своего Мессію. У Вѣры все болитъ и болитъ за нихъ сердце.

На что Вѣрѣ вашей, Павелъ Ѳедоровичъ, такое широкое, такое неугасимое чувство любви къ ближнему, какое вы ей завѣщали не утрачивать? Развѣ лишь на то только, чтобы оно рвало ея грудь зрѣлищемъ страданій, которымъ помочь для нея нѣтъ никакой возможности, которымъ нѣтъ числа и мѣры въ столицѣ великой имперіи? Нищета здѣсь во всѣхъ видахъ—и нагая, и подъ бархатными обрывками, нацѣпленными на ночную красавицу, и подъ личиною выряженной на показъ барышни, голодной съ утра до ночи! какихъ, какихъ личинъ она не носитъ здѣсь! И что за масса безъ вины виноватыхъ... и безвинно падшихъ... и геройски томя-

щихся отъ нужды и холода!... Масса эта считается отребьемъ рода человѣческаго; но вся любовь Вѣры, вся теплота ея сердца, отданы этому отребью.

Бокъ о бокъ съ нимъ—подлый разсчетъ, продажность, роскошь награбленная, возмутительная для честнаго... Николай за грошовое жалованье дослуживаетъ послѣднее легкое, которымъ дышетъ; жена его въ закоптѣлыхъ стѣнахъ, въ одномъ изъ тѣхъ переулковъ, гдѣ, кажется, самый воздухъ протухъ грязными и позорящими человѣка промыслами, жена его согнулась надъ ветхимъ тряпьемъ, которое нужда научила наконецъ перешивать, даже перестирывать на дѣтей, чахнущихъ отъ золотухи и недостатка воздуха. Въ этихъ же стѣнахъ и Вѣра, надъ безконечными листами переводовъ. Долгіе годы сидѣла она день и ночь, скрипя перомъ, спасая отъ нужды медленно умиравшаго брата и его семью.

Вскорѣ по пріѣздѣ ея въ Петербургъ, Осипа Ивановича не стало. Дня за три до его смерти, Вѣра получила отъ него слѣдующую записку:

„Je suis indisposé depuis le jour où j'ai eu l'avantage de vous voir; tout de même je suis très occupé.

Ecrivez toujours comme vous avez commencé. Tout ce que vous ferez, sera charmant. M-r St*** vous demande, pour la censure, d'écrire en russe très brièvement, le contenu de la 2-me partie du roman anglais que vous traduisez. La sagesse censoriale doit connaitre d'avance la fin de l'ouvrage pour en permettre le commencement. Faites lui voir une fin édifiante.

On demande cela pour demain matin.

Devoué de coeur.

S.“ *).

(„Я нездоровъ съ того самого дня, въ который имѣлъ удовольствіе васъ видѣть; тѣмъ не менѣе, я все работаю.

Пишите какъ начали. Все, что вы сдѣлаете, будетъ прекрасно.

Г. Ст*** проситъ васъ изложить для цензуры, по русски, вкратцѣ, содержаніе 2-й части англійскаго романа, который вы переводите. Цензорская мудрость обязана знать заранѣе окончаніе книги для того, чтобы разрѣшить ея начало. Покажите ей конецъ умилительный.

Требуется это къ завтрашнему утру.

Преданный сердцемъ

С.“)

Нѣсколько дней послѣ этого, она его не видала, и вдругъ принесли извѣщеніе о его смерти.

Вѣра оторвалась отъ перевода своего романа, схоронила человѣка, который, каковъ бы ни былъ, но съ самыхъ первыхъ дней знакомства, былъ къ ней добръ и обязателенъ до нельзя, и снова сѣла за заказную работу. Отъ ночной работы этой, жилы ея бьются лихорадочно, мозгъ раздражается, нѣмѣютъ члены. Кругомъ ни звука, ни движенія: лишь умирающій братъ замечется, лишь запищитъ больной ребенокъ.

„Но, по крайней мѣрѣ, спрашиваетъ съ участіемъ читатель, Бубновыхъ то Вѣра уже больше не встрѣчала?“

---

*) Автографъ.

О, читатель! благодарю васъ за участіе: но вопросъ вашъ доказываетъ лишь великое ваше благодушіе, и то, между прочимъ, что вы весьма мало удручали себя чтеніемъ зоологіи и весьма мало знакомы съ состояніемъ фауны въ любезнѣйшемъ нашемъ отечествѣ! Позвольте же передать вамъ объ этомъ предметѣ наидостовѣрнѣйшія свѣдѣнія. Бубновыми наше отечество преизобилуетъ: вы встрѣтите эту особь и подъ покровомъ потѣшающей себя добродѣтели Александра Сергѣевича; и въ изящнѣйшемъ пиджакѣ; и съ бархатнымъ шлейфомъ, строго молящуюся, президентствующую въ богоугодныхъ обществахъ; и въ завитомъ подросточкѣ, подъ полуфрачкомъ отъ Брюно; и подъ всевозможными, болѣе или менѣе видными и выгодными, мундирами.

Бубновы—Александры Сергѣевичи, „столько же умные, сколько и богобоязненные“, мы уже видѣли, какъ безпощадно къ самимъ себѣ переламываютъ и побѣждаютъ страсть, ихъ недостойную.

Изящнѣйшій пиджакъ не зналъ куда дѣваться отъ недоумѣнія, когда его одолѣлъ вопросъ: „Почему, на основаніи какихъ это данныхъ, ему не обнять бы въ коридорѣ une fille sans nom et sans famille *). Онъ не столько даже обижается тѣмъ, что выслушалъ дерзость за это покушеніе, сколько удивленъ, изумленъ искренно! Въ простотѣ сердца и пренаивно спрашиваетъ онъ себя:

— Чего же тутъ обижаться? Еслибы я себѣ это позволилъ съ княжною Тресковою, или m-elle Таракановою — дѣло другое! да мнѣ и на умъ бы не пришло такое оскорбленіе! Mais ça!.. **).

*) Дѣвушку безъ имени и семьи.

**) Но *это* (вмѣсто *она*).

Бархатный хвостъ, которому, изъ уваженія къ его строгой нравственности, не смѣютъ и разсказать, какъ это было въ корридорѣ, а передаютъ глухо лишь то, что Вѣра на любезность отвѣчаетъ грубостью, пожимаетъ плечами и произноситъ презрительно:

— Mon Dieu! elle n'est pas de la société, et n'est ce pas drôle de porter la tête si haut? *).

— Какъ бы то ни было, а хороша; противъ этого нечего сказать! улыбаясь и щуря масляные глазки, сознается козлиная бородка самой чистокровной породы. Зрачекъ съ огонькомъ... ростъ... бюстъ... Charmante, parole d'honneur!

— Такъ, отвѣчаютъ ему кисло, но ничего нѣтъ въ лицѣ пріятнаго, никакой миловидности; выраженіе его холодно и дерзко; скажетъ она вамъ—точно отрѣжетъ. Rien d'avenant! Дѣвушкѣ, въ ея положеніи, слѣдовало быть бы гораздо внимательнѣе и мягче.

— О! возражаетъ голосъ, одинъ изъ тысячи, вы развѣ никогда не видали ее въ кругу дѣтей: какъ мѣняется выраженіе этого лица! какая улыбка тогда на немъ! по цѣлымъ часамъ она въ состояніи говорить съ ними: она тогда какъ будто забываетъ о положеніи этомъ...

Завитой полуфрачекъ, вслушиваясь въ такіе и тому подобные разговоры, смекая, не смотря на младенческія лѣта свои, на какое это положеніе указываютъ въ гостиныхъ, говоря о Вѣрѣ, принимается шпиговать ее при всѣхъ, допытываясь: какой былъ чинъ у ея отца, какъ его звали, и когда получаетъ прямой отвѣтъ, то вдругъ разрѣшается вопросомъ:

---

*) Боже мой! она *внѣ всякаго общества*!.. и не смѣшно ли такъ задирать носъ.

— Mademoiselle, отчего это Дюнуа звали le bâtard d'Orléans?

Не правда ли, читатель? Это все та же бубновская жилка, все та же особь, но лишь рафинированная и отшлифованная: она не поетъ о трефовой шестеркѣ или шенкеляхъ, потому что это неприлично: она или хватаетъ женщину въ темномъ углу, за что ни попало, и какъ бы эта женщина ни держала себя; или хлещетъ тонкими, саркастическими намеками, явно отказывая женщинѣ этой мѣсто въ своей средѣ, выжимая, однакожъ, изъ мозга ея въ свою пользу все то, о чемъ сама и понятія не имѣетъ. Какой же видъ Бубновыхъ вы предпочитаете? Это дѣло вкуса, читатель. Этотъ послѣдній видъ на взглядъ обворожителенъ; въ салонахъ онъ конечно предпочитается первому; видъ этотъ тщательно разводятъ и выводятъ въ холѣ, чтобы, сохрани Богъ, не утратилось ничего изъ особенностей породы. Да какъ же и иначе? Если бы не было такихъ субъектовъ въ нашей фаунѣ, то какъ же мы отличили бы Бубнова отъ не Бубнова? Да и воспитательные дома лишились бы значительнаго ремонта, въ личномъ составѣ своемъ, безъ содѣйствія Бубновыхъ. А можетъ быть и совсѣмъ пришлось бы закрыть ихъ, потому что каждая бѣдная прачка все-таки нашла бы возможность оторвать отъ насущнаго своего хлѣба два-три послѣдніе гроша для того, чтобы воспитать, гдѣ нибудь на сторонѣ, ребенка, связывающаго ей руки при поденной работѣ.

А вотъ позвольте представить вамъ еще образчикъ бубновской породы, въ мундирѣ полицейскаго. Является онъ къ Вѣрѣ и объявляетъ, что по диплому онъ ее прописывать не станетъ, что это дипломъ, а не видъ.

— Какъ же не видъ? спрашиваетъ она; тутъ вѣдь означено все: откуда я родомъ, какого исповѣданія, сколько мнѣ лѣтъ, какого я званія.

— Означено, что вы изъ мѣщанъ: вы, слѣдовательно, обязаны имѣть мѣщанскій паспортъ.

— Нѣтъ; университетскій дипломъ даетъ XIV классъ, такъ значится въ положеніи о преподавателяхъ, и дипломъ этотъ снимаетъ съ меня уплату подати.

— Это касается мужчинъ, а у васъ—какой же XIV классъ? Вы на службѣ не состоите. У васъ патентъ, а не видъ на жительство.

Застаетъ этотъ споръ братъ, Николай Дмитріевичъ, суетъ въ руку квартальнаго бумажку, и оказывается, что можно приписать сестру его, какъ жену и дѣтей, на одинъ съ нимъ паспортъ.

Чрезъ нѣсколько дней, однакожъ, является образчикъ № 2, пронюхавшій, что тутъ есть возможность перехватить зелененькую.

— Вашу сестрицу невозможно приписать на вашъ паспортъ, говоритъ онъ Николаю, потому что она вашей фамиліи не носитъ и, можетъ быть, вовсе вамъ не сестра.

— Что же? бѣглая изъ острога, что ли? огрызается Вѣра.

— А я почему знаю? можетъ быть и бѣглая. У васъ никакого вида нѣтъ. Въ острогѣ множество такихъ безпаспортныхъ, да не помнящихъ родства.

Вѣра выноситъ ему свое метрическое свидѣтельство.

— Ну, изъ этого что же видно? Что „подкидышъ, Вѣра, крещена въ 37-мъ году, 7 августа; воспріемникомъ былъ вдовый священникъ Петръ...“ Это тоже развѣ видъ? И это я прописывать не стану.

— Больше у меня никакихъ документовъ нѣтъ, кромѣ этихъ двухъ.

— Я ни тотъ, ни другой принять къ прописке не могу. И обязанъ доложить о васъ его превосходительству.

— Доложите. Я и сама къ нему поѣду.

— Что же, что сами? Онъ и прикажетъ васъ самихъ выслать по этапу на мѣсто родины. А безъ паспорта въ Петербургѣ вамъ никакой градоначальникъ жить не позволитъ.

Вѣра взяла оба свои документа и отправилась съ ними къ „его превосходительству".

Генералъ выслушалъ ея просьбу; онъ при этомъ не позвалъ ни правую руку свою, ни другаго какого либо непремѣннаго члена своей особы; разсмотрѣлъ самъ обѣ бумаги, прочелъ и сказалъ, возвращая ихъ Вѣрѣ.

— Это дѣйствительно не виды: по нимъ прописывать нельзя.

— Но какъ же мнѣ сдѣлать, графъ? отвѣчала Вѣра; я не имѣю возможности достать себѣ какой либо другой видъ

— Отецъ или мать ваши живы? спросилъ графъ.

— Обоихъ нѣтъ.

— Женщина должна имѣть паспортъ или отъ родителей, или отъ мужа. Гдѣ служилъ вашъ отецъ? не можете ли вы получить удостовѣреніе въ вашей личности отъ его бывшаго начальства?

— Онъ служилъ въ Т—вѣ. Но, графъ, я вѣдь не ношу его фамиліи. Начальство его, вѣроятно, и не знаетъ о моемъ существованіи.

— Припишитесь къ гильдіи: вамъ тогда станутъ выдавать ежегодно паспортъ.

— Надо же за это платить, графъ! платить за право жить на свѣтѣ! — а я выработываю на столько, что мы съ братомъ и съ его семьею едва имѣемъ хлѣбъ! съ отчаяніемъ сказала Вѣра.

— Что же мнѣ съ вами дѣлать? отвѣчалъ онъ; я вамъ могу выдать видъ, но на время, а вы между тѣмъ постарайтесь исходатайствовать себѣ изъ вашей губерніи свидѣтельство прочнѣе, чтобы моя полиція не безпокоила васъ.

И приказалъ выдать ей паспортъ на шесть мѣсяцевъ.

Вы можетъ быть поймете, благодушный мой читатель, до какой степени благодарна ему была Вѣра за это шестимѣсячное разрѣшеніе жить, не тревожимою квартальными! Препроводивъ выданный ей видъ куда слѣдуетъ, Вѣра, на всякій случай, написала къ дядѣ Льву, прося его похлопотать у губернатора, не выдастъ ли онъ ей паспортъ? Но надѣялась она на это слабо, такъ какъ у Павла Ѳедоровича, въ послѣднее время его жизни, были съ этимъ губернаторомъ несогласія, вслѣдствіе которыхъ онъ и отданъ былъ подъ судъ. Дѣйствительно, Левъ Ѳедоровичъ прислалъ отвѣтъ такого рода, что „Павелъ В. умеръ холостымъ, а слѣдовательно и бездѣтнымъ. Можетъ быть и остались у него дѣти, но такъ какъ о нихъ въ офиціальныхъ документахъ не явлено, и числиться законными они не могутъ, то губернаторъ о такихъ незаконныхъ дѣлахъ Павла Ѳедоровича на сторонѣ извѣстнымъ быть не въ состояніи, а потому и вида никакого не имѣетъ права выдать“.

Вѣра съ этимъ отвѣтомъ явилась снова къ „его превосходительству“, по истеченіи срока полученнаго отъ него паспорта.

— Я пыталась достать свидѣтельство отъ мѣстнаго губернатора, и вотъ что мнѣ отвѣчали, сказала она.

Графъ опять сжалился надъ этимъ положеніемъ: онъ предписалъ вѣдомству, наблюдающему за благочиніемъ, выдать Вѣрѣ годовой паспортъ, на основаніи двухъ имѣвшихся у нея документовъ.

И стало вѣдомство, наблюдающее за благочиніемъ въ столицѣ, выдавать Вѣрѣ все временные виды на право жить, и каждый разъ съ предписаніемъ: „къ истеченію срока сему свидѣтельству исходатайствовать себѣ, откуда слѣдуетъ, надлежащій документъ“.

Вотъ на этотъ вопросъ, читатель, вы обратили бы свое милостивое вниманіе: не разрѣшите ли, откуда незаконно рожденной дѣвушкѣ взять надлежащій этотъ документъ, какого отъ нея требуется? И какой такой онъ долженъ быть? И законнорожденная женщина, сама по себѣ, не имѣетъ вида, а состоитъ вѣчно подъ опекою или родителей своихъ или мужа. А незаконнорожденная и родителей даже не имѣетъ: отецъ съ матерью не могутъ ей выдать свидѣтельства на право проживанія гдѣ бы то ни было потому уже, что они ей даютъ другую фамилію, и тѣмъ самымъ отрѣзываютъ ее отъ своей семьи. Метрическое свидѣтельство ея и дипломъ, который она получаетъ подъ новымъ своимъ именемъ, какъ мы уже знаемъ, не виды; чтобы имѣть видъ, ей можно приписаться, вы скажете? Да вѣдь даромъ нигдѣ не приписываютъ, ни къ цѣху, ни къ гильдіи. И за право жить на свѣтѣ незаконнорожденной дѣвушкѣ нужно платить деньги, выработываемыя такимъ трудомъ, за который всевозможные Бубновы воздаютъ ей насмѣшками,

обидами, презрѣніемъ, отчужденіемъ, а нерѣдко и недоплатою за выработанное!

О, читатель! къ какой бы категоріи общества ни принадлежали вы, я дѣлаю вамъ честь: указываю, не опасаясь язвительной съ вашей стороны улыбки, на эту блѣдную, несчастную дѣвушку, слоняющуюся по департаментамъ вѣдомства, которое завѣдываетъ благочиніемъ... Она является туда съ документомъ, въ которомъ значится, что она „подкидышъ къ селу Гороховкѣ". Ряды столовъ... ряды головъ, поникшихъ надъ подшитыми бумагами, разсматриваютъ документъ ея... Чиновникъ въ этомъ вѣдомствѣ, взросшій на побояхъ, вскормленный нуждою, рано засѣвшій съ семьею въ трущобу, изъ которой извлекаетъ его на время лишь полуштофъ, купленный на деньги просителя,— еще съ малолѣтства отупѣлъ, одеревенѣлъ; и цѣлые ряды такихъ отупѣлыхъ, не понимающихъ ничего, кромѣ наружной формы бумаги, принимаются разсматривать прошеніе Вѣры и документъ, свидѣтельствующій о происхожденіи ея изъ села Гороховки! Отъ одной головы бумаги ея переходятъ къ другой. Вѣра подвигается медленно, по мѣрѣ того, какъ подвигаются ея бумаги. Съ конца стола переходятъ онѣ на другой столъ, потомъ на третій и т. д. Равнодушные и свинцовые глаза читаютъ Гороновка: х, въ срединѣ слова, написано неясно. Вѣра стоитъ молча, пока къ ней въ карманъ заглядываютъ, нѣтъ ли тамъ полтинника; пока разбираютъ по складамъ заявленіе о фактѣ, что вы, Павелъ Ѳедоровичъ, преступили съ Еленою законъ... пока терзаютъ ее назойливые взгляды и звуки этого чтенія, какъ ножъ, которымъ заживо вскрываютъ ея сердце... Павелъ Ѳедоровичъ не предвидѣлъ для

дочери странствованій по канцеляріямъ и департаментамъ!...

Если же вы, читатель, послѣдуете за Вѣрою, въ одно изъ такихъ путешествій, въ уголъ, откуда наблюдаетъ за столицею это благочиніе, постарайтесь не замѣчать, не разгадывать, что дѣлается въ это время въ ея мысли... Или, подумайте, вспомните: и у васъ нѣтъ ли въ прошломъ Гороховки, куда, по истеченіи многихъ и многотрудныхъ лѣтъ, вы возвращаетесь, и гдѣ, какъ ребенокъ, готовы припасть бы губами къ порогу, къ столу, къ креслу?... прижаться головою къ тому дереву, которое сажала родная рука, выгрести бы собственными пальцами изъ подъ камня истлѣвшій этотъ родной трупъ... высказать ему, не стыдясь минутной слабости, ни сѣдыхъ уже можетъ быть волосъ, все, что нагорѣло у васъ безъ него на осиротѣвшемъ сердцѣ?... И незаконнорожденное, грѣшное дитя, можетъ быть лежитъ тутъ же рядомъ, зачѣмъ надъ нимъ плакать? слава Богу, что вы его схоронили! Вотъ она, ваша Гороховка, — это все что осталось у васъ отъ жизни святаго; всѣ ваши вѣрованія размыкала жизнь, заѣла нищета, загубили Бубновы; одно изъ нихъ лишь всецѣло живо: вы здѣсь лишь помните и правду, и единственную любовь, которую цѣнили.... И о нихъ-то вамъ приходится вести разговоръ съ окаменѣлостями, съ тѣми, взглядъ которыхъ или циниченъ, или тупо равнодушенъ, приходится сознаваться, краснѣть, какъ за проступокъ, задыхаясь отъ желчи и горя!...

Таскать документы, свидѣтельствующіе о существованіи дорогой этой Гороховки, по департаментамъ; выстрадать въ канцеляріяхъ временный видъ на жительство.—это подвигъ, на который Бубновымъ не прихо-

дится тратить нравственныхъ силъ. И они хладнокровно бросаютъ свои камни въ Вѣру. Какъ они ее измучили! Самое ихъ существованіе, безчестное и безсердечное, отравляетъ для нея жизнь и работу. Подъ давленіемъ мысли, что для всѣхъ на свѣтѣ, кромѣ ея, существуетъ любовь, съ отдыхомъ и радостями, которые облегчаютъ трудъ, она живетъ день за день, она уже перестала себя спрашивать справедливо ли это исключеніе ея изъ среды любящихъ и любимыхъ: она принимаетъ это исключеніе какъ фактъ, гнетущій человѣка всею тяжестію сознанія и несомнѣнности, и фактъ неустранимый.

При всемъ гнетѣ этого факта, продолжается для Вѣры неизбѣжная работа переводовъ, ради насущнаго хлѣба. Отъ такой работы человѣкъ тупѣетъ, превращается въ машину, излагающую чужую мысль, въ жерновъ, въ который что ни киньте—все смелетъ. Спасибо и за то еще, когда есть что кинуть въ жерновъ: въ столицѣ великой имперіи голодныхъ столько, что они рады бы рады были превратиться въ машину для переводовъ, но послѣднихъ далеко не про всѣмъ хватаетъ. Потому и плата понижается съ каждымъ почти годомъ: спросъ превышаетъ предложеніе.

Надъ механическою фабрикаціею этихъ переводовъ блекнетъ молодая красота Вѣры. Жизнь ея—безъ цѣли и исхода. Она утратила вѣру во все что называется добромъ и истиною. Сердце выстужено: ни отъ кого не слышитъ она ни слова привѣта. Вѣра дичится, обходитъ каждаго, сторонится, замыкаясь въ себя, обороняясь отъ обиды, избѣгая сближенія.

Отъ нея никто, однакожъ, не слышитъ слова жалобы: условія ея жизни не сравнить конечно съ судьбою всѣхъ

прочихъ закинутыхъ, „безъ вины виноватыхъ.“ — Не дано ли ей образованіе? Не развиты ли въ ней смыслъ жизни и мысль? Да, но мысль то эту и не заморить никакою работою. Въ ней то и бѣдствіе!..

Наконецъ наступаетъ отдыхъ, сравнительно: слышитъ Вѣра мысль, на столько же бѣдствующую... встрѣчаетъ добрую руку... И поблекшую красоту ея, и жизнь, безъ вины оплеванную, и трудъ ея насущный пріютило, пригрѣло теплое сердце.

Да, отдыхъ,—сравнительно: не легко бываетъ, вообще, безъ вины терпѣть.

[illegible]

Всѣ книги и журналы
выписываются черезъ
„СѢВЕРСКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ"
МИХАЙЛОВА [illegible]ГЕРА
въ [illegible]ПОЛЕСКѢ.
Каталогъ высылается безплатно.

1

Цѣна 2 руб.

LIBRARY OF CONGRESS
00023332012